Светлой памяти уже ушедших от нас учителей и друзей-одноклассников посвящаю.

Г.Ф. Соколовский

Вспомнить, пока не поздно!

Не отправленные письма

Давно те діялось.
Ще в школі…
(Т. Г. Шевченко)

И вот уже зовут,
и вот уже зовут
по отчеству.
А в детство заглянуть,
а в детство заглянуть
так хочется!
(Из песни)

Я обращаюсь к вам, мои дорогие друзья-одноклассники – выпускники Цветнянской семилетней школы теперь уже очень далёкого 1952-го года! Вы помните ту весну? Тогда состоялся последний послевоенный выпуск учащихся, которые пришли учиться в первый класс в незабываемом, победном, радостном и одновременно горестном 1945-м году. Последний же выпуск потому, что уже в 1953-м году Цветнянская семилетняя школа будет преобразована в среднюю школу и таковой она является по сей день. К 1945-у году мы вскоре вернёмся, а сейчас приглашаю вас, дорогие друзья, мысленно перенестись на полвека назад и занять свои места на последнем, так сказать, итоговом уроке в 7-ом «а» классе, который ведёт наш классный руководитель, учительница украинского языка и литературы Варвара Александровна Шевченко. Между собой мы называли её просто Варварой. Не знаю, исходя из каких соображений, последний урок Варвара проводила почему-то не в нашей классной комнате, в которой мы проучились два последних года в 6-ом и 7-ом классах. Тот класс был светлым, удобным, в нём три окна, два из них выходили на юго-запад, и в ясные, погожие дни примерно после 11 часов к нам на уроки ласково заглядывало солнышко. По размерам эти два окна были не очень большими. А на северную сторону выходило одно большое окно. Парты, за которыми мы сидели, располагались таким образом, что третье большое окно находилось за нашими спинами. Класс отличался одной особенностью: чтобы в него попасть, необходимо было пройти ещё через одну смежную с нашим классом комнату, своего рода предбанник, «шлюзовую камеру», где тоже шли занятия параллельного 6-го а затем и 7-го «б» класса и в дверь которой следовало постучаться, если кто-нибудь из учеников, скажем, опоздал. Таким образом, учитель в проходном классе не мог начать урок, пока мы все не зайдем в наше классное помещение и наш учитель, войдя к нам, не закроет за собой дверь. Ну а опоздавшему ученику из нашего класса предстояло двойное испытание, - сначала требовалось разрешение просто «отшлюзоваться» в проходном классе и подойти к следующей двери, чтобы затем уже окончательно, постучавшись и получив «добро» нашего учителя, прошмыгнуть на своё место за партой. Если учитель в предыдущем классе проявлял милосердие и выдавал устный пропуск на транзитное передвижение, то можно было смело надеяться, что ты наверняка попадешь на урок в своём классе, потому

что только не уважающий своего оказавшегося в «предбаннике» коллегу учитель мог позволить себе такую корпоративную бестактность. Это было бы неправильно и с методической точки зрения. Таких учителей у нас, слава Богу, не было.

Но возвращаю вас, друзья мои, именно в тот класс, где мы провели с вами последний урок в нашей школе. Правда, нам предстояло ещё сдать выпускные экзамены, но это уже особая категория посещения школы, и она не в счёт.

Нас было 24 ученика, 16 мальчиков и 8 девочек. Две трети на одну треть. Ни больше, ни меньше. Я помню вас всех по фамилиям, именам и отчествам, знаю год рождения каждого из вас, кто где сейчас находится (в некоторых случаях весьма приблизительно). Знаю и места захоронения тех из нас, кого уже нет в живых. Горько сознавать, но увы! Помню, кто с кем, впереди кого и за кем сидел в 6-ом и 7-ом классах.

Мы все крайне возбуждены. Особое настроение охватило и нашу Варвару. И то правда, она выпускала в широко и в тоже время в полном соответствии с эпохой узко распахнутый мир элитный (я не боюсь этого слова) класс. Это сейчас под выпуском следует обязательно подразумевать десятиклассников, все они почти взрослые, многие определили свой дальнейший путь, а для большинства из них этот путь определяют их родители. Родители же провожают их как маленьких на последний звонок, затем, не отходя далеко от школы, встречают, чуть ли не сдают вместо них экзамены, сдают деньги, готовят на время сдачи экзамена вкусный обед, жаль только, что пока ещё, кажется, без вина. Но будет и это. А мы с тогдашним суровым воспитанием думали только об одном - скорее бы стать полезными родителям, обществу, стране, комсомолу, партии, дорогому и любимому вождю товарищу Сталину. Поэтому по уровню затраченных на приобретение знаний усилий, общеобразовательной подготовки, целеустремлённости выпуск в семилетних школах я без зазрения совести отнёс бы к выпуску в нынешних десятилетках. Но это моё особое мнение и я оставляю его при себе. Да и времена теперь другие. Ну и, забегая вперёд, скажу, что наш 7-ой «а» класс я не зря громко назвал элитным. 7 человек из этого класса закончили впоследствии высшие учебные заведения и получили соответствующие дипломы.Двое из них защитили кандидатские диссертации. Кстати, это является рекордом для одного отдельно взятого класса Цветнянской школы. Он остаётся не побитым и на сегодня! Я специально наводил справки и анализировал последующие выпуски. Если, скажем, взять 2 – 3 выпускных класса (теперь уже 10-х) за какой-нибудь год, то, может быть, человек 5 – 6 с высшим образованием и наберутся (о степени кандидатов наук я уж не говорю), но чтобы семеро из одного класса – такого больше не было. Естественно, что поступают в институт отнюдь не после семилетки, и все, кто получил высшее образование, сдавали вступительные экзамены в вузы как минимум в 1955-м году. Но позвольте, тогда я всех вас, мои дорогие друзья, вычту из числа десятых классов и приплюсую к 7-му «а» классу образца 1952-го года. А если бы у нас была тогда школа-десятилетка? Ведь в таком случае мы бы поступали в институты из нашего гипотетического, к сожалению, не существовавшего 10-го «а» класса.

Но всё-таки давайте, дорогие мои, уж закончим наш последний урок и разбредёмся по всей стране, а я ещё не раз возвращусь в наши прошедшие семь лет и, пока не поздно, кое-что вспомню.

На этом уроке присутствовали практически все 24 ученика. По какой причине – я уж не знаю, но собрались мы в том большом, светлом классе, который, если вы помните, расположен прямо напротив входной двери в вестибюль. Лучше сказать, один из тех двух, в которых проводились детские утренники у ёлки под Новый год. Нет, не тот, северный, где мы учились сначала в 1948-м году в третьем, а позже в 1949 – 50-м годах в пятом классе, а тот, который обращён к югу.

Варвара Александровна обращается к нам с очень доброй, растроганной речью. Затем спрашивает каждого из нас, куда мы мечтаем податься. Большинство ответов я уже, конечно, забыл. Помню, я сказал, что хотел бы учиться в техникуме мелиорации сельского хозяйства, что в посёлке Шамовка под Знаменкой. Что такое мелиорация в сельском хозяйстве, я ещё не знал, да и вряд ли мне пришлось бы там учиться, если бы

даже поступил. Мать не смогла бы учить ни меня, ни также закончившую семилетку мою сестру. Не было материальных средств. Никаких. Практически невозможно было также получить соответствующие документы, чтобы можно было вообще куда-нибудь уехать из села. Мы навечно, как рабы принадлежали колхозам имени Сталина и имени Дзержинского Цветнянского сельсовета Елизаветградковского района Кировоградской области. Но тем не менее Варвару я обрадовал, что по крайней мере буду стремиться к дальнейшей учёбе. Помню ответ Алика Бойко. Дорогой Саша! Конечно же, ты уже давным-давно не Алик. Ты Александр Поликарпович Бойко, кандидат химических наук, учёный секретарь Института биоорганической химии и нефтехимии Академии Наук Украины, тебе 62 года, у тебя два сына и пятеро внуков, но все же позволь мне в моих воспоминаниях, относящихся к периоду учёбы в семилетней школе, называть тебя так, как мы все тогда называли – Аликом. Так вот Алик как Варваре ответил, так потом и поступил - он намеревался продолжить учёбу в Выше-Верещацкой средней школе. А вот я хотя так и не говорил, но тоже вопреки желанию поступить в техникум немного проучился в 8-ом классе этой школы из соседнего села. Как у нас говорят: «*провчився від Різдва до колядки*». Но случилось это потом. Кажется, в пользу все той же Высше-Верещацкой школы (соседнее село Высшие Верещаки находится от нас в 3 – 4 километрах) высказались также Володя Гончаренко, Алик (Алексей) Койда, Толя Березовский, Виталий Носенко. Лёня Гречка (к сожалению, ныне покойный) решил работать в родном «сталинском» колхозе трактористом. Юра Хмара тоже не собирался куда-то отрываться от колхоза. Не унывающий, хотя и плохо учившийся Ваня Корж как всегда шутил и, помнится, сказал, что, наконец, займётся завершением романа «Рождённые бурей» вместо несчастного Н. А. Островского. В классе раздался весёлый смех. Затем Варвара достала из какой-то сумки некие предметы и сказала:

-*А зараз я поверну вам ті предмети, які я та інші вчителі відібрали у вас під час навчання. Ви ж, бавлячись ними, заважали нам проводити уроки. Тепер настав час, коли ви знову їх одержите і будете згадувати нас, вчителів, і ваше навчання в школі.*

Кому-то была возвращена книга. Точно уж не могу вспомнить, но, по-моему, это были «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, которые где-то в середине учебного года учительница географии Галина Никитична Синченко конфисковала у нашего большого любителя книг Толи Березовского. Он, ничтоже сумняшеся, читал эту книгу прямо во время пояснения нового материала, что, безусловно, являлось недопустимым и вызывало справедливый гнев, тем более у такой щепетильной учительницы как Галина Никитична. Наш классный руководитель возвращала нам на последнем уроке ручки, ластики, линейки. Хорошо помню, что Юра Хмара получил обратно свой перочинный ножик, которым он именно на уроке Варвары аккуратно отрезал от приличного куска хлеба маленькие-маленькие ломтики и очень изящно одним кончиком ножа отправлял их себе в рот.

Наконец, прозвучали заключительные напутствия и пожелания удачи. Мне трудно, спустя полвека, передать эти слова с абсолютной точностью сейчас, в 2000 году, но их содержание было примерно следующим:

- *Я вам бажаю багато-багато успіхів, щасливих шляхів у вашому подальшому житті, будьте чесними, добрими, справедливими. В якій би я школі не працювала, я ще, напевно, буду класним керівником і у мене будуть інші учні, але саме вас,саме ваш 7 «а» клас я ніколи не забуду.*

На этом последнем уроке Варвара Александровна обращается к нам не так, как это бывало почти всегда – по фамилиям, нет – она называет нас ласково по именам: Маша, Володя, Алик, Гриша, Зина, Паша, Лёня. Последними словами Варвары было пожелание, которое я запомнил более или менее точно:

- *Хай же щастить вам, і не забувайте рідну школу!*

Мы жили и учились в такое суровое время, что наша предстоящая жизнь за воротами школы казалась нам тогда не только заманчивой и радужной, но и очень трудной. В этом никто из нас не сомневался. Не забывайте, друзья мои, что мы, как писала белорусская писательница Светлана Алексиевич, являемся последними живыми

свидетелями войны. Именно наше поколение последним видело собственными глазами и до сих пор помнит ужасы войны, да и послевоенное время нас не баловало. Но вот что интересно, - живя в таких трудных, порой невыносимых условиях, «дети войны» в общем-то прилично учились. Если кто-то и учился откровенно плохо, то это не из-за лени или разгильдяйства, а в силу своих способностей. А какие у нас были учителя!!! Да об одном нашем преподавателе математики и физики Василии Васильевиче Лобаче (ныне покойном) можно было бы исписать сотни страниц, и то рассказ был бы не полным. А Никита Петрович Носенко! Вы помните его уроки географии? Как он интересно связывал темы уроков с жизненными историями, сценами из известных в ту пору кинофильмов, личными воспоминаниями о его работе в качестве агронома до войны и особенно о событиях на фронте, где он воевал танкистом и был тяжело ранен. Но хорошо, мы с вами, мои дорогие друзья, далее дадим более подробную оценку всем нашим дорогим учителям и самим себе, а сейчас давайте выйдем дружной гурьбой за ворота школы и будем готовиться к выпускным экзаменам за седьмой класс и затем уже расстанемся друг с другом на длительные сроки, а кое с кем и навсегда.

* *
*

1-е сентября 1945-го года. Мне вспоминается очень тихое, безоблачное, тёплое и какое-то мягкое утро того далёкого дня. Да и, вообще, осень 45-го выдалась без дождей, запомнился хороший урожай яблок, помидоров и прочих овощей. Моей матери пришлось проявить большую смекалку и изворотливость, чтобы хоть как-то по-людски отправить в школу мою старшую сестру Анну, которая шла уже во второй класс (и то с опозданием – война!), и меня в первый класс. В Церковную школу меня привела за руку Анна. На мне самодельно сшитые матерью без какого-либо фасона брюки из камуфляжной немецкой плащ-палатки. Шелест создавали они невероятный. Ещё я был одет в какую-то рубашку полувоенного покроя и, конечно же, на голове пилотка, да ещё и со звёздочкой. Но всё-таки мой «милитаристский комплект школьной формы» был не полным – в школу я пришёл совершенно босым, благо пока ещё было тепло, а чуть позже мать достала где-то для меня сшитые из старого сукна и ваты деревенские валенки, которые предназначались на женскую ногу. Вот таким полупартизаном, полубандитом явился я в первый класс. Схожие с моей экипировки были у большей половины учеников. Нам бы позавидовал сам Попандопуло из известного кинофильма «Свадьба в Малиновке». На базаре в Высших Верещаках (помните, там по средам собирался великолепный базар) мать купила какой-то карандаш и два или три листа обёрточной, не совсем чистой бумаги, которые и вручила мне перед тем как идти в школу. Ко всему этому могу ещё добавить, что я прежде чем отправиться в школу научился неплохо читать, писать и считать. Поскольку Анна уже училась с 1944-го года в первом классе, и этот класс вела учительница Анна Ивановна Новошицкая, а в 1945-м году она почему-то снова набирала первый класс, то моя сестрица подвела меня прямо к Анне Ивановне и попросила её записать своего братца в набираемый ею класс. Я благодарю судьбу за то, что я попал именно в 1-й «а» класс. Когда, семь лет спустя, в Выше-Верещацкой средней школе я вдруг оказался в 8-ом «б», а не в 8-ом «а» классе, то посчитал это для себя просто оскорблением. Ведь некоторые мои друзья, например, Алик Бойко, Женя Березовский были определены в 8-ой «а», а я в 8-ой «б». Теперь-то я понимаю, чем руководствовалась дирекция Выше-Верещацкой школы, когда распределяла нас по классам. По сути в Высших Верещаках принимались заявления только от лучших выпускников, в частности, Цветнянской семилетки. Так зачем же, спрашивается, загонять всю эту элиту в один класс? Получится перекос! Давайте мы лучше сильными цветнянскими учениками разбавим наше верещацкое «болото». Так нас разлучили. Зато со мной учились в 8-ом «б» мои лучшие друзья Толя Березовский, Вася Ткач, Юра Хмара (совсем недолго), Галя Коцур. Но это тоже произойдёт значительно позже.

Снова возвращаемся к осени 1945-го года. Из-за войны и немецкой оккупации в том году в первый класс следовало направлять засидевшихся детей 1934, 1935, 1936, 1937, 1938 и 1939-го годов рождения. Вавилонское столпотворение! Сейчас даже трудно себе представить, чтобы 11-летний «дылда» появился в первом классе. А тогда таких ребят было очень много.

Анна Ивановна приглашает нас пройти в класс, который находился в Церковной школе, как войти через небольшую, выходящую выступом в сторону церкви пристройку в длинный и узкий корридор, то сразу чуть наискосок направо. В этой школе имелись 4 классные комнаты и учительская, которую мы все почему-то называли канцелярией. Учительская, первая от неё классная комната (это всё справа налево) и последняя пятая комната на левом крыле были светлыми помещениями. В учительскую и смежный с ней класс солнечные лучи попадали в первой половине дня. А крайняя комната слева считалась самой светлой (мы там будем учиться во вторую смену во 2-м классе). В двух средних было попросторнее по сравнению с крайними комнатами, но и очень темно, мрачновато, я бы даже сказал, неприветливо. Вот в одну из них мы и попали, где прозанимались с нашей Анной Ивановной до конца учебного года.

Анна Ивановна, знакомясь с каждым из нас, делает перекличку, справляется кто из нас уже умеет читать, писать и считать, интересуется у кого нет отца (по нынешним временам нелепый вопрос, не правда ли? А тогда, после только что закончившейся страшной войны голос Анны Ивановны звучал вполне естественно:

- *А ну підніміть, дітки, руки, у кого живий батько.*

Жуткая картина, когда среди 30 – 35 учеников вверх поднимаются максимум 10 рук).

Мои дорогие друзья! Я закрываю глаза и вижу ваши детские лица: Юра Близна, Алик Бойко, Володя Гончаренко, Коля Гончаренко, Петя Гончаренко, Лёня Гречка, Рая Евсеенко, Володя Козыренко, Алик Койда, Ваня Корж, Маша Коцур, Маша Павловская, Маша Пасечник, Лида Сухая, Юра Хмара, Володя Цышевский, Зина Шмыголь. Это только те, с которыми я пройду весь путь от первого до седьмого класса. Но я помню и тех, кто пришел вместе со мной в первый класс, но потом в силу разных причин остался на второй год, бросил школу, перешел в параллельный класс и т. д. Итак: Вася Белоус (жил на улице Хмаривка, где-то возле Юры Хмары), Валя Бутримова (её дом стоял на бугре – угол между улицами Комаривка, Бондаривка и спуском на мост), Ваня Дёмин (его отец работал на колхозной маслобойке, а жили они в начале Хмаривки в колхозной хате), Нина Канюка (её брат Саша учился во втором классе), Витя Кабак, Сеня Кабак, Юра Коренной (или Куриний), Оля Крикун (не имевшая ничего общего с Миколой по кличке «Крикун». Это её настоящая фамилия, а отец Оли работал лесником. Мне Олечка запомнилась очень звонким голосом и цветастым платком на голове. Заодно уж добавлю, что, наверно, мало кто в селе знает настоящую фамилию Миколы «Крикуна». А она очень простая: Погребной), Оксана (Оксюта) Лихненко, Павел Лавриненко (у него был знаменитый по нашим меркам дед, который строил сельскую церковь в Цветном, его так и называли – «Столяр», а сын «Столяра» - отец Павла Авраам считался известным местным гармонистом. Жили «столяры» на дальнем хуторе возле хуторянского пруда), Володя Мостовой («Басило» - мы к нему ещё вернёмся), Лида Полишкевич, Ваня Порывай, Толя Порывай, Василина (Васюта) Саенко, Володя Саенко, Петя Рябов (вы его помните? Да? Он слыл у нас как Петро Рябко), Дементий Саенко («Дементия в шею!»), Маша Таргун, Сеня Чернобай. Мне что-то мерещится, что с нами учился в первом классе ещё и Коля Хлевицкий, который проживал на ныне не существующей улице Бабенкивка. Позже он перешел в 1-й «б» класс, где и проучился до выпуска в 1952 году. Возможно, что я кого-то забыл – класс был очень переполнен. Но ничего – даст Бог «по дороге» вспомню.

Меня Анна Ивановна посадила за одну парту с Петей Гончаренко. По внешнему виду мы с ним были абсолютно одинаковы, но потом выяснилось, что он старше меня на 2 года (1935 г. рождения). Учеников такого возраста как Петя было очень много.

О каждом из нас можно было бы вспомнить множество житейских эпизодов как из школьных лет, так из более позднего периода. На всё не хватит у меня бумаги, а у вас,

дорогие друзья, терпения читать. Ну как хотите! Кстати, я пишу, конечно же, не для публикации. Я просто вспоминаю, а если так случится, что эти, с позволения сказать, мемуары прочтёт кто-то из наших потомков, то это неплохо. Любые письменные свидетельства, даже такие доморощенные как мои, всё-таки характеризуют эпоху, которая уйдёт и непременно будет забыта, если ничего не записывать.

Но всё же остановлюсь на двух моих тогдашних одноклассниках более подробно. Вот, например, Юра Куриний. Как-то он подошёл на перемене ко мне и, оглядываясь по сторонам, шепотом сообщил неприятную новость:

- *Подивись увечері на небо. Ото яка маленька зірочка, а якби вона впала на землю, то закрила б собою весь світ, ще й половину Донбасу!*

Донбасс, куда Юра затем с матерью навсегда уедет, казался в ту пору для него другой, загадочной планетой.

Теперь расскажу вам, друзья, о моих наблюдениях за Володей Мостовым. Семья у Мостовых была большая – 5 детей, Володя самый старший. И хотя их отец Дмитрий Мостовой, слава Богу, вернулся с войны целым и невредимым – нищета в семье царила страшная, «голь перекатная». Помните, на Володе висел какой-то пиджак – не пиджак, пальто – не пальто, одним словом, хлястик ниже попы а полы выше колен. А замызган этот «лапсердак» был до такой степени, что на полах и особенно возле карманов он не то чтобы блестел – отливал антрацитом. Бедный Володя казался мне тупым, забитым, неразвитым пацаном. Так это, наверно, и было. К тому же он, видать, очень переживал из-за своей бедности и неопрятности. А говорил каким-то не по его годам басом. Ну дикция такая. А нам не подай, и мы его прозвали «Басило», Володя Басило (Басіла курка насіла). В его речи все глухие согласные сводились к звонкому звуку «Б». В засаленных до неузнаваемости карманах «лапсердака» Володя постоянно носил обрывки серой оберточной бумаги и предлагал её всем взамен на что-нибудь съестное. Помню, он как-то пристал к Володе Цышевскому:

- *Дай бареника, то дам бомаги.*

Но Володин отец работал комбайнером в колхозе и уж на что, на что, а на кусок хлеба да, пожалуй, и на бумагу все-таки зарабатывал. Вареники на бумагу Цышевский менять не стал. Или кто-то, не помню теперь кто, подошёл к Володе Басило с предложением обменять на бумагу старый, очень засохший сухарь. Володя ответил:

- *У бене її й так трохи осталось.*

Когда Володя произносил фразы, у меня создавалось впечатление, что его нос зажат прищепкой для белья – так он сильно им гудел. Басило ежедневно опаздывал как минимум на один, а то и на два урока. Анна Ивановна постепенно к этому привыкла и, не говоря ни слова, разрешала ему занять своё место.

Сейчас не могу вот вспомнить, было ли в 1945-м году четыре 1-х класса или только три: 1-й «а», 1-й «б» и 1-й «в». Занятия шли во всех 4 классных помещениях, но в одном из них мог размещаться и какой-нибудь другой, более старший класс. Между прочим школа располагала и вторыми, и третьими, и четвертыми классами – не все дети ждали окончания войны, чтобы начать учебу. Дело в том, что в более старших классах учились дети, которые уже посещали школу до войны или начали заниматься после освобождения нашего села от фашистских оккупантов со второго учебного полугодия в январе 1944-го года (село Цветное Красная Армия освободила 27 ноября 1943-го года). К тому же я точно знаю, что занятия в школе проводились и при немецком оккупационном режиме, и кое-кто из учителей за это сильно пострадал, ну а дети продолжили учёбу уже в послеоккупационной советской школе. Основной контингент учащихся находился в центральной, так называемой Земской школе. Там же располагалась и главная канцелярия, то бишь учительская. К этому времени директором школы был назначен Григорий Михайлович Коваленко. И своим внешним видом, и внутренней сущностью он полностью олицетворял ту теперь уже от нас далёкую, но не забытую сталинскую эпоху. Как много позже я узнал, во время войны Коваленко служил в одном из отрядов СМЕРШ'а, которые, как известно, формировались Берией на базе отборных войск НКВД по приказу самого Сталина. Чем занимались эти «воины» - теперь мы знаем. Из них состояли специальные

команды по выявлению и ликвидации шпионов, полицаев и предателей Родины в прифронтовых полосах, заградительные отряды, следователи фронтовых карательных органов, доносчики-стукачи в линейных ротах, батальонах и полках, командиры в штрафных воинских формированиях, исполнители смертных приговоров военно-полевых судов или просто вешатели и т. д. Вот из этой среды судьба и Елизаветградковский райОНО делегировали к нам в школу директора. На вид ему можно было тогда дать лет 40 – 45, чуть выше среднего роста, серые, глубоко посаженные, колючие глазки, лицо землистого цвета. Коваленко имел странную привычку – часто шмыгал носом. При очередном подшмыгивании резко поднималась вверх к носу правая часть верхней губы, обнажая правую же половину желтых, прокуренных зубов. Одевался Григорий Михайлович тоже согласно духу времени, - плотно застегнутый на все пуговицы полувоенного фасона китель (как у Сталина – такие кители носили в ту пору практически все партийно-хозяйственные руководители, директора школ и училищ, председатели колхозов и т.д.). Ясно, что к такому кителю как нельзя лучше подходили брюки-галифе синего цвета под сапоги, а иногда директор одевал просто черные или синие брюки под ботинки. Порой он даже, подражая Сталину, держал руку за бортом кителя, предварительно расстегнув одну пуговицу. Директора боялись все – и ученики, и учителя. Наряду с выполнением непосредственных директорских обязанностей Григорий Михайлович ещё преподавал в старших классах историю и Конституцию СССР и УССР, что в общем-то считалось тогда типичным для всех директоров школ.

Как и у большинства учителей у директора имелась кличка, вернее сказать, несколько кличек: «Голуб» (здесь и далее ставшее в данном случае именем собственным существительное «Голуб» употребляется , как это было и в наше время, в полном соответствии с грамматическими нормами украинского языка – без мягкого знака. В противном случае будет утрачен колорит наших воспоминаний). И к детям, и к учителям Коваленко часто обращался с нотками уничижения именно этим словом. Например:

- *Ти куриш, голубе?* или
- *Я тобі покажу, голубе!* и т. п.

Многие называли его «Серко» (глаза серые!). Иногда я слышал от ребят ничем не мотивируемую кличку «Джаш». К личности директора и его кличкам мы будем возвращаться еще не раз, а сейчас, дорогие друзья, давайте вспомним и незабвенного завуча Андрона Марковича Койду – нашего, как говорится, коренного, цветнянского представителя педагогики. Чисто внешне Андрон Маркович являл собой диаметральную противоположность Григория Михайловича. Ростом Андрон не вышел – ниже среднего, но эдакий крепко сбитый кулачек, гриб-боровик. Голубые, жирные, подслеповатые глаза, короткий нос, красные щёки, толстенькая шея и невероятно громкий, прямо-таки ораторский голос (Коваленко говорил не очень громко, но весьма внушительно). Одевался Койда в полном смысле этого слова в партикулярное платье: синий костюм, черные ботинки, белая рубашка, галстук. Но оба «пели» в унисон. Здесь Андрон Маркович был второй половиной директора, его достойным дополнением. При всей своей грозности лично мне завуч представлялся банальным подхалимом. Видимо, эту черту характера тонко чувствовал директор и постоянно ею пользовался для поддержки своих слов и действий. Вот один из примеров, правда, из более позднего периода: Коваленко делает выволочку одному из наших соучеников из параллельного класса, здесь же рядом стоит Андрон Маркович. Директор:

- *Ти ж, Пічкур, викрав тільки що посаджені на шкільній ділянці ялинки. А як утікав, то на грядці загубив сало, яке було загорнуте обкладинкою з зошита, на якій написано: зошит для алгебри Пічкура Петра.*

Разоблаченный Петя Пичкур стоит молча, он уличен, морально уничтожен, ему нечего сказать. Ладно бы только ёлочки. А то еще потерял и проклятое сало, ставшее неопровержимой уликой воровства. А Коваленко продолжает:

- *Ти в мене, голубе, вилетиш зі школи вслід за ялинками. Так же, Андрон Маркович?*

Андрон Маркович спешит согласиться с директором:

- *А вже ж, а вже ж, Григорій Михайлович!*

Я не помню таких случаев, чтобы Андрон когда-либо с ним не согласился. Очевидно, в этом заключался ещё и определённый методический приём. Но это мои более поздние наблюдения.

…1-й «б» класс вела приезжая учительница Вера Тимофеевна. А вот фамилии её я не помню. 1-й «в» достался молодой учительнице из села Весёлый Кут нашего же района Ольге Павловне. Её девичью фамилию я тоже, к сожалению, забыл. Чуть позже она выйдет замуж за нашего физрука Дмитрия Пантелеймоновича (все обращались к нему Дмитрий Пантелеевич) Мостового и станет Ольгой Павловной Мостовой.

Все три учительницы первых классов были очень разными людьми. Анна Ивановна казалась нам старше двух остальных, так оно и было – она, естественно, обладала огромным опытом в деле обучения детей в начальной школе, основное внимание уделяла учебному процессу. Не помню ни одного случая, чтобы Анна Ивановна придумывала какие-нибудь игры на перемене, пела бы с нами песни. Нет, особый педагогический талант нашей первой учительницы заключался именно в неподражаемой методике ведения уроков с первоклассниками. Молодая и ещё не особенно опытная Ольга Павловна держала своих учеников в исключительной строгости, вела беспощадную борьбу с любыми проявлениями нарушения дисциплины. Все мы боялись её так же как директора или завуча. Вера Тимофеевна была весёлой, беззаботной, неугомонной женщиной. Помнится, она организовала хоровое пение после уроков не только для учеников своего класса, но и для всех остальных учеников первых классов. Дружно пели хором с подпеванием Веры Тимофеевны какую-то незатейливую песенку. Полностью воспроизвести её я сейчас уже не смогу, но моя память сохранила такие слова:

Чорнобривий корольок
Край города ходить.
Чорнобривий корольок
Пожалуйте в городок и пр.

Здесь следует сказать, что подобные песенки создавались народным творчеством, и часто украинские слова рифмовались вперемешку с русскими. Лишь бы было, как у нас говорят, «прикладно». А вот ещё одна, более серьёзная и, главное, злободневная в то время песня:

На опушке леса
Старый дуб стоит,
А под этим дубом
Партизан лежит.
Он лежит, не дышит
Он как будто спит.
Золотые кудри
Ветер шевелит.
А над ним старушка
Мать его стоит.
Слёзы проливая,
Сыну говорит:
Я тебя растила,
Но не сберегла.
А теперь могила
Будет здесь твоя.

Обычно после такой песни девочки плакали, а у меня щемило сердце. Нас можно понять – только что закончилась война, слёз и горя хватало на всех, хоть отбавляй. А тут ещё и такая жалобная песня.

Букварей в школе насчитывалось очень мало. Учителям пришлось изрядно поломать головы над тем, как их правильно распределить, чтобы никого не обидеть. Пришли к выводу, что буквари следует распределять «кустовым» способом, т.е. их

должны были получить компактные группы учеников, живущих невдалеке друг от друга, независимо от того, кто в каком классе учится – в 1-м «а», «б» или «в». Скажем, мои соседи Коля Салов, Саша (Соня) Загнибеда и я учились в разных параллельных классах, и нам был выделен на троих один букварь. Вот ты выучил урок, - будь добр передай соседу, а тот в свою очередь передаст дальше по дистанции.

Я не забыл ещё, как в Украине выглядел букварь выпуска 1945-го года. Обложка серо-зеленого цвета, картинки темно-серые. Чуть ли не на каждой странице сюжеты о войне, победе, Сталине. Так же выглядела и «Читанка», по которой мы занимались после букваря. Практически любой учебник в те годы начинался с «Песни о Сталине», ею же он и заканчивался. Сталин незримо присутствовал везде. Портреты на стенах, в учебниках, его имя у всех на устах. Великий вождь, мудрый учитель, большой друг детворы, отец родной.

Первые уроки Анна Ивановна проводит в устном режиме. Вслед за ней мы хором повторяем стихотворения, главным образом о Сталине:

Вся радянська дітвора
Йде під прапорами.
Рідний Сталіна портрет
Майорить над нами.
Вийде Сталін на парад,
Буде нас вітати.
Він для всіх, для всіх дітей
Наче рідний тато.

Из общего хора четко и звонко выделяется голос Маши Павловской. Она старается изо всех сил, чеканя каждое слово. Да и все мы стараемся вовсю. Анна Ивановна похваливает нас.

Не остался забытым в букваре и Ленин, естественно, в паре со Сталиным:

Ялини схилились зелені.
Троянди цвітуть запашні.
Ось тут у сумнім Мавзолеї
Наш Ленін лежить у труні.
Здайеться, що зараз він встане
І піде по рідній землі,
І Сталіна стріне, і руку потисне йому у Кремлі.

Вспомнили, ребята, эти стишки? Учили мы также стихотворения и о школе, о природе, о нас с вами:

Ось і школа, ось і клас.
Він давно чекає нас.
Ми прийшли усі сюди,
Щоб учитись і рости.

Мне, например, до сих пор нравится стихотворение об осени:

Висне небо синє,
Синє та не те.
Світить та не гріє
Сонце золоте.
Темная діброва
Стихла і мовчить.
Листя пожовтіле
З дерева летить…

Да, осень. Осень 1945-го года. Здесь я вдруг вспомнил ещё одного нашего однокашника и связанный с ним случай, который чуть не стал причиной большой трагедии для нашей семьи. Звали его Гриша Кукса. Жил он в самом начале второго хутора в небольшой избушке на отшибе, - это как направляться в хутор, то её было очень хорошо видно на левой стороне улицы уже на повороте возле усадьбы Самохвала. В семье вырастали три сына: Гриша, Лёня и Коля. Их отец промышлял куплей-продажей дров,

затем они выехали в Донбасс, снова возвращались и снова уехали. Так вот Гришка тоже учился в нашем классе (как я только мог его забыть!) и сидел, подлец, сзади меня, постоянно заглядывая в мои книги и тетради. А я любил, хотя и не умел, рисовать. Ну любишь рисовать, так и рисуй себе на здоровье деревья, дома, машины, танки, пушки, черта, беса… Так нет же – меня потянуло срисовывать из учебников портреты вождей! Я-то дурак не знал, что на такие вещи даже не все выдающиеся художники имели право. Для изображения святого лика вождя требовалась специальная лицензия. А я, помню, не долго думая, срисовал из букваря (сделал «список»!) друга советской детворы в маршальской форме. Наляпал я его расплывающимися чернилами на задней внутренней стороне обложки тетради и почему-то подписал: *Герой Радянського Союзу Кагамлик.* Помнится, во время войны распространялись боевые листки о подвигах советских воинов на фронтах. Один из них с изображением Григория Кагамлыка (был такой герой) побывал у меня в руках, и я сам не знаю почему решил зашифровать Сталина под эту фамилию. Тетрадь я принёс в школу, свободно её открываю, оставляю на парте во время перемен. О святая простота! И вдруг на одной из перемен меня кто-то позвал в класс – иди, мол, тебя зовёт Анна Ивановна. Возле учительницы стоит сияющий Гриша Кукса, а перед ней на столе лежит моя несчастная тетрадь с «портретом» Сталина-Кагамлыка. На лице Анны Ивановны застыл ужас. Это я сейчас понимаю, над какой бездонной пропастью зависла наша семья. А тогда я боялся только одной учительницы из-за того, что испортил тетрадь. Слава тебе Господи, что Анна Ивановна оказалась не только умной, сообразительной, добропорядочной, но и мужественной женщиной. Ведь она отдавала себе полный отчет о том, что всё это значило и для меня, и для неё. По своему статусу она была обязана дать этому делу ход и понимала, что моей матери грозит 58-я статья УК УССР, мать посадят из-за воспитанного в духе вражды к великому вождю сына на долгие годы в концлагерь, а меня и сестру Анну определят в спецприют НКВД для ЧСИР и ВН (членов семей изменников Родины и врагов народа). Но и Анне Ивановне не сдобровать. Её упрячут в тюрьму за то, что она такое допустила. С другой стороны за недонесение «улыбается» та же 58-я, только с другим индексом. Что делать? Первое, что предприняла Анна Ивановна – она удалила Гришку из класса, посмотрела на меня очень внимательным взглядом, вырвала при мне эту злосчастную страницу из тетради, порвала её на мелкие части и спрятала их в свою сумку. Мне же сказала, чтобы я обо всем этом забыл и никогда никому ничего не рассказывал. Брать на себя такой риск – разве это не мужественный поступок? Ладно бы, она сама увидела это безумие, а то ведь «портрет» преподнес ей Гришка – подлиза и стукач. Впрочем, Анна Ивановна чуть не стала жертвой своей же слабости – увы, она любила подлиз. Но Куксу тоже нужно было как-то нейтрализовать. После меня учительница долго с ним о чем-то говорила один-на-один, не пуская нас в класс после перемены. К счастью, к этому событию никто никогда больше не возвращался. Низко кланяюсь твоей памяти, дорогая Анна Ивановна!

…Уроки физкультуры проводил в нашей школе уже знакомый нам Дмитрий Пантелеевич Мостовой. Собственно говоря, тогда это называлось не физкультурой, а Дмитрий Пантелеевич не мог называть себя учителем физкультуры. Предмет именовался военной подготовкой – и для мальчиков, и для девочек. Немудрено – только что закончилась война, и вся страна продолжала ещё по инерции жить по законам военного времени. Уроки физкультуры имели свое официальное название – военизация или ещё проще для произношения «воензация». А Мостовой имел должность не физрука, а военрука. Мальчики должны были уметь колоть винтовочным штыком чучело, метать гранаты, бегать по пересечённой местности, бить прикладом и т. д. А девочкам следовало научиться перевязывать раненых, уносить их на носилках «с поля боя», наравне с мальчиками обращаться со стрелковым оружием. Дмитрий Пантелеевич вернулся с фронта молодым отставным капитаном, на груди ордена и медали, стройный, подтянутый. Сначала он воевал на Северо-Западном фронте, защищал Ленинград, затем оказался в составе 1-го Прибалтийского фронта, войну закончил в Германии, был дважды ранен. Всё это я узнал от него самого значительно позже. А тогда мы с ним бегали вокруг школы,

прыгали, имитировали атаки. Все это, конечно, условно, слава Богу, без оружия. Мостовой оказался каким-то суетливым, насторожённым, даже нервным военруком. Видать, война оставила свои следы и на его психике. На занятиях от него только было и слышно:

- *Не біжіть! Не кричіть! Не спішіть! Не лящіть! Не верещіть!*

Часто любил употреблять слово-паразит, даже не слово, а междометие «*А той-с…*». Очевидно, это должно было звучать как «*то есть*». Такая привычка военрука и послужила поводом для сочинения о нём дразнилки:

А той-с, ребятишки,
Сыграем в кошки-мышки!

Но «воензация» стала постепенно вытесняться физкультурой. Уроки стали именоваться физподготовкой, а ещё позже физвоспитанием. Так называется этот предмет и по сей день. А Мостовой, проработав года два военруком, окончил какие-то ускоренные учительские курсы и затем до конца своих дней преподавал в 1-4-х классах. В мае 1973-го года я гостил у матери в Цветном и в день Праздника Победы 9-го Мая видел, как постаревший Дмитрий Пантелеевич уже не в гимнастерке с орденами, как в 1945-м году, а в добротном костюме вёл к памятнику павшим воинам своих первоклашек, и было отчётливо слышно:

- *Не кричіть! Не біжіть!*

К концу ноября мы с Анной Ивановной освоили букварь, научились элементарным арифметическим действиям в пределах сотни, выучили штук 6 стихотворений о Сталине, уверенно писали буквы и слова, знали наизусть таблицу умножения. В классе определились первые отличники и «хорошисты» - Алик Бойко, Коля Гончаренко, Маша Коцур, Васюта Саенко, Маша Пасечник, Володя Цышевский. Без ложной скромности отнесу к этой группе учеников и автора этих писем-воспоминаний. А вот трудно давались знания Вале Бутримовой, Пете Гончаренко, Володе Мостовому («Басило»), Ване Коржу, Лиде Сухой, Сене Чернобаю, Зине Шмыголь. Остальные числились в середнячках – ни сюда, ни туда, хотя и старались неплохо учиться.

Директора в Церковной школе мы почти никогда не видели. Его вотчиной считалась Земская школа. Зато иногда совершал «налёты» завуч Андрон Маркович. Во время таких визитов в школе всё затихало и замирало. Однажды на перемене я выскочил из школы во двор и вижу, как прямо на меня грозно надвигается завуч. Ни убежать, ни в сторону свернуть. Слышу сильный окрик:

- *Як твоє прізвище?*
- *Со-со-коловський.*

Несколько секунд царит молчание, затем последовала резкая команда:

- *Іди звідси! Швидко!*

Бедный Андрон обознался. Он разыскивал кого-то другого. А в другой раз Андрон внезапно появился у нас в классе вначале урока и, поздоровавшись, сразу же потребовал положить на конец парт наши тетради с домашним заданием по украинскому языку. Завуч отправился по рядам проверять домашнее задание, делая на ходу соответствующие замечания. Подошла и моя очередь. Как сейчас помню, по домашнему заданию нужно было написать по одной строчке несколько букв. Среди них попалась и заглавная буква «А». Долгое время у меня она никак не получалась и выглядела какой-то слишком растянутой и пузатой. Андрон Маркович тычет пальцем в эту «каллиграфию» и сердито спрашивает:

- *Що це таке?*
- *Це «А».*
- *Це не «А», це кроква для сарая. Дома знову переписати!*

Чувствую, как мое лицо заливается краской. Мне стыдно и обидно, ведь я вроде бы отличник а тут на тебе – «кроква для сарая». Но ещё не успели навернуться на глаза слёзы, как я уже увидел удаляющуюся спину завуча. Он исчез так же стремительно, как и появился.

В первые две четверти занятий в первом классе произошло множество интересных событий. Большинство из них уже напрочь забыты, всего не вспомнишь. И главное – не вернёшь. А так хотелось бы…

Жили впроголодь, ели что попало, и однажды на уроке у меня сильно разболелся живот. К тому времени я уже расстался с Петей Гончаренко и сидел за одной партой с Сеней Чернобаем. Следует прямо сказать, что я был тогда каким-то диковатым, нелюдимым, очень впечатлительным, несмелым, противоречивым учеником. И я боюсь признаться Анне Ивановне, что со мной вот-вот произойдёт катастрофа. Мои волнения заметил сосед по парте. А Сене было всё нипочём – море по колено! Я ему тихонько признался в чём дело. Он тут же смело поднимает вверх руку.

- *Що таке, Чорнобай?*
- *А у Соколовського болить у пузі!*

Ученики смеются, а мне хоть сквозь землю проваливайся. Понимая всю серьёзность моего положения, Анна Ивановна быстро удаляет меня из класса, чтобы я немедленно отправлялся в туалет и затем домой.

…А мы с вами, мои дорогие одноклассники, заканчиваем вторую четверть и приближаемся к встрече нового1946-го года. Анна Ивановна готовит нас к проведению детского утренника, который состоится 31-го декабря в Земской школе. Некоторым из нас даётся поручение выступить «на ялинці» с декламированием стихотворений. Среди этих учеников оказываюсь и я. Я готовлю стихотворение о партизанах из «Читанки» для 2-го класса, которую мне предоставила в распоряжение моя сестра. К сожалению, моя память не сохранила из этого стихотворения ни единого слова. Волновался я ужасно, вначале хотел было отказаться, но не тут-то было. Анне Ивановне тоже хотелось показать результаты своей работы.

Ёлку (раскидистую сосну) установили посреди двойного зала (помните, друзья, разделяющую два класса раздвижную перегородку?). Там она устанавливалась всегда, устанавливается и до сих пор. Украшение на ёлке было скудным, в основном какие-то ленточки из цветной бумаги, картинки, и ни одной конфетки. Бедность в стране, бедность в селе, бедность в школе. Дедом-Морозом нарядился наш цветнянский учитель, добрейшей души человек, мудрый и рассудительный педагог Василий Трофимович Лагно. Дед-Мороз получился из него классный! В центре внимания у ёлки сидел на стуле собственной персоной Григорий Михайлович Коваленко. Чуть сзади за ним расположился Андрон Маркович Койда. Подходит моя очередь читать стихотворение, а я очень боюсь и директора, и завуча. Тогда старшая пионервожатая Галина Степановна Бондаренко берёт меня в охапку и водружает на табуретку. Делать нечего – пересохшими губами и еле поворачивающимся языком рассказываю стихотворение о партизанах, которое я на тот момент не забыл только каким-то чудом. Опомнился, когда уже раздались жиденькие аплодисменты и понял, что пора слезать со стула. Слез сам, без помощи Галины Степановны. На душе легко, просторно, как будто камень с плеч свалил. А вот выступление более чем я расторопного Вани Коржа мне очень понравилось, и некоторые пассажи из его новогоднего «художественного» чтения я помню до сих пор. Может быть потому, что с этим номером он затем выступал ещё не один раз, номер стал его фирменным знаком:

Раз я взувся в чобітки,
Одягнувся в кожушинку,
Сам запрігся в саночки
Та й поїхав по ялинку.

Середину стихотворения не помню. Там, кажется, в лесу появляется настоящий хозяин ёлки – заяц и говорит дровосеку-Коржу: Вернее сначала от автора:

Я сюди, а він туди:
«Не віддам тобі нізащо.
Ти ялинку посади,
А тоді й рубай, ледащо».

«Ледащо» закончил читать, он сорвал более солидные аплодисменты. А все дело-то в том, что подарки в ту пору вручались только тем детям, которые выступали на утреннике. И вот после окончания утренника нас приглашают в тот мрачный класс, в котором мы через несколько лет будем «шлюзоваться» на пути в наш сперва 6-й «а», а затем 7-й «а» класс, для вручения подарков. Здесь я впервые столкнулся с несправедливостью. Выступала на празднике и наша Васюта Саенко. Естественно, её тоже пригласили, чтобы она получила свой отработанный подарок. А она пришла не одна – привела с собой ещё и брата Ваню Саенко, который не только не выступал у ёлки, но даже ещё и в школу не ходил. Меня это как-то уж очень задело, хорошо ещё, что я промолчал. Сейчас такой эпизод может вызвать только улыбку, а тогда я был возмущён. Поступок Васюты можно было легко оправдать – голод, нищета, мысль у всех одна, - чтобы такое съесть? А Иван Григорьевич Саенко всю жизнь проработал в цветнянском колхозе им. Дзержинского механизатором, в результате несчастного случая лишился пальцев на правой руке, долго болел и скончался весной 1998-го года.

…Открывается дверь и в класс заходит для вручения подарков Андрон Маркович. В руках у него средних размеров глиняная миска, а в миске лежат кусочки серого, не совсем очищенного от патоки сахара-рафинада. Помню произнесённые Андроном Марковичем слова:

- *На жаль, дорогі дітки, сьогодні ми не в змозі дати подарунки всім дітям, які прийшли на ялинку. «Цукерки» одержать тільки ті, хто сьогодні виступав на новорічному святі. Але я вірю, що вже у слідуючому році наша країна стане багатшою, і тоді всі-всі учні одержать подарунки.*

Все по очереди подходили к столу и, получив по два кусочка «цукерок», тут же покидали класс. Признаюсь, что я грешен – сахар я домой не донёс и ни с кем не поделился. Сам рассказывал стишок о партизанах, натерпелся страха, сам и сахар скушал.

Зима 1945-46 г.г. выдалась многоснежной и суровой. Школа отапливалась слабо. Ну как могла обогреть здоровенную комнату стоящая в углу жалкая печка (груба)? Какой-то душок от неё все же исходил, но в общем было очень холодно. Сидели зимой за партами, не раздеваясь, у нас мёрзли руки и особенно ноги. Вы, мои дорогие друзья, должны помнить, как мы по команде Анны Ивановны минуты три подряд дружно топали об пол ногами, чтобы хоть как-то их согреть. В классе поднимался столб пыли, но мы оживлялись, немного согревались и были до смерти рады.

Уроки пения проводились в основном совместно с 1-м «б» классом. Мы уже знаем, что Вера Тимофеевна любила петь, и недостатка в репертуаре не ощущалось. Все мы знали о подвиге Зои Космодемьянской. Сколько же было сложено стихотворений, рассказов, песен об этом подвиге! Одну из таких глубоко патриотических песен о Зое мы дружно распевали с Верой Тимофеевной в первом классе. Помните?:

Село с рассветом вышло из тумана.
Стоял суровый утренний мороз.
Схватили немцы девушку Татьяну
И потащили в хату на допрос.
В её глазах бесстрашие сияло.
Они нашли гранату и наган.
Пытали, но ни слова не сказала,
Не выдала Танюша партизан.
…Село с рассветом вышло из тумана.
Стоял суровый утренний мороз.
И девушку по имени Татьяна
Крестьяне схоронили у берёз.

Ух! Песня даже сейчас останавливает дыхание и в общем-то зовёт на подвиг, к отмщению. А тогда она являла собой сильнейший воспитательный приём. Такое было время.

…Как-то незаметно учёба вошла в обычное русло, мы освоились и не казались уже такими дикими, как вначале. В первые дни школьных занятий я очень боялся посещать на

переменах общественный туалет и пытался найти где-нибудь скрытое, укромное местечко, чтобы там справить маленькую нужду. Дикость! Правда? Теперь я об этом больше не беспокоился. Володя Басило продолжал наращивать темпы своеобразного, как теперь сказали бы, бартера с ещё не иссякшими запасами где-то раздобытой бумаги, хлебом, варениками и пирожками. На переменах слышался звонкий смех. Высокое начальство в лице мрачного Григория Михайловича и вечно сердитого Андрона Марковича появлялось в Церковной школе очень редко. Это говорило о том, что с нами занимались сильные, достойные педагоги, которым можно было полностью доверить и учебный процесс, и воспитание детей.

Хочу напомнить вам, дорогие друзья, как мы всем классом в организованном порядке пошли смотреть для многих из нас первое в жизни кино в старом, огромном клубе, стоявшем за магазинами, над прудом. Когда-то клуб был сельской пекарней, кормившей по воле её владельца всех людей нашего села.

Анна Ивановна привела нас в клуб строем по двое в колонне. А демонстрировался документальный фильм «Освобождение Чехословакии». Я разместился в первом ряду, но перед началом сеанса меня какой-то мужик оттуда бесцеремонно вышвырнул и на это место усадил своего ребёнка. Мне стало очень обидно. Из этого кинофильма я сейчас не помню ни одного кадра. С удовольствием посмотрел бы его снова, он, наверняка, хранится в Госфильмофонде, но по телевидению не показывают.

…Ближе к весне у нас поднималось настроение, учёба за зиму изрядно надоела и хотелось уже отдохнуть, свободно подышать весенним а затем и летним воздухом. И вот в мае 1946-го года пришла пора расставаться с первым классом. Заканчивали мы его как и начинали песней о Сталине. Что делать? Кажется, вот этой – их насочиняли большое множество:

А сонечко сяє,
Та все звідтіля:
Від Сталіна-батька,
З Москви, із Кремля…

Осенью не все мы дружно пойдём во второй класс. Есть и потери. Это теперь в школах практически не бывает второгодников. Всех перетаскивают в следующий класс чуть ли не канатом. А тогда школьный закон был суров – не хочешь или не можешь заниматься – будь добр оставайся на второй год. Если из одного класса на второй год оставались 3, 4 а то и 5 учеников – такой процент вполне вписывался в пределы нормы. Никто и не роптал, не возражал. Наверно, это было правильно. Такой подход к успеваемости стимулировал учебный процесс. Честно говоря, каждый из нас боялся остаться на второй год. Так что после первого класса мы кое-кого не досчитались. Отстал от нас Витя Кабак. Долгое время я о нем ничего не знал, потому что как-то сразу упустил его из виду, и только лишь летом 1956-го года я случайно встретился с Виктором Кабаком на перроне знаменского вокзала. Виктор куда-то направлялся в рабочей железнодорожной форме и с полевой сумкой через плечо. Мы тепло поприветствовали друг друга. Кажется, он мне говорил, чем тогда занимался, но я забыл. С тех пор я его никогда больше не видел и ничего о нём не знаю. Не перешёл во второй класс и Сеня Кабак, впрочем, он не так уж и плохо занимался, может быть, сам бросил школу, а я запамятовал. О нем я узнал тоже многие годы спустя. Летом 1999-го года (прошла ведь целая жизнь!) мне встретился в Цветном его родной брат Владимир, который и поведал мне, что Семён всю жизнь трудился механизатором в одном из колхозов Кировоградской области, на то время уже вышел на пенсию и там же проживал со своей семьёй. Не «переполз» во второй класс и очень слабо учившийся Толя Порывай. Семья у них была очень большая, и Анатолию очень рано пришлось думать о собственном куске хлеба. Он уехал на заработки в Донбасс, там работал в шахте и погиб на рабочем месте в юном возрасте. А не допущенный до второго класса Ваня Порывай ещё некоторое время учился где-то за нами, потом то ли бросил школу, то ли его из неё выгнали, одним словом, Иван Федорович Порывай всю сознательную жизнь проработал посыльным в Цветнянском сельсовете и,

выйдя на пенсию, проживает себе тихо-мирно в Цветном. Я частенько видел его, маленького, щупленького, головка как кулачек, едет по селу на велосипеде, велосипед по сравнению с Иваном Федоровичем кажется двухэтажным, а велосипедист еле-еле достает до педалей со второго этажа. Не увидим мы во втором классе и нашего доброго и бесхитростного Сеню Чернобая. После этого он вообще проучился в школе очень мало и, по-моему, дальше третьего класса так и не продвинулся. Свой труд Семён Петрович посвятил «родному» колхозу в родном же селе. Мне рассказывали, что за сутки до смерти весной 1998-го года Семён Петрович, понимая всю безвыходность своего положения, весело просил своих родных и близких:

- *Та не дуже за мною ревіть, а то я не почую, як буде батюшка з півчими співать.*

Вот так вот умирают мужики в нашем селе. Остался по ту сторону порога на двери во второй класс наш хлебно-бумажный меняла Володя Мостовой. Помню, в начале 50-х годов Владимир работал в колхозе прицепщиком на тракторе (была такая специальность в колхозах и меня она тоже не миновала), а мы всё еще продолжали летом пасти скот. Однажды он проходил мимо пастбища, и кто-то из нас обозвал его вдруг Басилом. Он что есть мочи погнался за обидчиком, но тот ловко увернулся, развернулся и уже бежит в противоположную сторону, а Володя пробежал ещё метров 5 в прежнем направлении. Хохот, свист… Бедный Володя. В 1971-м году я узнал от его родной сестры, что Владимир Дмитриевич Мостовой жил и трудился в Казахстане, куда он приехал после службы в армии. Там он и скончался в конце 60-х годов ещё совсем молодым человеком. Получил новое назначение и увёз с собой свою дочку Оленьку в цветастом платке лесник Крикун. Какая их дальнейшая судьба – одному Богу известно. Уехали с родителями в Донбасс Ваня Дёмин и Валя Бутримова. Туда же отправился и мой «крёстный отец» Гриша Кукса. Он вернётся в Цветное в 1951-м году, но в наш класс уже не попадет. Что с ними теперь – не знаю. Оказался в Донбассе (Донбасс всех принимал – промышленная зона, где ох как нужны рабочие руки!) и Юра Куриний, скорее всего в той его половине, которую не накроет падающая с неба звезда. В начале 50-х Юрий приезжал с матерью и братом в Цветное, купался вместе с нами в Волостном пруде, останавливались они у кого-то возле Алика Бойко, не у Василия Лагно ли или у его тётки Степаниды? Речь о падении звёзд, естественно, уже не велась. Юрий только хвастался, как он досаждал невзлюбившей его учительнице. Она выгнала Юрия из класса, а он через пару минут врывается в класс и говорит ей:

- *Гад буду, пришёл извиняться.*

Где ты теперь, Юрий? Жив ли? Ничего не знаю. Перебрался вместе с родителями в соседние Высшие Верещаки Вася Белоус с Хмаривки. Там следы его и затерялись. Никак не вспомню, когда отстал от нас Петя «Рябко», то ли после первого класса, то ли после второго? Ладно – пусть побудет с нами и во втором, а там будет видно, может быть что-нибудь о нем вспомню. Вообще-то сейчас мне очень трудно восстанавливать картину «текучести кадров» в нашем классе, не имея под рукой ни списков, ни классных журналов. Пишу по памяти, а она, проклятая, как и у всех людей может изменять. Если кого-то упустил – прошу меня простить.

Зато во втором классе вместе с нами будут учиться в свою очередь отставшие от своих классов Люба Крушеницкая, Фрося Стрижак (дочь «Рака»-Макара), Уля Борко, Нина Саенко. Нина жила рядом с колхозом им. Сталина, в начале Хмаривки, впереди усадьбы Лазаря Саенко (по прозвищу «Слышь»). Она запомнилась мне очень высокой, тоненькой девочкой, что послужило поводом дать ей прозвище «Нигонила». Проучилась Ниночка с нами очень мало, часто болела и вскоре умерла в очень молодом возрасте. Достался нашему классу ещё и Ваня Мережаный. Прошу вас, друзья, не путать с Иваном Михайловичем Мережаным с моей улицы Дидызна. А нашему Мережаному я значительно позже, в четвертом классе про себя дал прозвище д’Арлан по сходству его кудлатой головы с рисунком в «Неживой природе», на котором художник изобразил двух первых французских воздухоплавателей на шаре – Пилатра де Розье и д’Арлана.

Этих соучеников я буду в дальнейшем ещё не раз вспоминать. А сейчас отпускаю или как мы тогда говорили «распускаю» 1-й «а» класс на каникулы и готовлюсь к описанию очень для меня трудного учебного года – 1946 – 1947 г.г. Приближалась страшная засуха летом 1946-го и как следствие голодная зима 1947-го года. Да и весна была не легче. Но голода я коснусь лишь вскользь. Моя задача заключается не в этом. Да и вспоминать этот ужас не очень хочется – уж слишком больно он режет по сердцу и вырывает душу.

* *
*

Вы, дорогие друзья, наверно, помните, что лето 1946-го года выдалось очень жарким, знойным и засушливым. Месяца два подряд не было ни одного дождя. Всё посеянное и посаженое на полях и в огородах посохло, скукожилось, «сгорело». По самым оптимистическим подсчётам хлеба и других продуктов вряд ли должно было хватить до нового 1947-го года. Так оно и случилось. Мать испекла что-то наподобие хлеба из последней ржаной муки к Рождеству Христову, т. е. к 7 января 1947-го года.

…Во второй класс мы пришли уже бывалыми, «опытными» учениками. На первоклашек смотрели гордо и свысока. Этим первоклашкам предстояло стать в 1953-м году первыми восьмиклассниками послевоенной Цветнянской средней школы. Наш 2-й «а» класс поместили в Церковной школе в самом светлом помещении, входная дверь которого находилась слева в самом конце коридора. Я этот класс уже упоминал. Но теперь мы должны были учиться во вторую смену. Вторая смена существовала и в предыдущем учебном году, но тогда она нас не касалась – мы считались малышами 1-го класса, и нам шли на уступки. А сейчас мы подросли, никто уже нас за руки не водит, так пожалуйте бриться – во вторую смену. Я сидел за третьей партой в правом ряду, если смотреть от стола учителя. Всего в классе стояли два ряда парт, но ряды очень длинные, потому что комната узкая, зато она имела достаточную глубину (глубиной помещения считается удалённость от окон). Поскольку класс располагался в углу здания и имел три окна, то после обеда, во вторую смену в солнечные дни там было светло, тепло и даже жарко. Моя парта стояла напротив окна, **о**кна ничем не прикрывались, и меня на протяжении почти что всех занятий безжалостно обжигало солнце. Питательный рацион был скудным, усталость во второй половине дня накапливалась приличная, и к вечеру мне было уже ни до чего. А вот с кем я сидел – хоть убей, не помню. Вообще 2-й класс выпал на мою долю самым трудным, самым коротким (ниже скажу почему), и воспоминания о нём у меня смутные, отрывочные. Но все же кое-что вспоминается. Руководила нами, если так можно сказать, всё та же Анна Ивановна Новошицкая – умная, строгая, опытная учительница. Мы её и любили, и уважали, и побаивались. Всё было на месте. Единственное, что, как мне сейчас кажется, не гармонировало с её педагогическим талантом, так это то, что она в определённой мере любила подлиз. А льстецы, как заметил баснописец И. А. Крылов, всегда находятся. Возле Анны Ивановны постоянно вертелись те ученики и особенно ученицы, которые в силу своих способностей не могли хорошо учиться, но чутко воспринимали малейшие колебания в её настроении. Ну что же, у всех есть достоинства и недостатки. В целом же Анна Ивановна оказалась на высоте. Что там говорить, на первую учительницу нам повезло. Часов у нас дома не было, и я чтобы не дай Бог не опоздать, приходил в школу очень рано, когда ещё занималась первая смена. До начала занятий приходилось слоняться по школьному двору или по коридору, и это тоже отбирало много энергии, тем более, что в школу я уходил практически всегда полуголодным. В то жуткое послевоенное время автоматических ручек, самописок, штифтов и пр. не было и в помине. Простых-то ручек и перьев не хватало. Каждый из нас должен был приносить в школу кроме ручки ещё и чернильницу. Чернильниц тоже не хватало, и часто в одну и ту же чернильницу макали перья два а то и три ученика. В таком случае чернильница должна была стоять на парте сидящего сзади ученика, чтобы сидящий впереди мог оборачиваться и тоже макать своё перо в стоящую позади него чернильницу а заодно и, так сказать, «легально» подглядывать в тетрадь заднего соседа. В

эту же чернильницу направлял свое перо и сосед справа или слева. Иногда можно было извлечь из чернильницы всю в чернилах дохлую муху, и тогда клякса в тетради становилась неизбежной. Помните, дорогие друзья, три вида чернильниц?

1. Фарфоровые чернильницы на широком основании, как правило, с рисунком в виде птички, зайчика, грибка, ягодки и т. п.. Они были устойчивыми, и опрокидывание на парту или на себя почти что исключалось.
2. Стеклянные, более узкие в основании чернильницы. В отличие от конических фарфоровых эти чернильницы имели цилиндрическую форму, часто опрокидывались, разбивались, и тогда горя не оберёшься.
3. Появившиеся чуть позже пластмассовые чернильницы, которые состояли из двух частей – ёмкости и крышки, соединяемых между собой с помощью резьбы. Было налажено массовое производство таких чернильниц и уже к 7-му классу они вытеснили все остальные.

Носили мы чернильницы в специально сшитых нашими матерями матерчатых чехлах-кисетах на такой длинненькой верёвочке-шнурке. Иногда в драке не дорого было и схлопотать такой чернильницей по голове. Всякое бывало. Чернильницу для меня мы где-то раздобыли, а вот какую – не помню. Портфелей также почти что не было. Лишь некоторые из нас могли похвастаться портфелями, основная же масса учеников носила учебники и тетради как попало – в самодельных сумках вместе с куском хлеба или сухаря, просто в руках, под мышкой, разве что только не на голове.

Успевший жениться на Ольге Павловне Дмитрий Пантелеевич Мостовой продолжал у нас и во 2-ом классе свое «а той-с, ребятишки…». Он проводил с нами занятия не более 2 раз в неделю, и поэтому особенно нам не надоедал. Коваленко и Койда в Церковной школе во второй половине дня практически не бывали, Во всяком случае я не помню, чтобы кто-нибудь из них там в это время появлялся. Всё шло своим чередом. Одно было плохо – надвигался голод. У меня уже исчез тот энтузиазм к учёбе, который был мне присущий в 1-м классе. Недаром же существует поговорка о том, что пустое брюхо к ученью глухо. Здесь я понимаю, что зря иронизирую по поводу Володи Мостового – голод не тётка, заставит делать что угодно. Постепенно моя мать всё реже и реже клала в мою полотняную сумку кусочек хлеба для поддержания определённой доли оптимизма во время занятий в школе, меня всё чаще и чаще охватывала какая-то апатия. Под беспощадным солнцем за партой напротив окна (а осень выдалась тёплая и сухая как и ушедшее лето) часто болела голова. Не хотелось ничего, только бы лечь и лежать бесконечно.

К октябрьским праздникам Анна Ивановна и Дмитрий Пантелеевич задумали подготовить с нашим классом и показать на детском утреннике спортивную пирамиду. Тогда такие пирамиды были в моде. Приглашала Анна Ивановна «строить» пирамиду и меня. Куда там! Меня и в нормальном состоянии трудно было бы затащить. А тут, при почти что уже царившем голоде тем более. Но многие из вас, ребята, согласились. Начались репетиции. Благо вечером после занятий школа пустеет, и никто не мешает. В основании пирамиды должны были стоять ребята и девчёнки покрепче, затем надстраивается второй, несколько суженный в виде конуса ярус, состоящий из более лёгких учеников. Третий ярус… Четвёртый… На самом верху должен был встать во весь свой неказистый рост наш малыш Коля Гончаренко. Не только встать, но ещё и расправить вширь руки, изображая не то летящего орла, не то самолёт страны советов. Всё шло хорошо. Но однажды на репетиции кто-то на среднем ярусе не удержался, потерял равновесие (кажется, это была Маша Пасечник), и вся пирамида, подчиняясь физическому закону центра тяжести, рухнула. Естественно, больше всех досталось бедному Коле, так как он находился выше всех и в данном случае в наиболее опасном положении. К счастью, всё обошлось. Никто не был травмирован. Отделались испугом и лёгкими синяками. Ход делу дан не был, хотя затея с дальнейшим «строительством» пирамиды отпала сама по себе.

Уж не помню, как в том году отмечались октябрьские праздники – наверно, я там не присутствовал. Обычно детей собирали на школьном дворе Земской школы, на

возвышающиеся перед входом в школу ступеньки выходил Григорий Михайлович Коваленко, шмыгал носом, окидывал толпу учеников мутным серым взглядом и произносил пару слов:

-Дорогі діти! Сьогодні ми з вами відзначаємо велике свято – 29-і роковини Великої Жовтневої соціалстичної революції.

Далее следовало воспевание великого вождя, и его краткое выступление неизменно заканчивалось словами:

...а тому треба добре вчитись і не порушувати дисципліну ні на уроках, ні в позаурочний час.

Основную же речугу толкал, как правило, стоявший рядом с ним Андрон Маркович. В его выступлении хватало всего. Доставалось и помещикам, и капиталистам, и фашистам, и поджигателям новой мировой войны - Трумэну, Ачесону, Бевину, Бирнсу, Маршаллу, немецкому социал-демократу Шумахеру. Говорил Андрон долго, страстно – надоедало его слушать. Говорить он умел. А заканчивать свои речи Андрон любил последней строфой из популярного тогда стихотворения Павла Тычины «Партія веде». Голос у Андрона наливался сталью, становился угрожающе-торжественным:

То ж нехай собі як знають,
Божеволіють, конають.
Нам своє робить –
Всіх панів до ‘дної ями,
Буржуїв за буржуями
Будем, будем бить!
Будем, будем бить!

Это сцены из моих более поздних наблюдений, но, наверно, так было и 7 ноября 1946-го года. А цитаты из произведений П. Тычины Андрон повторял часто – по поводу и без повода.

…Во втором классе я уже начал понимать, что вождь и учитель – это, оказывается, одно и то же лицо. А в прошлом году я мучительно ломал себе голову над тем, почему же Сталин вождь да ещё и учитель. Что? Вождизма ему мало? Как так можно быть всенародным, всеми любимым вождем, да к тому же еще и обучать в школе детей? Эту проблему я решил для себя потом самым банальным образом, - значит, он после обеда, вечером и всю ночь является вождём, затем утром отправляется в школу, даёт там уроки, а после уроков снова становится на свое место вождя. То есть я уже тогда пришёл к выводу, что работать можно и по совместительству. И пример в этом деле показывает сам великий вождь. Это меня успокоило, правда, из-под моей «кисти» уже не появлялись портреты вождей. Чем всё это могло закончится – вы, дорогие друзья, знаете.

А тем временем голод становился всё ощутимее. Напрасно я рылся в полотняной сумке в поисках коржа, оладьев, сухариков и пр. Брать было неоткуда. Естественно, в таком положении оказался не один я. Процентов восемьдесят учеников страдали недоеданием. Кроме меня в нашем 2-м «а» классе голод наиболее зримо угрожал Ване Коржу, Володе Козыренко, Рае Евсеенко, Пете Рябову, Ване Мережаному, Дементию Саенко. Володе и Пете Гончаренко, Лиде Полишкевич (у Лиды тоже большая семья и она переживала трудные дни, хотя отец был жив. Он погибнет летом 1955-го года в результате несчастного случая во время сноса старого сарая у Борко Дениса. На него рухнет стена. О Лидочке Полишкевич мы ещё вспомним.). Но вот из всех выше перечисленных учеников никто тогда не прекратил занятий в школе, только я. Что? Я оказался самым слабовольным? Или наша семья больше всех голодала? Наверно, и то, и другое вместе взятые. Я с трудом дотянул до нового года, не ходил ни на какие ёлки, ни на какие детские утренники, не слышал, кто там выступал и не видел, какие вручали подарки. Скорее всего вопреки прошлогодним обещаниям Андрона Марковича никаких. Страна богаче не стала. После зимних каникул в школу я уже не пошёл. К Рождеству в хате не было ни кусочка хлеба, ни картошки, ни крупы, разве что только, как у нас говорят, святая вода. Спасла нас

от голодной смерти корова. Но она отелилась только в конце марта. Ладно, не буду продолжать голодную тему, надо писать о школе. Просто мы выжили, и за это спасибо нашей матери и Господу-Богу. Нельзя сказать, чтобы Анна Ивановна и дирекция школы не пытались вернуть меня в класс. Пытались. При всей строгости и, может быть, самодурстве директора Коваленко всё же прогрессивное начало в его руководстве школой было налицо, - он заставлял нас учиться. И только благодаря его настойчивости и крутым мерам, многие из нас по крайней мере закончили семилетку. В первую очередь это касается и меня, и моей сестры Анны. Об этом тоже речь впереди. Однажды к нам домой приходила Анна Ивановна, но, увидев наше убожество, ушла, ничего не добившись. Вызывал Григорий Михайлович в школу и мою мать, но она этот вызов просто проигнорировала. Особых мер дирекция не принимала, так как всё же делалась скидка на голод. Опухший от голода, я днями напролёт лежал на печке, не думая о школе. Думал об одном, - чего бы поесть. Но где-то в начале апреля, когда наша бурёнка Зорька, подарив нам прекрасного бычка, отодвинула угрозу голодной смерти, Анне Ивановне все же удалось уговорить меня и мою мать, чтобы я посещал школу. К тому времени школа организовала для голодающих детей обеды во время большой перемены – так называемые «гарячі сніданки». «Сніданки» состояли из одной неполной миски кукурузной каши-мамалыги и кусочка кукурузного же хлеба. Помните, друзья, кукурузный хлеб – белый-белый, чем-то напоминающий тротиловый заряд снарядов, которые мы видели после войны в большом количестве? Кухня и «столовая» для «гарячих сніданків» находились при Земской школе, в том помещении, где позже помещался какой-то класс – впереди служебной директорской квартиры. Для тех учеников, кто учился в Церковной школе, нужно было на большой перемене успеть сбегать на кухню, проглотить мамалыгу и вернуться обратно на урок. Помню, мне так хотелось есть, что я еле дождался большой перемены. Анна Ивановна попросила Ваню Коржа сопровождать меня на «гарячий сніданок». Он уже давно там питался, в общем-то привык туда бегать и во всём успевал. Никогда не забуду, как я бежал вслед за Ваней к мамалыге, и Ваня как и я мчался, сломя голову, совершенно босой. Значит, уже стояла по-настоящему тёплая погода. Увидев двух «школьных нахлебников» в дверях, повариха измерила нас злобным взглядом и громко произнесла:

- *Прибігли? Сідайте!*

Затем она зачерпнула половником из котла порцию мамалыги, шлёпнула ею в мою миску, так что вокруг полетели горячие брызги, и сказала:

- *Їж! Та скоріше!*

Такую же процедуру проделала повариха и перед Коржом. Но он-то парень толстокожий, а меня такая сцена поразила до глубины души. И всё-таки голод пересилил. Я мигом проглотил свою порцию и только, прибежав обратно в свой класс, почувствовал, что у меня во рту всё обожжено – от губ до верхнего нёба, а слизистая оболочка превратилась в облезлую кожуру вперемешку с проклятой мамалыгой. На мне не было лица, я плакал, и Анна Ивановна отпустила меня с миром домой. До окончания учебного года в школе меня больше никто не видел. Я смирился с судьбой и готовил себя мысленно к привыканию в условиях нового класса, новых друзей, неся на себе позорную кличку второгодник.

Лето 1947-го года оказалось не таким засушливым как прошлое. Прошли дожди, созрела рожь, подоспел картофель. «Ожили гниды», и я начал потихоньку думать о школе, повторял то, что уже знал из программы 2-го класса, прикидывал с кем попаду в новый для меня класс, кто станет моими друзьями. И вот однажды кто-то, уж не помню кто, передал от Анны Ивановны, что я переведён в 3-й класс и могу приходить на занятия вместе с моими старыми друзьями, т. е. с вами, мои дорогие одноклассники. Моей радости не было предела. Тем более, что голодная смерть отступила, лишь слегка задев нас своим чёрным крылом. Я набирался сил, хотя, как вы помните, изобилие не наступило. Просто стало чуть полегче. Как здесь не вспомнить стихотворение Н. А. Некрасова «Крестьянские дети»:

Отведает свежего хлебца ребёнок
И в поле охотней бежит за отцом.

Вот только мне не за кем было бегать и я бегал один или с друзьями, большей частью такими же «безотцовщиками».

* *
*

31-го августа 1947-го года я с некоторой опаской отправился в Земскую школу на предучебный утренник, которые так любил и лелеял «Серко». Я не знал, как меня встретят ученики в 3-м классе, как встретит Анна Ивановна, всё ещё продолжавшая вести наш теперь уже 3-й «а» класс. Казалось неудобным появляться среди третьеклассников. Всё же я был переведён «незаконно», две четверти дети проучились без меня. Мне пришлось «сачковать», хотя и на оправданных, «голодных» основаниях, и мое место по всем правилам следовало искать в одном из 2-х классов. Здесь я ещё раз хочу низко поклониться доброй памяти Анны Ивановны Новошицкой за то, что она разглядела, так сказать, мой потенциал и не позволила пропасть за здорово живёшь одному году из моей жизни. Зато я сам в дальнейшем транжирил их налево и направо. Но это тоже впереди. Главное, что не было упущено время, не потерян темп. Возраст мой мог бы оказаться предельным. Дальше мы увидим, как школа планомерно и непреклонно избавлялась от переростков – и хороших, и плохих. Собственно говоря, Анна Ивановна и на этот раз спасла меня, спасла от безграмотности. Но, очевидно, и я вселял какие-то надежды на беспроблемную успеваемость в третьем классе.

Встреча на школьном дворе с одноклассниками получилась бурной и радостной, по крайней мере для меня, как будто и не было длительной разлуки. Никто даже не думал упрекать меня за то, что я, не посещая школу, шагнул в следующий класс. И здесь, безусловно, поработала Анна Ивановна – подготовила ребят. Меня окружают Алик Бойко, Володя Гончаренко, Леня Гречка, Маша Коцур, Лида Полишкевич. Мы смеёмся, радуемся, у всех веселоё настроение. Учебный год только начинается, трудности впереди. А я снова с вами, дорогие друзья! Во что я был одет, уже не помню, но то что не в камуфляжные брюки – это точно. Всё-таки мать, не жалея сил, старалась одеть меня перед школой по возможности поприличней. А вот наша Анна оставила к этому времени школу, как нам казалось, навсегда. Зачем нужна грамота девочке, которая навечно приписана к колхозу? Её никогда не выпустят из села даже в ближайший город Знаменку. Тогда бытовал такой термин как «село не паспортизировано». Это означало, что ты никогда никаких документов не получишь и тебя без паспорта нигде не примут на работу. Мало того, уезжая без спросу, ты нарушаешь закон о прописке и будешь строго наказан вплоть до лишения свободы. Поэтому многие женщины нашего села и остались малограмотными, обиженными и обездоленными. Но благодаря настойчивости всё того же Коваленко, Анна вернётся в школу. Это произойдёт чуть позже, в середине этого учебного года.

А учёба в 3-м классе началась опять в Церковной школе, на этот раз в первую смену. Снова нас поместили в новой классной комнате, той холодной, что по коридору налево – смежной с нашим 1-м классом. По-прежнему с нами занималась Анна Ивановна, к которой мы привыкли, и нам казалось, что лучше неё учителей нет. Продолжал гонять нас по школьному двору и Дмитрий Пантелеевич. К этому времени военизация перестала превалировать над физподготовкой, а физрук теперь не щеголял в гимнастёрке с орденами а приобрел себе цивильный пиджак. Постепенно выветривался из него и милитаристский дух. Вообще о Мостовом у меня сохранились довольно тёплые, нормальные воспоминания.

Мы повзрослели. Нас приняли в пионеры. К сожалению, моя память не сохранила, когда и как это происходило. Может быть, друзья, кто-нибудь из вас припоминает этот момент? Мало кто из нас мог тогда похвастаться пионерским галстуком. Галстуки были, кажется, у Алика Койды, Маши Коцур, Володи Цышевского. Юры Хмары, Алика Бойко – человек семь-восемь, не более. А галстуки в то время ещё не завязывали в узел, для этой цели существовал специальный металлический зажим в виде пряжки от ремня. На лицевой стороне зажима красовалась какая-то пионерская символика, скорее всего стилизованный костёр. Зажимы тоже имелись не у многих ребят. Вскоре нам было

объявлено, что зажим отменяется, и галстуки следует завязывать на шее узлом. Дескать, кто это здесь смеет зажимать пионерское движение? Его нужно крепить в тугой узел, а не зажимать. Политические интриги почудились кому-то даже в таком невинном деле как пионерский галстук. Впрочем, политика в те времена присутствовала во всём, даже в семейных отношениях. Кроме старшего пионервожатого школы согласно штатному расписанию (им продолжала оставаться Галина Степановна Бондаренко) каждый класс должен был иметь ещё и своего вожатого из числа старшеклассников, желательно из комсомольцев. К нам в 3-м классе вожатой назначили старшую сестру Юры Близна Надю. Надя запомнилась мне очень весёлой, жизнерадостной, всегда смеющейся девушкой. Она разучивала с нами песни (в первую очередь, конечно же, о Сталине), читала нам интересные рассказы. Мы её полюбили. В дальнейшем Надя, закончив 7 классов, вышла замуж за нашего односельчанина Ивана Никитича Бойко, подарила ему 6 дочерей и 1 сына. В настоящее время Надежда Павловна Бойко (Близна) жива-здорова, живет с мужем в Цветном. Жива ещё, хотя и не очень здорова Галина Степановна Сунева (Бондаренко). После работы в школе она долгое время работала в сфере торговли, никуда не выезжала и сейчас доживает свой век в селе одна-одинёшенька. Муж давно умер, детей нет.

…Но вернёмся в свой 3-й «а» класс, в осень 1947-го года. В один прекрасный день вместо привычной Анны Ивановны к нам на урок вдруг пришла другая учительница – Мария Прокоповна Зосименко. Она уроженка соседнего села Красноселье, а муж её Василий Яковлевич Зосименко происходил из уже упоминавшихся Высших Верещак. Он работал колхозным шофером в Красноселье. Мария Прокоповна предстала перед нами молодой, энергичной учительницей. Естественно, новая метла начала по-новому мести. Притихли подлизы Анны Ивановны, все мы как-то насторожились. Каждого из нас одолевало недоумение – что же с Анной Ивановной? Жаль было с ней расставаться. Мария Прокоповна проработала с нами недолго – недели две. Потом как-то перед первым уроком в класс вошли Анна Ивановна, Андрон Маркович и ещё какая-то худенькая пожилая женщина невысокого роста. Мне запомнилось её доброе, улыбающееся лицо. Вся тройка поздоровалась с нами, мы проскандировали, как обычно это делали:

- *Д-о-б-р-и-й д-е-н-ь!*

И Андрон Маркович представил нам новую учительницу. Ею оказалась старшая родная сестра Анны Ивановны Мария Ивановна Домнич. Она только что приехала к сестре, и как я теперь понимаю, сестра уступила ей своё место, а сама, подождав некоторое время, снова приняла 1-й класс. Так что это был прощальный визит в класс нашей первой и поэтому самой незабываемой учительницы. Должен сказать вам, дорогие друзья, что Марию Ивановну я охарактеризовал бы такой же опытной, знающей учительницей как и её младшая сестра, но по характеру она показалась мне практически прямой противоположностью Анны Ивановны. Та вела себя сдержанно, гордо, немногословно. Детей любила с разбором (хотя учила всех одинаково), обладала аналитическим умом, свои действия совершала взвешенно и обдуманно. Вспомним хотя бы мою уже надоевшую вам историю с «портретом» Сталина. При всём при том Анна Ивановна славилась ещё и своей справедливостью, несмотря на благосклонность к подлизам.

А вот Мария Ивановна являла собой добродушную, щедрую, улыбчивую, словолюбивую, я бы даже сказал, какую-то сентиментальную натуру. Она любила всех – и отличницу Васюту Саенко, и лодыря-разгильдяя Ваню Коржа. Очень колебалась, если кому-нибудь надо было ставить двойку (её сестра делала это без колебаний). Многие из нас это поняли и сразу же стали «сачковать»:

- *Маріє Іванівно! Не ставте мені двійку, я вивчу в слідуючий раз.*
- *Добре, не поставлю. Я вірю тобі, тільки ж вивчи на слідуючий урок.*

Приходил следующий урок – ученик опять не готов. Долги накапливались. Бедная Мария Ивановна старалась изо всех сил, не жалея ни труда, ни времени. Её уроки отличались глубокой эмоциональностью. Она увлекала нас очень интересными рассказами из своей личной жизни, приводила яркие примеры человеческой чуткости и доброты, вселяла в нас патриотические чувства , любовь к родине, к своему народу (я не боюсь этих слов). За

провинности журила мягко, как бы извиняясь, долготерпение у неё было адское. Помню, один только раз, в третьей четверти, когда мы уже учились в Земской школе, у неё произошёл срыв. Кто довёл Марию Ивановну до точки каления – сейчас не помню. Ясно, что это явилось результатом нашей наглости в ответ на доброту и лояльность учительницы. Мария Ивановна у доски с увлечением рассказывает нам о подвигах Красной Армии на фронтах, а на задней парте двое дерутся из-за карандаша. Передние внимательно слушают, а задним до рассказа учительницы и дела нет, как впрочем, и Марии Ивановне до них. Зато у неё практически не было подлиз. Свою к нам любовь она делила поровну. Скажу честно, несмотря на то, что я попал в 3-й класс вроде бы как «с чёрного хода», проблем у меня с Марией Ивановной, а у неё со мной не было никаких. Я учился неплохо, был не хуже других. Но в общем плане дисциплина в классе захромала. А благородная Мария Ивановна продолжала нас учить, терпеть и любить. Большое ей спасибо за это, мы в неоплатном долгу перед её памятью. Добрая, ласковая, бескорыстная душа! В нынешние очень непростые времена вряд ли найдётся такой учитель, который бы гладил ученика по голове, в то время как тот нагло заявляет, что учёба ему надоела и он учиться не хочет и не будет. А Мария Ивановна поступала таким образом не один раз. Приведу один пример из жизни нашего 3-го «а» класса при Марии Ивановне, который как нельзя лучше свидетельствует о характере наших с ней отношений. Вскоре после нового 1948-го года в нашем сельском клубе демонстрировался кинофильм «Валерий Чкалов». Всем нам очень не терпелось его посмотреть, но денег на билеты у большинства из нас не было. А Мария Ивановна тоже всей душой хотела, чтобы мы попали на киносеанс. Она в тот день даже темой урока по украинскому чтению выбрала рассказ о славном советском лётчике. Кинофильмы демонстрировались у нас тогда очень редко – примерно один раз в два месяца, и наша учительница решила устроить нам праздник. Как сейчас помню, Мария Ивановна, не долго думая, достала из сумки свои личные деньги, составила список безденежных учеников (в этом списке должников оказался, естественно, и автор настоящих воспоминаний), выдала нам по 1 рублю, так сказать, в кредит (именно столько стоил тогда входной билет на детский киносеанс передвижки) и пригласила нас всех пойти в кино. Список Марии Ивановны предполагал, что деньги выдаются под своеобразный беспроцентный заем, хотя она, по-видимому, допускала и такой вариант, что не все ребята в состоянии с ней потом рассчитаться. Я, например, впоследствии вернул долг. Абсолютно уверен в том, что так поступил каждый из нас, кто, благодаря Марии Ивановне, познакомился в тот день с героем-лётчиком и создавшим его образ выдающимся актёром Московского Художественного театра Белокуровым. Праздник состоялся. Мы ещё целую неделю вспоминали эпизоды фильма, а Мария Ивановна искренне радовалась за нас. Вы все, конечно, помните это событие, потому что доброта и внимание не должны забываться. К тому же такие поступки укрепляют доверие и взаимопонимание между учителем и его подопечными. Так что Мария Ивановна как и её сестра вполне заслуживает оценки истинного педагога.

…По селу и в школе пошли циркулировать слухи о том, что Церковная школа закрывается, ученики переводятся в Земскую школу, а в помещении Церковной школы будет открываться детский дом для сирот, которые лишились своих родителей в результате войны. Учителя и родители стали нас обрабатывать, как нам следует себя вести по отношению к воспитанникам детдома. Мы должны были их любить, уважать, жалеть и пр. А нам было интересно увидеть этих детей, и мы с нетерпением ждали открытия детдома и приезда сирот. Но и жалко было расставаться с нашей уютной школой, где не было заносчивых старшеклассников а также директора с завучем. Они по-прежнему редко гостили в Церковной школе. Открытие детдома намечалось на весну 1948-го года, но помещение следовало освободить к новому году. Здесь мы учились в первую смену, а там придётся во вторую, потому что предстояло уплотняться – детей училось много, а помещений не хватало. Вы помните, что кроме двух основных школьных зданий для учёбы была задействована и так называемая «попівська хата» - домик справа через дорогу от церкви, если стать лицом напротив паперти (позже и это здание было отдано под

детдомовскую столовую, затем туда снова вернулась школа, в 70-х годах там уже обосновался буфет-гадючник, домик сохранился до наших дней, стоит пустой и облупленный. Кстати, во время немецкой оккупации в «попівській хаті» располагалось цветнянское сельское полицейское управление – das Dorfpolizeiamt, и я ещё совсем маленький помню, как возле «сільуправи» собирали нашу сельскую молодёжь для отправки на каторжные работы в Германию. Вокруг слышен был плач, переходящий в стон. Но я отвлёкся, и буду это делать, по-видимому, ещё не один раз). Школе принадлежала также «просяниківська хата» под соломенной крышей в три окна по фасаду, находившаяся в некотором отдалении от Земской школы в северо-восточном направлении. Класс размещался и в одной из комнат в том здании, где обитал с семьёй наш «Серко», и ещё один или два класса находились в строении возле школьных ворот, расположенном параллельно дому с директорской квартирой. Эти два домика существуют до сих пор. Там уже давно никто не учится, но в казённой квартире по-прежнему живёт теперь уже нынешний директор Цветнянской средней школы Виктор Филиппович Лихненко, который родился как раз в 1952-м году, когда мы навсегда уходили из нашей alma mater. А у тогдашнего директора Коваленко была очень симпатичная жена Ольга Мусиевна и две очаровательные дочки – старшая Светлана и младшая, кажется, Галина. Ольга Мусиевна могла бы тоже учительствовать – в отличие от своего супруга она имела диплом педагога, - но не работала, а вела домашнее хозяйство и терпела издевательства и побои от мужа, как я об этом узнал значительно позже. В 1967-м году, уже живя в Москве, я приехал в очередной раз в отпуск к матери в Цветное и однажды возле клуба увидел очень интересную, стройную и весёлую девушку. Я у кого-то спросил, кто она такая. Мне ответили, что это Светлана Григорьевна Коваленко, учительница английского языка, старшая дочь к тому времени уже покойного Григория Михайловича. Спустя годы ей пришлось работать в той школе, где «свирепствовал» её отец и где прошла часть её детства.

…Но давайте всё-таки возвращаться назад, в промежуток времени между старым 1947-м и новым 1948-м годами. Однажды перед самыми каникулами мы пришли утром в свой класс и не узнали его. Парты стояли плотно прижатыми друг к другу в два яруса на одной половине комнаты, а другая половина оказалась абсолютно пустой. Доску уже куда-то вынесли. Не увидели мы на стене и портрета любимого вождя, который по-прежнему совмещал вождизм с педагогикой, и отсутствовал самодельный плакат, на котором, как сейчас помню, красовался лозунг: «Слава партії Леніна- Сталіна». Такие кардинальные перемены в классе послужили нам поводом для беготни и диких выкриков. Мы почувствовали, что занятий сегодня не будет и очень радовались по поводу такого события. Действительно, в класс явилась Мария Ивановна и объявила, что занятий сегодня не будет, мы свободны до 11-го января 1948-го года и должны явиться в новой четверти уже в Земскую школу. Ура!!! Каникулы!!!

…Так случилось, что в тот день я находился в Церковной школе в последний раз. Школа, недолго прослужив сиротам в качестве «родного» дома, снова стала школой, но мы уже туда не возвращались. Впоследствии мне как-то ни разу не довелось побывать внутри школьного здания, хотя мимо него я проходил, пожалуй, тысячи раз. В конце 80-х годов школу снесли. Не потому, что она внушала опасение своей ветхостью. Нет! Школа строилась ещё при царской власти и была сделана на совесть. Она бы ещё долго простояла. Но детей становилось всё меньше и меньше. Здание пустовало, и какому-то слишком ретивому «деятелю» из местного начальства, который, к сожалению, не до конца был научен уму-разуму именно в этой школе, пришла в голову дурацкая мысль разобрать школу на дрова?! Ну что здесь можно сказать? Ломать – не строить! Пошла школа под бульдозер. Ещё ужасней окажется судьба нашей церкви, но об этом как-нибудь в другой раз – поводов для этого будет немало. Там, где стояла Церковная школа, сейчас заросший бурьяном пустырь. Вплотную к школе примыкали несколько добротных хат наших односельчан. Их тоже нет, и там тоже растет бурьян. Давно уже не существует и находившийся рядом с территорией школы «народный буфет» бабы Кучерьки. Вы

помните, друзья, эту знаменитую и бесстрашную перекупщицу самогона, торговавшую оптом и «распивочно на вынос»? Летом 1999-го года я, будучи целое лето в селе, решил пройтись по «пепелищу» родной школы. Там напрямик через пустырь, среди полыни, лопухов, шандры и чернобыля протоптана узенькая тропинка. Тропинка посредине нашего далекого школьного детства. Я прошелся по тропинке, может быть, именно по тому месту, где зимой 1947-го года в последний раз переступил порог школы и уже больше туда никогда не возвращался.

…Новый 1948-й год праздновали в уже знакомом нам сдвоенном классе Земской школы, на этот раз у настоящей ёлки – не из сосны. По сравнению с сосной ёлка показалась мне маленькой и невзрачной на вид. Наверно, она и была такой. Дело в том, что сосны невдалеке от Цветного растут (например, в Александровке, в говорящем самим за себя селе Сосновка или даже у хутора Ружичево), а вот елей поблизости нет нигде. Значит, её привезли издалека, и все были ей бесконечно рады. На утренниках я больше не выступал – ни в этот раз, ни позже. А вот вручали ли в тот новогодний праздник подарки, ей-богу не могу вспомнить. Передо мной предстала позапрошлогодняя картина – на самом почетном месте у ёлки сидит на стуле «Голуб», изредка шмыгает носом, сверлит всех нас серым взглядом, присоединяется к аплодисментам. Рядышком на другом стуле примостился… Правильно! Андрон Маркович Койда. Разобщённость этой пары казалась нам вообще немыслимой. Коваленко и Койда вошли в наше сознание таким же сплочённым союзом двух людей как Ленин и Сталин. Да, я забыл сказать, что к этому времени Вера Тимофеевна оставила свой 3-й «б» класс и куда-то уехала, а вместо неё класс поручили Домне Павловне Носенко, только что появившейся в нашей школе вместе со своим мужем Никитой Петровичем Носенко (я его уже упоминал) и сыном Виталием, который, начиная с 5-го класса будет учиться в нашем классе, и речь о нём тоже впереди. Домну Павловну почему-то величали Домахой Павловной. Мне такое обращение не нравилось и не нравится, но придётся так её именовать ради правдивости этих воспоминаний. Домаха Павловна показала себя очень хорошей, знающей, трудолюбивой учительницей, под стать своему мужу. Она как и её предшественница Вера Тимофеевна сумела организовать своих учеников (главным образом девочек) на культурное и полезное проведение свободного времени в песнях, плясках, весёлых играх и т. д. 3-й «в» класс продолжала вести Ольга Павловна Мостовая. Особой активности тогдашнего 3-го «в» класса я что-то не припоминаю. А девочки из 3-го «б» под руководством Домахи Павловны вовсю веселили нас на новогоднем празднике под ёлкой. Из многочисленного репертуара Домахи Павловны я до сих пор помню одну из песенок о птичках и один куплет из творчества, так сказать, на местные темы своего класса. Песенка звучала так:

Летели две птички
Ростом невелички
Здесь лето – там зима
Птичка весело жила.
Как они летели,
Все люди смотрели
Здесь лето… (2 раза)
Как они садились,
Все мы удивились… и т. д.

Песенка очень длинная и звучала она долго. Затем последовали куплеты-частушки, в которых в основном высмеивались лодыри, двоечники, прогульщики и прочие нерадивые ученики класса. В куплетах тоже нехватка не чувствовалась. Мне запомнился вот этот:

А Павловський Павло
Не в той чобіт взувся.
То пера в нього нема,
То зошит забувся.

И после каждого куплета припев, - какая-то абракадабра, но, как у нас говорят, «не прикладно – зате жалібно»:

Чортиргіра, чортиргіра,
Чортиргіра, чортирга.
Чортиргіра затопила
Всі крутії берега.

Очевидно, Чортиргіра какая-нибудь местная речушка, которая когда-то чуть было не затопила и Домаху Павловну. Но слушали мы, развесив уши, и все остались довольны. Ну а Павел Иванович Павловский живёт в Цветном и до сих пор. Личность довольно одиозная, и я не хочу на ней останавливаться.

…После каникул мы пришли в Земскую школу уже не на праздник, а для того чтобы «добре вчитись і не порушувати дисципліну». Здесь мы проучимся до лета 1952-го года и нам предстоит многое узнать, познакомиться со многими учителями и новыми предметами, повзрослеть, испытать радость и горечи. Нас определили заниматься во вторую смену, и в 3-й а также 4-й четверти будем учиться в том «зимнем» северо-восточном классе, который недавно являлся частью весёлого новогоднего праздника.

Придя 11-го января 1948-го года в школу, я впервые увидел учителей, которых раньше не знал. В ту, Церковную школу учителя-предметники просто никогда не заходили. В первую очередь я заприметил такие наши знаменитости как математик и физик Василий Васильевич Лобач, преподавательница географии и ботаники Галина Никитична Синченко, старенькая учительница русского языка и литературы а по совместительству и всех прочих предметов Мария Филипповна Юрченко, учитель начальных классов Порфирий Игнатьевич Хлевицкий (он будет нашим учителем в 4-ом классе), ещё один учитель начальных классов Василий Трофимович Лагно (мы его уже вспомнили – наш штатный Дед-Мороз). Мелькали по школе ещё какие-то временные учителя, их имена я, к сожалению, сейчас не могу вспомнить. Была такая, кажется, Мария Евсеевна – пожилая учительница такого же низенького росточка как и наша Мария Ивановна. Как мы помним, историю преподавал сам директор, а украинский язык и литературу, сочетая с должностью завуча, вёл в большинстве старших классов Андрон Маркович. Да, в то время в школе работал ещё один учитель – нашего, цветнянского происхождения. Уроков труда тогда как предмета не было (труд-то был!), а этот учитель являл собой некий симбиоз из преподавателей труда, физкультуры, пения и ещё чего-то. Короче говоря, его держали как подменного педагога. Замещал тех, кто болел, был в отлучке и т. д. Звали его Федосей Степанович Коцур, но в селе учителя все знали по кличке (ох уж эти сельские прозвища!) как Федосея «Балабана». Кличка пошла от его матери Сани Балабанки, которая прославилась на всё село невероятными выдумками, сплетнями, головокружительными историями. Балабанка считала себя очень набожной. О таких людях окружение судит как о богопродавцах. Однако своему единственному сыну Федосею сумела дать педагогическое образование, хотя и «затуркала» его до предела. О её муже Степане и говорить нечего. Он находился на службе у Балабанки кем-то вроде бедного деда из пушкинской сказки о рыбаке и рыбке. Я хорошо помню эту женщину, был свидетелем, как она, не боясь в то время властей, организовала освящение своей хаты на Хмаривке и вынос из неё иконы в качестве дара для нашей церкви. Помню, как эту икону несли через всё село на церковных носилках (у нас они называются нары, очевидно слово было заимствовано из немецкого языка – die Bahre, что в переводе означает носилки. Баре – нары) с участием батюшки, певчего хора, при полном стечении народа, а мы, пацаны, становились на пути следования церемонии на колени, и над нами проплывала поддерживаемая крепкими мужиками икона на «нарах», и это казалось нам вершиной доблести и геройства. Так я к чему? Это уже рассказ моей матери: молодой учитель Федосей как и все мужчины воевал на фронте. В один прекрасный (да уж, «прекрасный») день Балабанка получила подобно огромному количеству других матерей, похоронку на своего сына. Горе огромное. Все переживали его по-разному. Например, моя мать, получив извещение о гибели отца, первое время выла по-волчьи дни и ночи. А Балабанка организовала вселенское отпевание сына опять же с выносом из хаты а затем проносом по всему селу на этих же «нарах» к кладбищу огромного портрета Федосея,

заснятого в цивильном костюме. Горе и без того лилось через край, повсюду в селе слышался плач, а тут ещё и Балабанка «поддаёт жару». Но самое интересное случилось потом. Похоронка оказалась, к счастью, ошибочной. Молодой Балабан вскоре написал с фронта письмо, что он жив и здоров, а Балабанка, круто переложив реверс, устроила нечто противоположное отпеванию покойника, теперь уже со знаком плюс – за здравие. Дело обошлось без портрета, в церкви батюшка отправил молебен «воскрешения из мёртвых». Апофеозом этого мажорного молебна явилось по словам матери громкое причитание Балабанки на всю церковь:

- *Господи! Одпечатай мого сина!*

В другой раз она выкрасила свою хату сажей! Затем на этом черном фоне нарисовала белым каолином весёлые цветочки.

Но, как любил повторять А. В. Суворов «*Помилуй Бог!*», я же пишу о школе , учителях и нас с вами. Так вот помню, как Федосей Степанович гнался зимой за каким-то учеником. Ученик держал в руках доску, упавшую с проезжавшей мимо школы подводы, а Федосей что есть мочи кричал ему вслед:

- *Покинь! Покинь! Не бери! Покинь! Нащо воно тобі?*

Вскоре оба скрылись из глаз. Да, видать, яблоко упало недалеко от яблони.

Вот ещё вспомнил. Вношу поправку. 3-й «в» класс приняла от Ольги Павловны перед новым годом Мария Прокоповна Зосименко. Перед этим она, как мы помним, немного занималась и с нашим классом. 3-й «в» класс не вписался в помещения основного корпуса Земской школы, и его пришлось поместить на отшибе в «просяниківській хаті».

Мы осторожно присматривались к новой обстановке, поближе знакомились с окружающей школу территорией, с опаской следили за теперь уже часто мелькавшими перед нами Григорием Михайловичем и Андроном Марковичем. В школе ежедневно дежурили ученики старших классов. Они следили за тем, чтобы мы появлялись в вестибюле школы (так назовём наш большой квадратный коридор) в чистой обуви, чтобы не слишком громко кричали и не топали ногами, чтобы, войдя в вестибюль, где висели огромные портреты Ленина и Сталина, снимали головные уборы и т. д. Одним словом, у «Голуба» царил порядок. Другое дело, что он порой приобретал гипертрофированный характер. Разумеется, дежурили ученики и в классах. Следили за порядком, вытирали начисто доску, докладывали учителю, кого сегодня нет на уроках, что было задано на дом. Это факт общеизвестный. Появились и новые черты в педагогике нашей школы. Иногда на уроках стали появляться учителя-посетители. Помните, бывало вслед за Марией Ивановной или впереди неё вдруг войдёт медленной походкой,опираясь на палочку, Мария Филипповна или Порфирий Игнатьевич, сядет, как правило, на задней парте, если там кто-нибудь из учеников отсутствует, а если все места на задних партах заняты, то визитёр попросит кого-нибудь с задней парты занять любое свободное место, а сам усядется там поудобнее и на протяжении всего урока что-то пишет. Теперь я понимаю, что ассистентов посылал в классы директор, а те, сидя, за задней партой, занимались своими делами, не мешая своему коллеге вести урок. Парты у нас тогда были настоящие. У некоторых из них приоткрывались крышки на петлях, когда понукаемый учителем ученик вставал из-за парты во весь рост. Сверху на узкой ровной площадке парты располагались круглые углубления для чернильниц, которые мы с вами уже упоминали. Когда учитель входил в класс, все, естественно, вставали для приветствия. Затем по команде учителя ученики садились. В это время парты гремели невообразимым грохотом.

В этом новом 3-м классе, вернее в новой для меня школе, я сидел в среднем ряду (а всего их было 3 или 4) как раз на последней парте, к тому же в одиночестве. Ну как? Представляете, кто ко мне подсаживался? Нет, вы, конечно, всех не помните, но должны помнить, как однажды распахнулась дверь, и в класс вошла или, как бы сказать, впорхнула бочком тщедушная Мария Ивановна а за ней выросла в дверях грозная фигура в гимнастёрке и брюках синего цвета. О Боже! Директор направляется прямо ко мне. А куда ещё ему садиться? Здесь законное свободное место. Как прошёл этот несчастный для меня урок, кто отвечал у доски, что говорила Мария Ивановна – всё проплыло как в тумане. Страх сковал меня так, что я за весь урок даже не посмел повернуть голову в

сторону «Голуба». Да что голову! Я не мог заставить себя глаз скосить на незваного гостя. В голове стоял сплошной гул, и сквозь этот гул до моего сознания иногда доносилось лёгкое подшмыгивание. Почти что в полной прострации я еле дождался перемены, и как только директор удалился, пулей вылетел из класса и уже во дворе школы разревелся от напряжения. Слава Богу, что хоть Марии Ивановне не пришла в голову мысль вызвать меня к доске отвечать урок. Случилась бы катастрофа.

…Между тем дирекция школы начала как следует закручивать гайки в отношении тех учеников и их родителей, кто оставил школу. Такие мероприятия в полной мере коснулись и моей сестры. Где кнутом, где «пучком сена», где пряником «Голубу» всё же удалось вернуть в школу практически всех оставивших её детей – главным образом девочек. Анна попала в 3-й «в» класс к Марии Прокоповне в «просяниківську хату». С тех пор у меня до окончания семилетки установились с этим классом самые дружественные отношения, а с Женей Березовским, который после переезда с родителями из села Михайловка стал в том же году тоже учиться в 3-м «в» классе, мы сдружились крепкой, настоящей дружбой на всю жизнь. Сейчас Евгений Сергеевич Березовский, подполковник медицинской службы в запасе, опытный врач вышел в отставку и поселился в городе Кировограде. К сожалению, мы видимся редко, но регулярно обмениваемся письмами. Я мог бы многое вспомнить о нашей с ним дружбе. Можно было бы вспомнить и других моих друзей не из нашего класса, и в первую очередь Василия Евтихиевича Ткача (Васю), Виктора Наумовича Гниденко (Витю) и других, но ведь мои письма адресуются друзьям-одноклассникам – такие у меня намерения. Думаю, что никто на меня за это не обидится.

После директорской профилактики к нам в 3-й «а» класс пришли отставшие в свое время от своих классов Маша Хлевицкая, Паша Комар, Саша Сиденко, Витя Атамас, Ваня Галасюк. Галасюк происходил тоже из большой семьи – братья Иван, Николай, Михаил и три сестры. Иван старший сын в семье. Жили Галасюки на идущей к Громадскому пруду улице, чуть ниже сельсовета. В октябре следующего 1949-го года у них сгорит хата. Ваня – мрачный, молчаливый переросток (родился в 1934-м году) ходил в школу в длинной отцовской фронтовой шинели, в ботинках, ватных брюках и, если помните, дорогие друзья, в обмотках. Вот такую «школьную форму» можно было встретить у наших соучеников. В наш класс попал ещё и Петя Гайденко, старший сын бывшего во время немецкой оккупации начальника Цветнянского сельского полицейского управления Семёна Гайденко. Андрон Маркович правильно понимал смысл сталинского изречения о том, что «сын за отца не отвечает», и однажды уже в 5-м классе, распекая Петра за какую-то незначительную провинность, громко, так чтобы слышали все окружающие, сказал ему:

- *Ти ж знаєш, що ти син поліцая?*

Надо полагать, Пете было нелегко в тот момент выслушивать такой не зависящий от него упрёк. Отец в своё время не подумал о детях, а Андрон Маркович забыл, что перед ним стоит не полицай Семён Гайденко, а всего лишь ученик 5-го класса Пётр Гайденко. Да, отец за сына… а сын за отца…

По каким-то соображениям перевели в наш класс из 3-го «б» мою соседку Сашу (Соню) Загнибеду. Одним словом, класс «разбух». Пришлось потесниться, добавить несколько парт, благо помещение огромное и места хватало всем.

Почти что все пришедшие к нам в январе-феврале 1948-го года ученики будут вынуждены оставить школу и уйти в большую жизнь весной 1950-го года, закончив а то и не закончив 5-й класс. Уйдут не только они – к ним присоединятся практически все переростки, за исключением только тех, кто более или менее успешно учился. К ним мы обязательно ещё вернёмся, а сейчас продолжим рассказ о 3-м «а» классе. Мы, взрослея, постепенно углублялись в учебный процесс. В программу обучения теперь включались не отдельные, разрозненные рассказы или отрывки из рассказов, а систематизированные произведения конкретных писателей и поэтов. Мария Ивановна знакомила нас с творчеством классиков украинской и русской литературы, - Т. Шевченко, Л. Украинки, И. Франко, М. Коцюбинского, А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, А. Чехова. Очень

большое внимание уделялось тогдашним советским писателям и поэтам Украины и России: Наталья Забила и Мария Пригара (авторы украинского букваря), Павел Тычина, Владимир Сосюра, Андрей Малышко, Максим Рыльский (тогда он был ещё в почёте, гонения на него начнутся позже, после гореизвестной августовской (1948-го года) сессии ВАСХНИЛ, а мы сейчас находимся только в январе 1948-го года), Максим Горький, Владимир Маяковский («Крошка сын к отцу пришёл и спросила кроха…»), Александр Фадеев, Дмитрий Фурманов и другие. Мария Ивановна познакомила нас тогда с прекрасными детскими стихотворениями еврейского поэта Лейбы Квитко. Палачи из НКВД прикончат его также чуть позже (он буде расстрелян в ночь с 11-го на 12-е августа 1952-го года вместе с другими членами так назывемого антифашистского еврейского комитета). По арифметике мы в 3-м классе свободно оперировали сложением, вычитанием, умножением и делением пяти- и шестизначных чисел. Всё это в уме! На бумаге! Тогда не то что калькуляторов – арифмометров не было и в помине. А голова зачем? Она ведь должна думать, соображать, слагать, вычитать, множить и делить – иначе атрофируется. Подробно изучались правила грамматики украинского и русского языков. Короче говоря, мы двигались вперёд. Нам требовались знания. Не зря же директор, выступая перед нами на праздниках, постоянно внушал нам со своего ступенчатого пьедестала:

- *Кожна ваша п'ятірка – це нищівний удар по паліях війни. Ото ж треба добре вчитись!*

Мало-помалу класс становился одной дружной семьёй. Большое значение имел и тот факт, что в отличие от городских школ у нас совместно обучались мальчики и девочки. Поэтому мы всё-таки не были такими дикими, как дети в раздельных мужских и женских школах. Если вы, друзья мои, не против, то я сделаю здесь небольшое авторское отступление, опять же связанное с нашей школой и с нашим классом.

В 3-м классе мне очень нравилась Лида Полишкевич. Высокого роста, стройная, симпатичная девочка. Глаза у Лидочки карие, и она их часто щурила, потому что была близорукой, а очки тогда у нас не носил никто. Тем не менее ей очень импонировал прищур её добрых, каких-то грустных глаз. Не знаю, может быть, в моем наблюдении за Лидой и зарождалось чувство первой любви – мне шёл уже 11-й год, а она была старше меня на один год. Нравился ли и я ей – не знаю, трудно сказать, скорее всего Лида не обращала на меня никакого внимания. Успеваемость у Лиды была средняя – не очень хорошо, но не так уж и плохо. Уйдет она из нашего класса (4-го) в 1949-м году, ей тогда исполнится 13 лет. Скажите мне, дорогие друзья, кто сейчас в 13 лет учится в 4-м классе? Нет таких! Девочки сейчас в 13 лет (не все, естественно) почти что открыто курят сигареты, делают красивые причёски, а есть дела и посерьёзней. Не будем об этом. Большинство девочек нашей поры были в этом возрасте чисты как золото первой пробы. В середине 50-х годов Лида Полишкевич вышла замуж за главного бухгалтера Янычанского лесничества, невероятно огромного толстяка Якова Ивановича Кравченко. Вряд ли этот брак можно считать браком по любви – скорее всего по расчёту. По характеру Лидочка мягкая, покладистая, добрая. Семья Полишкевичей большая, она старшая в семье, как раз перед её замужеством нелепо погиб при разборке чужого сарая отец. Она решилась выйти за толстого и намного её старшего Яшу и таким образом хоть как-то помочь семье. Яша весил, чтобы не соврать, килограммов 160. Я видел его много раз. Злые языки утверждали, что он в один присест уминал больше половины ведра заправленной четвертинкой подсолнечного масла квашеной капусты, полбуханки чёрного хлеба, миску вареников, предварительно выпив стакана два-три отборного самогона. Жили Кравченки в достатке – лес шумел, а Яша подсчитывал кубатуру шумевших деревьев и себя а также свою семью в обиду не давал. Однажды я видел как они ехали на фаэтоне. Цирк! Жирный кабан развалился на заднем сиденьи, создавая почти что критический боковой дифферент брички (у авиаторов есть такое выражение как «дифферент на крыло»), заднее крыло цепляло колесо, высекая искры, казалось, что Яша вот-вот вывалится прямо на пыльную дорогу. Бедная Лидочка на противоположной стороне сиденья ухватилась за поручень, как хватаются несчастные моряки за леера

переворачивающегося корабля. Её наоборот приподняло на сиденье, между колесом и крылом образовалась огромная брешь. Лидочка мило, чуть испуганно улыбалась людям, но, естественно, не могла компенсировать этот угрожающий крен фаэтона. Не мог ей помочь и смущённый кучер, тоже предусмотрительно пересевший на переднем сиденьи на ту сторону, где находилась наша одноклассница Лида. Так и удалилась эта перекошенная карета, покрывая пылью мою робкую первую любовь. Больше я Лидочку никогда не видел. Рассказывали, что она родила добряку Яше двоих детей, вскоре Яков Иванович скоропостижно скончался, и Лида осталась вдовой. Её дальнейшая судьба мне неизвестна.

…А тем временем в 3-м «а» классе шли обычные занятия, зимой в классе было очень холодно, мы все сидели одетыми. Работа пионерской организации в Земской школе считалась хорошо налаженной. Главным звеном в структуре пионерской организации считался совет дружины. Кроме старшего пионервожатого (на то время всё ещё работала Галина Степановна) совет дружины возглавлял его председатель – кто-нибудь из расторопных учеников. Дружине присваивалось какое-нибудь имя. Как правило, пионерским дружинам и отрядам давали имена героев войны, партизан, подпольщиков периода вражеской оккупации. Наша дружина носила героическое имя Зои Космодемьянской. Каждый класс (младшие классы) представлял собой подчинённый дружине пионерский отряд. По образу и подобию вертикального подчинения в советских структурах во главе отряда должен был находиться председатель совета отряда. Кто тогда управлял нашим пионерским отрядом – никак не припомню. А отряд гордился именем Олега Кошевого. Вся эта разветвлённая сеть пионерских звеньев не являлась формальной выдумкой – проводилась и определённая пионерская работа, главным образом в идеологическом направлении. Комсомольцы старших классов брали над нами шефство, их назначали к нам отрядными вожатыми. В задачу вожатых входила, например, организация сбора отряда, ясное дело, что с помощью классного руководителя. «Голуб» ревниво следил за работой пионерской организации школы. Кроме пионерской и комсомольской организаций в школе существовал ещё и так называемый ученический комитет – учком, создание которого являлось олицетворением демагогической болтовни о системе самоуправления на всех уровнях советской иерархической лестницы. На самом же деле всем управлял Коваленко вкупе с Койдой. Ну и в каждом классе избирался или назначался староста класса.

…В марте 1948-го года в Церковной школе села Цветное, где мы раньше учились, был открыт детский дом. В самом начале в нём приютили очень много детей-сирот. В дальнейшем по мере ухода в прошлое страшной войны число оставшихся без родителей детей постепенно сокращалось, пока не появилась новая беда – сироты при живых родителях. Мы с интересом смотрели на одинаково одетых, ходивших строем детей. Их стали распределять по классам нашей школы – дети должны учиться, кем бы они ни были. Пришёл и в наш 3-й «а» класс один мальчик, его звали Витя Харин. Он родился в 1936-м году, стало быть чуть постарше меня. Мария Ивановна посадила Витю за первую парту, кажется, с Ваней Коржом. Все ученики класса сразу же с ним сдружились, он оказался приятным, толковым парнем, но проучился в нашем классе недолго. Его почему-то перевели в 3-й «б» класс, может быть для того, чтобы детдомовские ученики не были разбросаны по нескольким классам, а компактно группировались в каком-нибудь одном классе, и таким классом избрали 3-й «б». Там тоже училась девочка из детдома. Её звали Надя Пантелеенко. После окончания 6-го класса Витю Харина как и многих других ребят из детдома, да и не только из детдома, направили в железнодорожное училище в Знаменку.

…В июне 1953 года, когда я уже закончил семилетку, «благополучно» прервал учёбу в Выше-Верещацкой средней школе и всеми силами пытался вырваться из колхозного рабства, мы с Лёней Гречкой, который тоже уже нахлебался колхозной каши за рулём допотопного трактора ХТЗ, решили попытать счастья и отправились поступать в Знаменское ЖУ. Господи! Для нас обоих предстояла практически первая поездка на

поезде (тогда курсировал так называемый рабочий поезд Цыбулёво – Знаменка). По нашему внешнему виду и особенно по до смерти испуганным глазам можно было уже издалека заметить, что эти два дикие и пугливые зайца кроме ветряных мельниц ещё ничего не видели и кроме как на колхозных телегах ни на чём больше не ездили. А они туда же! Собрались поступать в ЖУ. Придя в училище, мы увидели огромное количество снующих туда-сюда молодых ребят в форменной одежде. Нам стало страшно, мы застыли в нерешительности у входа в здание училища. И тут к нам подошёл Витя Харин, который нас узнал и радостно поприветствовал. Он уже заканчивал учёбу и успел кое-что повидать и кое-чему научиться.

- *Витя! Дорогой! Помоги нам как-нибудь разобраться, чтобы поступить к вам в училище.*
- *Дураки! Куда вы лезете? Вы даже не знаете, что вас ожидает! Вот подождите, когда я буду возвращаться с работы из вагонного депо, и вы увидите, как с моей спецовки будет капать жидкая грязь.*

Витя уже имел опыт и не советовал нам посвящать себя трудной, грязной работе. В это время из здания училища вышел плотный, ещё не старый мужчина в железнодорожной форме. Им оказался директор училища. Витя обратился к нему по имени-отчеству:

-*Вот ребята, мои земляки, хотят поступить к нам учиться.*

Директор, видимо, был не в духе:

- *Вы откуда?*
- *Із Цвітни, у нас є свідоцтва про закінчення семирічної школи…*

Он нас перебил:

- *Из Цветной? Горшколепы? Вот и делайте свои горшки, нечего соваться на железнодорожный транспорт. Здесь и без вас хватает ребят. Ишь ты! Горшколепы! Кто это вас надоумил? А ты, Харин, ступай на своё место в депо и забудь об этих голодранцах. Ишь ты! Они, видите ли, из Цветной!*

Как мы унесли оттуда ноги – я не помню. Помню только, что бежали по длинному мосту (он есть и сейчас), запыхались и еле успели на рабочий поезд до Цыбулёво. Больше мы с Лёней о Знаменке не заикались.

…Что-то у меня получается много отступлений. Ничего не поделаешь – и та, школьная, и последующая жизнь настолько тесно переплетены между собой, что приходится то забегать вперёд, то снова возвращаться назад.

Мы заканчивали 3-й класс. Кое-кто уже готовился расстаться со школой. Я как-то потерял из виду «движение кадров» после 3-го класса. Кажется, оставил школу Паша Лавриненко – «Столяр». Долгое время я его не видел, он куда-то уезжал. Встретились мы только осенью 1957-го года. Он уволился в запас из вооруженных сил, служил где-то на границе. Эта встреча оказалась последней. Вскоре вся семья «столяров» выехала из села и следы Павла Авраамовича Лавриненко затерялись. Уж и не знаю, куда всё-таки девать Петра «Рябко», наверно, он тоже распрощался со школой весной 1948-го года. А весной 1958-го года он в один прекрасный вечер появился в нашем сельском клубе изрядно выпивши, в хорошем костюме, на голове буйный чуб. Петр вел себя агрессивно, ругался, пытался затеять драку, часто повторял «я работаю в шахтерской бригаде коммунистического труда» (тогда зарождалось это коммунистическое движение). В конце концов «Рябко» всем надоел и его вывели из клуба под белые руки. Больше я его нигде не встречал. А вот кто ещё кроме них остался за бортом нашего класса – ей-богу запамятовал. Скорее всего сердобольная Мария Ивановна перетащила в 4-й класс максимально возможное количество учеников, чем вызвала неоднократные нарекания нашего будущего учителя Порфирия Игнатьевича, который то и дело что поминал Марию Ивановну за то, что она ему всучила такой плохой класс. Опять же за точность не могу поручиться, под рукой нет никаких документов. Эх! Были бы в моём распоряжении классные журналы тех лет! Увы!

Шла весна 1948 года. В новом учебном году у нас уже не будет ни Марии Ивановны, ни Дмитрия Пантелеевича. Они возьмут первые классы. Мы расстаёмся до сентября. Там нас ждёт новая школьная жизнь.

* *
*

Сегодня, когда я пишу эти строки, на календаре 31-е августа 2000-го года. Ровно 52 года тому назад таким же тихим, ещё хранящим тепло уходящего лета утром мы собрались во дворе Земской школы на очередной праздник, посвящённый началу учебного года. Сейчас дети и их родители собираются на подобные праздники 1-го сентября. Этот день назван днём знаний, и 1-го числа практически никто не учится. А тогда мы собирались 31-го августа без родителей, и на завтра уже не планировались никакие праздники, а проводились полноценные будничные занятия. На ещё августовском детском утреннике мы узнавали расписание уроков на 1 сентября и далее, так что на первых уроках можно было чего доброго и двойку схлопотать. Наш директор Коваленко как истинный приверженец полувоенной дисциплины любил часто выстраивать учеников на плацу перед зданием школы. Поскольку мы ещё не совсем отвыкли от Церковной школы, в которой таких построений практически не было, то нам казались такие порядки непривычными. Внезапно прозвучал резкий голос нового военрука или физрука, теперь я уж и сам не знаю как его величать, Михаила Ильича Ангелуцы:

- *Внимание! Школа, становись! Смирно!* – и он зловеще прошептал ещё что-то, чего я в тот раз не разобрал.

Да, а Дмитрий Пантелеевич окончательно отодвинул в сторону «игры в кошки-мышки» и стал учителем младших классов.

Ещё до построения нас сгруппировал вокруг себя новый классный руководитель 4-го «а» класса Порфирий Игнатьевич Хлевицкий или как мы, да и не только мы, называли его тогда Профирій Гнатович, а я так ещё больше упростил для себя и обращался к нему не иначе как Прохвирій Гнатович. В моих воспоминаниях он будет фигурировать для удобства просто как Прохвирій. Тем более, что все люди села знали его именно как Прохвирія.

Мы быстренько построились в шеренги в отведённом для 4-го «а» класса месте, другие классы также заняли свои места в общем строю.

-*Равняйсь! Смирно!* – пуще прежнего заорал Ангелуца.

И здесь на крыльцо (знаменитые деревянные ступени) выходят из учительской Коваленко, Койда, ещё кто-то из учителей. Но что это? Вместо радостных поздравлений по поводу начала учебного года мы видим скорбные лица «Серко», Андрона Марковича и всех остальных из их свиты. Наперёд выступает директор школы и тихо говорит:

- *Дорогі товариші учні. Піонери та комсомольці. В цей день нас спіткало велике горе. Вчора, 30-го серпня 1948-го року несподівано вмер друг і соратник великого вождя і вчителя товариша Сталіна, член Політбюро ЦК ВКП(б), секретар ЦК ВКП(б) товариш Андрій Олександрович Жданов. Прошу вшанувати його пам'ять хвилиною мовчання.*

Прохвирій, сдёрнув с головы сшитую портным Василием Босненко из румынского шинельного сукна табачного цвета фуражку сталинского образца, приказал нам полушёпотом (шёпот у него никогда не получался):

- *Жніміть, дітки, головні убори!*

Затем с длинной речью, посвящённой этому траурному событию, выступил Андрон Маркович. Начал он с Жданова, а закончил, как всегда, верой в коммунизм и угрозами капитализму. Не забыл, кажется, и вопросы нового учебного года. Пожелал всем успехов в учёбе, призвав заодно ещё теснее сплотиться вокруг родной коммунистической партии большевиков во главе с великим вождём всех народов, мудрым учителем, дорогим и любимым товарищем Сталиным.

В этом учебном году нам предстоит заниматься в проходном классе, в том самом тёмном и мрачном «шлюзе», где когда-то Андрон Маркович вручал нам в качестве

новогодних подарков не совсем очищенные от патоки кусочки сахара-рафинада. Первые две четверти мы будем учиться опять же во вторую смену – количество детей не убавлялось, а классных помещений катастрофически не хватало.

Мы заходим в класс и занимаем за партами свои места. Я устроился за одной партой с Ваней Галасюком. Ваня старше меня на три года. Вёл себя молчаливо, даже как-то угрюмо. Однажды уже потом я увидел у него старое, ржавое перо и спросил, почему он его до сих пор не выбросил. Иван строго на меня посмотрел и сказал:

- *Це перо ще й тебе переживе.*

Я, конечно, возразил, не оценив шутку Галасюка. Тогда он взял меня легонько за плечо и очень спокойным голосом, вполне серьёзно и членораздельно произнёс:

- *Перо буде ще довго в мене зберігатись, а тебе, слиш, черв'яка, я можу вбити сьогодні ж.*

Я не стал ничего возражать и поспешил с ним согласиться. А вообще Ваня был неплохим парнем.

…Но вот в класс входит, нет – не входит, а врывается какой-то странной походкой, полусогнувшись как вопросительный знак, высоко поднимая колени и раскрыв рот, Порфирий Игнатьевич Хлевицкий. В руках у него видавший виды портфель, он кладёт его на стол, оглядывает нас каким-то цепким и в то же время рассеянным взглядом и говорит:

- *Добрий день, дітки! Шідайте. Давайте, тасать, будемо знайомитись.*

Давайте же, друзья мои, и мы поближе познакомимся с Порфирием Игнатьевичем. Вернее сказать, давайте вспомним этого, безусловно, хорошего, отдававшего все свои силы и знания нашему обучению и воспитанию учителя. Мне и легко, и одновременно трудно описывать его внешний вид и особенно внутренний мир. Сложная, противоречивая, неоднозначная и неординарная натура. О таких людях у нас в селе обычно говорят: *«Дурак не дурак, а розумний не такий».* Действительно, Прохвирій, несмотря на свое происхождение из бедной, неграмотной крестьянской семьи, получил неплохое педагогическое образование. Как учитель он много работал над собой, был беспредельно предан своему делу и советской власти, свято верил и нас заставлял верить в лучшую жизнь при коммунизме, хотя членом ВКП(б), насколько я знаю, никогда не был. В то время ему можно было дать лет 40 – 45. Прохвирій честно воевал на фронте против фашистов, ненавидел их всем своим существом, был дважды или трижды ранен, валялся по госпиталям. Учителем он работал ещё до начала войны, и о нём ходило по селу множество самых различных историй, иногда граничащих с легендами вперемешку с анекдотами.

При всей своей преданности педагогике, при наличии в общем-то неплохих знаний и приличного опыта Прохвирій вследствие своих внешних данных и определённых внутренних сбоев, несогласованностей и противоречий в характере, одного сказанного невпопад слова мог в один миг свести на нет все свои добродетели. Наш Прохвирій жил явно не в ладах с юмором. Шуток он не признавал. В то же время сказанные им вполне серьёзные вещи можно было принять за шутку. Нельзя сказать, чтобы он нас любил, скорее всего заботился о наших знаниях, старался изо всех сил, хороших учеников иногда похваливал. О любви к подлизам и подхалимам не могло быть и речи. В этом смысле отношение Прохвирія к ученикам можно было бы охарактеризовать как ровное. Директору или завучу о наших проделках никогда не жаловался. Не думаю, чтобы Коваленко и Койда принимали его уж очень всерьёз. По правде говоря, всерьёз Прохвирія не принимал никто. Одним словом – чудаковатый учитель, и всё тут. Репутацию ему портил ещё и его родной брат Александр Хлевицкий, по прозвищу Сашко Варнава (многие люди жили и живут в селе с кличками, свои клички имели целые семьи, родственные кланы, они переходили к детям по наследству – это не мной придумано, и я только констатирую факты). Варнава слыл на селе неграмотным, грубым, наглым, туповатым мужиком невероятной физической силы. Не любил делать людям добро, вызывая таким образом негативную реакцию односельчан и, естественно, бросая тень на Прохвирія. Прохвирій же, наоборот, был худощав, немного вытянутое по продольной оси лицо, жидкие, зачёсанные на одну сторону волосы, глубоко посаженные, беспокойные

глаза и практически всегда открыт или полуоткрыт рот, что, как считал Остап Бендер, правда, по другому поводу, одно и то же. Впрочем, давайте лучше вспомним некоторые конкретные эпизоды из жизни Прохвирія, иначе характеристика будет не полной. Вот, например, два случая, свидетелем которых я был лично:

1. В один прекрасный августовский вечер 1947-го года, когда голод постепенно ослабил свои железные тиски у нашего горла, наша мать, Анна и я сидели возле хаты у небольшого костерка, на котором варилась в горшке каша для ужина. Наступили сумерки. Забора тогда вокруг нашего двора не было, и мы издали увидели быстро движущуюся, высоко поднимающую ноги и не махающую в такт движению руками, одетую во всё чёрное фигуру. Фигура почти что было уже прошла мимо нашего двора, но потом резко повернула и, пригнувшись, пошла прямо на нас. И тут мы все узнали Прохвирія. А в это время, как мы помним, Анна не ходила в школу, и Коваленко нет-нет да и посылал кого-нибудь из учителей на дом к таким детям, чтобы как-то привлечь их на занятия в школе. Мать, узнав в фигуре учителя, радостно пригласила его, как это у нас везде принято, к ужину:
   - *О, Порфирій Гнатович! Якраз до нас на вечерю! Сідайте! Ось і каша вже майже готова!*

   Ему бы чудаку поддержать шутку и дальнейший разговор пошёл бы не так тягостно. Ан нет:
   - *Мені, тасать, ваша вечеря не потрібна, позаяк ваша дівчина в школу не ходить. Ви що ж, захотіли, щоб вас погнали в школу під посиленою вартою? Ми це зробимо. Адже радяншька влада турбується про навчання ваших дітей… и т. д.* И ужин был испорчен, и Анна в школу не пошла. Всё испортил Прохвирій.

2. Это мое наблюдение из более поздней поры, когда мы учились в 6-ом классе. В школе открылась торговая точка – буфет. Этот так называемый буфет ютился в маленьком летнем помещении, стоявшем отдельно напротив главного школьного здания, по левую руку, если идти, пардон, в туалет (тогда мы этого модного слова ещё не знали – уборная). Ассортимент буфета был жалким, кроме чёрного, как следует не выпеченного хлеба торговать было нечем. Но мы и ему несказанно радовались, если наскребали несколько десятков копеек на кусочек хлеба, который мы покупали и тут же проглатывали во время перемен. Так вот однажды вижу, как к буфету приближается знакомой походкой Прохвирій. Под мышкой какая-то книга или классный журнал – сейчас не помню, в руках сумка. А норма продажи хлеба в одни руки ограничивалась максимум половиной буханки. Прохвирій обращается к продавщице:
   - *Дай мені чілу хлібину.*
   - *Не можу цілу хлібину, другім дітям та учителям не дістанеться. В одні руки тільки півхлібини.*
   - *А я тобі шказав, давай чілу хлібину. Не даси – через шільшку раду віжьму. Ти бач якої! А ну давай чілу хлібину. Осьо гроші, давай чілу хлібину і всьо дєло!*

   Продавщица не стала испытывать свою дальнейшую судьбу и продала ему целую буханку хлеба.

   А вот эпизоды из рассказов других людей. Скорее всего это легенды, хотя…

У Прохвирія было три дочери, - Тина, Лида и Галя. Жену звали Ольгой. Ольга не принадлежала к славной когорте цветнянских учителей, работала в колхозе, вела домашнее хозяйство. Муж характеризовал её следующим образом:

- *Моя дружина не вчителька, але по-вчительськи ходить.*

До войны, да и после войны в нашем сельском клубе работал драматический кружок в рамках художественной самодеятельности. Ставились одноактные, специально написанные для постановки в сельских клубах а иногда и лёгкие классические пьесы. Основной состав исполнителей ролей состоял из местной интеллигенции, главным образом из учителей. На одну из таких постановок пригласили (на свою голову) и

Прохвирія. Во время спектакля, когда полусогнувшийся и не шевелящий руками Прохвирій появился в своём образе на сцене, суфлёр, видимо, не доверяя его памяти, подал ему его реплику. Прохвирій, не долго думая, напрочь выходит из образа, разворачивается в сторону суфлёра и сердито говорит ему в будку:

- *А ну не підкажуй, я шам жнаю, що мені говорить.*

В зале, ясное дело, разразился весёлый смех. Успех среди зрителей Прохвирію обеспечен, но, как говорится, с другой стороны.

И ещё одна трагикомичная история или быль – уж не знаю. Когда началась война, все учителя направлялись в создававшиеся агитбригады для разоблачения фашистской пропаганды. Привлекли к такой контрпропаганде и Прохвирія (на фронт он уйдет позже, в 1943-м году). Он горячо взялся за дело, часто выступал с пламенными речами перед крестьянами нашего села на колхозном дворе. А в это время немецкие войска развивали стремительное наступление. На одном из таких митингов Прохвирій якобы призывал:

- *Героїчна Червона Армія громить ворога на Львівськім напрямку. Наші гармати успішно б'ють фашистів. Але ворог не здається і висаджує у нас в тилу свої десанти. Ото ж, люди, не бійтесь ворога. Якщо побачите парашутистів, що приземляються, то хапайте вила, підставляйте їх німцям під с…у, вони так на вила і сядуть! Не бійтесь!*

Откуда же было бедному Прохвирію знать, что передовые танковые части генерала Клейста из состава группы армий «Юг» и танки генерала Гудериана группы армий «Центр» уже встретились в районе города Лубны и замкнули гигантское кольцо вокруг Киева, где сражались практически обречённые 5 армий нашего Юго-Западного фронта под командованием командарма 1-го ранга Кирпоноса. (Вот почему и Прохвирій, и все остальные мужчины нашего села не были мобилизованы на фронт в 1941-м году – ходят слухи, что даже Кировоградский облвоенкомат еле успел унести ноги на каком-то драном самолёте-кукурузнике. Призовут наших мужичков на защиту Родины лишь осенью 1943-го года после освобождения Цветного частями Красной Армии). Во время агитационной речи сельского учителя Порфирия Игнатьевича Хлевицкого фашистская разведгруппа уже мчалась на мотоциклах по направлению к нашему селу.

…В своей речи Прохвирій часто употреблял слова-паразиты «так сказать» и «позаяк» (потому как). А поскольку слова у него иногда опережали мысли, то они произносились быстро и от частого употребления в слове «так» отпал со временем звук «к», отпало сочетание из трёх звуков «каз» и в слове «сказать», получился странный симбиоз из двух неполных слившихся слов, который звучал как «тасать». Как только это случилось (ещё до войны), Прохвирій сразу же получил прозвище «Тасать».Так что мы, начиная учёбу в 4-м «а» классе, уже знали, что учить нас будет «Тасать Позаяк». Это прозвище знали все люди в селе.

Вот мы и вспомнили, дорогие друзья, нашего незабываемого Порфирия Игнатьевича. Легендарная личность! А? А теперь давайте поимённо вспомним и тех, кто сел перед его взором за парты в проходном классе 1-го сентября 1948-го года. Я долго вспоминал, вычислял, прикидывал, добавлял и вычитал. Вот что у меня получилось. Эх, жаль! Нет под рукой ни списков, ни классных журналов, ни единого документа! Но тем не менее:

1. Атамас Виктор
2. Близна Юрий
3. Бойко Александр (Алик)
4. Борко Ульяна (Оляна)
5. Гайденко Пётр
6. Галасюк Иван
7. Гончаренко Владимир
8. Гончаренко Николай
9. Гончаренко Пётр
10. Гречка Леонид (Левко)
11. Евсеенко Раиса

12. Загнибеда София (Саша)
13. Канюка Нина
14. Койда Алексей (Алик, родной племянник Андрона Марковича)
15. Козыренко Владимир
16. Комар Прасковья (Паша)
17. Корж Иван
18. Коцур Мария
19. Крушеницкая Любовь
20. Лихненко Оксана (Оксюта)
21. Мережаный Иван (со 2-го хутора, д'Арлан)
22. Павловская Мария
23. Пасечник Мария
24. Полишкевич Лидия
25. Саенко Василина (Васюта)
26. Саенко Дементий
27. Сиденко Александр (Шурко)
28. Соколовский Григорий
29. Стрижак Ефросинья (Фрося)
30. Сухая Лидия
31. Таргун Мария
32. Хлевицкая Мария
33. Хмара Юрий
34. Цышевский Владимир
35. Шмыголь Зинаида

Вот уж забыл, где в этом учебном году находился Носенко Виталий – то ли в нашем классе, то ли ещё оставался в 4-м «б» под началом своей матери Домахи Павловны? Ну ладно, пусть он ещё один год позанимается в 4-м «б», а уж на следующий год я его обязательно возьму к нам, с 5-го класса он учился вместе с нами – это точно. И ещё: в 3-й четверти в наш 4-й «а» придёт Гриша Отрищенко, двоюродный брат Вити Атамаса и учившегося в то время в 5-м классе Вити Чупринюка. Нет, не так. Гриша, правда, двоюродный брат и Чупринюку, но семья Чупринюков появилась в Цветном в 1949-м году, и Витя Чупринюк пойдет не в 5-й, а в 6-й класс. Но говорить об этих событиях пока преждевременно.

Давайте лучше вспомним заодно уж и нашего нового физрука Михаила Ильича Ангелуцу. Ангелуца как и Григорий Михайлович Коваленко пришёл (или был брошен) на ниву народного просвещения из органов НКВД, с той лишь разницей, что Коваленко, по всей видимости, имел более высокое воинское звание и, хотя по-настоящему и не воевал, но всё же околачивался невдалеке от фронта, а вот Ангелуце я выше старшины конвойного отряда ни за что не дал бы, да и повело его, как мне потом рассказали, не в ту сторону, где шли бои, а в глубокий тыл или надзирателем в тюрьму, или же охранником в один из советских концлагерей. Откуда же взяться педагогическим навыкам? Из органов НКВД Ангелуцу за какую-то провинность попёрли. Специальности никакой. Куда деваться? А кушать хочется! Кроме того у него жена и маленькая дочь. Вот по чьей-то рекомендации и пристроил «Голуб» собрата по ремеслу во вверенной ему Цветнянской семилетней школе. У Ангелуцы, молдаванина по национальности, средний рост (примерно как у Андрона Марковича), возраст около 35 – 38 лет, чёрные как смола прямые волосы, цепкий прищуренный взгляд из-под густых бровей, сердитое лицо, плотно сжатые тонкие губы. Когда он говорит, то концовки фраз глушатся каким-то зловещим шипением, и только по губам можно понять, что он хотел сказать. Вот он подаёт команду:

- *Школа! Равняйсь! Смирно!,* - и добавляет уже шепотом, одними губами, - ... *вашу мать!*

Носил он как и «Серко» в основном воинскую гимнастёрку. Вместо снятых погон не выцветшие, более зелёные чем сама гимнастёрка прямоугольные участки материи – лжепогоны. Такая же примета вместо звёздочки и на малиновом околыше фуражки, которую он иногда носил в непогоду. Фуражка у Ангелуцы тоже из НКВД – синий верх, малиновый околыш, между околышем и верхом прослойка защитного цвета. Галифе и сапог, насколько мне помнится, я на Ангелуце не видел. Если гимнастёрка с лжепогонами заправлялась поверх брюк, то тогда она подпоясывалась добротным кожаным ремнём. В прохладные дни физрук одевал казённый плащ серого как у Наполеона сюртук цвета. Когда он дефилировал в этом «железном» плаще мимо выстроенных в шеренги учеников, то плащ создавал такой невероятный шелест, что создавалось впечатление, как будто где-то поблизости пролетает мощная стая воробьёв или голубей. Если бы после пребывания на дожде поставить этот плащ в вертикальное положение, то он бы так и стоял, не падая, как кол. Воинствующая стать Ангелуцы в сером плаще и фуражке внутренних войск НКВД оставляла внушительное впечатление. Шутки с Ангелуцой могли плохо кончиться, тем более что за ним всегда незримо маячил Григорий Михайлович. Директор пригласил Ангелуцу к себе в школу не зря. В школе затевались масштабные мероприятия по военной муштре, и такой физрук как никто другой идеально подходил для осуществления этой затеи. К этому мы вскоре ещё вернёмся.

Когда я готовился к написанию этих писем-воспоминаний, я вспоминал и записывал отдельные эпизоды из нашей школьной жизни, анализировал их, сортировал по годам, группировал по классам и отдельным личностям. В результате в моей голове созрел некий план общего вида повествования. Его я и стараюсь придерживаться, хотя меня часто одолевает соблазн свернуть в сторону, и мне бывает трудно удержаться, чтобы не описывать более поздние и, следовательно, более свежие в моей памяти события. Поэтому, несмотря на такие частые «лирические отступления», я всё же в конце, подводя итоги, насколько это возможно подробно остановлюсь на дальнейших судьбах и всех наших учителей, и всех выпускников нашего класса, , хотя я и без того так часто забегаю вперёд. В воспоминаниях такое случается – никуда не деться.

…В четвёртом классе у нас появились новые предметы: история СССР, география (физическая) СССР, природоведение. С интересом рассматриваем учебники по этим предметам. История СССР вместила в себе в очень сжатом виде хронологию событий от Киевской Руси до 1947-го года, включая выборы в Верховный Совет СССР 10-го февраля 1946-го года. Учебник по истории очень наглядно проиллюстрирован. Везде, где только можно, помещены портреты Ленина, Сталина, Дзержинского, Молотова, Кагановича, Хрущёва. У тех из нас, кто имеет учебник по истории, выпущенный до 1947-го года, на одной из последних страниц красуется портрет маршала Г.К. Жукова. У меня же новый учебник, выпуска 1948-го года, и вместо Жукова помещён благообразный облик Н.А. Булганина с его везде узнаваемой бородкой. О Жукове в моём учебнике нет ни одного слова. Думаю, дорогие друзья, что в этом смысле всем всё ясно. Учебник по природоведению назывался «Неживая природа». Я сейчас вспоминаю этот учебник и прихожу к мысли, что его составлял очень умный, интеллигентный и широко образованный автор. Фамилии его, к сожалению, сейчас уже не помню. Учебник содержал в себе очень много интересного материала. Мы жадно черпали знания из этого учебного пособия. Его было просто интересно читать. По крайней мере мне так казалось. Именно оттуда я влепил Ване Мережаному известную только мне одному кличку д’Арлан. Кудлатая, давно не стриженая голова Вани была, по-моему, очень похожа на голову изображенного в учебнике первого французского воздухоплавателя.

Географию я любил особой любовью. Люблю её и до сих пор. Вы не поверите,- в редкие свободные минуты я разворачиваю карты бывшего СССР, России, Украины, Европы, мира и … путешествую, завидуя при этом Пржевальскому, Арсеньеву, Куку, Александру Гумбольдту. Я могу по карте в одно мгновенье найти столицу любого государства, любую реку, любой остров. Эх! Как увлекательно путешествовать по карте! А тогда на уроки географии Прохвирій приносил в класс и развешивал на доске огромную

физическую карту СССР. Я всегда изучал её с места за партой. Вот Прохвирій рассказывает нам о ледовой эпопее «Челюскина». Он только вышел на нём в Баренцово море, а я за партой проследил глазами весь маршрут вплоть до места гибели корабля в Чукотском море. В другой раз я спускаюсь взглядом по карте вниз на юг, пересекаю тундру, тайгу, лесостепи, степи, субтропики, пустыни… А почему это Прохвирій остановился только на реке Лене и ничего не говорит о ещё трёх жирно обозначенных на карте реках, - Индигирке, Яне, Колыме? Тогда я не знал, как правильно называть Колыму и ставил ударение на втором слоге – Кол**ы**ма. Не знал я и той гигантской трагедии миллионов ни в чём не повинных людей, которая разыгрывалась с лёгкой руки великого вождя в лагерях ГУЛАГ'а в прилегающих к этой реке суровых краях. И Прохвирій не сказал бы нам об этом, если бы даже он знал. Не то было время.

Вместе с мужественными людьми совершаю легендарный автопробег по Кара-Кумам, не думая о том, как тяжело, невыносимо ездить в раскалённом от жары автомобиле по барханам. Для меня всё легко и просто. Я романтик, путешествую по карте, сидя за удобной школьной партой.

В 4-м классе нет уже уроков чтения или там чистописания. В расписании чётко указано: урок русского языка, русской литературы, украинского языка, украинской литературы, истории и т. д. Мы начнём изучать, правда, в небольшом объёме литературные произведения, будем учить правила грамматики, писать не только диктанты (мы их писали с 1-го класса), но и изложения. В конце учебного года нас впервые ожидают экзамены, или, как тогда говорили, испытания. В первый же день занятий Прохвирій нам заявил:

- *Дехто, тасать, не буде допущений до ішпитів, позаяк погано вчившя, а дехто на них провалиться, залишившись, таким чином, на другий рік у четвертому клаші.*

В этот же первый день в семье Прохвирія произошла трагедия – был злодейски убит бандитами его брат Сашко Варнава. По рассказам очевидцев убийство произошло следующим образом: 1-е сентября 1948-го года припало на среду, а по средам, как все мы помним, в соседних Высших Верещаках собирался огромный базар. Туда устремлялись массы народа, чтобы что-нибудь продать или купить – от мелочей до крупного рогатого скота. В тот злополучный день отправился с женой на базар и Варнава. Работал он в Янычанском лесничестве разнорабочим – в основном валил лес на делянках, колол дрова, грузил их на машины и пр. Физической силой Сашко обладал огромной, а вот ума не хватало. Иначе бы он не встревал на базаре в ненужный ему спор между двумя бандитскими шайками. Там какой-то вроде бы колхоз продавал пшеницу, качество которой оставляло желать лучшего. Двум бандитам хотелось, чтобы пшеница была продана, и они тогда могли бы грабить продавших эту не совсем качественную пшеницу людей. Поэтому они всячески поощряли и зазывали покупателей. Но Варнава по дурости всунул свой нос туда, куда его никто не просил. В результате чего один из оптовых покупателей отказался брать пшеницу, урезав таким образом выручку её владельцев:

- *Ну що це за пшениця? Це січка. Пшениця должна буть крупною як одно з**е**рно,* - орал не своим голосом Варнава.

Сначала ему мягко намекнули, чтобы он отошёл прочь. Но не такой был у Варнавы нрав, чтобы так просто отступать. Он ещё там долго артачился, и ему уже было сказано открытым текстом, что за такое вмешательство придётся платить собственной жизнью. Не понял, не поверил, что ему грозит! Раз уж так получилось, и за ним пошла слежка, ему , дураку, прости Господи, следовало бы или остаться у кого-нибудь в Верещаках ночевать, где-нибудь скрыться, переждать, уйти домой по одной из многочисленных троп через поля, уехать, наконец, на какой-нибудь попутной машине и т. д. Ничуть не бывало! Сашко направился в Цветное без всяких мер предосторожности по центральной дороге, по сторонам которой дозревала высокая кукуруза. Рядом с Варнавой шла его жена. Из кукурузы вышли двое и направились прямо к нему. Один из них вынул из кармана пистолет и всадил в Варнаву всю обойму. Всё это произошло на глазах обезумевшей от страха жены и множества людей, также шедших по этой дороге. Больше бандиты никого

не тронули, жену тоже оставили без внимания. Кстати, Варнава с женой продали на этом базаре корову, и у них тоже были деньги, но нападавшие даже не ограбили свою жертву. Просто Александр Игнатьевич Хлевицкий поплатился за свой длинный язык, наглость и недальновидность. Несмотря на такие тяжёлые множественные ранения, его ещё живым погрузили на какую-то подводу и повезли в Цветнянскую больницу. Но не довезли, по дороге Варнава скончался.

В течение двух дней Прохвирій, естественно, в школе не появлялся – хоронил брата. Тяжкое горе. У Сашко остались без отца двое детей – сын Володя (ученик 4-го «в» класса) и младшая дочь Нина.

После похорон Прохвирій появился в классе в очень подавленном настроении, говорил очень тихо, чуть не плача. Я ещё забыл сказать, что Прохвирій обладал очень живой мимикой и жестикуляцией. Особенно активно он жестикулировал указательным пальцем правой руки. Но в дни траура даже мимика стала поспокойнее. Однако любое горе постепенно проходит, раны залечиваются – нужно жить, нужно работать.

…А в стране надвигалась мощная послевоенная волна репрессий. Тогда мы этого не знали, но какое-то давление на себе всё равно ощущали. Как теперь известно, сигналом для репрессий послужила августовская сессия ВАСХНИЛ, выступление на ней академика Т. Д. Лысенко. Был принят ещё целый ряд постановлений ЦК ВКП(б) по идеологической работе, существовали, конечно же, и негласные приказы по линии НКВД и МГБ. Опять в газетах замелькали отчёты о политических процессах над шпионами, врагами народа, диверсантами. Стали снова беспокоить и забирать в концлагеря тех, кто во время войны побывал в плену. Нашему директору, по всей видимости, тоже не хотелось сидеть, сложа руки. Он решил подтянуть в школе как следует гайки в соответствии с духом времени. Ученики должны были преимущественно шагать строем, постепенно привыкая к строгой полувоенной, а может быть, и военной дисциплине. Стало обязательным идти по утрам, построившись в колонны, на зарядку и затем с зарядки. Для таких целей как нельзя лучше подходил физрук Михаил Ильич Ангелуца. Зарядка проводилась в основном только в погожие дни. Если бы мы занимались зарядкой и в дождливую погоду, то нанесли бы в классы столько грязи, что потом никто не смог бы очистить от неё школу и в течение целого месяца. А в ясные, тёплые утренние часы нас встречал возле школы Ангелуца, заставлял аккуратно в ряд складывать под стеной школьного здания учебники и марш в строй на зарядку. Деваться некуда, в класс идти нельзя, нас потом не соберёшь снова в строй никакими силами. На плацу школьники выстраивались в четыре гигантские шеренги и ждали команду Ангелуцы. На знаменитом крыльце появлялся «Серко», многозначительно шмыгал носом и говорил физруку:

- *Ангелуца! Подавайте команду!*

Ангелуца принимает соответствующую стойку и громко командует:

- *Школа-а-а! Равняйсь! Смирно… вашу мать!*

«Довесок» к команде можно разобрать только по губам Ангелуцы.

- *Напра-ву! Шагом марш! Рэс, рэс, рэс-тва! Рэс, рэс, рэс-тва-три!*

Комплекс состоял примерно из десяти упражнений. Зарядку делали на спортплощадке сразу за школой. Сделав зарядку, возвращались строем назад на плац. Директор по-прежнему маячит на ступеньках – ждёт. Построенную в шеренги и колонны школу он просто обожал. Вот мы пришли.

Ангелуца:

- *На месте шаго-о-м марш!*

Все дружно вышагивают на месте, а директор нами любуется.

- *Рэс, рэс, рэс-тва-три!*

Директору надоело созерцать топающий на месте и поднимающий пыль строй и он подаёт Ангелуце еле заметный знак рукой – дескать, хватит.

Ангелуца:

- *Школа-а-а! Стой!*

И добавляет для фиксации остановки:

- *Рэс-тва!*

Вот теперь должно всё замереть. Но не у всех получается вот так сразу под счёт раз-два приставить ногу, и где-нибудь в строю очень отчётливо слышится на фоне тишины:

- Топ-топ.

Кто-то опоздал с выполнением команды. Недовольный «Голуб» бросает Ангелуце:

- *Там, здається, хтось топнув, це, мабуть, у 5-му «б».*

Ангелуца как коршун подлетает к 5-му «б» классу и яростно шипит:

- *Хто топнув… вашу мать?*

Приходилось признаваться и повторять ритуал. Снова на месте шагом марш! Снова стой! Раз-два! Мы каждый день посматриваем на небо в ожидании дождя. Опоздавшие на зарядку являлись предметом особой «заботы» Григория Михайловича и Михаила Ильича. У школьного крыльца их перехватывал стоявший на нём «Серко», также как и всех остальных заставлял складывать под школой учебники, группировал в кучку (уже не по классам, а в качестве особого «штрафного» формирования) и поручал Ангелуце проводить зарядку со «штрафниками» отдельно, после основного цикла. Иногда Ангелуце приходилось гонять на плац одного опоздавшего ученика. Такой «чести» удостоился однажды наш Витя Атамас. Представляю, как Ангелуца «любезно» подавал ему команды.

На уроках физкультуры нам тоже доставалось от него «на орехи». «Железный» физрук заставлял нас метать гранаты (естественно, учебные), бегать по буму, подтягиваться на канате и на шесте, бегать стометровки. В непогоду занятия проводились в классе. Осуществлялась, тасать, теоретическая подготовка. На одном из уроков Ангелуца объяснял нам устройство и режим стрельбы малокалиберной винтовки. В натуре винтовки нет, но он держит в руках воображаемую мелкашку. Вот его объяснения, которые я надолго запомнил:

- *Есть две модели малокалиберной винтовки – ТОЗ 8 и ТОЗ 9. ТОЗ – это Тульский оружейный завод. Убойная сила у этих винтовок такова, что если бы я, например, выпустил пулю в первого ученика (*здесь Ангелуца направляет воображаемое дуло прямо в грудь сидящего за первой партой Вани Коржа)*, то она прошла бы навылет через 3-х – 4-х сидящих за ним учеников, поразив их насмерть. Теперь вам ясно?*

Яснее уж быть не могло. Мы сидим притихшие, испуганные, нам страшно. Благо хоть винтовка у Ангелуцы не настоящая, а только, как теперь говорят, виртуальная. Иногда он вызывает кого-нибудь к доске и заставляет приседать, поднимать вверх руки, шагать на месте – репетиция ставшей притчей во языцех зарядки. От Ангелуцы исходит плотный душок смеси самогонного перегара и отборной кременчугской махорки. Подавая нам команды, он неизменно добавляет еле различимые по губам нецензурные выражения – привычка.

Что же это я всё об Ангелуце да о директоре. А где же наш основной персонаж воспоминаний по 4-му «а» классу Порфирий Игнатьевич или просто Прохвирій? Он с нами, уроки ведёт у нас очень интенсивно, будь то арифметика (да, дорогие друзья, каждый раздел математики назывался тогда своим именем – арифметика, алгебра, геометрия), украинский язык, история, география и т. д. Он старался изо всех сил, переживал из-за нашей нерасторопности, лени, непонимания. Практически на каждом уроке ставил кому-нибудь двойку. Часто сетовал на свою предшественницу Марию Ивановну Домнич:

- *Ну, тасать, шпашибі Марії Іванівні! Шпашибі! Наділила мені клаш! Навіщо я тільки, тасать, погодився прийняти вас? Вона ж мені обіцяла, що ви всі здібні, добре вчитесь. Як же я так повірив!? Ну шпашибі тобі, Маріє Іванівно! Вік не жабуду!*

Особенно доставалось «под завязку» действительно слабым ученикам нашего незабвенного 4-го «а» класса:Ване Коржу, Фросе Стрижак, Любе Крушеницкой, Ване Галасюку, Рае Евсеенко, Зине Шмыголь, Вите Атамасу.

Идёт урок моей любимой географии. У большой развешенной на доске физической карты нашей тогда великой страны стоит испуганная Фрося Стрижак. Прохвирій тычет указкой на карте в промежуток между Белым и Балтийским морями и спрашивает:

- *Що це таке, Фросино?*

Фрося пытается прочесть, но Прохвирій настигает её грозным окриком:

- *Не читай, ти повинна жнати! Ти вчила урок?*

Фрося чуть не плачет:

- *Учила.*

Прохвирій:

- *Тоді шкажи нам, як наживається цей канал, що ж'єднує Біле та Балтійшьке море?*

Кто-то пытается Фросе подсказать с места и подсказывет:

- *Біломорсько-Балтійський канал імені Сталіна.*

Фрося в полной растерянности – здесь донимает Прохвирій, там подсказывают, в классе поднимается шум, Прохвирій злится. И Фрося отваживается повторить подсказку:

- *Біломорський-Балтійсько канал.*

Прохвирій:

- *Як? Як ти сказала?*

Фрося:

- *Біломорський-Бвлтійсько канал.*

Прохвирій:

Біломорсько-Балтійський канал імені товариша Шталіна! Шідай! Два!

Фрося, вся в слезах, плетётся на свое место за партой.

Ещё один урок географии. Опять у карты стоит в ожидании тяжких мучений Фрося Стрижак. На сей раз речь идёт о полуострове на противоположном от Белого моря конце Советского Союза.

Прохвирій:

- *Фросино, як наживається цей півострів?* – и он резким движением направляет указку на Чукотку. Фрося снова пытается прочесть название полуострова на карте и ей это отчасти удаётся, прежде чем Прохвирій успевает пресечь эту попытку.

Фрося:

- *Чолокоцький.*

Прохвирій вне себя:

- *Чому не вивчила урок? Чому не жнаєш, як називається півоштрів?*

У Фроси заблестели на глазах слёзы и она оправдывается:

- *Мені не було коли. Я копала на городі буряки.*

Прохвирій:

- *А ввечері чому не вчила?*

Фрося:

- *А ввечері було темно, а гасниця у нас не горить, бо гасу немає.*

Прохвирій:

- *То треба було поки ще не штемніло вжяти в руки підручник, шішти біля вікончя та й вивчити: Чукочький, Чукочький, Чукочький…*

И на этот раз ответ Фроси завершился двойкой. Фрося на самом деле очень слабо училась. Вот ещё один диалог у доски между Ефросиньей и Прохвирієм, теперь уже на уроке русской литературы. Нам был задан в качестве домашнего чтения отрывок из романа (да-да, именно романом называется эта на мой взгляд слабенькая агитка) Дм. Фурманова «Чапаев». Вообще надо сказать, что Прохвирій очень страстно прививал нам любовь к патриотическим произведениям того времени – «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», только что вышедшая в свет «Повесть о настоящем человеке», рассказы о Зое Космодемьянской, 28 героях-панфиловцах. И вот «Чапаев». Вот этот отрывок нужно было пересказывать на уроке – «Сломихинский бой». Там есть такие строчки:

«…И он (Чапаев) скачет туда, на левый фланг, где грозно сдвинулась опасность. Казаки несутся лавой… Уж близко видно скачущих коней… Подлетел Чапаев к командиру батальона.

- Ни с места! Всем в цепи… Залпом огонь!
- Так точно!

И он пронёсся по рядам припавших в землю бойцов.

- Не робей, не робей, ребята! Не вставать… подпустить – и огонь по команде… Всем на месте… огонь по команде…!!!»

Прохвирій правильно, грамотно говорит по-русски, хотя и искажает некоторые звуки, но это уже физический дефект речи, и я воспроизвожу его речь в натуральном виде только ради подлинности давно произошедших событий. А Фрося чешет по-украински, что ещё больше раздражает Прохвирія, да к тому же и не поняла, о чем же все-таки в отрывке идёт речь. Прохвирій буквально щипцами вытягивает из неё ответы на задаваемые им вопросы, хочет вытащить хотя бы на тройку. Не получается.

Прохвирій:

- *Что было дальше?*

Фрося:

- *А потім Чапаєв крикнув.*

Прохвирій:

- *Что прокричал Чапаев?*

Фрося:

- *Він крикнув ребятам, щоб вони не робили* (насколько мне помнится, Фрося истолковала глагол русской грамматики «робеть» как «работать». Потому что в нашем цветнянском обиходе все мы очень часто говорили «робить» вместо русского «работать» или украинского «працювати»).

Поэтому такая реплика Фроси вызвала в классе смех и шум. Прохвирій хватается за голову, а у Фроси опять двойка.

Подобные сцены можно было наблюдать во время ответов Раи Евсеенко, Вани Коржа, Любы Крушеницкой, Дементия Саенко, Вани Галасюка. Примеров множество. Я и сам робел перед Прохвирієм и мои ответы вызывали смех в классе и недовольство Прохвирія. Всё не вспомнишь.

Ну ещё, например, идёт урок математики (тогда арифметики). Учитель проверяет домашнее задание – как мы решили задачи и примеры.

- *Крушенічька, а ну йди до дошки. Покажи нам, як ти рожв'яжала жадачку.*

Как сейчас вижу Любочку Крушеницкую. Вы помните её, дорогие друзья? Круглое личико, светлые, льняные, прямые, аккуратно подстриженные волосы. Большой гребешок придерживает короткую стрижку, чтобы она не расползалась. Любочка плохо разбирается в задачках. В отличие от других учеников решения у неё записаны не в обычной, как у всех нас, тетради, а в крошечном блокнотике. Она, загнув странички, всматривается в блокнотик, нервничает, часто поправляет на голове гребешок. Прохвирію это не нравится:

- *Ти мені, Крушенічька, причошку не гляди, ти не дівуй, а вчи як шлід уроки. Шідай! Два!*

Люба, нагнув белокурую головку, возвращается на место. Очередь за следующим учеником.

Так мы постепенно втянулись в учебный процесс, привыкли к методике Прохвирія и к зарядке Коваленко-Ангелуцы. Надо ещё сказать, что Андрон Маркович проявлял минимум внимания к муштре. По крайней мере я что-то не припоминаю, чтобы он каким-нибудь образом вмешивался в это занятие. Здесь находилось поприще двух бывших энкавэдэшников. Андрон больше тяготел к воспитательному процессу. Он считался нашим, как бы это сказать, идеологическим наставником. Одни его речи чего стояли! Ясно, что в то время Андрон больше и рисковал. Ведь слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. А выжимать соки из учеников на плацу было не так уж и опасно. Прохвирій тоже не очень-то нажимал на физподготовку. Намного важнее он считал, например, уроки пения. Пению Прохвирій уделял особое внимание. Если Анна Ивановна, Мария Ивановна,

Ольга Павловна относились к урокам пения хладнокровно, отдавая их в основном на откуп Вере Тимофеевне и Домахе Павловне и организуя с ними совместные «концерты», то Прохвирій проводил такие певчие занятия сам лично и делал это очень серьёзно. От него мы впервые узнали, что такое нотная грамота, скрипичный ключ, октавы, тональность, камертон. Это, тасать, теория. Но требовалось также петь живыми голосами. В репертуар классного пения Прохвирій включил не какие-то там «Птички-невелички» или «Чорнобривий корольок», а ни много ни мало Гимн Советского Союза, «Песню о Сталине» («Із-за гір та з-за високих»), «Ой вы, кони, вы кони, стальные». «Смело, товарищи, в ногу» и пр. Гимн Советского Союза полагалось знать как на русском языке, так и на украинском в переводе патентованного украинского поэта Миколы Бажана:

Союзом незламним республіки вільні
Навік об'єднала великая Русь.
Хай квітне народами створений спільно
Великий могутній Радянський Союз.

Далее боюсь цитировать, чтобы не перепутать с Гимном Украинской ССР, который будет утверждён в следующем 1949-м году, и о нём тоже речь впереди.

Прохвирій правильно решил, что было бы не плохо настраивать голоса по камертону, но поскольку в школе не то что камертона, а порой даже мела не хватало, то он, не долго думая, заменил его на деревянную ученическую ручку, зажав её перо в руке, а деревяшкой ударял по парте и громко произносил:

- *До рэ ми фа шоль ля ши до! Дітки! Пришлухайтешь до жвучання камертона – шоль! Всі хором починаємо:*

Із-за гір та з-за високих
Сизокрил орел летить.
Не зламати крил широких.
Того льоту не спинить!
На милини всі вершиним…Ой! Пробачте, дітки, помилився!
На вершини всі ми линем.
Сонце променем в очах
Льотом сонячним, орлиним
Вождь показує нам шлях.

Прохвирій входит в раж, а мы дружно подхватываем:

Хай шумить земля піснями
В цей крилатий гордий час,
Слово Сталіна між нами,
Воля Сталіна між нас!

Честно говоря, я любил петь и старался угодить Прохвирію как мог. Мелодия для меня роли не играла, главное чтобы песня звучала погромче. Ещё я любил наблюдать за моими товарищами и прислушиваться, кто как поёт. Сидящий рядом со мной Ваня Галасюк рот, правда, раскрывает, но ни мычит, ни телится. Юра Близна ревёт как бычок. Маша Таргун тянет высоко, иногда просто пищит. Володя Козыренко орёт явно поперёк. Тугоухий Лёня Гречка заметно отстаёт от общего хора и всё время пытается догнать. Володя Цышевский нагнул как-то голову – стесняется собственного голоса. Паша Комар не столько поёт, сколько, как и я, наблюдает за остальными. А Прохвирій отправляется между партами на «инспекторскую» проверку для индивидуального прослушивания каждого ученика, чтобы потом выставить соответствующие отметки. К каждому из нас он склоняет голову, направляя ушную раковину прямо чуть ли не в рот поющим за партами ученикам. Затем следуют выводы. Прошло более полувека, но склонившийся над партой и внимательно прислушивающийся к пению класса Порфирий Игнатьевич как будто сейчас застыл в этой позе передо мной.

Уроки рисования запомнились мне меньше. Точно знаю, что Прохвирій познакомил нас с планом или лучше сказать расписанием тем уроков рисования на целую четверть, на каждом уроке рисования мы, уткнувшись в свои тетради что-то рисовали, а

он спокойно сидел за столом и, наверно, готовился к следующим урокам. Рисование его явно мало интересовало.

…На одном из уроков географии (опять география!), по-моему, во второй четверти, когда мы уже полностью привыкли к методике обучения Прохвирія, после объяснения нового материала он, как это бывало всегда, спросил:

- *Жапитання є?*

Вверх тянется рука в общем-то тихого и спокойного ученика Володи Гончаренко:

- *У мене є запитання.*

Прохвирій:

- *Будь лашка!*

Володя:

- *А що таке «тасать», що означає це слово?*

Мы все затаили дыхание. Неслыханная смелость и наглость! Я даже сейчас убеждён, что сам бы Володя до этого не додумался. Он сидел за одной партой с Сашей Сиденко, и тот, наверняка, подставил Володю. Саша, царство ему небесное, во-первых, был на два года старше Володи, а во-вторых, отличался ехидством, заносчивостью – действовал исподтишка. Как бы там ни было, вопрос задан и на него Прохвирію нужно было каким-то образом отвечать. На его лице не дрогнул ни один мускул:

- *Не рожумію жапитання. Пояшни мені докладніше.*

Володя (громче, на весь класс):

- *Що таке «тасать»?*

Прохвирій:

- *Не рожумію, іди напиши на дошці, я не жрожумів.*

Володя подходит к доске, задирает край закреплённой на ней карты СССР (вот почему я запомнил, что это случилось на уроке географии) и под сдержанный смех всего класса пишет на доске: «Т А С А Т Ь». Но Прохвирій блестяще сыграл свою роль до конца:

- *Ташать? Не рожумію. Я такого шлова не вживаю. Іноді я вживаю вираз «так шкажати», а «ташать»? Ні, не вживаю!*

Трудно было поверить, что он ничего не понял. Но Прохвирій вида не подал.

…Книг в личном владении учеников нашего 4-го «а» класса насчитывалось очень мало. Мне помнится, например, что роман «Как закалялась сталь» имелся у Алика Койды, и мы ему очень завидовали. А Прохвирій на уроках украинской и русской литературы всё знакомил нас с новыми произведениями и призывал к чтению книг. С какой страстью он задал нам однажды задание писать изложение по рассказу о подвиге 28 героев-панфиловцев. В таких случаях в соответствии с правилами учитель дважды читает вслух текст, а мы потом излагаем на бумаге то, что услышали и запомнили. Мне трудно до сих пор забыть это вдохновенное чтение. Не написать героическое изложение мы после этого просто не могли. Это представлялось невозможным. И здесь Прохвирій не лукавил. Он воевал, многое видел, многому верил и нас призывал верить. Дай Бог нынешним ученикам и учителям писать такие патриотические изложения! По крайней мере патриотизм по отношению к Родине должен присутствовать всегда и везде. В этом я твёрдо убеждён. Другое дело вожди, ну да чёрт с ними!

Наша школа имела и свою библиотеку. Надеюсь, ребята, вы ещё не забыли, где она находилась – в том корпусе, где жил директор, было три входа: один с противоположной по отношению к основному зданию стороны вёл в директорскую квартиру, другой, что рядом со скамейкой под липами, открывал двери в две небольшие комнаты прямо и направо. В той комнате, что прямо, располагалась школьная канцелярия (это уже точно канцелярия – не учительская) во главе с заведующей Галиной Саввичной Гнидой, затем одно время туда перемещалась учительская, ещё позже там ютился один из классов и т. д. А в другой комнатке, что направо, если вы помните, хитро притаился небольшой служебный кабинетик самого «Голуба», куда он временами вызывал «на ковёр» и учеников, и учителей. Ну а третий вход, что с правого края, как идти на выход из школьного двора, принадлежал библиотеке. Когда мы будем учиться уже в 5-ом классе,

библиотека переедет в хату возле ворот (впереди квартиры «Серко»), а там, где она размещалась раньше, будет оборудован физкабинет, где хранились некоторые приборы, учебные пособия, старые карты и прочая утварь. Сейчас эта дверь заколочена, и ничто кроме нашей памяти не скажет потомкам о том, что здесь мы познавали по книгам окружающий нас мир. Библиотека была небогатой. Да и что там могло остаться после жестокой войны и двух страшных лет фашистской оккупации? Несколько разрозненных томов украинской и русской классики, отдельные, плохо изданные произведения Т. Шевченко, И. Франко, М. Вовчок, М. Коцюбинского, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя. В остальном случайно сохранившиеся произведения не очень известных авторов, явно не рассчитанные на школьный возраст. Но в библиотеке имелись и отдельные экземпляры так сильно пропагандируемых Прохвирієм книг, на которые существовала невероятно длинная очередь.

- *Жапишуйтешь, дітки, в бібліотеку. Там ваші жнання,* - напутствовал нас Прохвирій.

А библиотекарем в школе работал в то время, вероятно, не имевший специального образования наш односельчанин, - скучный, занудливый и по-немецки педантичный человек Иван Петрович Гречка. Библиотечных абонементных карточек, естественно, не было. Просто Иван Петрович раздобыл где-то толстую амбарную книгу, куда он заносил фамилии читателей. На каждого заглянувшего к нему ученика библиотекарь отводил в амбарной книге учёта отдельную страницу. Сверху на странице значилась фамилия и инициалы абонента, чуть ниже в колонках по порядку слева направо класс, дата выдачи, дата предполагаемого возврата, автор и название книги а также место для подписи.

…Я робко переступаю порог крошечного помещения библиотеки. Оно поделено примерно на две равные части. Посредине комнатки деревянный барьерчик, за которым у небольшого столика примостился Иван Петрович. Он встает, лениво смотрит на меня отсутствующим взглядом и спрашивает:

- *З якого ти класу?*
- *З четвертого «а».*
- *Ага. А хто у вас класний керівник?*
- *Прохвирій Гнатович.*
- *Що ж тебе цікавить з книжок?*
- *Та я б хотів почитати «Як гартувалася сталь» М. Островського*
- *Еге! На неї довга черга. Ось почитай краще «День отця Сойки» Степана Тудора, дуже цікава книга.*

Иван Петрович уже держит её в руках. Я трусь, мнусь, боюсь возразить, но всё же заикаюсь:

- *То може у Вас є «На берегах Дністра» В. Беляєва. Я бачив, як її недавно читав учень нашого класу Микола Гончаренко.*
- *І на цю книгу черга. Читай «День отця Сойки»!*

Лицо Ивана Петровича преображается из скучного в сердитое. Но я всё ещё артачусь:

- *Ця книга, мабуть не цікава. Не хочу.*
- *Як це не цікава? Ось послухай!*

Иван Петрович открывает Тудора на первой странице и битых полчаса нудно, без выражения читает мне вслух первую главу этой повести, до которой, не только я, но, наверно, и сам Иван Петрович ещё не дорос. Деваться некуда – соглашаюсь, а то, чего доброго, ещё Прохвирію пожалуется. Тогда пиши пропало. Гречка садится за стол, макает в чернильницу перо, долго целится пером над страницей в тетради, затем энергично его закручивает, делая на заглавной букве загогулину, и ровным, красивым, калиграфическим почерком заполняет на меня страницу-формуляр. А за мной очередь из учеников, но никто не возмущается внеплановым чтением вслух – все боятся. Тудора я, конечно же, не смог осилить и долго его не сдавал, несмотря на просроченную дату возврата книги, потому что въедливый Иван Петрович мог и заставить (и часто это делал) пересказать содержание прочитанного. Кошмар! Сдав, наконец, «День отца Сойки», я прекратил посещение библиотеки вплоть до 5-го класса, когда Ивана Петровича Гречку сменил на его «посту»

другой наш односельчанин Александр Никитич Хмара. Тот вообще ничего не делал. О нем тоже чуть позже.

…Постепенно приближался новый 1949-й год, а Прохвирій заглядывал ещё дальше в будущее и всё чаще и чаще напоминал нам о предстоящих будущей весной экзаменах (іспитах). Весенние экзамены сдавали тогда ученики всех классов, начиная с 4-го и кончая 7-м (а там, где были средние школы, то с 4-го по 10-й). Нам предстояло сдавать, кажется, 4 экзамена – русский язык (письменное изложение), русская литература (устно), украинский язык (тоже письменное изложение), украинская литература (устно), да, всего 5 - ещё письменная арифметика. Между прочим после окончания 4-го класса ученики считались выпускниками начальной школы и получали свидетельства о её окончании, своего рода промежуточный выпуск в семилетних школах. Если в 5-й класс пойдут не все, то у тех, кто не пойдёт, будет на руках свидетельство об окончании неполной семилетней школы. Да, было и такое. Вы, конечно же, мои дорогие друзья, всё это прекрасно помните.

Новый год наступил для меня как-то буднично и незаметно, на новогоднюю ёлку в увеличенном вдвое классе я уже не пошёл – вырос. В то время учащиеся 4-х классов считались учениками старших классов. Так что в 11 – 12 лет мы прощались с детством. А если бы кто-нибудь из нас совершил преступление, то судить нас могли бы в возрасте 14 лет! Такие действовали советские законы в те страшные годы. Срок могли запросто влепить, например, за распевание песен из репертуара Петра Лещенко, если кто-то их вдруг знал. Солженицын в своем «Архипелаге ГУЛАГ» приводит ужасный пример, когда один книголюб получил 10 лет концлагерей только за то, что Пушкина поставил выше Маяковского. Уму непостижимо! Больше я уже никогда не бывал на новогодних праздниках у школьной ёлки, туда ходили те, кто помоложе нас. Таких детей мы называли «отечественниками», потому что они родились в то время, когда шла война.

В середине февраля я, катаясь на санках, сильно простудился и тяжело заболел двусторонним воспалением лёгких. Должность врача тогда в цветнянской больнице не полагалась по штатному расписанию. Работал только фельдшер по фамилии Мелешко, которого большинство жителей называли для удобного произношения просто «хвершал Лемішко». «Лемішко» прописал мне какие-то белые порошки, которые мать купила тут же в находившейся рядом с его кабинетом аптеке (сейчас там нет ни бывшего кабинета Мелешко, ни аптеки, ни самого старого здания больницы. На его месте был построен в застойные 70-е годы новый корпус, который в настоящее время как и всё остальное приходит в упадок). Порошки мне мало чем помогли, кризис прошёл сам по себе, я выдюжил, хотя и проболел с середины февраля до начала апреля. Пришёл в школу в 4-й четверти, весь бледный, ещё болезненный, слабый. Боюсь ошибиться, но, по-моему, в это же самое время серьёзно болел и мой дорогой друг Алик Бойко. Об этом знает больше сам Александр Поликарпович, но то, что он тоже долго не появлялся в школе по болезни, это совершенно точно. А в моё отсутствие в нашем классе появился уже мной упомянутый новый ученик Гриша Отрищенко – двоюродный брат Вити Атамаса. По этим соображениям их, наверно, и свели в одном классе. Но идиллии между братьями не было и в помине. Наоборот, они часто ругались, всячески пытались друг другу «по-братски» насолить, чуть ли не дрались. Витя неуклюжий, затурканный, плохо одет, эдакий флегматичный увалень. А вот Гриша, наоборот, более элегантного телосложения, у него спортивная фигура, он чуть получше одет. Отрищенко приехал с отцом и матерью откуда-то с Урала, кажется, из Челябинска, учился там в городской школе. Короче говоря, мы с интересом присматривались к новому ученику, в то время как Атамас всеми силами его разоблачал, очевидно, завидуя ему. Сейчас уже не помню, но вполне возможно, что именно с лёгкой руки Гриши Отрищенко Атамас получил довольно-таки обидное прозвище «Осёл». Помните? Да? Никогда не забуду, как уже весной 1949-го года ребята из 5-го и 6-го классов, такие, например, как Миша Филоненко, Пётр Саенко («Стажёр»), Кирилл Свороба, Кирилл Мережаный, Андрей Кучеренко ездили буквально верхом на «Осле». Бедный Витя! Как сейчас вижу – на нём грязный, вывернутый наизнанку

овчинный тулуп с разодранной полой, огромнейшие, не по его размеру кирзовые сапоги. Витя, выбиваясь из сил, бежит за школой, а на нём прямо на шее сидит Миша Филоненко, посвистывает и слегка подгоняет «Осла» хлыстиком.

…Наступила долгожданная весна 1949-го года! Мы по-прежнему испытываем недоедание, ходим в школу полураздетые или полубосые а то и совсем босые, наши родители «вкалывют» задаром на колхозных полях. По ночам (да-да, по ночам!) по убогим хатам шастают специальные уполномоченные по подписке на Четвёртый Государственный заём СССР, выколачивая из несчастных вдов рукоятками пистолетов по столу невероятные суммы подписки. Я живой свидетель – к нам они приходили и стучали пистолетом по столу перед насмерть перепуганной матерью не один раз. Если буду ещё жив и успею, то, может быть, напишу и об этом. А сейчас речь не об уполномоченных по займу. Страна замерла в тревожном ожидании, снова введена смертная казнь, приняты страшные законы об уголовной ответственности за малейшую кражу колхозного зерна, за колосья, которые всеравно погибнут под плугом.

Пришла долгожданная пасхальная ночь. Вы, дорогие друзья, мне не поверите, но я точно помню, что Пасха пришлась в 1949-м году на 17-е апреля. Стояла очень тёплая, тихая, безветренная погода. На небе горели яркие звёзды (в пасхальную ночь никогда не бывает на небе полной луны, она взойдёт перед утром в виде очень тоненького серпа). А в церковь-то нельзя идти ни под каким видом – строжайший запрет! Советская школа яростно, всеми средствами боролась против этой прекрасной тысячелетней православной традиции. Ну и, конечно же, «Серко» находился в авангарде борьбы против религии. Андрон Маркович слабо подпевал ему в деле бескомпромиссного отношения к церкви и вот почему. После того как Андрон развёлся со своей первой женой Раисой Филипповной (тоже учительницей, матерью Валентина и Лены Койда), он женился во второй раз на Лукие Андреевне Соколовской – моей дальней родственнице. Лукия была насколько набожной, настолько же и взбалмошной, сумасшедшей женщиной. И спуску Андрону не давала. Она страстно молилась Богу, пела в церковном хоре, и если Андрон пытался ей в этом препятствовать, то Лукия тогда орала на всю улицу так громко, что её слышали все находящиеся вблизи люди:

- *Та який же ти вчитель! Гад ти такий! Ти нечисть проклята! Ти ж не знаєш, як до корови підійти – де у неї хвіст, а де роги! І ти ще будеш мені вказувать, щоб я не ходила до церкви? Ах ти паразит!*

И она хватала, что под руку попадёт, а грозный для нас Андрон, «поджав хвост», бежал, куда глаза глядят. Так что Андрон Маркович не очень-то распространялся насчёт религии. С одной стороны советская идеология диктует всячески поддерживать «Голуба», тем более, что Андрон Маркович должен по своему статусу находиться на острие этих атеистических начинаний, но с другой стороны его подстерегает идеология Лукии Андреевны, которая может устроить такой скандал, что уже не поможет вообще никакая идеология. Как она не загремела по 58-й статье – сам удивляюсь. Ангелуца с лихвой компенсировал пассивность Андрона Марковича и вступил в антирелигиозную борьбу с присущей ему злостью. Не могу припомнить, чтобы Прохвирій уж очень настаивал на том, чтобы мы не ходили в церковь. Конечно, он, солидаризируясь с директором школы, не мог просто-напросто махнуть на нас рукой, мол, как хотите, так и поступайте. Предупреждал нас и Прохвирій:

- *Дітки! Не ходіть, тасать, до черкви. Радяншька влада відокремила релігію від навчання, позаяк нам ж черквою не по дорожі.*

Но в эту описываемую мной праздничную ночь, несмотря на предупреждение учителей и нешуточные угрозы директора и физрука, в церковь пришла, не побоюсь преувеличить, б**о**льшая половина учеников. Было много и моих друзей-одноклассников. Да вы, друзья мои, небось и сами всё это хорошо помните. Такую прекрасную, радостную, торжественную и величественную ночь нельзя забыть. Помнится, я встретил за оградой святого храма Васюту и Дементия Саенко, Сашу Сиденко, Машу Таргун, Пашу Комар,

Колю и Петю Гончаренко. Из церкви доносилось пение хора и молитвенные псалмы нашего сельского священника:

Христос воскресе!
И смертью смерть поправ,
Во гробе живот даровал!

Живот – значит жизнь! И хотя жизнь казалась всем абсолютно безрадостной, мы обнимались, взаимно приветствуя друг друга:

Христос воскресе!
Воистину воскресе!

Весело перезванивались колокола. Правда, это были не настоящие колокола. Настоящие были грубо сброшены со звонницы и разбиты в 1937-м году, когда как боевой клич прозвучала всесоюзная команда громить священные храмы. Но когда во время войны Сталин, боясь в неровен час народного гнева, частично отпустил тормоза и разрешил богослужения в храмах, возле нашей красавицы-церкви вместо колоколов подвесили пару гильз от снарядов, обод от автомобильного колеса и кусок рельса. Этой «колокольней» заправляли двое известных церковных энтузиастов – некий физически очень сильный Прокоша и моя соседка Харитина Юменовна Загнибеда. Дело в том, что Харитина Юменовна ещё в молодости полностью потеряла слух и, будучи совершенно глухой, лупила железкой по рельсу, ободу и гильзам что есть мочи, дабы хоть самой что-то услышать. А вот как она угадывала, когда и как надо звонить – это одному лишь Богу известно. Заодно уж скажу и том, что её младший брат Лука Юменович Снисаренко тоже числился «святым», пел в церковном хоре (гнусаво и невыразительно), а когда не надо было идти в церковь, то он шел в сельский клуб, играл там на баяне или гармони. Говорят, что однажды, играя на танцах, Лука Юменович уснул прямо с баяном в руках. Вот такой вот баянист!

…А возле церкви все школьники и их родители вдруг как-то зашевелились, заметались, всматриваются в темноту в сторону церковной школы, а кое-кто даже дал дёру домой. Выяснилось, что кому-то из учеников удалось засечь за забором церковной школы состоявшую из директора Коваленко и физрука Ангелуцы засаду. Сам я этого не видел. Утверждали, что «Джаш» держал в руках армейский бинокль (не с его ли помощью Григорий Михайлович высматривал во время войны в только что освобождённых сёлах притаившихся полицаев?). Мне удалось пересилить страх, и я остался до конца богослужения, хотя настроение моё сильно испортилось. А вдруг заметил? А завтра ведь надо идти в школу! Чуть позже я узнал, что кто-то в ту ночь швырнул- таки в сторону Церковной школы кусок кирпича, но ни в «Голуба», ни в Ангелуцу не попал. Нелёгкая задача стояла перед Коваленко и Ангелуцой – и надо кого-нибудь поймать, и нельзя самим войти за ограду храма! Не поймаешь – плохо работаешь. Войдешь за ограду – сам будешь обвинён в религиозности. Вот такие наступили тогда времена. Сейчас даже трудно поверить. Ну и чтобы уж больше не возвращаться к церковной теме (правда, на другой после Пасхи день в школе будут оргвыводы), остановлюсь на дальнейшей судьбе нашего многострадального храма. Кстати, у него было официальное название – Храм Святого Покрова в селе Цвитна. Церковь действовала ещё и при правлении Хрущёва. Постепенно вокруг неё стали сжиматься тиски всё туже и туже, и летом 1962-го года церковь закрыли. На протяжении целого года в ней ещё оставалась церковная утварь и другие предметы благочестия. И надо же было так случиться, что я стал свидетелем разрушения и ограбления нашей сельской святыни. Шёл август 1963-го года, я только что женился и гостил с Людой у матушки в Цветном. В один прекрасный день к церкви подъехали два грузовика. В это же самое время я находился в центре села и видел всё собственными глазами. В кузовах грузовиков сидели подростки из какого-то детского дома из Кировограда. Вскоре подкатили ещё два легковых автомобиля с районным начальством, и началась вакханалия. Детей заставили выносить из церкви хоругви, иконы и другие принадлежности храма. Всё это сбрасывалось в кузова грузовиков навалом, без разбора. На такое глумление над православной верой было

страшно смотреть. За оградой церкви и возле неё собралась толпа народа. Верующие женщины посылали проклятья вандалам в образе руководителей села и района, ругали в общем-то ни в чём не повинных ребят, пытались помешать погрому. Никогда не забуду, как в церковь устремился наш сельский заготовитель вторсырья, металлолома и всякого прочего тряпья Иван Ефимович Гречка (безрукий Иван, помните его?). Он несколько раз вынес и затем отправил на заготпункт медные подсвечники, паникадила, какие-то чаши и вазочки. Всё это в полном смысле слова с лёгкой одной руки Ивана Гречки пошло на переплавку. Машины уехали. Церковь опустела. Затем в здании храма сельпо организовал свой склад. Там хранился в бочках керосин (это в деревянном-то помещении!), лежало в ящиках мыло, в другом углу соль, спички, железный инвентарь для села (косы, вилы, топоры) и пр. Через некоторое время церковь опять стояла пустой. Склад куда-то переместили, а на дверь повесили огромный замок. Но даже в таком опустошенном виде церковь не давала кому-то покоя и мозолила глаза. И здесь судьба снова «подарила» мне случай быть свидетелем уже окончательной гибели храма. Это случилось весной 1985-го года. Видите, друзья мои, куда меня занесло, но дело очень важное - не каждый день в сёлах горят церкви. А случился, действительно, пожар. Страна отмечала 40-летие Великой Победы, и я вечером 4-го мая приехал в Цветное из Москвы, чтобы побыв там 3 дня, посетить затем вместе с матерью братскую могилу павших воинов в селе Комаровка Корсунь-Шевченковского района Черкасской области, где вместе с 2 600 солдат и офицеров спит вечным сном и мой отец. А три свободных дня я решил посвятить помощи матери на посадке в огороде кукурузы, подсолнухов, фасоли и пр. Весна ведь – дорог каждый погожий день! 6-го мая, находясь на огороде, я вдруг увидел в центре села огромный язык пламени. День выдался ясный, погожий, но тем не менее пламя ярко выделялось на фоне солнечного света. Я вначале подумал, что где-то там в центре села горит хата, но факел пламени казался мне уж очень огромным. Пришлось даже приблизиться к забору соседей, чтобы получше разглядеть пожар. Находившийся в это же самое время на своём огороде наш уважаемый сосед Валентин Иванович Буц сказал мне:

- *А ти знаєш, Гриша, то горить коли б не церква!*

Валентин Иванович оказался прав. Действительно, горела церковь. Горела среди бела дня, и никто даже не пытался потушить пожар. Я сразу же сделал у себя в блокноте запись. Вот она: «Цветное, 6-е мая 1985-го года, 12 часов 10 минут, горит церковь.» Как же она загорелась? Есть несколько версий. Одна из них наиболее вероятная – церковь подожгли. Слухи ходят до сих пор разные, но поскольку никакие официальные расследования не проводились, то и я не могу делать окончательные выводы из этого происшествия. Сельсоветом правил тогда председатель Тимофей Мефодьевич Хмара – родной брат нашего одноклассника Юрия Хмары. А бригадиром в колхозе числился уже упоминавшийся в моих записках Павел Иванович Павловский (помните, девочки из 4-го «б» класса пели, что «він не в той чобіт взувся»?). Оба они считались ярыми коммунистами и вели непримиримую борьбу против религии (достойные продолжатели дела Коваленко и Ангелуцы). Так вот в селе люди поговаривают, что якобы Хмара и Павловский поручили посыльному сельсовета Ивану Фёдоровичу Порываю (нашему однокласснику в 1-м классе, разъезжающему ныне на «двухэтажном» велосипеде) сжечь возле церкви сухие прошлогодние сорняки, дав этим самым недвусмысленно понять, что церковь тоже может сгореть. Но это слухи. Нужны подтверждённые факты, поэтому я не могу этим слухам абсолютно верить. Пожар остаётся до сих пор не расследованным. Может быть, когда-нибудь эта тайна и откроется, но уже не нам. К настоящему времени пустырь, где стояла церковь, прочно соединился с пустырём Церковной школы. Когда-то эти два немых свидетеля нашего школьного детства разделяла небольшая дорожка, а вокруг школы и церкви стояли низенькие аккуратные оградки. Вокруг церкви росли красивые, роскошные деревья. Теперь нет ничего. Только сплошной бурьян…

…А мы с вами переносимся в понедельник 18-го апреля 1949-го года. Возвращаемся в нашу родную школу на «разбор полётов». Всё-таки Коваленко с Ангелуцой не зря дежурили с биноклем вокруг церкви в пасхальную ночь. Многих

учеников они засекли, и теперь их ожидало суровое наказание. Утром, как обычно, Ангелуца по команде директора погнал нас на спортплощадку делать зарядку, затем мы вернулись на линейку напротив школы.

- *Смирно… вашу мать! На месте шагом марш! Стой! Рэс-тва!*

И вместо того, чтобы разойтись по классам, мы продолжаем стоять на «аппельплацу», а на крыльце-трибуне появляются «Серко», Андрон Маркович, Прохвирій, Иван Петрович Гречка (скорее всего для пущей важности), кто-то ещё.

- *А ну признавайтесь, хто був учора в церкві. Ми всерівно знаємо, але я хочу, щоб ви самі по совісті зізналися* – потянул носом вверх часть прокуренной губы Коваленко.

Все замерли в строю. Ангелуца притаился внизу, возле шеренг – ждёт команду. Мы упорно молчим. Моя душа уже давно в пятках, но признаться – это выше моих сил.
Коваленко:

- *Так. А ну вийдіть зі строю Жижкун Василь, Пічкур Петро, Мачуський Микола з 4-го «б», Мережаний Іван, Корж Іван, Гайденко Петро з 4-го «а», Мусенко Михайло, Погрібний Іван, Дробіт Микола з 3-го «б».*

И он вытащил «на свет божий» человек 10, одних мальчиков, девочек, по-моему, не трогал. Для примерного наказания требовалось по мнению директора мужское племя.

- *А тепер Мусенко, Пічкур і Жижкун встаньте на лавку (*на ту длинную, что на вкопанных столбиках под липами). *Нехай на вас подивляться чесні дітки. Хай вони побачать ваш сором. Адже ж ви піонери, так же, Андрон Маркович?*

- *А вже ж, а вже ж!*

Вася Жижкун не выдерживает и начинает плакать.

- *Не скигли!* – рычит Андрон Маркович и на всякий случай оглядывается по сторонам, нет ли поблизости Лукии Андреевны. Окажись она рядом – туго пришлось бы не только Андрону Марковичу, но и директору с физруком. Этот спектакль длится минут двадцать. Каждый из нас, кто посещал церковь и теперь чудом спасся от выхода из строя и восхождения на лавку, дрожит каждой клеточкой своего тела. Но, кажется, пронесло. Заходим в класс. Прохвирій, тасать, уже вдогонку читает нам нотацию от себя. Этого мы не боимся. Гроза на этот раз миновала без особых последствий. Впереди куда более серьёзные события.

…Да, я забыл. Во втором полугодии мы занимаемся в первую смену. Но всё в том же проходном классе. И ещё: ушла наша старшая пионервожатая Галина Степановна и на её место пришла Галина Ананиевна (фамилию я запамятовал) – молодая круглолицая девушка не то из Красноселья, не то из села Цыбулёво (прошу не путать со станцией Цыбулёво). Конечно, такие перемены не могли оказать существенного влияния на нашу школьную жизнь. Всё оставалось по-прежнему.

Не могу не вспомнить такую страницу из того незабываемого времени, как работа школьников в качестве оказания помощи на колхозных полях. Где мы только не работали! Куда нас только не водили! Но главными видами работ для школьников считались весной уничтожение свекловичных долгоносиков а осенью уборка кукурузы. Кроме того водили нас и на прополку технических и овощных культур, и на вылавливание так называемой совки – вредителей озимых посевов, препоганых червячков, проклятой гусеницы, которую приходилось брать голыми руками. К весне 1949-го года мы были полностью задействованы для походов на поля, главным образом на свекловичные плантации без каких-либо скидок на возраст – ученики старших классов. Долгоносик – это такая противная тварь, того и гляди, что сожрёт всю плантацию только что взошедшей свеклы. Вы все, друзья мои, хорошо помните этих жучков с длинным носиком и крепкими, жесткими крылышками темно-серого цвета. Борьба с этой гадостью велась не шуточная. Принимались всевозможные меры для недопущения её появления на плантации. Во-первых, плантации сахарной свеклы колхозное начальство старалось засевать как можно подальше от таких же прошлогодних плантаций. Полностью уничтожить долгоносика практически невозможно. Его личинки зимуют на старой плантации, и никакие химикаты,

дожди, туманы, грозы, морозы, непогоды, войны, падающие метеориты их не берут. Зная это дело, колхоз уже ранней весной окапывает такую старую плантацию, как правило, засеянную озимым или яровым клином, неглубоким ровчиком (глубина около 40 см, ширина 25 – 30 см). Это в расчёте на то, что паразит не переползёт, застрянет в канавке. Ну а крылья ему зачем Богом даны? И вот особенно в жаркую погоду долгоносики стаями направляются на новую плантацию, легко и свободно оставляя внизу ровчик. Новая плантация встречает их таким же ровчиком, установленными на невысоких палках керамическими корытцами с отравленной патокой, вышедшей в полном составе на поле школой (у каждого школьника в руках банка, горшок, а лучше всего бутылка), самолётами сельхозавиации, специальными опрыскивателями в упряжке лошадей. Но долгоносик чихал на все эти приготовления и пожирал неокрепшие вилочки свёклы со страшной силой. Иногда нас посылали не на новую, а на старую плантацию, чтобы упредить удар стервецов. Шла трудная, упорная борьба. В селе всё замирало, все в поле. Мы идём по ровчику или рядом с ним по периметру плантации. Хоп! Попался гад! В бутылку! Так каждый из нас набирает где-то полбутылки долгоносиков, затем мы отправляемся к целый день дымящему костру, где и устраиваем им грандиозное autodafe. Цепочка учеников растягивается вокруг огромной плантации. Вдали собралось в кучку начальство, - если мы находимся на поле колхоза им. Сталина, то это председатель колхоза Антон Михайлович Кабак, его заместитель и полевод Григорий Григорьевич Смолинский, бригадиры Степан Маркович Сиденко, Прокоп Павлович Суконько, Фёдор Дмитриевич Бондаренко или же, если долгоносики уничтожаются на плантации колхоза им. Дзержинского, то кто-нибудь из председателей (там они менялись часто), - Карп Васильевич Кравченко, Кирилл Семёнович Сунев (муж нашей первой старшей пионервожатой Галины Степановны), Алексей Авраамович Вильканoвский, которого можно было смело назвать цветнянским Ноздрёвым, бригадиры, полевод. Возле них крутятся Коваленко, Койда, Ангелуца. Мы наблюдаем и за долгоносиками, и за начальством, чтобы не дай Бог не прозевать команду отправляться по домам. Прохвирій рядом с нами. У него тоже в руках бутылка с долгоносиками. Временами он на нас слегка покрикивает для поддержания дисциплины и бодрости духа:

-Діти! Ви, тасать, пильно дивіться за довгоношиками , бо вони шкідники наших шочіаліштичних ланів. Всі вони повинні бути жнищеними.

Мы, разумеется, соглашаемся с такими убийственными доводами, но всё же ждём не дождёмся конца работы. Но вот, наконец, часа в 2 «Джаш» даёт отбой, и нас как корова языком слизывает с плантации. Предварительно нужно сжечь «вредителей социалистических полей». Не нести же их домой в свой огород! О том, как мы помогали убирать, скажем, кукурузу, я остановлюсь при описании учёбы в 5 – 7 классах.

Праздник 1-го Мая в 1949-м году школа отмечала с особой торжественностью. Причиной тому могла быть и очень серьёзная ситуация в стране и в общем-то отличная погода. Мы помним о том, что праздники 1-го Мая и 7-го ноября отмечались главным образом на школьном плацу. Но иногда празднества проводились и в более широком масштабе. При неблагоприятных погодных условиях нас строили в колонны, и мы направлялись в сельский клуб. Там рассаживались по скамейкам, а на сцену поднимался Андрон Маркович и произносил длинную речь, перемешанную с уже известными нам лозунгами. А в погожие праздничные дни, главным образом 1-го Мая, колонны поворачивали на базарную площадь возле церкви (это для контраста, - ах так? Вы идёте в церковь? А мы перед церковью устроим митинг!) Там на базарной площади в самом углу, что ближе к магазинчику, где безрукий Иван Гречка оборудовал свой приёмный пункт для сдачи металлолома, была сооружена незатейливая деревянная трибуна в виде боксёрского ринга. В обычные дни на трибуне играли дети, а на 1-е Мая туда взбирались наши учителя во главе с директором, и тогда с этой «высокой трибуны» лозунги Андрона Марковича были слышны чуть ли не по всему селу. Что уж говорила дома Андрону Лукия Андреевна, - история села Цветное умалчивает. Но в тот Первомай в 1949-м году Коваленко и иже с ним этого показалось мало и они устроили беспрецедентную демонстрацию по

«большому цветнянскому кольцу» сначала по центральной улице Дидызне, затем мы повернули влево, прошли мимо усадьбы Петра Захаровича Жовнировича (по кличке «Сирун» - извините, не могу выбросить слово из песни), продефилировали у конторы колхоза им. Сталина, после этого маршрут демонстрации пролёг по улице Марусивке, где жил Алик Бойко, и у конторы колхоза им. Дзержинского, когда солнце уже поднялось высоко в небо, последовала команда разойтись. Впереди колонны шагал детдомовский духовой оркестр. Дети яростно наигрывали на блестящих под солнцем медных трубах «Скобелевский егерский марш»: трам-там-та-да-та-дам, трам-та-та-да-та-да-та-дам! О «Прощании славянки» тогда не могло быть и речи. Этот истинно наш, славянский марш, под звуки которого провожали на фронт своих любимых воинов русские, украинские, белорусские, болгарские, сербские, словенские женщины, был написан 28-летним композитором в 1912-м году, когда на Балканах, этом по выражению Уинстона Черчилля «мягком подбрюшье Европы», разразилась одна из многочисленных войн. В сталинские времена марш находился в строжайшем запрете на том лишь основании, что его автор, известный русский композитор и военный дирижёр Василий Иванович Агапкин прославлял, видите ли, царскую эпоху?! Впервые он широко прозвучал лишь после выхода на экраны кинофильма «Летят журавли» в 1956-м году и то весьма условно - в том эпизоде, где показаны проводы на фронт вначале Великой Отечественной войны, он исполняться не мог. На знаменитом параде 7-го ноября 1941-го года военным оркестром дирижировал сам Агапкин, и «Славянку» оркестр всё-таки сыграл, но на кадры кинохроники наложена совершенно другая музыка, - Агапкину пришлось временно отказаться от своего детища. Типичное явление для сталинских времён. Отказывались не только от своих произведений, но и от своих родителей и детей. А тогда под «Егерский марш» в исполнении детдомовского оркестра (кстати, это тоже царский марш и он был написан в период походов генерала Скобелева во время русско-турецкой кампании 1877-1878 г.г., но до этого, видимо, никто не дотумкал) мы бодро топали по пыльной дороге на этой необычной сельской демонстрации, а шедший рядом с нами Прохвирій следил за порядком и наполнялся гордостью за свою Родину, за нашу школу, за счастливое будущее. Примерно напротив хаты Гриши Вернигоры из 4-го «в» класса на Дидызне с нами поравнялся откуда-то вынырнувший Андрон Маркович, чуть забежал впереди нас, резко повернулся к нам лицом, которое мгновенно побагровело, набрал в лёгкие побольше воздуха и во всю мощь лужённого горла провозгласил, чтобы все слышали:

- *Слава великому Сталіну!*

Прохвирій тут же сориентировался и дал нам тихонько команду:

- *Дітки! Кричіть тричі «ура»!*

Мы, конечно, что было силы трижды рявкнули:

- *Ура! Ура! Ура!*

Довольный Андрон побежал дальше. Ну что делать? Так было нужно!

…После первомайского праздника (Праздник Победы 9-е Мая тогда уже не праздновали, его перенесли в 1947-м году на 1-е Мая и восстановили лишь в 1965-м году. Не было в то время ещё и братской могилы павших воинов в центре села. Воинов хоронили второпях во время боёв в разных могилах, разбросанных по селу, в садах, на полях. Перезахоронение останков состоится лишь летом 1952-го года, уже после окончания нами семилетки, и это торжественно-траурное событие в настоящие воспоминания не войдёт) ещё до первых в нашей жизни экзаменов в школе произошли два события, которые, наверно, помнят все. Их трудно забыть.

Числа 5-го мая школа гудела как потревоженный пчелиный улей. Прошёл слух о том, что якобы и по селу, и , в частности, в школе кто-то распространяет некие враждебные письма. Что это были за письма? О чём они? Кто их распространял? Этих загадочных писем я лично никогда не видел и не знаю их содержания. Может быть, их и вовсе не было. Но кампания по их поискам мне запомнилась хорошо. На переменах только было и слышно:

- *У вас сьогодні не шукали письом?*

-*Ні.*

- *А у нас шукали, рилися в партах, провіряли торби, портфелі, книжки, зошити.*
- *Ой, як страшно!*

Поисками «провокационных» писем занимались главным образом учителя. Их можно было понять. Не найдёте прокламаций против советского строя, не пресечёте вылазки агентов иностранной идеологической разведки – пеняйте на себя! Сразу же, как советовал император Павел I, стройтесь в колонну и в Сибирь шагом марш! И в первых рядах этой колонны пойдут Коваленко, Койда, Ангелуца. Поэтому они больше всех и свирепствовали в процессе обнаружения враждебных писем. Каждое утро мы в страхе приходили в школу, боялись, что вот-вот что-то случится. И случилось. Наступила очередь, извиняюсь, «шмонать» и 4-й «а» класс. Помните, друзья мои, да? В начале первого урока в класс вошли Прохвирій, Мария Прокоповна, ещё кто-то из учителей. Коваленко, Койды и Ангелуцы среди них, слава Богу, не оказалось. Но присутствовали два ассистента из числа комсомольцев – учеников 6 -7 классов. Кто это был – сейчас уже не помню. Нам предложили встать возле парт, положить на парты всё содержимое сумок, портфелей и т. д. «Высокая комиссия» пошла по рядам. Перво-наперво буквально каждому из нас задавался один и тот же стандартный вопрос:

- *У тебе є листи?*
- *Немає.*
- *Ми перевіримо.*
- *Перевіряйте.*
-*А якщо знайдемо? Краще зізнайся сам (сама).*
-*Шукайте.*

Начинается «шмон». Перелистываются книги и тетради, проверяется сумка, члены комиссии заглядывают под парты. Затем следует просьба-приказ:

- *Підніми руки!*

Поднял. Прохвирій дрожащими руками шарит по верхним карманам. Дальше, до интимных мест дело не доходило. У членов комиссии не поднимались на это руки. Мы очень подавлены и молчим. Все испуганы, унижены. Но никто не возражает, не протестует, не жалуется. В классе очень тихо, только слышно, как шуршат страницы перелистываемых учебников и тетрадей. Пока всё нормально. Очередь дошла до Гриши Отрищенко.

- *У тебе є листи?*
- *Є. Ось у мене лист від брата.*

Все застыли как в немой сцене из «Ревизора», в классе повисла зловещая тишина. Но всё-таки письмо от брата. Неужели и от брата нельзя получать писем?

- *Добре. Давай сюди листа. Ми його перевіримо і віддамо.*

Письмо передаётся в руки Прохвирія. И вот уже полвека позади, а я всё вижу перед собой дрожащие руки и у Гриши, и у Прохвирія. Да… К счастью, и на этот раз обошлось. Письмо от брата Гриша получил обратно. А я сейчас думаю, что же это всё-таки было? Скорее всего дело заключалось в невероятной провокации МГБ, просто так, чтобы не теряли бдительность, для пущей важности. Не зря же говорил Геббельс, чтобы в ложь можно было поверить, она должна быть грандиозной. У кого я только впоследствии не спрашивал об этих письмах – никто их и в глаза не видел. В 1979-ом году мне пришлось беседовать в Цветном с самим Андроном Марковичем. Среди прочих воспоминаний я спросил его и о мифических письмах 1949-го года.

- *Андрон Маркович, ви бачили ті ідіотські листи чи ні?*

Андрон Маркович загадочно улыбнулся и ответил отрицательно. Похоже, он не лукавил. Ну что же, это был всего лишь 1979-й год, время Брежнева и Андропова. Если бы даже Андрон слукавил, я бы его не осуждал. Люди и до сих пор боятся иногда рассказывать, что с ними происходило. А бывало всякое.

…В те далёкие школьные годы все мальчики должны были ходить в школу наголо стрижеными. Все поголовно – от 1-х до 7-х классов! Стриженые солдаты, стриженые заключённые, стриженые школьники, стриженая страна… «Серко» ревниво следил за тем,

чтобы мы своевременно стриглись, свои директивы он спускал вниз на классных руководителей, и Прохвирій в нужное время напоминал кому-нибудь из нас, что пора, мол, стричься. Я до сих пор не могу понять логику советских правителей. Для чего это было нужно? Почему именно наголо? Может быть, для того, чтобы в наших головах, вернее в волосах не заводились вши – время ведь было трудное, и вши гуляли по нашим телам, как хотели. Если это так, то я мог бы ещё с натяжкой оправдать такую жгучую тягу к оболваниванию ученических голов. Но суть заключалась, видимо, в другом, - придавить, унизить, растоптать ученика как личность. Ты никто и ничто. Тля ты поганая, и я могу сделать с тобой, что захочу. Короче говоря, насилие в чистом виде и ничто другое. Надо же! Школа приравнивалась в этом смысле к концлагерю! Все мы, не знавшие ни лучшей доли, ни своих прав, смирились с таким положением, но вот беда – негде было постричься. Тем ребятам, у кого остались живыми отцы, ещё полбеды – отец уж как-нибудь оболванит или заплатит кому-нибудь за стрижку сына. Кстати, неплохим парикмахером считался отец нашей Маши Коцур Прокоп или как его все звали Прокоша. И он работал в открытой силами сельпо парикмахерской, но и это было чуть позже описываемых сейчас мной событий. А мы, безотцовщики (безбатьченки) зачастую ходили в школу заросшими ниже ушей. Я в том числе. Мать с ранней зари до позднего вечера работала (бесплатно как и все) на колхозных полях, деньги, чтобы заплатить за стрижку, у нас почти не водились, а в школе практически каждый день напоминают о том, что давно пора стричься. Естественно, в школе таким был не я один. В один прекрасный день в десятых числах мая, перед самыми экзаменами после зарядки директор предупредил нас со своего «амвона» в последний раз, что если к завтрашнему дню не пострижёмся, то пеняйте, мол, на себя. Прохвирій затем продублировал в классе предупреждение директора. Ну что же делать? Мать пришла с работы в почти что уже наступившие сумерки, свалилась уставшая спать, затемно поднялась и поспешила на плантацию прореживать сахарную свеклу, а я, предчувствуя недоброе, поплёлся в школу.

- *Школа! Равняйсь! Смирно! ... вашу мать! Направу-у! На зарядку шагом марш!*

Пришли с зарядки.

- *На месте шагом марш! Стой! Рэс-тва!*

В воздухе, как говорится, запахло грозой.

Коваленко:

- *Я бачу, що мої попередження ніяк не діють. Майже ніхто не постригся. Ну що ж, будемо застосовувати міри. Так же, Андрон Маркович?*

- *А вже ж, а вже ж, Григорій Михайлович. Ось вони які негідники.*

Снова Коваленко:

- *А тепер, Ангелуца, беріть ножниці і повистригайте на головах хрести тим, у кого вони найсильніше заросли. Там в 5-му «б», 6-му «а». 3-му «а», 4-му «а».*

Дальше всё происходило как во сне. Но до сих пор отчётливо помню, как дошла очередь до меня. Господи! Как же мы были напуганы, какими же мы были ничтожествами, что никто из нас не вырывался, не протестовал, не защищал своей чести и достоинства! И это общая тенденция тех лет! Вся страна в диком страхе и повиновении!

Ангелуцу с перекошенным лицом (он чувствовал себя в родной стихии) сопровождали два ассистента из 6-го класса на всякий непредвиденный случай, два амбала – Пётр Саенко (по прозвищу «Стажёр») и Иван Погребной (этот ходил в школу, кажется, с хутора Ружичево или с так называемого «Сруба»). Ангелуца заносит правую руку с ножницами над моей буйно поросшей волосами головой, дышит на меня вонючей смесью самогона и табака и начинает экзекуцию. Я дрожу всем телом, я убит, растерзан диким зверем, унижен, уничтожен. На меня смотрит вся школа, мне стыдно и обидно, я близок к обмороку. До этого я ещё никогда не переживал подобных потрясений, артобстрел во время боёв с немцами у нашего села казался мне по сравнению с этим неслыханным насилием просто сильной грозой. Плачу. Стою и плачу. А Ангелуца уже чекрыжит Ваню Коржа. Ну ладно мы, ученики. Кто мы такие? Жалкая школьная масса. Но где же ты был в это время, дорогой Порфирий Игнатьевич? Ты же воевал, смотрел смерти в глаза, когда эти два замаскированные дезертира шастали по тылам, расстреливая и вешая большей

частью мнимых «врагов народа». Что же ты молчишь? На твоих глазах творится страшное издевательство над человеком, насилие не только надо мной, но и в первую очередь над тобой, потому что ты наша вера, надежда и любовь, наш воспитатель, УЧИТЕЛЬ, а мы частица твоей совести, твоей сущности. А ты стоишь как вкопанный и плотно закрыл вечно открытый рот, как будто набрал в него воды. Трудно всё это понять, а ещё труднее было простить. Но тем не менее я уже давным-давно всех простил – и Прохвирія (он-то меньше всех виноват), и Григория Михайловича, и Михаила Ильича – все они покойные.

За годы нашей учёбы в школе произошло множество всяких историй. Бывали и мы не правы (в большинстве случаев), не правыми оказывались иногда и учителя. Всё ушло, нивелировалось, многое забылось, ни протв кого злобу я не таю. Но эти кресты на головах несчастных детей никак не могу забыть, наверно, до самой смерти. Они оставили в моём сознании очень глубокий след. Ангелуца успел «обработать» человек 7 – 8 из разных классов. Естественно, кресты на головах означали показательную акцию для устрашения всех остальных мальчиков, избежавших ножниц Ангелуцы. Кроме Вани Коржа и Васи Жижкуна из 4-го «в» больше уже никого не помню. Весь в слезах и разбитых чувствах я тем не менее остался ещё и на занятиях. Не знаю уж как я досидел до конца уроков, не помню, как вёл себя на переменах, всё происходило как в густом тумане. И опять же Прохвирій, видя такую несправедливость и страшное потрясение в наших душах, ничего не сделал, чтобы хоть как-то нас успокоить, не поговорил с нами, не отправил в конце концов с уроков домой. Эта жуткая история имела своё продолжение. Дома до самого вечера я не находил себе места. Горькая обида обжигала всё моё нутро, болела голова, я часто плакал, не мог ни на чём сосредоточиться, забыл даже о постоянно мучавшем нас голоде, был близок к потере рассудка. Мать работала на свекловичной плантации, так что некому было меня утешить и успокоить. Настал вечер. Пришла домой уставшая, почерневшая от палящего солнца, измученная работой и голодом мать. Как только она меня увидела, то мы оба сразу же залились горькими слезами. Я с трудом, прерывая плач, рассказал матери о случившемся, и она, не переодеваясь и даже не помыв руки, сорвалась с места и помчалась прочь искать правду и требовать «сатисфакцию». Что произошло дальше – привожу здесь из рассказов матери. Она направилась прямо в школу, на квартиру директора. Но по дороге случайно встретилась с Ангелуцой, который, конечно же, давно забыл, что он натворил утром этого дня. Поравнявшись с ним, мать вне себя от обиды, гнева и несправедливости поднесла свой грязный кулачек прямо под сизый от самогона нос Ангелуцы:

- *Я тебе, паразит, настрижу! Я тобі, гад, покажу! Ти, сволоч, по німцях стріляв із пукалки із-за дерези, а мій чоловік загинув на фронті, а ти знущаєшся над його сином, вистригаєш на його голові хрести! Ах ти подлєц!*

Ангелуца опешил. Безнаказанность порождает беспечность. Совершив практически преступление, он не подумал даже о том, что за это придётся всё-таки каким-то образом отвечать. Мать продолжила развитие атаки и схватила его за гимнастёрку. Вырвавшись из цепких рук моей матери, Ангелуца в тот вечер спасся бегством. А мать вся в слезах побежала дальше – к директору. «Голуб» прохаживался по двору и встретил поначалу дрожавшую всем телом от негодования мать вызывающе. Но она опередила его:

- *Як же це ви допустили, щоб оцей свистун, ледацюга знущався над сиротами? Його ж батько голову поклав, а ви замість того, щоб помогти як слід остригти, вистригаєте хрести?!*

- *Ви не дуже тут кричіть,* - огрызнулся «Голуб», - *товариш Ангелуца 15 років учився, а ви його так грубо обзиваєте свистуном та ледацюгою.*

- *Та що? 15 років учився і навчився знущанню над сиротами, хрести на головах вистригать?*- продолжала мать в пылу гнева эту странную полемику.

Директор оказался всё-таки умнее физрука и понял, что он со стрижкой учеников переборщил. Постепенно «Серко» начал на тормозах «сдавать назад», потому что мать, не помня себя, грозилась жаловаться дальше и «дойти до товарища Сталина».

- *Ну добре, Соколовська, заспокойтесь. Ми трохи погарячились. Буває. Завтра зранку хай ваш син, не заходячи в класс, прямує до Миколи Петровича в майстерню. У нього є машинка,і він постриже його як слід. Заспокойтесь.*

Немного успокоившись, мать отправилась домой. Наутро на школьном дворе меня и Ваню Коржа (Ваня, ты помнишь?) встретил Прохвирій и сказал нам:

- *Ви, тасать, шпочатку шходіть до Миколи Хлівічького, нехай він вас поштриже, а тоді вже явитешь у клаш.*

Николай Петрович Хлевицкий, инвалид войны, без ноги (вместо ноги скрипучая деревяшка) работал в нашей школе и сторожем, и конюхом (в школе имелась пара лошадей), и плотником-столяром, и ещё Бог знает кем. На все руки мастер. Такие люди всегда находили для себя дело при сельских школах, есть они и в настоящее время. Позже на его место придёт работать отец нашего одноклассника Устин Саввич Гречка, ну а в завхозах бессменно в течение лет 30 числился Соловей Карпович Ревинский.

Николай Петрович, видать, уже с утра под хмельком, встретил нас очень приветливо, в весёлом расположении духа, и как мог успокаивал, чтобы мы не очень отчаивались по поводу случившегося. Заодно он чехвостил и Ангелуцу:

- *От дурак! Нам би його на фронті в разведку. Він би там усрався, це не те, що беззахисних сиріт обіжать. До чого, гад, додумався – хрести вистригать. Я ось його настрижу.*

Директора он не трогал, как будто «Голуб» был здесь абсолютно ни при чём. Всех собак Николай Петрович спустил на Ангелуцу. Так он нас и стриг, высмеивая и разоблачая как труса физрука, и часа за полтора справился с нами всеми. Правда, пришли не все, а человека четыре. Остальные или вовсе не явились в школу, или же их кто-то дома постриг по-людски. Постепенно инцидент был исчерпан, забыт, всё утихло. Не забыл его только я и помню до сих пор.

… Ну что же, мои дорогие друзья, заканчивается учебный год в 4-м «а» классе. Давайте же готовиться к первым в нашей жизни экзаменам. Правда, в середине мая ещё сфотографируемся всем классом на долгую память и затем уже сдадим экзамены и оставим навсегда 4-й класс и нашего Порфирия Игнатьевича Хлевицкого.

…Цвела сирень и пели соловьи, наливалась соками яркая зелень, ночью перелетали с дерева на дерево майские жуки, которые, нажужжавшись вволю в ночные часы, вели себя днём мирно и даже сонливо. Стояла жаркая погода. В школе появился заезжий фотограф, и многие классные руководители решили оставить для истории нашей школы групповые фотографии своих классов. Наш 4-й «а» фотографировался на большой перемене. Дело происходило за школой, в тени. Когда какой-нибудь класс группировался для фотографирования, ученики остальных классов стояли сзади фотографа, смеялись, корчили рожи и давали советы своим товарищам. На стене школьного здания развесили большое чёрное одеяло. Фотограф расположил нас своеобразным каскадом. В переднем ряду все сидят, затем чуть выше, на стульях расположились учителя. В самом центре, конечно же, плюхнулись на свои места Григорий Михайлович и Андрон Маркович. Учителей окружаем мы, стоя на земле. Задний ряд образуют стоящие на высокой и длинной, переносной скамейке остальные ученики нашего класса. Но вот фотограф всех расставил и рассадил, мы притихли, замерли в ожидании «вылета птички» и… К сожалению у меня нет и не было этой фотографии. Прохвирій предварительно опросил каждого из нас, будем ли мы выкупать фотографии. Записались все, но потом, когда фотографии были готовы, примерно у половины класса не оказалось в наличии денег. Увы! Типичная для того времени ситуация. Не нашлось денег на фотографию и в нашей семье. А мне так хотелось её иметь у себя. Прохвирій принёс в класс пачку фотографий и вручал их тем, кто с ним расплачивался. Остальным не отдал, боялся, что не вернём денег. Ведь он их уже у фотографа выкупил, и заплатим мы ему за них или нет, всё равно они у него останутся (и остались) – ничего не изменится. Хорошо, не сейчас так потом можно было бы собрать с нас деньги, но фотографии-то раздай детям! Поступи, дорогой Порфирий Игнатьевич, как поступила в 3-м классе добродушная Мария Ивановна, когда

давала нам взаймы деньги на просмотр кинофильма «Валерий Чкалов». Нет! Так мы и закончили 4-й класс, сдали экзамены, произошли другие события, а фотографии остались у Прохвирія “на засолку». Вот в этом он весь. Так что я могу теперь судить об этом документе только по памяти. Но у некоторых из вас, дорогие друзья, эта фотография, должно быть, сохранилась. Я, например, точно знаю, что она была у Володи Козыренко, видел её у него в 1954-м году. Среди учителей затесался и Ангелуца. По иронии судьбы я стою прямо рядом справа от моего «крёстного отца». А вот как там расположились остальные, кто рядом с кем – я, к сожалению, забыл. Хотя бы перед смертью взглянуть на эту фотографию. Отмечу ещё, что она единственная и поэтому уникальная в своём роде. Ни в 5-ом, ни в 6-ом, ни в 7-ом классах мы уже почему-то не удосужились все вместе сфотографироваться. Жаль! Очень жаль! Есть ещё, вернее скорее всего была фотография общего построения школы 21-го декабря 1949-го года, когда мы учились в 5-ом классе – в день 70-летия со дня рождения И. В. Сталина. Автор фотографии Василий Васильевич Лобач. Она вывешивалась на школьном стенде. На ней был запечатлён в полном составе и наш класс. Но кто являлся её владельцем и куда она подевалась – неизвестно. Думаю, что фотография не сохранилась. Больше ничего нет. Ну ладно. Зато у меня имеется такая же фотография 4-го «в» класса, где училась моя сестра Анна. Вот её фотографию мы как-то же сумели выкупить! И вот она передо мной, - знакомые лица. Некоторые мальчики и девочки совершенно босые. В руках у девочек скромные веточки сирени. Чтобы казаться ниже ростом и не мешать сзади стоящим, Вася Белинский слева и Ваня Кульчицкий справа опустились на колени. За Васей Белинским стоит во весь рост наша Анна. Одеты – кто во что - серая, убогая одежда. В среднем ряду как и все мальчики наголо постриженный (ведь недавно происходила «всешкольная экзекуция») мой лучший друг Женя Березовский. Он тоже держит в руках сирень. Коля Салов, Боря Лехан, Коля Мачуской, братья Ваня и Трофим Кульчицкие, Саша Ордынский, Володя Медведенко, Валя Цеюкова, Аня Пономаренко, Нина Кучеревская, Маша Лихненко… Сейчас уже нет в живых Саши Суконько, Коли Мачуского, Вани Волосяна, Веры Саенко, Саши Ордынского, Маши Загнибеды, Андрея Чернобая… Смотрю на учительский ряд, - первым слева направо пристроился наш Прохвирій, на нем темно-серый пиджак, чёрная рубашка, прямые, причёсанные набок волосы, усталый и напряжённый взгляд глубоко посаженных глаз. Рядом с ним молодая, красивая, круглолицая девушка с модной по тем временам причёской. Это наша новая старшая пионервожатая Галина Ананиевна, далее сидит вполоборота классный руководитель 4-го «в» класса Мария Прокоповна – понятное дело, классный руководитель должен находиться в центре внимания. Одета Мария Прокоповна поверх белой кофточки в жакетку, волосы зачёсаны на пробор, она внимательно выжидает команду фотографа. Справа от неё упёрлась тяжёлым взглядом в объектив Домаха Павловна Носенко – классный руководитель 4-го «б» класса. Домаха в каком-то легком платье абсолютно чёрного цвета. А вот и «великий инквизитор» местного пошиба Ангелуца. Удивительно – он сегодня не в гимнастёрке, а одел тёмный пиджак и даже белую рубашку, правда, без галстука. Видать знал, что будет фотографироваться, и приоделся. Чёрные как воронье крыло волосы, маленькие, злые глазёнки. На самом правом фланге знаток творчества Степана Тудора, наш библиотечный зануда Иван Петрович Гречка. Скорее всего на тот момент в школе находилось малое количество учителей, поэтому пришлось позвать и его, чтобы он оказал 4-у «в» классу честь. Тем более, что по какой-то причине в отличие от нашего класса здесь я не вижу ни «Серко», ни Андрона Марковича. Жаль, что к тому времени в школе уже не работал Федосей Степанович Коцур («Балабан»), а то позвали бы и его, и он бы теперь смотрел на меня испуганными ещё на фронте глазами.

…Мы подошли к первым в нашей жизни экзаменам. Их потом на нашем пути будет очень много – и в прямом, и в переносном смысле. Я, например, последний учебный экзамен сдал в июне 1970-го года, когда заканчивал 1-й Московский Государственный Педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза (сейчас он называется Московский ордена Дружбы народов Лингвистический Университет. Lingua - по-

латински означает язык). Тогда я сдавал государственные экзамены на получение диплома преподавателя немецкого языка в высших и средних учебных заведениях. И последним экзаменом в прямом значении этого слова оказался научный коммунизм. Муть страшная и никому не нужная. До сих пор ума не приложу, какое отношение может иметь эта демагогическая болтовня к изучению иностранных языков. А её даже включили в состав государственных экзаменов. А вообще-то экзамены, какими бы они ни были, вещь нервная, напряжённая, а по сути своей самая настоящая лотерея, рулетка. Из множества сданных мною в моей жизни экзаменов приведу лишь два абсолютно противоположных примера.

1. Сдавал я весной 1966-го года после окончания первого курса института проклятую латынь – мёртвый, никем не используемый в практическом разговоре язык. Правда, латынь хозяйничает в медицине, но то уже латынь более поздняя, средневековая, а нам надо было «спихнуть» латынь классическую, язык Юлия Цезаря, Цицерона, Сократа, Катилины и прочих деятелей до нашей эры. И «спихивать» её следовало не кому-нибудь, а самому профессору Ярхо, законодателю мод в изучении латыни, автору толстенного учебника в зелёном переплёте, по которому мы должны были учиться в течение всего 1-го курса и в который я из-за неимения времени не удосужился ни разу заглянуть. Но тем не менее я нагло явился на сдачу экзамена, надеясь всё-таки на чудо, на авось. Ярхо, тогда ещё не старый профессор, внешне очень похож на ныне покойного киноактёра и актёра театра Е. Евстигнеева, гонял студентов беспощадно. И вот я молодцевато зашёл в аудиторию, как и положено, подал ему зачётную книжку, он сверил её с ведомостью и сердито произнёс:

   - *Берите билет!*

Я и взял. А там… три вопроса и ни по одному из них я «ни в зуб ногой». Ну как бы мне соврать экзаменатору по его же книге? Разумнее всего следовало бы дураку сразу же сдаться без боя и позора, ан нет, я пошёл ва-банк. Но не тут-то было, он меня сразу же настиг «мёртвой хваткой за воротник». Даже не захотев слушать явную чушь, он перебил мой лепет:

- *Вы знаете, молодой человек, вот тут перед вами мне пыталась сдать экзамен (*профессор посмотрел в ведомость*) Кузнецова. Она по сравнению с вами выглядела прямо-таки молодцом.*

А перед моим входом в аудиторию из неё выскочила вся в слезах наша «студэнтка, спортсмэнка, комсомолка» да и действительно отличница и очень симпатичная девушка Наташа Кузнецова. Ярхо «погнал» её, не выслушав и до половины. Оказывается, она по сравнению со мной героиня. Я это разумом понял, но по инерции всё же пытался «схватиться за воздух» у самой пропасти. Выглядел я тогда, конечно, жалко и глупо. Но у меня ещё хватило ума отчаянно ляпнуть «ни к селу, ни к городу»:

- *Я думаю, профессор, что мы расстанемся друзьями.*

Видали такого наглеца? Мне даже сейчас стыдно за самого себя. Профессор очень внимательно на меня посмотрел и, протягивая мне пустую зачётку, очень чётко произнёс:

- *Избави меня, Бог, от таких друзей, а расставаться, боюсь, нам придётся ещё не раз.*

Я выдворился на не гнущихся ногах в коридор как нашкодивший мальчишка. А сдавал латынь где-то через месяц его ассистентке, добродушной и ласковой доцентше Покровской. Лучше я не стал, но тройку всё же вымолил у неё чуть ли не на коленях.

2. Ровно через год, в 1967-м году сдавал я доценту Вячеславу Леонидовичу Чистякову мой любимейший предмет – историю, географию и экономику Германии (тогдашних ГДР и ФРГ). Первым вопросом в моём билете значились Потсдамские соглашения 1945-го года. В тот день состоялся, собственно, и не экзамен, а беседа двух людей на любимую тему. Чистяков практически забыл о других студентах, и мы с ним около 40 минут разбирали все тонкости послевоенной политики Сталина, Трумэна, Черчилля, Эттли. Второй вопрос (что-то там из времён Августа Бебеля) вообще не затрагивался.

Пятёрка была обеспечена и без того. В тот день я ходил среди друзей-однокурсников героем-петухом.

…В мае же 1949-го года в качестве первого экзамена требовалось написать изложение по русскому языку. Следует сказать, что в то время во всех школах всех союзных республик в качестве первого экзамена ученики сдавали экзамен по русскому языку и литературе и только после этого следовал экзамен по родному языку. Так было принято, и никто особенно не возражал, по крайней мере открыто. До сих пор не могу согласиться с тезисом, что экзамен представляет собой некое торжественно-праздничное событие (вспомним, например, кинофильм Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика»). Но у нас в школе на экзамене должны были стоять на столе в вазах живые цветы, благо в мае месяце для села это не проблема, а стол следовало накрывать принесённой кем-нибудь из дома скатертью. Сейчас уже не ручаюсь за точность, но скатерть принесла, кажется, Маша Коцур. Кроме принимающего экзамен учителя в классе должен был присутствовать, как и полагается, ассистент – кто-нибудь из учителей. К нам дирекция делегировала Марию Филипповну Юрченко. Она вошла в класс вместе с Прохвирієм, села за стол, спряталась за огромным букетом цветов и тихонько проспала до самого окончания экзамена. Нам предстояло написать экзаменационное изложение. Тему изложения прислал в соответствии с инструкцией в запечатанном конверте Елизаветградковский райОНО. Прохвирій взял в одну руку конверт, в другую ножницы и на наших глазах распечатал конверт.

- *А шейчаш, тасать, я вам, детки, два ража прочитаю тему ижложения вшлух, вы внимательно прошлушаете и начнёте пишать ижложение на выданных вам шпечиальных лиштах бумаги шо школьным штампом.*

Для изложения РОНО избрал для нас отрывок из популярной тогда детской повести А. Мусатова «Стожары». Помните, ребята, там главный герой повести Санька Коншаков организовал спасение побитого градом опытного участка пшеницы, поражённой к тому же пыльной головнёй? Такое слово оказалось для нас незнакомым (эту гадость у нас называют просто сажей), и Прохвирій написал нам его на доске. Мария Филипповна даже не повернула в сторону доски голову. Мы склонились над первым в жизни экзаменационным изложением.

Да, чуть было не забыл, что Прохвирій всё-таки выполнил своё обещание и не всех учеников допустил к экзаменам. Таких несчастливцев оказалось, по-моему, трое: многострадальная Фрося Стрижак, белокурая Любочка Крушеницкая и мой «крестник» Мережаный-д'Арлан. Поскольку они уже никогда не вернутся в наш класс, то я позволю себе проследить, насколько мне это известно, их дальнейшую судьбу. Ефросинья Макаровна Стрижак, пребывая на пределе школьного возраста, совсем забросила учёбу в школе и вскоре уехала на заработки в Донбасс. После этого я её никогда не видел. В начале 60-х годов по селу прошёл слух, что Фрося в Донбассе серьёзно заболела и скончалась практически в юном возрасте. Она даже не успела выйти замуж…

Люба Крушеницкая ещё некоторое время обучалась в школе. Не знаю, закончила ли она 7 классов или нет, так как Люба помоложе Фроси (родилась в 1937-м году), и её могли как-то «дотянуть» до окончания семилетки. В своё время Любовь Григорьевна Крушеницкая вышла замуж за нашего односельчанина Павла Андреевича Чернобая. К тому времени у неё уже родилась и подросла дочь. На протяжении длительного времени Люба и Павел жили и работали в г. Кировограде. Там они или купили, или построили свой дом. Незадолго до выхода на пенсию чета Чернобаев продала этот дом и купила себе тоже неплохой дом в Цветном (на Комаривке). Любу я часто видел, когда бывал в отпуске. Через дорогу от хаты моей матушки живёт с семьёй её родная сестра, и Люба часто её навещала. Летом 1999-го года Любовь Григорьевна скончалась в возрасте 62 лет от инсульта.

Ну а д'Арлан вскоре после оставления школы поступил в Знаменскую школу железнодорожных кочегаров, закончил её и работал где-то в районе станции Долинская. В Цветное он больше не возвращался, и его следы затерялись в огромном мире железнодорожных путей и переездов.

…Остальные четыре экзамена мало чем отличались от первого. Тот же стол, та же скатерть, цветы, ассистент. Мне ещё запомнился устный экзамен по украинскому языку и литературе. Кроме двух чисто грамматических вопросов по языку мне досталось также пересказывать содержание отрывка из повести А. Н. Толстого «Хлеб» («Оборона Царицына»), который тогда помещали во все русские и украинские учебники под заголовком «У броньовику». Если помните, друзья мои, в отрывке шла речь о том, как в одной из белогвардейских казачьих станиц застрял в большой луже красноармейский броневик, в котором находились Ворошилов, Лукаш, Кисель и водитель Цыбаченко. А казачки пытались достать их из броневика, но для этого требовалось сначала вытащить его из грязи. Они подогнали несколько пар волов, запрягли их с помощью толстого каната в броневик и начали с гиком понукать волов, чтобы те вытащили машину из лужи на дорогу.

- *Давай пулемёт,* - скомандовал Лукаш.

- *Ничего не выйдет, они в мёртвом пространстве.*

Цыбаченко сидел спокойно за рулём и слегка правил броневиком. Как только машина оказалась вытащенной из грязи, Цыбаченко включил мотор, волы шарахнулись во все стороны, зататакал пулемёт, канат оборвался, казачки испугались и разбежались по станице прочь. Броневик пронёсся мимо спрятавшихся за плетнями казаков, обдавая их градом свинца… Вот видите – до сих пор помню, а на экзамене в мае 1949-го я ответил прямо-таки блестяще. Мне казалось, что это я сижу в броневике рядом с Ворошиловым и нещадно расстреливаю из пулемёта наших злейших врагов – белогвардейских казаков. Вот что ещё интересно – у нас дома стоят в книжной полке 8 томов произведений А. Н. Толстого. Там есть и «Пётр Первый», и «Хождение по мукам», и «Гиперболоид инженера Гарина», и др. Но нет, как будто и не было повести «Хлеб». Произведения выпущены в годы так называемого застоя. Наверно, Л. И. Брежнев распорядился: «такой повести нет, потому что я её не читал». Да, дела твои, Господи!

…Все, кто был допущен к экзаменам, благополучно их миновали. Таким образом, мы закончили 4-й класс и получили начальное образование. Тогда выпускникам 4-х классов выдавались свидетельства об их окончании. Вручила школа их и нам. Правда, на вручении свидетельств я по какой-то причине отсутствовал, и вместо меня его получила и принесла домой наша Анна. К сожалению, оно у меня не сохранилось, и я теперь не могу «похвастаться» своими успехами, но, кажется, троек у меня не было.

Итак, мы прощаемся с начальной школой, с непредсказуемым Прохвирієм, к которому мы очень привыкли. Честь и слава ему! Он многому нас научил, не щадил в процессе учёбы ни нас, ни себя.

Уже после экзаменов добровольно оставили школу Лида Полишкевич, Васюта Саенко и Нина Канюка. О судьбе Лидочки мы уже знаем. В виду того, что она мне нравилась, и по случаю её «экзотического» замужества я описал дальнейший путь этой доброй, простой и застенчивой женщины, так сказать, досрочно. Выехала в неизвестном направлении толстенькая, черноглазая, звонкоголосая Ниночка Канюка вместе со своими родителями и братом Александром. Васюта Саенко долгое время работала в колхозе, ещё где-то, может быть, в лесничестве, в 1955-м году вышла замуж за жившего с ней по соседству Павла Маркияновича Швеца, постарше Васюты, воевавшего на фронтах Великой Отечественной войны. Павел Маркиянович работал в колхозе механизатором, слыл мастером на все руки, семья жила в достатке. Васюта подарила Павлу и себе самой троих детей, которые теперь дарят и уже подарили им внуков. Но Павел Маркиянович в начале 80-х годов скончался, а Василина Григорьевна Швец (Саенко) проживает по-прежнему в Цветном.

* *
*

Летом 1949-го года часто шли проливные дожди, гремели сильные грозы. 29-го июля 1949-го года грозовой разряд поразил жену моего дяди Сидора Архиповича Семиволоса Меланию и стоявшую рядом с ней в поле на уборке ячменя мою мать Ульяну Степановну. Удар был страшной силы, тётушка Мелания скончалась мгновенно, а мать выжила. Полтора месяца ей пришлось пролежать в Елизаветградке в больнице, но Бог миловал, мать постепенно оклемалась и живёт по сей день. Ей идёт уже 89-й год, а тогда, во время удара молнии только что исполнилось всего 37 лет.

Наконец, мы дождались нового учебного года. Нас встречают многие новшества. Кроме классного руководителя каждый предмет будет вести отдельный преподаватель. Ещё до 1-го сентября я узнал, что классным руководителем к нам назначена новая учительница, преподавательница украинского языка и литературы Варвара Александровна Шевченко. Пока что я это только знаю, но её ещё не видел. Имя Варвара у нас довольно-таки распространённое, но в селе женщин с таким именем называют не иначе как Варька. Я почему-то размышлял сам с собой, а что если называть учительницу Варька Александровна? Представляете? Хорошо, что хоть у меня не хватило ума именно так к ней обратиться. А то бы ляпнул. Вот было бы позорище!

…Мы на традиционной встрече перед завтрашним началом занятий. Все подросли, загорели, повзрослели. На школьном плацу шумно, весело, как это всегда бывает, пока школа ещё не надоела. К осени того года детский дом перевели в пустующие здания , принадлежавшие когда-то лесничеству – в так называемые «будівлі». Детдомовские ребята идут строем в школу. Они направляются не по тропинке, что от кладбища сворачивает прямо к школе, а движутся вокруг кладбища, затем сворачивают вправо к центру села, дальше, у дома Никифора Ивановича Крынского делают ещё один правый поворот уже в школу. Дети отмеряют шаги под оркестр с барабанным боем, все они одеты в новую одинаковую для всех форму. Вся школа ими любуется, а они наяривают всё тот же «Егерский марш». Николай Петрович Хлевицкий открывает ворота, и детдомовская колонна входит на школьный плац. Оркестр затихает, детдом пристраивается к нашим шеренгам. Нет уже Ангелуцы! Он то ли ушёл, то ли его «ушли»! Может быть, он поскандалил с «Голубом», может быть, нашёл для себя что-нибудь получше, не исключено, что Ангелуцу снова куда-то «бросили», но его в школе нет. Вместо него у нас теперь два физрука, потому что прибавился контингент учеников. В школе созданы дополнительные классы для детей из хутора Ружичево. Например, был создан полнокровный 5-й класс из одних только ружичан. Но к физрукам мы ещё вернёмся, а сейчас поспешим к нашему классному руководителю Варваре Александровне, тем более, что официальная часть утренника оказалась на этот раз на удивление короткой и уже закончилась. Эта церемония начала учебного года мне ничем особенным не запомнилась. В памяти остался лишь один маленький эпизод, связанный с появлением возле школы ставшего не «нашим» Прохвирія. Наш класс расположился в строю невдалеке от 6-го класса, и мы слышали, как один из его учеников, Андрей Кучеренко тихонько прокомментировал «явление Прохвирія ученикам»: «Тасать Позаяк» уявляє себе в новому кашкеті Сталіним». На Андрея тут же зашикали – не дай Бог кто-нибудь услышит, и снова всё замерло.

Варвара оказалась в нашем плотном кольце. В руках у неё классный журнал, она в него смотрит и вызывает по алфавиту всех нас подряд для личного знакомства. Когда подошла моя очередь, Варвара, зная уже о произошедшем с моей матерью несчастьем, участливо спросила о здоровье и самочувствии Ульяны Степановны. Мне было приятно от такого внимания с её стороны. Варвара Александровна происходила из соседнего села Гутница, там жили её родители и другие родственники. Она закончила Кировоградский педагогический институт им. А. С. Пушкина (ныне им.Винниченко), факультет украинского языка и литературы. До направления в Цветнянскую семилетнюю школу

Варвара уже успела где-то поработать учительницей и пришла к нам с наличием определённого педагогического опыта. В ту пору ей можно было дать лет 28 – 30, белокурая, среднего роста, простое, ничем не отличающееся лицо, хорошо, со вкусом одета. В дальнейшем особых педагогических талантов я в ней не заметил – обычная, трудолюбивая сельская учительница. Таких учителей можно было встретить в каждой школе. Свой предмет Варвара знала не плохо, чувствовалось, что украинскую литературу она любила и разбиралась в ней. Мне ещё казалось, что Варвара уж слишком правильная, даже какая-то суховатая учительница. Особая строгость в ней тоже не наблюдалась. Ну что ещё сказать – сильной любви мы к Варваре Александровне не испытывали, просто понимали и принимали её как неизбежность. Не очень-то мы Варвары и боялись, что давало нам повод для проявления непослушания и капризов по отношению к своему классному руководителю. Потом мы к ней привыкли, и лучшего классного руководителя нам уже было не нужно, а ведь могло статься и хуже. Всё-таки Варвара олицетворяла собой педагога, а не «брошенного на ниву просвещения» номенклатурного работника. Как мы убедились, попадались и такие. Говорила Варвара на правильном литературном украинском языке (ещё бы не так!), и это тоже вызывало к ней солидную долю уважения. Помнится, она произносила в конце украинских глаголов, которые в просторечье заканчиваются не на суффикс «-ти», а на суффикс «-ть» с неким витиеватым озорством, и у неё получалось не типичное для села Цветное произношение: *читаць, писаць, бігаць, куриць.* Такие окончания глаголов не могли остаться нами не замеченными, поползли насмешки, и Варвара вскоре отказалась от этой привычки. Теперь она будет с нами до окончания 7-го класса, с ней мы переживем и всё хорошее и не очень хорошее. Насколько мне известно, Варвара ни разу не пожаловалась на наш класс директору и не просила помощи или замены. Это характеризует нашего классного руководителя с очень хорошей стороны. Все возникавшие в классе проблемы решались всегда с нами вместе, сор из избы не выносился. Подлиз Варвара также не жаловала, хотя успевающих учеников старалась ставить другим в пример. Ну это естественно. Это уже методика.

Какие же ещё предметы ждали нас в 5-ом классе? Кроме украинского языка и литературы мы будем продолжать изучение, конечно же, русского языка и литературы. Этот предмет должна была у нас вести молодая учительница, наша односельчанка Елена Ивановна ….. (фамилию, к сожалению, запамятовал). Она только что закончила тот же Кировоградский пединститут, но ещё будучи студенткой, вышла замуж, перед самым началом учебного года родила ребёнка и «застряла» в декретном отпуске. Елена Ивановна появится у нас на уроках примерно через полтора месяца, а пока что нам дали «на растерзание» старушку Марию Филипповну Юрченко. Я упоминал её имя уже несколько раз, и сейчас самое время вспомнить, дорогие друзья, эту добрую, славную, несколько старомодную, но безусловно, очень хорошую учительницу. В Цветном она учительствовала давно, ещё до войны, преподавала буквально любые предметы, как это часто бывает в сельских школах, но её главное, так сказать, амплуа относилось к русскому языку и литературе. К осени 1949-го года Мария Филипповна стала старенькой, больной, но ещё не утратившей учительские навыки женщиной. Ходила с костылём (больные ноги), носила толстые, в невыносимой оправе очки (очень плохо видела), в класс протискивалась очень медленно, бочком (была тучной). Войдя, говорила нам:

- *Здравствуйте!*

Мы, естественно, отвечали хором на её приветствие.

- *Сядьте!*

Она никогда не говорила «Садитесь!».

После окончания третьего класса, летом 1948-го года у меня с ней случилась неприятная история. В начале августа Мария Филипповна ходила по нашей улице, разумеется, по заданию дирекции школы с проверкой, готовы ли ученики осенью идти в школу, может быть, кто-то уехал, решил оставить школу и т. д. Однажды в обеденную пору, пригнав домой с пастбища корову, я как обычно вихрем влетел в хату и увидел сидящую за нашим столом Марию Филипповну. Подобного пассажа я не ожидал и растерялся до такой степени, что не соизволил поприветствовать такого серьёзного гостя.

Стою как идиот и молчу, словно «лом проглотил». Это невыносимое молчание нарушила вошедшая вслед за мной и вставшая позади меня мать:

- *О! А чого ж це ти не здоровкаєшся з Марією Пилиповною? Оце добре!*

А что ещё должна была сказать переживающая из-за меня позор мать? Я был готов сквозь землю провалиться, но момент для приветствия безвозвратно ушёл. Я его прозевал. Поражённая моей наглостью не меньше матери, проснулась и Мария Филипповна:

- *Безсьовісний! Як тобі не сьоромно? Адже вчителів, та й не тільки вчителів треба вітати! Чи може тебе ніхто цьому не вчив? Безсьовісний!*

Не помню, как я весь в горьких от стыда слезах вырвался мимо опозоренной матери из хаты, забежал в кукурузу и просидел там, плача, весь обеденный перерыв, пока не настало время снова гнать на пастбище скот. Мария Филипповна давным-давно ушла и очевидно забыла об этом инциденте. Мать потом успокоила меня и сказала мне, чтобы я как увижу Марию Филипповну, непременно перед ней извинился. Когда месяца через два я в школе нос к носу столкнулся с Марией Филипповной, то смелости извиниться у меня не хватило.

А перед уроком русского языка в 5-ом «а» классе мне вдруг стало страшно, - а что если она сейчас вспомнит тот случай и начнёт меня перед всем классом срамить? Но слава Богу память у Марии Филипповны оказалась уже не идеальной, а теперь-то я понимаю, что такое мелочное происшествие в нашей хате не стоило выеденного яйца. Конечно, шум в классе на уроках Марии Филипповны стоял невероятный, никто её, честно говоря, не боялся. Но она смотрела на все наши проделки очень спокойно, как будто это её не касалось. Иногда слегка, даже с оттенками юмора нас журила. Мы в этом ещё успеем убедиться, когда Мария Филипповна будет вести у нас в 6-ом и 7-ом классах зоологию. Об этом чуть позже.

…Да, дорогие друзья! Давайте на некоторое время прервём наши воспоминания о предметах в 5-ом классе и их преподавателях и заглянем в находящийся в руках Варвары Александровны классный журнал, чтобы увидеть в нем фамилии всех тех, кто сядет за парты опять во вторую смену и опять в «зимнем» северо-восточном классе для продолжения занятий в 1949-50-ом учебном году. Вот кто по моим расчётам начинал учёбу в 5-ом «а» классе в сентябре 1949-го года, закончат его весной 1950-го года далеко не все ученики из этого списочного состава. Вместо выбывших по воле Прохвирія и по своей воле учеников 5-й «а» класс пополнили: Виталий Носенко – сын Никиты Петровича и Домахи Павловны. Думаю, что родители перевели к нам Виталия потому, что наш класс был всё-таки сильнее остальных 5-х классов. А может быть, и по каким-то другим соображениям. По неизвестной мне причине к нам был также переведён из 5-го «в» класса Валентин Вильковский. Скорее всего из-за восстановления количественного баланса по классам. Приехала из Донбасса и попала в наш класс Оля Бутримова – маленькая, хрупкая девочка с круглым как солнышко личиком, вот только чернявым, а не золотистым. Олечка сильно картавила и отвратительно плохо училась. Итак, открываем журнал и вызываем вместо Варвары в алфавитном порядке учеников 5-го «а» класса:

1. Атамас Виктор
2. Близна Юрий
3. Бойко Александр
4. Борко Ульяна
5. Бутримова Ольга
6. Вильковский Валентин
7. Гайденко Пётр
8. Галасюк Иван
9. Гончаренко Владимир
10. Гончаренко Николай
11. Гончаренко Пётр
12. Гречка Леонид
13. Евсеенко Раиса

14. Загнибеда София
15. Койда Алексей
16. Козыренко Владимир
17. Комар Прасковья
18. Корж Иван
19. Коцур Мария
20. Лихненко Оксана
21. Носенко Виталий
22. Отрищенко Григорий
23. Павловская Мария
24. Пасечник Мария
25. Саенко Дементий
26. Сиденко Александр
27. Соколовский Григорий
28. Сухая Лидия
29. Таргун Мария
30. Хлевицкая Мария
31. Хмара Юрий
32. Цышевский Владимир
33. Шмыголь Зинаида

Как видим, изменения по сравнению с 5-м классом несущественные, они будут значительно существенней в сторону сокращения после 5-го класса. Ну а теперь давайте снова вернёмся к предметам и их преподавателям. Арифметику с элементами геометрии нам будет преподавать наша односельчанка Полина Тихоновна Нечуйко (сельская кличка «Перцівна»). Полина Тихоновна прекрасно знала и по всей видимости очень любила свой предмет. К нему она относилась весьма ревностно, уроки проводила рационально, затрачивая значительное количество эмоциональной энергии. Никаких шуток, никакого панибратства. От этого сухая арифметика становилась ещё суше. Любить Полину Тихоновну мы не любили, но побаивались. Кроме того, что она требовала от нас глубокие знания, особое внимание с её стороны уделялось также и чистоте в наших тетрадях. Помните, Полина Тихоновна любила без устали повторять:

- *Що б мені в ваших зошитах було чисто. Це повинні бути не зошити, а блёск (*правильно по-русски *блёстки*, но *блеск*).

Мы как только могли наводили в тетрадях «блёск», но учительница математики вечно оставалась недовольной. Ещё она практиковала из-за малейшей заминки во время ответа у доски оставлять учеников для дополнительных индивидуальных занятий после уроков. Оставаться приходилось не только слабым ученикам, но и таким «грандам» как Володя Цышевский, Алик Бойко, Коля Гончаренко, Маша Коцур, Паша Комар, да и ваш покорный слуга в том числе. Я возмущался, - что, у неё нет домашних дел? Неужели мы ей и так не надоели, что она ещё мучается с нами после уроков. А ведь это было бескорыстное стремление вдолбить в наши головы побольше правил и формул такого сложного предмета как математика, здесь арифметика. Во втором полугодии в семье Полины Тихоновны произойдёт страшная трагедия, и ей придётся навсегда уехать из нашего села. К этому мы ещё подойдём. А сменит её выдающийся (не боюсь этого слова) наш учитель математики и физики Василий Васильевич Лобач. Тогда о нём и поговорим.

Ботаника сначала досталась в нашем классе учителю по фамилии Бабий. А имя и отчество как не пытаюсь вспомнить – ничего не получается. Склероз! Это лишний раз подтверждает правильность названия моих воспоминаний. Бабий появился в нашей школе с семьёй (жена и двое детей, сын Юрий учился где-то за нами) и с очень интересным породистым псом, которого он даже иногда приводил на поводке в школу. Пёс был чёрной масти, крупный, надрессированный. Кличку его я тоже забыл. Бабий на уроке ботаники впервые продемонстрировал нам устройство и работу микроскопа. Мы выходили по очереди к столу и разглядывали через установленный на нём микроскоп

кусочек положенной для наблюдения шелухи от лука. До сих пор помню мои первые впечатления от заглядывания в микроскоп - белое-белое круглое поле и по нему разбросаны в беспорядке мелкие «червячки».

Учебник ботаники составлялся на 1949-й год с учётом пресловутой прошлогодней сессии ВАСХНИЛ и удара по генетике а также вейсманизму-морганизму. На второй странице крупным планом портрет академика Т. Д. Лысенко (на первой, ясное дело, портрет Сталина). Доминирующее положение занимали учения о земле и её дарах Лысенко, Мичурина, Докучаева, Костычева, Вильямса. Особое внимание следовало обращать на метод июльской посадки картофеля по методу академика Лысенко. Короче говоря, преподавателям ботаники приходилось «пудрить» детям мозги о том, что не предусмотрено природой. Главное для земли – это навоз, своевременная обработка и дожди. Всё остальное, как говорится, от лукавого. А эти мичуринские заветы! Вы их помните, мои дорогие друзья? «Нам не следует ждать милостей от природы. Взять их у неё – наша задача». Как бы не так!

В общем и целом уроки ботаники под руководством Бабия мне нравились. Но он пробыл у нас не долго. Примерно в начале второй четверти его сменила Галина Никитична Синченко, женщина исключительно щепетильная, с гипертрофированным чувством соблюдения тишины на уроках. На уроке Галины Никитичны в классе должны были царить гробовая тишина и вечный покой. Малейшее наше движение, попытку что-то написать или записать, поворот головы и т. д. она тотчас же фиксировала и нещадно пресекала. Иногда мне казалось, что для неё не так важен сам предмет, как тишина на уроке. Отличным здоровьем Галина Никитична похвастаться не могла и часто аппелировала к нашему сознанию, чтобы мы пожалели её, больную и несчастную, а то она умрёт, если мы не будем тихо сидеть на уроке. Не спуская с нас глаз, учительница ботаники усаживается, наконец, за стол, а в это время Юра Близна как на грех начинает что-то писать в тетради. Галина Никитична немедленно реагирует на такое нарушение её инструкций, - сначала просто пристально смотрит на Юру, затем медленно нагибается на стуле, вытягивая вперёд голову и продолжая сверлить взглядом субъект раздражения. Голова учительницы нагнулась почти что до пола, на её лице страдальческое выражение, все мы тоже смотрим на Юру, и тут он вздрагивает и понимает, что пойман на горячем.

- *То ти мені пишеш, Близна? А ну неси сюди! Неси! Я почитаю!*

Перепуганный на смерть Близна, покраснев как рак, несёт написанное к столу и отдаёт его Галине Никитичне. Та прячет тетрадь с записями Юрия в сумку, может быть, через месяц и отдаст, а то жди до конца учебного года. А такой вертихвост как Корж не усидит на месте даже на уроке Галины Никитичны. Она возмущена его поведением до предела:

- *Корж!*

- *А що я роблю?*

- *Нічого не робиш, але ти мене не слухаєш. А мені важко вас учити, бо я хвора жінка.*

- *Галино Микитівно! А чому ж ви, якщо хвора, та працюєте?*

- *Ось виростиш, Корж, почнеш самостійно жити, у тебе буде своя сім'я, от тоді і узнаєш, навіщо треба працювати.*

Резонный ответ. Корж задумывается, а Галина Никитична глотает валидол. Мне кажется, если бы она меньше обращала внимания на отсутствие тишины в классе, тишина была бы намного стабильнее. Ботаника у нас была не единственным предметом Галины Никитичны, ей пришлось преподавать нам ещё и физическую географию стран мира. Ввиду того, что учительница, действительно, часто болела, то её заменял на уроках географии Никита Петрович Носенко. Я уже его не раз упоминал. Добрейшей души человек! Прекрасный педагог и наблюдательный методист, интереснейший рассказчик. В нём присутствовала и строгость, и требовательность, и мягкая доброта. В характере Никиты Петровича превалировала всё-таки не строгость, а сила убеждения, увлеченность предметом, любовь к своему делу. С какой жадностью я слушал его рассказы о кругосветном путешествии Магеллана, открытии Колумбом Америки, завоеваниях испанских конкистадоров, других великих открытиях. Естественно, у Никиты Петровича

было особое отношение к нашому классу, так как теперь здесь учился его сын Виталий. Но Виталий мало чем походил на своего отца. Честно говоря, вначале мы его не долюбливали. Он вечно ходил надутым, каким-то замкнутым, малоразговорчивым. Алик Бойко часто говорил:

- *Он Носенко вже надуває свої баллонетти.*

Такое поведение Виталия мы приписывали тому обстоятельству, что его родители работали учителями. Оказалось, что это не так. Виталий был таким просто сам по себе. Сейчас, склоняя голову перед его светлой памятью, я думаю, что мы были все-таки не правы.

… Я с нетерпением ждал уроков немецкого языка. Бог мой! Как я завидовал людям, знающим иностранные языки, особенно немецкий! Да и не удивительно. Не так давно закончилась война против фашистской Германии. В произведениях художественной литературы, в кинофильмах нам показывали героев невидимого фронта, которые, совершая свои подвиги, конечно же, в совершенстве владели немецким языком. Романтика! Может быть, это она способствовала тому, что, много лет спустя, знание немецкого языка стало основной профессией в моей жизни, моей мечтой, любовью, мукой, да что там говорить – моим куском хлеба. И хорошо, что я не сунулся в разведчики, - для этой жизненной стези я не подходил ни по каким параметрам. Слава тебе, Господи! А тогда, 1-го сентября 1949-го года третьим по счёту уроком согласно расписанию предназначался совершенно новый для нас предмет – немецкий язык. И проводила его не кто иной как Ольга Павловна Мостовая. Да-да, та самая, что когда-то учила 1-й и 2-й «в» класс. Теперь она уже не имела ничего общего с начальными классами и преподавала немецкий язык. Стала намного спокойней, как будто её подменили. Что значит вовремя выйти замуж! Да и мы стали другими.

На первом уроке мы выучили с помощью Ольги Павловны аж целых 4 слова:

Der Mann – мужчина
Der Knabe – мальчик
Der Rabe– ворон
Der Affe – обезьяна

После уроков мне вдруг что-то ударило в голову, что я теперь знаю немецкий язык, и никто кроме меня его больше не знает, да и не должен знать. Помню, под вечер я выбежал за околицу села, там собрались девочки и мальчики, и я, гордо похаживая среди них, время от времени ни с того, ни с сего выкрикивал:

- *der Mann!*

И косил глазом, как же дети реагируют на мое знание немецкого языка. Чуть подождав, снова:

- *der Affe!*

И опять наблюдаю. Никакой реакции! Я приуныл. Не мог я тогда, конечно, знать, что для того, чтобы произнести по-немецки пару мало-мальски связанных предложений или хотя бы фраз, требуются годы напряжённой учёбы и тренировки, необходимо теоретически изучить и практически освоить так называемую артикуляционную базу немецкого произношения, научиться правильному контактному положению языка во рту, овладеть видами смыслового ударения, темпом и ритмом немецкой речи, которые ни в коей мере не совпадают с русской или украинской речью. Всё это я изучал потом в институте иностранных языков. Если бы можно было выучить иностранный язык на одном уроке Ольги Павловны, то зачем тогда были бы нужны институты иностранных языков с 5-летним сроком обучения? Но дело даже не в этом. Как можно вообще хотя бы элементарно изучать иностранные языки в школе, если урок немецкого языка, например, в нашем классе проводился всего 2 раза в неделю? Мы не только забывали выученные на предыдущем уроке слова, но и забывали Ольгу Павловну, - как она выглядела и во что была одета в прошлый раз. В шестом классе этот предмет будет нам преподавать Яков Тимофеевич Чупринюк (о нём речь впереди), и там будет наблюдаться такая же картина, если не хуже. А я очень любил немецкий язык и изучал его по силе возможности как мог

самостоятельно. Через 13 лет после описываемых здесь событий, в 11-м классе одной из московских вечерних школ немецкий язык преподавала более серьёзно подготовленная учительница, её звали Нелли Михайловна. Она очень помогла мне в подготовке к поступлению в институт иностранных языков. Ей я от всей души благодарен.

…История древнего мира! Её нам будет излагать и спрашивать по ней сам «Голуб» - директор школы Григорий Михайлович Коваленко. Мы ожидали его приход на урок истории и с некоторой опаской, и с любопытством. До сих пор мы знали Коваленко только как директора , часто попадались ему на глаза, здоровались с ним. Но то было знакомство, так сказать, абстрактное, а теперь уже произойдёт конкретное знакомство. Он будет вызывать каждого из нас к доске, спрашивать, оценивать наши знания, ставить отметки. Страшновато! Надо сказать, что «Голуб» приобрёл себе, наконец, цивильный костюм и всё реже и реже появлялся на уроках в классах в выцветшей, застиранной Ольгой Мусиевной гимнастёрке, галифе и сапогах. Мирная жизнь побеждала военные нравы, привычки и пр.! К нам он тоже пришёл в сугубо гражданском одеянии. Носом и губой шмыгал директор прктически беспрерывно. Коваленко вошёл в класс, поздоровался, мы ответили, последовала команда садиться. Воцарилась зловещая тишина. Что там говорить – боялись мы «Серко». Может быть, так и нужно, чтобы ученики всё-таки побаивались учителей, но они должны их ещё и уважать. Сомневаюсь, однако, чтобы мы его уважали, просто боялись, и всё тут. Прав был, пожалуй, римский император Корнелий Сулла, когда говорил: «Неважно, что не любят, лишь бы боялись!».К уроку истории «Серко» готовился, по всей видимости, основательно. Поясняя новый материал, он всё время подсматривал в тетрадь, что-то в ней подчёркивая лёгким движением карандаша. Очевидно, в тетради находились тезисы излагаемого материала. Когда же карандашем не нужно было ничего подчёркивать, то он постоянно ставил его на стол в вертикальное положение и медленно скользил по нему пальцами правой руки от верхушки до самого основания, затем переворачивал карандаш «с ног на голову» и повторял движение. И так много-много раз. Следует отдать должное «Голубу» - он очень быстро запомнил нас всех в лицо. Обращаясь к кому-нибудь из нас по фамилии, он никогда их не коверкал. Насчёт дисциплины вообще и на его уроках в частности директор недвусмысленно нас предупредил:

- *Що б ви на уроках не робили, я всерівно побачу. Навіть коли мене не буде в вашому класі. У мене такі сірі очі, що вони бачать кріз стіни. Ясно, Соколовський?*

- *Я-ясно.*

- *Що ясно?*

-*Що у вас такі сірі очі, що вони все бачать.*

- *Гаразд, сідай!*

И он от удовольствия ухмылялся. Ещё бы! Ведь даже «врагов народа» увидел сквозь стены, а то бы не увидел каких-то жалких шалунов на уроке. А что касается ответов на заданный урок, то здесь «Серко» применял свою особую методику. Иногда он, только переступив порог класса и едва успев поздороваться, сразу же, не предвещая ничего хорошего, спрашивал:

- *Готувались?*

- *Готувались,* - не совсем уверенно отвечаем ему хором.

- *А зайці є?*

Зайцами он называл тех, кто не подготовился к уроку и сидит, затаив дыхание и не находя в себе смелости честно в этом признаться.

- *Немає,* - ещё более неуверенно тянем ему в ответ.

- *Гаразд!*

После этого «Голуб» садится за стол, вызывает дежурного по классу, отмечает в журнале отсутствующих (по нашим понятиям счастливчиков) и начинает с нами свою любимую игру «в кошки-мышки»:

- *Перше питання такого змісту: розказати про повстання Спартака. Навіть не знаю, кого викликати. А ну на кого грім упаде…*

«Голуб» закрывает глаза и опускает уже знакомый нам карандаш остриём вниз, якобы наобум. Когда карандаш слегка касается страницы журнала, директор открывает глаза и говорит:

- *Пасічник Марія!*

Умная, старательная Машенька Пасечник тут же подхватывается с места и быстренько выходит к доске.

- *Готувалась? Ясно питання?*

- *Готувалась,* - подтверждает Маша и начинает отвечать.

- *Подумай!* – перебивает её «Голуб». Маша стоит и думает, как повелел директор.

- *Слідуюче питання: розказати про Тіта Лівія та Плінія Старшого. Атамас!*

Витя Атамас заметно вздрагивает (по его лицу видно, что он явный «заяц»), но, покорившись судьбе, идёт, вернее медленно плетётся к доске. «Джаш» предлагает и ему подумать.

- *Третє питання: розказати про Нікіїв мир. Гречка!*

Опять:

- *Подумай! Ще одне питання: розказати про Пунічні війни. Борко! Розказати про вбивство Юлія Цезаря в сенаті. Гончаренко Петро! Розказати про братів Гракхів. Коцур!*

Итак, у доски стоят шесть учеников. Целая шеренга. Директор видит по лицам, кто знает урок и кто его не знает:

- *Хто готовий відповідати?*

- *Я!*

- *Хто це я? Прізвище!*

- *Пасічник Марія.*

- *Так і скажи –Пасічник Марія готова відповідать. Ясно?*

- *Ясно. Пасічник Марія готова відповідать.*

- *Гаразд. Я слухаю.*

Так это было, дорогие друзья? Я не фантазирую?

Маша ответила урок блестяще, и «Джаш» поставил ей заслуженную пятёрку. Шеренга у доски редеет. Вот ещё одна Маша – Коцур хорошо ответила о политике Гая и Тиберия Гракхов. Об особом внимании директора школы к Маше Коцур мы поговорим, когда будем учиться в 7-м классе, а он будет у нас вести Конституцию СССР и УССР.

Неплохо ответил Лёня Гречка. Правда, он сбивался, повторялся, потел, чуть было не пустил на волю соплю, но ответил. Хуже обстоят дела у Ули Борко и Пети Гончаренко и совсем плохо у Вити Атамаса. Уля девочка не из робкого десятка. Её побаивались даже некоторые мальчишки, в том числе и я. «Голуб» не совсем доволен её ответом, пробирает Улю «с песочком», а она, чуть отвернувшись от него, что-то шепчет одними губами и смущённо улыбается.

Петя Гончаренко и урок не выучил, и боится директора, но не сдаётся. А Коваленко пытается все-таки что-то узнать от Пети, как же так Брут и Кассий решились убить Цезаря да ещё при этом и в здании сената, а Петя не сознаётся, что он ничего такого не знает. Он тянет время – переминается с ноги на ногу, откашливается, облизывает губы, поправляет воротник рубахи. Снова кашляет. Наконец, «патроны кончились», и Петя остановился.

- *Сідай, Гончаренко, два! В слідуючий раз буду знову питати, щоб ти приготувався,* - подводит итог «Серко».

С тем и отпускает Петю на место. Остался Витя Атамас. Теперь-то я точно знаю, что уже в 1-ой четверти в 5-ом классе судьба таких переростков как Витя Атамас, Ваня Галасюк, Петя Гайденко, Дементий Саенко, Саша Сиденко была предрешена. Начальную обязательную школу они с горем пополам закончили, и их пребывание в 5-м классе определялось теперь лишь временн**ы**ми рамками. Поэтому «Серко» Атамаса долго и не мучил:

- *Сідай, Атамас, з тобою все ясно. Незабаром тобі школа вже буде не потрібна.*

Имелись у директора и стереотипные вопросы по истории, которые он часто задавал нам налево и направо. Их мы должны были знать «на зубок». В этих вопросах заключалась,

похоже, директорская генеральная линия в изучении истории древнего мира. Два таких вопроса я запомнил на всю жизнь:

1. *Що таке демократія?* – обычно спрашивал «Серко» кого-нибудь из нас уже после того, как по главному вопросу ученик ответил. И мы все чётко знали ответ: «Демократія – це таке широке надання прав народові а також залучення його до управління державою».

   - *Гаразд,* - самодовольно соглашался с нами директор-историк.

2. *Що таке держава?* Вот как интерпретировал понятие государства Коваленко: «Держава – це така машина… це такий апарат… апарат гноблення людини людиною».

Я рассуждал при этом следующим образом: ага, значит, у нас ведь тоже есть государство, правда, оно советское. Следовательно, это и есть аппарат угнетения человека человеком. В этом я боялся признаться самому себе и гнал от себя прочь подобные крамольные мысли. Высказывать же свои сомнения «Голубу» я, к счастью, не решался. Так и учил я историю в советской школе с признаками вольномыслия в голове.

…Цветнянская семилетняя школа приобрела себе ещё одного историка – Якова Тимофеевича Чупринюка. История являлась его основным предметом, а немецкий язык он преподавал не от хорошей жизни – в нашей школе, кстати, никогда не было настоящего учителя немецкого языка со специальным образованием. Якова Тимофеевича «притащила» с собой в Цветное из Западной Украины его жена Таисия Фёдоровна Чупринюк (Самборская), родная тётушка Вити Атамаса и Гриши Отрищенко,тоже учительница, только как и Порфирий Игнатьевич, начальных классов. Чета Чупринюков представляла собой интереснейшую семейную пару. Он чуть выше среднего роста, голова как сахарная свёколка вершиной конуса вверх, жиденькие, торщащие волосёнки, курносый нос, морщинистое лицо. Говорил Яков Тимофеевич, естественно, на западно-украинском диалекте, что для наших мест звучит очень странно. У нас в обиходе тоже говорят на ломаном украинском языке, но, скажем Варвара Александровна говорила по-украински весьма грамотно, по литературной норме и с нужным, взятым за основу от полтавского выговора акцентом. А как коверкают украинский язык на Западе Украины – это известно всем украинцам центральной и восточной части страны. При этом многие жители Западной Украины, в частности, сельское население утверждают, что именно они правильно говорят по-украински. Ну да ладно – всё это относится к обиходной жизни. А здесь учитель. По своему характеру Яков Тимофеевич оказался своеобразным человеком – суетливым, неуверенным в себе, сухим, скучным, по любой мелочи раздражался, переживал, нервничал, жаловался на учеников директору и завучу, выгонял по пустякам из класса, не признавал извинений. А тут ещё этот «бандеровский» акцент, неправильные ударения в словах (на польский лад). Это и послужило поводом для присвоения ему обидного прозвища «Прамо» (так у него получалось слово «прямо»). И чем больше нервничал Яков Тимофеевич, тем прочнее приставала к нему эта кличка. Некоторые, наиболее нахальные ученики называли его так прямо в глаза. Таисия Фёдоровна, наоборот, длинная и стройная как свеча женщина с высоко поднятой головой. Ходила она, не сгибаясь, мелкими, но очень быстрыми шажками – семенила ногами. Лицо её постоянно имело озабоченное выражение, глядя на это лицо, можно было подумать, что у неё как в известном кинофильме забастовал и не явился в школу весь класс. Тетради, учебники и классный журнал Таисия Фёдоровна носила, тесно прижав их как ребёнка к груди. Она наша, цветнянская. В селе её звали просто Таська Самборская. У сельского кузнеца Фёдора Самборского было 5 дочерей. Кроме Марии (матери Вити Атамаса), Кели или Килины (матери Гриши Отрищенко) и Таисии в Цветном проживали ещё 2 Самборские. Одну из этих двоих я уже забыл, а может быть, и не знал, а вот другую – Сашку Самборскую знали у нас все жители села. По крайней мере слышали о ней. Жила Сашка в Богом и людьми забытой старенькой хате внизу под горой возле Волостного пруда, где когда-то давно находилась кузница её отца. Сидеть одной в хате ей, очевидно, надоедало (семьи у неё не было), и её можно было часто видеть в сельском клубе среди молодёжи. Выглядела Сашка чудаковато. Но не буду останавливаться на Сашке

Самборской, тем более, что все 5 сестер были по-своему чудаковаты. Ну а Якову Тимофеевичу поручили быть классным руководителем в 5-ом «б» классе. Им он останется в этом классе до самого окончания семилетки и будет преподавать там историю. Таким образом от визитов директора 5-й «б» был избавлен. Но ещё не известно, кому больше повезло.

Вместе с родителями переехал и их сын Витя Чупринюк. Он постарше нас и пошёл учиться в 6-ой класс.

Ну что? Нам осталось только ещё вспомнить наших двух новых физруков, принятых на работу в школу вместо уволенного Ангелуцы. Одного из них звали Виктор Григорьевич (фамилию опять же не помню, знаю только, что он уроженец соседнего села Красноселье). У нас Виктор Григорьевич занятий не проводил, поэтому я на нём особо останавливаться не буду. Замечу лишь, что его каким-то образом назначили классным руководителем в хорошо мне знакомом 5-ом «в» классе.Вначале Виктор Григорьевич проявил на этой должности яростное рвение, чуть ли не лупил учеников, но потом как-то сник и вскоре куда-то исчез. Вместо него 5-й «в» приняла, кажется, новая учительница математики Дарья Марковна (и она в нашем классе не преподавала). Увы, фамилию запамятовал. Да простят меня бывшие ученики 5-го «в» класса, в отношении их классных руководителей и дат их назначения я могу сильно ошибаться. Прошло ведь столько времени! Иногда я путаюсь даже со своим классом, не то что с другими классами.

А вот другим физруком оказался наш, цветнянский парень, только что уволенный в запас после 4 лет войны и ещё 4 лет послевоенной службы в армии добродушный, покладистый, неторопливый, рассудительный и, я бы сказал, даже ленивый Алексей Трофимович Павловский. Наш новый физрук – прямая противоположность Ангелуцы. Никаких намёков на нецензурные выражения, злобных окриков и тем более действий мы от него никогда не слышали и не видели. Даже, когда мы доводили его «до точки каления», самое строгое наказание следовало с его стороны – это жалоба на нас директору. Конечно, почувствовав слабинку, мы тут же сильно обнаглели. А Алексей Трофимович просто не мог вести себя как Ангелуца – не тот характер, не та внутренняя культура. И воевал он на настоящем фронте, с первого до последнего дня войны, был несколько раз ранен. На уроках физкультуры у Алексея Трофимовича царила откровенная скука. Он выстраивал нас на знаменитом плацу перед школой в две шеренги и объявлял тему занятий. Тема звучала каждый раз одинаково:

- *Тема наших сегодняшних занятий, понимаешь, - бег на 100 метров, бег на месте, подтягивание на турнике, для мальчиков метание гранат, для девочек бег по буму и, если успеем – игра в волейбол.*

Играть в волейбол, как правило, никогда не успевали, и это нас сильно раздражало. Одевался Алексей Трофимович опять же как все – военный китель или гимнастёрка, брюки-галифе и т. д. Продолжалась и зарядка, но уже как-то вяло, без того напряжения и энтузиазма, которые наблюдались при Ангелуце. Почти что перестал появляться на ступенях «Серко», наверно, надоело. Не гонял Павловский никого и на индивидуальные занятия зарядкой по велению главного наблюдателя с крыльца. Однажды примерно в ноябре, когда дни очень короткие, а ночи длинные, в сельском клубе демонстрировался какой-то очень интересный фильм, настолько интересный, что даже не предусматривался детский киносеанс. Стоял густой туман, везде непролазная грязь, быстро сгущались сумерки. Узнав, что для детей «кина не будет», мы не хотели расходиться по домам, надеясь всё-таки упроситься у киномеханика на сеанс для взорслых «за рубль» без корешка входного билета (билет для взрослых стоял 2 руб. 50 коп., помните?). Тут перед клубом появился Алексей Трофимович со своей будущей женой Тиной. Ему, во-первых, неудобно перед учениками ухаживать за невестой, да и вот-вот может подойти Григорий Михайлович с Ольгой Мусиевной и, гляди ещё, Андрон Маркович. Этот всегда приходил в кино один. «Святая» Лукия кино не переваривала, к тому же могла устроить в присутствии людей такое «кино», что ей бы аплодировал сам великий Чарли Чаплин, а кинопрокат понёс бы убытки, поскольку надобность демонстрировать в этот вечер ещё и

какой-нибудь кинофильм отпала бы сама по себе. Алексей Трофимович занервничал и стал нас уговаривать отправляться по домам:

-*Хлопці, ви тут не стійте, вас, понімаешь, всерівно в кіно не пустять. А ночі січас, понімаешь, тьомні, і буде страшно додому йти.*

Последние слова он произнёс особенно подчёркнуто. Это была скорее всего просьба, а не приказ, и мы, помнится, разошлись. Раз уж мы с вами, дорогие друзья, коснулись демонстрации кинофильмов, то не грех будет вспомнить и некоторые эпизоды этой стороны нашего житья-бытья во время учёбы в школе. Например, мне запомнились моменты, как приходили на киносеанс в сельский клуб ребята из детского дома. Дети шли строем. Вёл колонну старший пионервожатый детдома, тоже недавно вернувшийся с войны наш односельчанин Андрей Демидович Лихненко. Мы, обычно, стояли возле клуба и наблюдали за приближением колонны. Мы не только видели колонну, но и слышали её, потому что детдомовцы шагали с песнями. Колонна двигалась по наезженной части дороги, а Андрей Демидович чеканил шаг рядом по кочкам, всё время поправляя туго подпоясанную ремнём гимнастёрку. На подходе к клубу Лихненко подавал команду на исполнение коронного номера – песни композитора Константина Листова, всем известной «Тачанки». Взмах руки вожатого, и дети запевают:

Из налёта, с поворота
По врагов цепи густой
Застрочил из пулемёта
Пулемётчик молодой!

-*Эх!!!* – на всю улицу выкрикивал Андрей Демидович, поддавая жару.

…тачанка-ростовчанка, - подхватывали дети.

- *Да наша!!!* – наращивал темп вожатый и мгновенно затихал как пушка после залпа.

…гордость и краса,
Конармейская тачанка,
Все четыре колеса! – неслось в едином порыве над селом.

Песня с форсажем Андрея Демидовича звучала вдохновляюще. А какие кинофильмы шли в ту пору! «Повесть о настоящем человеке», «Она защищает Родину», «Константин Заслонов», «Секретарь райкома», «Чапаев», «Великое зарево», трофейные фильмы «Путешествие будет опасным» с будущим президентом США Р. Рейганом в главной роли, «Собор Парижской богоматери», «Долина гнева», «Три мушкетёра» (не эти паршивые с М. Боярским, И. Старыгиным, В. Смеховым и другими, а настоящие, голливудские!). Чуть позже, в 1951-ом году появятся 4 серии знаменитого «Тарзана».

…Ну а нам осталось сказать пару слов о новом библиотекаре Александре Никитиче Хмаре (в Цветном его знали как Шурко Хмару), заменившего, очевидно, уставшего и охрипшего от чтения вслух Ивана Петровича Гречку. Известный лодырь и пьяница Шурко Хмара попал в школьную библиотеку не иначе как по принципу «на безрыбье и рак рыба» или же по протекции директора школы в качестве его собутыльника. У Хмары как и у гоголевского Ноздрёва в порядке содержалась лишь псарня да сам пёс – крупная, красивая немецкая овчарка. Пса он водил с собой везде и всюду, приводил в том числе и в школьную библиотеку. Ребята рассказывали, что Шурко устраивал в библиотеке дрессировки пса, привлекая к этому более чем странному для такого рода учреждений занятию абонентов из числа учеников.

- *Давай подресируєм мою собаку!* – предлагал он явившемуся за книгой ученику.

- *Та я. Та знаєте…*- боязливо отнекивались ребята.

- *Що? Боїся собаки? Який же ти мужчина? Оце добре! Собаки злякався! А ну давай заховайся де-небудь за полками, а собака нехай тебе знайде. Та не бійся, він не вкусить!* - убеждал пьяным голосом Шурко. Какая же здесь могла идти речь о нормальной работе библиотеки? Я как-то раз всё-таки к нему заглянул, предварительно выследив, что он пришёл без собаки. Хмара еле ворочал языком:

- *Вибери там собі, що хочеш,* - пробормотал Шурко и положил свою непутёвую голову на подставленные на столе кулаки. А выбирать-то было уже нечего – всё растащено налево и направо. Правда, я всё-таки отыскал для себя «Разгром» А. Фадеева. Книга показалась мне скучной, не интересной, я её до конца не дочитал, сдал и больше у Хмары не появлялся, тем более, что вскоре открылась сельская библиотека, которой заведовала сестра Юры Близна Надежда Павловна. Вы, конечно же, не забыли, что она когда-то назначалась нашей классной пионервожатой. А старшей пионервожатой школы всё ещё оставалась Галина Ананиевна – скромная, трудолюбивая девушка. Библиотекарь же Хмара работал в школе на удивление долгое время. После окончания нами семилетки он ещё несколько лет дрессировал там свою любимую собаку, и лишь новый директор средней школы Иван Леонтьевич Юрченко избавил школьную библиотеку от надругательств и помог Александру Никитичу благополучно оставить это поприще.

…На уроке украинской литературы Варвара Александровна знакомит нас с творчеством украинских советских писателей и поэтов. Главное внимание уделяется трём выдающимся поэтам, чутко прислушивающимся к политической конъюнктуре в области литературы – Павлу Тычине, Владимиру Сосюре и Миколе Бажану. А действительно талантливейшему украинскому поэту Максиму Рыльскому – тонкому лирику и певцу природы банда вождей нацепила на рот тугую повязку. Не прославляет, видите ли, в достаточной мере вождя всех народов, в том числе, разумеется, и украинского (это так они отблагодарили М. Рыльского за его песню о Сталине «Із-за гір та з-за високих»!). Вместе с М. Рыльским попали под кампанию (легче попасть под трамвай, нежели под кампанию) Юрий Яновский, Юрий Смолич и ещё кто-то. Варвара говорит нам:

- *Якщо, діти, у кого-небудь з вас в хрестоматії є твори М. Рильського, то ви їх не читайте, можете навіть заголовки легенько закреслиць.*

Ровно через два года, когда повязку по прихоти «верховных деятелей» от литературы снова снимут, Варвара уже в 7-ом классе скажет нам:

- *Звичайно, Максим Рильський та інші поети перед радянською державою винні, але вони покаялись, написали цілий ряд цінних для нас творів і тепер стали знову в стрій видатних радянських поетів. Ми будемо ці твори вивчати.*

Ну что же? Тьфу, да и только! А стихотворения М. Рыльского я очень люблю.

…В 1949-ом году был утверждён и принят Гимн Украинской ССР. Кто же подвизался в качестве его авторов? Как вы думаете? Конечно же, П. Тычина и М. Бажан! Музыку к нему по образу и подобию Гимна Советского Союза «сварганил» музыкальный коллектив композиторов во главе с Антоном Лебединцем. Впоследствии слова Гимна УССР Тычине и Бажану приходилось, исходя из направлений дуновения политических ветров, несколько раз менять, и к августу 1991-го года, т. е. к моменту провозглашения независимости Украины от первоначального текста практически ничего не осталось. Но моя память сохранила первые два куплета и припев того Гимна – образца 1949-го года. Я уже упоминал о том, что оба Гимна можно было легко перпутать, так они были похожи друг на друга. И там, и здесь походила рука, нога и голова М. Бажана, который, как мы знаем, переводил на украинский язык главный, союзный Гимн.

Вот он, тогдашний Гимн УССР:

Живи, Україно, прекрасна і сильна
В Радянськім Союзі ти щастя знайшла.
Між рівними рівна, між вільними вільна
Під сонцем свободи як цвіт розцвіла!

Приспів:

Слава Союзу Радянському, слава!
Слава Вітчизні народів-братів!
Живи, Україно, радянська державо
Воз’єднаний краю навіки-віків!

Нам завжди у битвах за долю народу
Був другом і братом російський народ.
І Ленін осяяв нам путь до свободи.
І Сталін веде нас до світлих висот.

Приспів: .....

Вначале все безбожно путали тексты Гимнов. Но это ещё не всё. Кому-то пришла в голову дурацкая мысль, что ученикам следует непременно ежедневно исполнять Гимн УССР на школьном плацу! Такое решение стало большой головной болью для Андрона Марковича Койды. Именно ему как первому сельскому идеологу было поручено организовать торжественное исполнение Гимна. Но как организовать? Не все дети умеют петь. Кому-то медведь на ухо наступил, кто-то не любит пение хором, у кого-то нет «ни голоса, ни баса» и т. д. Получится разноголосица вроде лишнего «топ-топ» при команде «стой!». А этого при исполнении Гимна ни в коем случае допускать нельзя. С Андрона Марковича шкуру снимут. Позже, во времена приснопамятного Брежнева, когда на партийных собраниях коммунисты пели «Интернационал», выход был найден, - председатель собрания подавал в кинобудку условный сигнал, механик включал аудиозапись, из динамиков на весь зал гремел партийный гимн, а исполнители-коммунисты в зале, стыдливо пряча глаза друг от друга, что-то мямлили себе под нос, хуже смерти боясь внезапного отключения динамиков. А тогда записей Гимна на кассетах не было и в помине, да и что такое аудиокассеты, никто не мог, естественно, знать. Где же выход в этой ситуации? Нашли! В нашей школе работал очень неплохой певческий кружок. В нём занимались девочки и мальчики из 7-го, 6-х и 5-х классов. Верховодили в кружке такие известные в школе певуньи как Зина Косенко, Женя Загнибеда, Нина Саенко, Таня Просяник, Рая Кигим из 5-го «б» класса («школа» Домахи Павловны), из нашего класса занимались пением голосистые Маша Павловская и Маша Коцур, из 5-го «в» Нина Кучеревская, Валя Цеюкова, моя сестра Анна. Ходил на занятия в певческом кружке и ученик 6-го класса Толя Березовский. Он умел петь, танцевать, плясать, играть на гитаре и балалайке и вообще «откалывать номера». Весной 1950-го года Толя по какой-то причине останется на второй год, попадёт в наш класс и станет неотъемлемой частью нашего школьного братства , моим близким другом. Вот этот певчий кружок и стал тем ядром, вокруг которого должны были подхватывать Гимн УССР все остальные ученики. Кружком же руководил работавший в детдоме музыкант, армянин по национальности Налий Степанович – добрый, симпатичный малый, игравший на баяне, аккордеоне, гитаре и пр. Исполнение Гимна осуществлялось в присутствии самого Андрона Марковича. В центре выстроившихся напротив всё того же директорского крыльца школьников располагался певчий кружок, а налево и направо от него ученики прочих классов. Слова Гимна выучили предварительно все классы наизусть, мелодия тоже известна (почти что как у Гимна СССР). Андрон Маркович как заправский дирижёр взмахивает обеими руками, и понеслось… Но поёт в основном только «динамик», т. е. кружковский хор. Остальные или невпопад кричат или вообще помалкивают. Андрон нервничает, приказывает повторить сначала, но опять ничего не получается. Он осатанел. Особую злость Андрон выплеснул на 5-е классы.

- *Після уроків всі учні 5-х класів залишаються в школі репетирувати виконання Гімна УРСР. Керувати буду особисто.*

Ну что же, ослушаться Андрона невозможно. После уроков он загнал нас в просторный класс в том доме, что впереди директорской квартиры – рядом с библиотекой (она теперь на новом месте). Перед нами встали Налий Степанович с аккордеоном и Андрон Маркович почему-то с длинной линейкой в руке, может быть, вместо дирижёрской палочки.

-*... три, четыре! Начали!* – подаёт команду Налий Степанович.

Опять запели слабо, вяло, невпопад, невыразительно. Такое хамское исполнение святыни Украины переполнило, наконец, чашу терпения у Андрона. Он весь побагровел , рубанул из-за плеча линейкой по столу с такой силой, что из неё полетели щепки, и прекрасным баритоном запел:

- *Живи, Україно, прекрасна і сильна!*

О чудо! Мы дружно подхватили, не сбиваясь с такта допели до конца, Андрон немного успокоился, и на другой день пение Гимна прошло уже без эксцессов. Что значит стресс! Запоёшь!

…Месяца через два после начала занятий перед уроком русского языка в класс вместо медленно вползающей Марии Филипповны быстро вошли Варвара Александровна и очень молоденькая, симпатичная учительница. Это и была Елена Ивановна, недавно закончившая Кировоградский пединститут и родившая сына. Как и полагается в таких случаях, Варвара представила её нам и ушла восвояси. А Елена Ивановна продолжила нелёгкое дело вдалбливания в наши головы сложных грамматических правил русского языка и прекрасные произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого. О таких писателях и поэтах, как Леонид Андреев, Эдуард Багрицкий, Михаил Булгаков, наконец, Сергей Есенин мы не имели даже представления. Всех их скрыли от нас за семью печатями. А Елена Ивановна пришла как раз в тот момент, когда Мария Филипповна начала с нами «проходить» «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина. И сразу же в классе произошли два связанные с этим произведением события, которые запомнились мне до сих пор. На одном из уроков русской литературы Елена Ивановна читала перед нами вслух «Сказку о царе Салтане», а мы, видя, что учительница очень молодая и покладистая, не очень-то внимательно её слушали. Нет! Вру! То была не «Сказка о царе Салтане», а «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях». Прошу прощения, дорогие друзья! Елене Ивановне, видать, изрядно надоело читать вслух, когда никто не слушает. И в тот момент, когда Гриша Отрищенко то ли оглянулся назад, то ли очень шумно себя вёл, терпение учительницы лопнуло. Получился следующий куплет:

Но царица молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей
Королевич Елисей. *Отрищенко!*

Это, чтобы Гриша успокоился. Все засмеялись. А двоюродному братцу Гриши Вите Атамасу этого было только и надо, потому что Гриша его прозвищем «Осёл» уже доконал. С этого дня и до тех пор, пока они оба не покинули наш класс, за Гришей прочно укрепилось второе имя – «Королевич Елисей». А грызня между братьями вспыхнула с новой силой, теперь уже, так сказать, на паритетных началах. «Осёл» и «Королевич Елисей». Однако споры и ссоры в драку не переростали. По крайней мере я такого не помню.

А вот и другой эпизод. Здесь «отличился» наш штатный непоседа Ваня Корж. У Пушкина дальше идут такие строчки:

Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела.

Когда чтение было закончено, Елена Ивановна как обычно спросила:

- *Вопросы есть?*

- *Есть!* –ехидно отозвался Ваня. Зная, что это такое, он тем не менее нарочно, чтобы смутить молодую учительницу, всё же спросил:

- *А что такое означает «мать брюхатая сидела»?*

Мы все замерли. О последствиях, которые ждут Коржа, в тот момент никто не думал. Все жадно впились глазами в Елену Ивановну – что же она ответит?! Елена Ивановна сначала покраснела до ушей, но потом овладела собой и ответила Коржу:

- *Подойдешь ко мне на перемене, я тебе одному тихонько скажу, а потом поговорим уже в присутствии директора школы в учительской.*

- *Не надо! Не надо!* – заторопился Корж, - *я и так знаю!*

Но было поздно. Елена Ивановна всё-таки пожаловалась директору, и «Голуб» вызывал Ивана к себе в кабинет, Что уж он там ему говорил, я не знаю, но подобных вопросов Корж больше не задавал.

…У доски стоит Гриша Отрищенко и отвечает урок. Когда учительница на него не смотрит (кажется, это происходило на уроке Полины Тихоновны), он незаметно где-нибудь в нижнем уголке доски пишет с помощью мела еле заметными буковками «Осёл» и тут же стирает написанное.

- *Елисей!* – выкрикивает, не выдерживая такого коварства, Атамас, и Полина Тихоновна выдворяет Витю из класса. Гриша ехидно улыбается.

…Время шло. Наступил, наверно, уже конец октября, но было ещё очень тепло и сухо. Как-то «застукала», наконец, Полина Тихоновна и меня. Что-то я не так ответил, где-то заикнулся, и этого оказалось достаточно для того, чтобы она объявила мне свой «приговор»:

- *Сьогодні, Соколовський, залишишся після уроків, я тобі поясню це правило, тоді й поставлю оцінку.*

После уроков Полина Тихоновна быстренько меня отпустила, вопрос не вызывал особых осложнений, просто, как мы помним, Полину Тихоновну хлебом не корми, лишь бы оставить кого-нибудь на лишние полчаса. Я вышел из помещения школы, темнота на улице ещё не наступила. Я как обычно направился к выходу со школьного двора через калитку, но вдруг услышал голоса и остановился в нерешительности. На том месте, где позже возник школьный буфет («А ну давай чілу хлібину!»), на каком-то одеяле примостились Григорий Михайлович и Андрон Маркович. «Голуб» расположился на одеяле лёжа, в руках у него находилась школьная малокалиберная винтовка, а Андрон Маркович сидел рядом с ним. На стене того большого сарая, помните, друзья, который протянулся вдоль тропинки к туалету, то бишь к уборной, они прикрепили мишень. Шли упражнения в стрельбе! «Голуб» прицелился, но выстрел в виде хлопка (как ляпкой по мухе) не последовал. Я продолжаю стоять и глазеть на происходящее. Но они меня не видят, оба смотрят на мишень.Вдруг слышу:

- *Осечка! Осечка! Га, Андрон Маркович,… твою мать!*

Меня охватило оцепенение. Что слышат мои уши? Это же ругается директор школы, который готов нас разорвать на части за подобные вещи! Не может быть! Я ослышался! Это мне только почудилось! Такого не бывает! Но здесь послышался хлопок.

- *Ага! Б…ь, пішла!*

Вот тут я почти физически ощутил, что такое ужас. А что будет, если они меня сейчас увидят? Что они со мной сделают, чтобы я никому не рассказывал? Действовать, т. е. удирать, куда глаза глядят, следовало немедленно, что я и сделал. Круто развернувшись, я уже не пошёл к калитке, а завернул за угол школы, там, где в последние два года будет находиться наш класс, и помчался, не чувствуя под собой ног, к забору, перемахнул через него сходу между двух акаций и перевёл дух только где-то возле усадьбы «дворянів». Мне было очень неприятно, я не верил самому себе, что такое может происходить. Как же так? Мы учителям беспредельно преданы и свято в них верим, и вот-те на! Ну ладно – что-то подобное мы уже слышали от Ангелуцы, но у него всё получалось как-то естественно, шипел он свою ругань не совсем чётко, вроде бы как откликался эхом, а здесь… На весь школьный двор и, главное, кто! Директор и завуч! У меня хватило ума никому ничего об этом не говорить, даже матери. Я сообразил, что болтать лишнее в таких случаях не полагается, сам же окажешься и виноватым. Но с тех пор вера в святость и непогрешимость учителей в моём понимании сильно пошатнулась. Маска была сорвана.

Однажды у нас из-за отсутствия учителя выпал один из уроков. Сейчас уж не помню, что это был за предмет, но свободный от занятий урок оказался предпоследним, так что и домой нельзя «слинять», и, очевидно, некем было заменить отсутствовавшего учителя – «Балабан» давно уже в школе не работал, а Мария Филипповна то ли находилась на уроке в одном из других классов, то ли вообще поковыляла домой. Ясное дело, что в большом, просторном «северо-восточном» классе поднялся невообразимый шум и возникла страшная беготня. Всё-таки мы ещё оставались детьми. Пыль клубилась до самого потолка, из класса доносился крик. Никто из нас и не заметил, как на пороге класса как из под земли вырос Андрон Маркович. То ли мы так сильно шумели, что он услышал в учительской, то ли случайно наткнулся на это безобразие, идя по вестибюлю по своим делам. Все остановились, как вкопанные, пыль начала медленно оседать вниз.

- *Ти чому кричиш як дикий звір?* – накинулся он на находившегося вблизи от него Валентина Вильковского, - *ти де виховуєшся? В радянській школі чи в буржуазному суспільстві?*

Можно было подумать, что в буржуазном обществе только тем и занимаются, что учат детей дико орать. Затем Андрон спросил:

- *Хто черговий у класі?*

Дежурным оказался Петя Гайденко. Вот здесь завуч и упрекнул Петю в том, что он сын полицая. Надо думать, Пете было нелегко слышать такое обвинение. Помню, что и мне стало не по себе, и я ещё подумал, что как бы горько ни приходилось осознавать, но всё-таки легче, когда отец погибает на фронте, чем когда он становится полицаем. Трудный, мучительный вопрос. Затем Андрон повернулся лицом к выходу и хотел было удалиться, как вдруг его взгляд остановился на нашей классной стенгазете (забыл, черт возьми, как она называлась). Она висела, прикреплённая лишь в верхней части двумя или тремя кнопками, и когда мимо неё кто-то проходил, газета от гонимого ветра приподнималась, доходила до горизонтального положения и затем постепенно опускалась как парус. Я в тот момент оказался рядом со злополучной стенгазетой, и Андрон спросил именно у меня:

- *Це що таке тут висить?*

- *Стінгазета,* - робко ответил я.

- *Яка ж це стінгазета, це ганчірка! Ганьба!* – сделал завуч свой вывод, схватил стенгазету крепкой ручищей за нижнюю часть, резко рванул её вниз, кнопочки тут же отлетели к чёртовой матери, и посрамлённая стенгазета упала на пол. Даже не удостоив её взглядом, Андрон Маркович вышел из класса. Естественно, прежде чем срывать со стены газету, он точно рассмотрел, что на ней не красовался портрет Сталина, иначе он на это ни за что бы не решился. После этого случая стенгазета вывешивалась более аккуратно.

…Примерно в это же время в школе случилось большое чрезвычайное происшествие. Ученики 5-го «в» класса Володя Суржко и Коля Иванов, не думая о последствиях, устроили под партой, куда следует класть учебники и тетради, то, что называется «сходить по-лёгкому». А их кто-то заложил. Неслыханное хулиганство! Об этом случае заговорила вся школа. Конечно же, досталось и классному руководителю. Ну а Суржко и Иванова постигло суровое наказание – их исключили из школы. Последовала, если можно так выразиться, высшая мера наказания за подобного рода проступок. Да не просто исключили, не втихаря, а построили после занятий на плацу всю школу. Володю и Колю поставили перед строем, и директор со своей трибуны-крыльца зачитал приказ об исключении из школы этих двух негодяев. К тому же допекал им своими вопросами:

-*Навіщо ви це зробили? Які ви думаєте зробити висновки? Дістанеться ще й вашим батькам!*

Коля Иванов стоял, низко наклонив голову. Кажется, он даже плакал. А вот Володя Суржко и сейчас стоит передо мной спокойный, высоко поднявший голову и чуть улыбающийся. Уж не знаю, что там творилось у него в душе, но внешне Володя держался геройски. Примерно через месяц приказ был отменён, и ребята как ни в чём не бывало

снова появились в школе. Такая показательная кара была в данном случае просто необходимой. Ведь писать под парту негоже! Дикость! Невежество! Хамство!

…Уроки немецкого языка, которые вначале показались мне очень интересными, вскоре надоели. Говорить быстро по-немецки не получалось, Ольга Павловна не очень-то напрягалась, чтобы нас как-то расшевелить, да она к этому и не была готова. Два урока в неделю – слишком мало для серьёзного изучения иностранного языка. Когда Ольга Павловна объясняла нам слово der Schueler (ученик), она просила нас не произносить его так, как это написано по-немецки – шюлер. Ей казалось, что «шюлер» в нашем произношении может легко превратиться в «шулера», а это нехорошее слово, и Ольга Павловна нашла выход. Она порекомендовала нам произносить «шилер». Мы так и произносили. Это тоже самое, если бы мы на украинском языке вместо слова «люди» говорили «ліди». Ну да ладно. География продолжала по-прежнему звать меня в дальние края, теперь за моря и океаны – Эверест, Монблан, Скалистые горы, Кордильеры, течения Гольфстрим, Куро-Сиво, страны, города. Продолжала вести нелёгкую борьбу за соблюдение тишины в классе Галина Никитична Синченко, а Полина Тихоновна всё требовала от нас «блёск» в тетрадях по арифметике с элементами геометрии. Бабий, промелькнув на горизонте метеором, снова переехал в Михайловку вместе с семьёй и красавцем-собакой. На уроках истории «Голуб» с карандашом в руке долдонил нам о древней Греции, разрушенном Карфагене, римских гладиаторах. Попутно он направлял взгляд своих серых глаз на школьные стены, через которые он «видел» поведение учеников. В особо торжественных случаях или же скуки ради директор выходил на своё любимое крыльцо, а перед ним под командой физруков Виктора Григорьевича и Алексея Трофимовича выстраивалась вся школа. Варвара Александровна периодически проводила у нас любимый ею классный час (после основных уроков), на котором она разбирала поступавшие на нас от других учителей жалобы, выясняла причины появления двоек, упрекала за пропущенные без уважительных причин уроки, рекомендовала читать соответствующую художественную литературу и пр. Библиотекарь Шурко Хмара хотя и беспробудно пил, всё же выдача и приём книг как-то осуществлялись. Я туда заглядывал очень редко. Никто не отменял и работ на колхозных полях. Осенью нас гоняли главным образом на уборку кукурузы. Становилось уже довольно-таки прохладно, шли дожди и дули неприятные осенние ветры. Мы по-прежнему плохо одевались и питались впроголодь. Вообще-то лично я могу утверждать, что вплоть до 1953-го года я никогда не наедался досыта обыкновенного чёрного хлеба. В конце октября 1949-го года мы целый день очищали от листьев кукурузные початки в колхозе им. Сталина – за Хмаривкой, невдалеке от сельской околицы. С нами работали Варвара Александровна и Галина Ананиевна. Они нас подбадривали и , работая , показывали нам личный пример. В этот день колхоз решил покормить за колхозный счёт работавших на поле школьников. Прямо рядом с кукурузным током колхозница-стряпуха готовила в котле на открытом костре борщ с мясом, а хлеб был доставлен из колхозной кладовой. В обеденный перерыв каждый из нас получил по миске вкусного, наваристого борща и по куску хлеба. Какой же это был вкусный обед! Правда и то, что мы его честно заработали.

…Утром 7-го ноября школьники собрались на праздничные мероприятия в Земской школе (В Церковную мало кто из нас заходил). В вестибюле сидел на стуле учитель математики и физики Василий Васильевич Лобач и играл на трофейном немецком аккордеоне. Низенького роста Василий Васильевич едва выглядывал из-за аккордеона, и поэтому аккордеон казался чересчур большим. Играл же Лобач великолепно. Наши девочки танцевали, а ребята, как не умевшие танцевать, стояли кучками и обсуждали текущие школьные события. После этого мы должны были как всегда построиться в колонны и направиться в сельский клуб, где Андрон Маркович прочтёт нам в очередной раз свой праздничный «акафист» (прости меня, Господи!). Вдруг по школе прошёл дикий слух о том, что якобы Варвару Александровну загрызли волки, когда она шла мимо леса, направляясь из Гутницы в Цветное. Кто запустил такую «утку», мне до сих пор

неизвестно. То ли в этом заключалась чья-то злобная месть, то ли кто-то допустил глупость, но мы уже видим, как многие девочки плачут, особенно из нашего класса. Василий Васильевич перестал играть на своём аккордеоне, на какой-то период в школе воцарилось лёгкое замешательство. Я грешным делом стал прикидывать, кто же будет у нас вместо неё классным руководителем. Но празднества по случаю годовщины Октября никто, естественно, не должен отменять, даже если бы эта нелепая весть подтвердилась. А когда вся школа оказалась уже в клубе, траурную новость развеяла сама Варвара, войдя туда в сопровождении радостных возгласов и даже редких хлопков в ладони. В клуб зашла разрумяненная, пышащая здоровьем молодая женщина, ничем таким не отмеченная, что свидетельствовало бы о нападении на неё стаи кровожадных волков. Да они в наших лесах в общем-то редко и встречаются. Когда Варвара узнала, за что ей такие почести, она очень смутилась. Мы-то радуемся, что она жива-здорова, а ей сразу, конечно, подумалось, кто же это сыграл с ней такую злую шутку. Вскоре этот инцидент забылся, произошли другие события, но мы в нашем классе нет-нет да и шепнём друг другу на ухо:

- *А де це Варвара?*
- *Та її вовки загризли!*

Да, дела!

…21-го декабря 1949-го года вся страна и в том числе наша школа торжественно отмечала 70-летие со дня рождения Первого секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совета Министров СССР, Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, Генералиссимуса Советского Союза, мудрого вождя и учителя (по совместительству), великого друга советской детворы, гения научной мысли, Великого Сталина. Уже задолго до юбилея в вестибюле на противоположной от входа стене вывесили огромный стенд-фотомонтаж, посвящённый этому знаменательному событию. Фотомонтаж заполнялся подборкой репродукций с картин, фотографий, вырезок из газет и журналов, спецвыпусков агитационных листков ТАСС и РАТАУ, одним словом, перед нами открывалось огромнейшее полотно с самыми различными изображениями вождя: Сосо Джугашвили в Тифлиской духовной семинарии, молодой Сталин – организатор стачки батумских рабочих, знакомство с Лениным, Сталин – вождь революции, Сталин и Киров плывут на корабле по Беломорканалу, репродукция с картины Шурпина «Утро нашей Родины», Сталин в годы Великой Отечественной войны и т. д. и т. п. Все экспонаты тщательно проверены лично Андроном Марковичем. Не дай Господь вождь оказался бы где-нибудь без носа или ещё хуже без головы! Голов лишились бы за это многие. В тот день мы не учились. Как сейчас помню, после морозов наступила оттепель, утро выдалось туманным, но тёплым, под ногами хлюпал мокрый снег, а с деревьев падали на землю тяжёлые капли от растаявших сосулек. Вся школа выстроилась в шеренги на плацу. На крыльцо вышли из учительской «Серко», Андрон Маркович, «Дед Мороз» Василий Трофимович Лагно, директор детдома, другие учителя. За их спинами в маленьком коридорчике толпились назначенные выступающие – главным образом ученики старших классов, детдомовцы, комсомольцы. А Василий Васильевич Лобач похаживал перед нами взад-вперёд с фотоаппаратом «Фотокор», то и дело перетаскивая с места на место штатив. Так возникли фотографии, которые я уже упоминал. Но они, к сожалению, скорее всего не сохранились. После короткого хвалебного выступления «Голуба» слово было предоставлено, безусловно, Андрону, и тот долго и энергично на все лады величал вождя. Затем выступили ученик 6-го класса детдомовец Юра Кравченко, его коллега по классу и детдому симпатичная Надя Криворучко. Помню её страстные слова: «Пожелаем же дорогому товарищу Сталину крепкого здоровья и долгих-долгих, счастливых-счастливых лет жизни на благо нашей великой Родины, родной партии Ленина-Сталина, всего советского народа и нас с вами – счастливой советской детворы!». Выступала ещё ученица 7-го класса Аня Фролова, всего человек 5-6, всех после стольких десятилетий не упомнишь. Да, церемония восхваления сопровождалась выносом знамени комсомольской и пионерской организаций школы.

Вскоре наступил новый 1950-й год, который я встретил скромно и незаметно, ни на какие праздники мне идти не хотелось, нечего было кушать, не хватало дров, чтобы хорошо натопить печь и лежанку, хотелось поскорее вырасти, закончить школу и «уйти в свет», хотя такой уход представлялся весьма проблематичным, так как дети в селах ещё с рождения закреплялись в колхозное рабство без каких-либо документов, и такое положение считалось записанным золотыми буквами сталинского закона.

Я с соседскими мальчиками Ваней Стеценко, Митей Босненко и Колей Шерстюком готовился втайне от учителей в день Рождества Христова 7-го января пойти по селу с рождественской Вифлеемской звездой славить Христа. Нет! Нет! Это произойдёт в январе следующего 1951-го года, когда я буду учиться в 6-ом классе. Подождём.

В конце января – начале февраля 1950-го года в Цветном произошло очень неприятное событие, последствия которого отразились не только на жизни некоторых людей нашего села, но и на нашей учёбе в семилетней школе. Шли очень трудные, голодные годы, и каждый выживал как мог. Кто-то бродил по окрестным сёлам, предлагая на продажу или ещё лучше на обмен за хлеб гончарные изделия (Цветное издавна славилось гончарными изделиями, и директор Знаменского железнодорожного училища напрасно позже упрекал нас с Леней Гречкой, что мы горшколепы – логичней было бы за это похвалить наше село). Кто-то откармливал на мясо кроликов, ещё кто-то попрошайничал. Были и такие, кто гнал самогон на продажу. Впрочем, самогон гнали и будут гнать всегда, и не только на продажу. В трудные послевоенные годы самогон становился эквивалентом денег, золота, серебра, валюты – чего угодно. Занялась этим нелёгким и опасным делом и мать нашей учительницы математики Полины Тихоновны Нечуйко. А кто-то из «доброжелателей» взял да и выдал её властям. Есть же такие подлецы, которые сами полным ходом гонят самогон и в то же время налево и направо «продают» за аналогичные действия своих соседей. В доме Нечуйко производился обыск, который дал положительные результаты. На мать Полины Тихоновны было заведено уголовное дело, и зимой 1950-го года в Цветном заседала выездная сессия Елизаветградковского районного народного суда на показательном процессе над самогонщиками. Среди прочих подсудимых на скамейке оказалась и Нечуйко-старшая. По иронии судьбы суд заседал в вестибюле школы, где работала её дочь. Суд, не мудрствуя лукаво, определил ей наказание, связанное с лишением свободы сроком на 10 лет с отбыванием наказания в тех местах, где, как говорится, раки зимуют. Вот такой страшный удар постиг Полину Тихоновну. Ясно, что в школе она больше оставаться не могла. Ей пришлость уехать из села на следующее же утро после объявления матери приговора суда. Не ровен час, - того и гляди, что ещё и её сцапают. Куда она подалась, я не знаю до сих пор, и никогда больше её не видел. А мать после смерти Сталина в 1953-м году попала под знаменитую бериевскую амнистию, вернулась домой и жила в Цветном постоянно до самой смерти в середине восьмидесятых годов. Было бы глупо полагать, что мать не знала, где находится её дочь. Хочется верить, что Полина Тихоновна оправилась после такого потрясения, нашла в себе силы для продолжения трудовой деятельности и прожила оставшуюся жизнь спокойно. Впрочем, я не собираюсь её хоронить. Вполне возможно, что она здравствует и поныне. Тогда ей было лет 30, не более.

На её место к нам пришёл Василий Васильевич Лобач – как я считаю, самый сильный и наиболее подготовленный математик и физик не только нашей школы, но, пожалуй, и всего района. Хорошо помню его первое появление на уроке математики (арифметики с геометрией) в нашем классе. Открылась дверь, и перед нами предстал низенького роста мужчина лет тридцати от роду с очень серьёзным физическим недостатком – приличных размеров горбом на спине. На голове чуть тронутые сединой прямые волосы, зачёсанные на левую сторону таким образом, что они постоянно сползают на лоб, и тогда Василий Васильевич знергичным движением правой руки поправляет свою непокорную чёлку в прежнее положение. Лицо узкое,худощавое и в то же время какое-то скуластое. Следует сказать прямо – лицо не красивое. К тому же матушка- природа густо разбросала на нём веснушки. Но глаза! Они говорили о многом,- ум, энергия, быстрая реакция на происходящие события, смекалка, я бы сказал даже хитрость, доброта, юмор –

всё отражали эти глаза. Несмотря на хилость его организма, в конце концов на горб, двигался он очень быстро и энергично. Василий Васильевич вошел в класс, громко шлёпнул на стол журнал и отчетливо, чеканя слова по отдельным слогам, поприветствовал нас:

- *Доб-рий день!*

Мы, поддаваясь его интонации, тоже растягивая слова, ответили:

- *Доб-рий день!*

И здесь моя соседка Саша Загнибеда не сдержала почему-то охвативший её смех и довольно отчётливо хихикнула. Василий Васильевич как-то странно встрепенулся, но спокойно сказал:

- *Садитесь!*

Мы, ничего не подозревая, сели.

- *Встать!* – раздалась резкая команда учителя.

Ошарашенные таким поворотом дела, все мы встали и вытянулись в струнку.

- *Садитесь!* – снова твёрдо повелел учитель математики.
- *Встать!*
- *Садитесь!*
- *Встать!*
- *Садитесь!*

Такую встряску, эдакий шок мы испытали на уроке впервые. Этим самым Василий Васильевич сразу дал нам понять, что шуточки шутить он с нами не намерен. С первого же раза мы как-то подтянулись, насторожились, но странное дело – учитель нам понравился. Его непревзойдённый педагогический талант полностью раскроется перед нами в 6-ом и 7-ом классах, когда он будет преподавать у нас алгебру, геометрию и физику, но я уже сейчас не могу обойти стороной этого самого для меня, да и не только для меня любимого учителя. Родился Василий Васильевич Лобач в соседнем селе Красноселье в 1921-м году. Физические недостатки явились следствием то ли болезни в детсве, то ли в результате осложнений во время родов. Этого я не знаю. После окончания средней школы в 1938-м году он поступил на учёбу в Харьковский финансово-экономический институт, закончить который ему не дала война. В армии Василий Васильевич по понятным причинам не служил, не воевал он и на фронте. Вместе со всеми простыми жителями оставался под немецкой оккупацией, но вёл себя достойно, и никто не мог его упрекнуть в лояльности по отношению к оккупационным властям. Никто кроме «Голуба». Об этом мне рассказывал Василий Васильевич много лет спустя после окончания нами школы. Судьба подарила мне не только возможность учиться под его началом, но и жить с ним по соседству. После освобождения Красноселья от фашистов Лобач продолжил учёбу в институте заочно, защитил диплом экономиста, но не работал по этой специальности ни одного дня. В нём проснулось данное Богом и природой другое предназначение – учить детей. Он стал учителем, отдавал этому благородному делу все свои знания и силы, недюжинный педагогический талант, всю энергию. Математику и физику Василий Васильевич знал отлично. Не только знал, но и любил, чувствовал душой, нутром, всем своим естеством «на ощупь». Но одно дело знать самому, и совсем другое уметь доходчиво и образно разъяснить, довести до сознания других. В этом Василия Васильевича по крайней мере в нашей школе не мог превзойти никто.Здесь я придерживаюсь твёрдого мнения. Он был по своей природе тонким методистом и психологом. Бывало войдёт в класс, бросит издали, как он это всегда делал, на стол как ненужную вещь классный журнал, посмотрит на нас прищуренным левым и широко открытым правым глазом, как-то по-особому склонит набок голову и скажет с присущим только ему одному оттенком нашего сельского юмора:

- *Ой видно ж, видно, хто що знає і хто чого не знає!*

Это он так перефразировал известную украинскую народную песню. И, действительно, тут же задавал вопрос и, не колеблясь ни одной секунды, тыкал длинным пальцем чуть ли не в грудь ученика:

- *Койда!*

Алик Койда шумно, гремя партой и сапогами, поднимается с места, пытается что-то ответить, явно не то, что нужно, но Василий Васильевич его резко обрывает:

- *Садись! Не знаєш! Петуня!*

Этим ласкательным вариантом имени он окрестил нашего Петра Гончаренко. «Петуня» медленно-медленно встаёт, мямлит одними губами,и его постигает та же участь, что и Койду:

- *Садись! Болван!*

Такие, казалось бы, сухие науки как математика и физика Василий Васильевич сделал для нас интересными, захватывающими предметами. Он никогда не подглядывал в конспекты, не елозил рукой как «Джаш» по карандашу. Все теоремы, формулы, правила легко и свободно гнездились в его голове. Говорил учитель математики и физики чётко, грамотно, коротко и доходчиво. Резким движением брал в руки мел и быстро записывал на доске формулы. Ошмётки мела разлетались во все стороны. Василий Васильевич, несмотря на своё в общем-то неважное здоровье, никогда не аппелировал к нам как, например, Галина Никитична, чтобы мы пощадили его физические и душевные силы. Не щадил их в себе он и сам. Впрочем, особых усилий на поддержание дисциплины на уроках ему предпринимать и не приходилось. Иногда одного его слова было достаточно для того, чтобы в классе до конца урока устанавливалась абсолютная тишина, и не обязательно, чтобы это слово произносилось громким, повышенным тоном. А иногда от одного сказанного им слова можно было смеяться целый день. Поднималось настроение, многие сентенции Василия Васильевича становились крылатыми выражениями в селе. Да что там слова! Его мимика и жесты были настолько выразительными, что порой воспринимались понятнее самых проникновенных слов. Я сейчас, друзья мои, не буду вспоминать всех эпизодов, связанных с уроками Лобача, потому что его основная нагрузка припадает на наши 6-й и 7-й классы. Мы вспомним нашего дорогого Василия Васильевича ещё не раз, а здесь я остановлюсь только на некоторых житейских моментах его биографии. В Цветнянскую семилетнюю школу он был направлен в 1946-м году. Сначала молодой учитель скитался на положении холостяка по квартирам, снимал для себя углы у людей, но в 1949-м году наш Василий Васильевич познакомился с красивой женщиной, вдовой с двумя детьми Марией Михайловной, которая тогда работала воспитательницей в только что открывшемся детском доме.Через некоторое время Лобач официально женился на Марии Михайловне, удочерив её дочь Римму и усыновив сына Валерия. После женитьбы чета Лобачей купила старенькую хатёнку на нашей улице, и здесь Василий Васильевич проявил себя как настоящий хозяин. Хатёнка была вскоре снесена, и наш новый сосед построил на том же месте красивую, просторную и удобную хату, сарай, погреб, выкопал колодец, обзавёлся пасекой. При этом не грех будет сказать, что основную физическую нагрузку при обустройстве усадьбы нес на своем в полном смысле этого слова горбу Василий Васильевич, хотя, как мы знаем, богатырским здоровьем он не мог похвастаться. В 1950-м году у Лобачей родился сын Вячеслав. Сейчас Вячеславу Васильевичу пятьдесят лет, он работает учителем начальных классов и преподавателем музыки в Цветнянской средней школе. У него пятеро детей, есть уже и внуки, они же правнуки нашего прекрасного педагога. Вячеслав красивый, умный, добрый мужчина, унаследовавший от отца немалую долю чувства юмора. Я очень часто виделся со Славой, когда приезжал в село во время отпусков. Впрочем, об этом мы тоже поговорим позже, когда коснёмся воспоминаний из недалёкого прошлого.

…Ну что же, идет 3-я четверть занятий в школе, постепенно приближается весна. Мы взрослеем, некоторым ученикам нашего класса пошел уже 16-й год. Представьте себе, в каком возрасте эти ребята закончили бы 10-й класс, если бы учились до получения аттестата зрелости в какой-нибудь средней школе. Им бы шёл тогда 21-й год! Такое положение представлялось и представляется теперь абсолютно невозможным, не реальным. Это понимали и сами ученики. В пятом классе они продолжали ещё по инерции учиться, но учеба уже не шла на ум. Ну девченки ещё куда бы ни шло. А вот ребята явно себя переросли. Хотя в смысле любовных похождений девочки значительно опережали

мальчиков. Так было всегда. И вот где-то в апреле наступила развязка. Директор вызвал к себе Витю Атамаса, Петю Гайденко, Ваню Галасюка, Дементия Саенко, Сашу Сиденко и без обиняков заявил им, что школа дальше не намерена удерживать их в своих стенах. Дескать, начальное образование (обязательное) вы уже получили, пора подумать и о собственном куске хлеба, тем более что все вы за исключением разве что Петра Гайденко учитесь из рук вон плохо. Вот давайте, мол, выбирайте, - сейчас есть возможность устроить некоторых из вас в школы ФЗО, таким образом, вы, во-первых, будете отпущены из колхоза, а во-вторых, приобретёте себе специальности. Не знаю, как там их «Голуб» распределял, но Атамас в школу ФЗО не попал и решил остаться в «любимом» колхозе им. Сталина. Сначала он работал в тракторной бригаде прицепщиком на гусеничном тракторе и вечно ходил по селу в грязной, запачканной машинным маслом , нигролом и консистентной смазкой спецодежде, затем закончил месячные курсы трактористов при Цыбулёвской МТС и прешёл работать на задержавшееся на этом свете чудовище техники – колёсный трактор ХТЗ. Помните, друзья, этих первенцев социалистических полей с огромными задними колёсами на гигантских шипах-треугольниках? Вот на таком латаном-перелатаном, разбитом и снова собранном «стальном коне» я часто видел гордо восседавшего за рулём Витю Атамаса. Года через три он был призван на действительную военную службу в Советскую армию. После увольнения в запас Атамас в колхоз больше не вернулся. Наступила хрущёвская оттепель, и Виктор уехал искать своё счастье в Донбасс. С тех пор я его ни разу не видел и не знаю, где он находится в данное время, если жив вообще.

Иная судьба постигла Петю Гайденко. Он оказался в школе ФЗО в городе Днепротетровске, где приобрёл специальность, связанную с металлургической промышленностью. Попросту говоря, Петр должен был варить сталь. После окончания школы ФЗО он её, действительно, варил там, куда был направлен на работу. Кажется, Петя попал в город-герой Сталинград (ныне Волгоград). И там с ним произошёл страшный несчастный случай на производстве. Я не знаю точно, что именно с ним случилось, но Гайденко получил обильные ожоги лица и потерял один глаз. До травмы Петр был стройным красивым парнем (в отличие, например, от Атамаса) с мужественными чертами лица. А когда я его увидел однажды в селе во время отпуска, то Петра трудно было узнать. На красном от ожогов лице виднелись многие глубокие шрамы, вместо одного глаза зияла уродливая воронка. Страшно было смотреть на это когда-то по-мужски красивое, а теперь обезображенное лицо. Страшно и, сам не знаю почему, неудобно. Так в молодом возрасте Петр Семёнович Гайденко стал инвалидом. Я его видел примерно в 1955-м году, на местожительство в Цветное он не вернулся. Наоборот, забрал с собой и увёз к месту своего пребывания мать и двух младших братьев. Дальнейшая судьба Петра Семёновича мне неизвестна. Хочется верить, что Пётр всё-таки нашёл в себе силы и мужество для преодоления страшных последствий катастрофы на производстве и пристроился в предназначенной для него суровым испытанием жизненной нише. Ещё раз повторяю, - он учился неплохо и, конечно же , заслуживал более удачливой участи. Но увы!

Стройный, плечистый, ладно скроенный Ваня Галасюк отправился в Знаменскую школу ФЗО, где приобрёл специальность не то каменщика, не то штукатура. Мне кто-то говорил, что его потом видели в Кировограде на строительстве нового железнодорожного вокзала, возводимого вместо разрушенного во время войны здания. В дальнейшем Иван Филиппович, как и полагается парням с его телосложением, служил в Военно-морском флоте. После увольнения из флота в запас мы с ним один раз встретились в Цветном , и наша беседа продолжалась около одного часа. Даже вспомнили, что мы в 4-м классе сидели за одной партой, посмеялись над тем, как он грозился меня «убить» с тем, чтобы его ржавое перо смогло прожить больше отмеренного мне срока. А вот куда он подался после этого, ей Богу, не знаю. Из ихней очень большой семьи сейчас в Цветном не осталось никого, - ни братьев, ни сестёр. Я хорошо знал младших братьев Ивана Филипповича Николая и Михаила. Нет никого!

Далее у нас идёт по списку Дементий Саенко. Тоже большая семья, тоже голод и нищета. Дементия определили в школу ФЗО № 7 в городе Днепродзержинске (я буду тоже там учиться в 1954-м году). Выучился Дементий на каменщика. Закончив учёбу, он там же в Днепродзержинске и работал в одной из строительных организаций. И я с ним в том же 1954-м году встречался. В нашем классе Дементий выглядел обыкновенным учеником, правда, мне он всегда казался каким-то уж чересчур робким и подавленным парнем. А когда я его увидел в Днепродзержинске, то на лице Дементия явно прослеживались всеми видимые отклонения от нормальной психики. Он нервно теребил спички, папиросы, всё, что попадало к нему в руки. Говорил Дементий Семёнович не совсем по существу, мускулы на его лице часто подёргивались. Случилось так, что я долго о нём ничего не знал, и лишь срустя десятилетия, летом 1993-го года я как всегда во время отпуска посещал наше сельское кладбище, чтобы поклониться праху многих похороненных там дорогих мне людей, вдруг увидел возле одной из могил женщину нашего с вами, друзья, возраста, которая стояла, склонив в глубокой печали голову. Подойдя поближе, я тихонько поздоровался с ней, она ответила мне кивком головы, и тут мне бросилась в глаза надгробная надпись на простом деревянном кресте: «Саенко Дементий Семёнович» и даты его жизни. Меня охватило какое-то неописуемое чувство жалости и тоски, я извинился перед женщиной (это была вдова Дементия), с минуту постоял у могилы, отдав дань уважения памяти одноклассника и также тихо удалился. Кажется, я был не один, со мной находился, по-моему, ещё и мой дорогой друг Евгений Сергеевич Березовский. В смятении чувств мы даже не удосужились запомнить дату его смерти. Теперь вот только точно знаю, что прах «Дементия в шею!» покоится на нашем сельском кладбище. Мир ему и покой!

Из этой группы наших одноклассников осталось ещё проследить судьбу Саши Сиденко. Здесь случай особый. Дело в том, что Саша родился инвалидом. У него на правой руке не было пальцев, торчала только повторяющая контуры оконечностей кочерыжка. Такая же картина наблюдалась и на правой ноге. Я даже помню, что, несмотря на эти серьёзные физические недостатки, Саша рос очень развитым в физическом плане мальчиком и ни в чём не уступал здоровым ребятам: бегал наравне со всеми, прыгал, играл в волейбол и т. д. Но он очень переживал, когда кто-нибудь неосторожно напоминал ему о его недостатках. Например, во время игры в волейбол, когда Саша неудачно принимал мяч, кое-кто не выдерживал и тут же начинал его упрекать:

- *Ну куди ти підставляєш свою копистку?*

Такие ничем не оправданные грубости, естественно, очень огорчали Сашу. Писал Саша левой рукой. И надо сказать, что писал он очень красивым почерком. Эти физические недостатки наложили свой отпечаток и на его характер. Саша вырос ехидным, насмешливым, эгоистичным, хитрым парнем. Я бы даже сказал, что Саша Сиденко мог быть беспощадным по отошению к своим сверстникам. Я, например, тоже его побаивался с его ехидными подковырками. Отец Саши остался жив, и их семья жила в те годы сносно (богатых не было вообще). Поэтому Сашу ничто не могло остановить перед высмеиванием примет бедности, голода и пр. Я рассматриваю теперь эти явления как своего рода компенсацию за врождённую инвалидность. Естественно, Александра Сиденко никто не имел права направлять ни в МТС, ни в школу ФЗО. Но он учился неважно, и перспектив оставаться дальше в школе не было никаких. Как и о чём говорил с ним директор, не знаю, скорее всего Саша оставил школу добровольно. Вскоре он уехал на далёкий Север, на Кольский полуостров в город Апатиты, что недалеко от Кировска. Там жил и работал его двоюродный брат Григорий Варфоломеевич Бондаренко, который и пристроил Сашу на апатитовую шахту. Не куда-нибудь при шахте! А в шахту! В забой! Уж не знаю, как на это смотрели медицинская комиссия и шахтное начальство, но в шахту Сашу приняли. Хозяин ведь в этой морозной, заснеженной тундре один – начальник шахты. А помощник у него памятник С. М. Кирову. Другого начальства там нет. Через некоторое время Александр Маркович, побывав в отпуске, женился на бывшей ученице 7-го «б» класса Нине Евдокимовне Саенко, и они оба уехали на свой Север. Прошли годы. У Сиденко родились два сына. И вот я узна**ю**, что летом 1969-го года Александр Маркович

Сиденко трагически погиб на Севере – утонул в озере во время рыбалки. Гроб с телом Александра Марковича был доставлен в Цветное, там его и похоронили. Нина Евдокимовна уехала с Севера, сейчас она так и вдовствует в нашем райцентре Александровке. Осенью 1971-го года я имел беседу с ещё одним его двоюродным братом Василием Жижкуном, который учился параллельно с нами в 7-ом «в» классе (помните «рейд» Ангелуцы по нашим с ним головам в 4-ом классе?). И вот что мне рассказал тогда Василий: Саша Сиденко, к сожалению, не изменил свой характер. На шахте его не долюбливали. Более того, став членом КПСС и секретарём парторганизации участка, Саша горячо взялся за искоренение недостатков на шахте, проявил себя нетерпимым к любым нарушениям дисциплины и т. п. А там ведь работает разный народ, главным образом бывшие зэки. Они то уж не будут долго терпеть таких «праведников», каким по словам Жижкуна оказался Александр Маркович. А он этого не почувствовал, не уловил момент, чтобы всё обдумать, взвесить и вовремя прикусить язык. Затем последовала упомянутая рыбалка, на которой Александр оказался не один. Я так понял, что существовало мнение, якобы Саше могли «помочь» уйти на дно. Как бы там ни было, а Александра Марковича Сиденко нет среди нас с 1969-го года.

…Весной 1950-го года усилиями Варвары Александровны и Галины Ананиевны наш класс подготовил и провёл торжественный сбор пионерского отряда. На большой перемене нас построили в две обращённые друг к другу лицом шеренги в нашем просторном северо-восточном классе. Присутствовали Варвара, Галина Ананиевна, классный пионервожатый (не помню, кто это был), Дарья Марковна и Яков Тимофеевич (классные руководители параллельных 5-х классов). Все мы повязали красные галстуки, большей частью взятые у друзей напрокат или, попросту говоря, взаймы. Для такого случая раздобыл где-то красный галстук и я. Мы старательно готовились к этому сбору. Некоторым из нас Варвара поручила выучить и прочитать наизусть стихотворения. С таким поручением она приставала и ко мне. Куда там! Я к тому времени стал таким вредным и упрямым, делал всё наперекор, что Варвара в конце концов махнула на меня рукой. Хорошо помню, что Юра Хмара подготовил стихотворение о массовом героизме наших солдат во время войны, о гордости советского солдата, который водрузил знамя на рейстаге, а сейчас изо всех сил отстаивает мир на земле и клеймит позором американский империализм. Мне очень нравилось стихотворение, которое Юра прочитал с особым пафосом. А девочки Маша Коцур и Зиночка Шмыголь должны были спеть патриотическую песню о краснодонских молодогвардейцах, которая в те годы считалась очень популярной. Ну Маша слыла известной певуньей, она всегда мурлыкала себе под нос песенки, а как попала в её компанию забитая, всего боявшаяся Зина, - ума не приложу. Очевидно, её «дожала» Варвара. Сбор прошёл в общем-то нормально, за исключением исполнения именно этой песни. Маша и Зина встали рядышком и звонкими голосочками запели:

Кто там улицей крадётся?
Кто в такую ночь не спит?
На ветру листовка вьётся,
Биржа-каторга горит.
Это было в Краснодоне.
В грозном зареве войны.
Комсомльское подполье
Поднялось за честь страны.

Сначала всё шло хорошо. Девочки преодолели робость, осмелели и продолжали:

Не найдут враги покоя,
Не опомнятся никак.

В этом месте Маша взяла слишком высокую ноту, Зина не смогла её поддержать, сбилась с ритма, испугалась, помешала Маше, и в результате наши исполнительницы «пустили петуха», заканчивая куплет еле слышно, на последнем дыхании:

Над управой городскою
Кто-то поднял красный флаг.

Конфуз! Маша постарше возрастом и побойчее характером, с неё как с гуся вода, а Зиночка расплакалась. Безутешное горе! Все её успокаивают. На том пионерский сбор и закончился.

Кстати, к Маше Коцур приклеились две очень неприятные клички, сейчас у меня не поворачивается язык их воспроизводить, но справедливости ради всё-таки приведу их. Мы её почему-то не любили, и в этом я не боюся признаться через полстолетие. Может быть потому, что Маша неплохо училась (отличников никогда не любили), обладала острым языком, одной из первых стала встречаться с ребятами из старших классов. И мы её презрительно величали «Манька». Кроме того она как и её отец не вышла ростом, пухленькая, розовощёкая. Точно такая же конституция принадлежала и младшему брату Маши Коле Коцуру. Вот их обоих и прозвали Коля «Пацюк» (по-русски крыса) и «Манька Пацюк». Это для сведения, вдруг кто-нибудь из нас забыл. А я Машу больше так называть не буду, теперь уже не время. Сидела Маша в 6-м и 7-м классах за моей спиной, мы часто ссорились и тут же мирились. Но это будет дальше. Мы только заканчиваем 5-й класс, и у нас приближаются весенние экзамены. Помнится, весна наступила очень рано, с обильными дождями. По установившейся хорошей традиции мы занимались посадкой деревьев возле родной школы. Требовалась посадка деревьев и у собственных дворов. Для проверки «лесонасаждений» вдоль заборов (или воображаемых как бы заборов, как, например, у нашего двора) могла нагрянуть состоящая из учителей и комсомольцев школы специальная комиссия. Так что приходилось стараться, чтобы не ударить лицом в грязь, к тому же, не знаю, кому как, а мне очень нравилось сажать деревья. Однажды утром после исполнения Гимна УССР Андрон Маркович, выступая перед нами с очередными нотациями и выволочками, похвалил нашего Ваню Коржа (а Андрон жил по соседству с Коржом) за то, что возле его двора лучше и аккуратнее всех высажены молодые деревца. Вот вам и Корж! Школа утопала, да и теперь утопает в зелени, - белые акации, пирамидальные тополя, клёны, не очень часто встречающиеся в наших краях берёзы. Особая гордость – это наши роскошные, отбрасывающие в жару обильную тень липы.

…Незадолго до экзаменов навсегда покинула наш класс, да и вообще школу моя соседка Саша (Соня) Загнибеда. Справедливости ради отмечу, что училась Соня очень слабо. Кто-то из учителей предупредил её, что она не будет допущена к экзаменам. Соня не стала дожидаться провозглашения «приговора» в окончательном виде и сама оставила школу. Дальнейшая жизнь Саши Загнибеды сложилась очень трудно, можно сказать, трагически. Мать , сгорая от зуда в одном месте, выдала её замуж, когда Саше не исполнилось ещё и 18 лет, за залётного тракториста Анатолия Руденко, который был старше невесты лет на 12. В 1956-м году у них родилась дочь Лидия. Вскоре они разошлись. Саша вышла во второй раз замуж без регистрации брака. Её мужем стал наш односельчанин чернявенький низкорослый Александр Кучеревский. Этот гражданский брак оказался очень скоротечным. Третий такой же брак с Михаилом Комарем длился около 10 лет, но и он в конце концов распался. Наконец, Саша официально зарегистрировала четвертый, последний брак с Василием Вельможко. Отныне Саша стала Софией Максимовной Вельможко. В 1971-м году Господь Бог наградил чету Вельможко двойней - сыном Виталием и дочерью Валентиной. Казалось бы, что теперь уж многострадальная личная жизнь нашей бывшей одноклассницы наладится. Но Василий начал всё чаще и чаще выпивать, да и тогдашнее время тоже способствовало пьянству. Поэтому Саша мало-помалу стала брать пример со своего мужа. Вначале всё это выглядело невинно – чарочка утром, чарочка в обед, пара чарочек к ужину. А потом телега покатилась по наклонной. Но главные события были впереди. Весной 1982-го года умерла мать Саши, зимой 1984-го скончался и отчим Ефим Иванович Коцур, который любил её и заботился о ней больше родного отца (родной отец Максим Никитич Загнибеда погиб где-то в снегах на Карельском перешейке в страшной, ненужной,

нелепой, преступной войне с Финляндией в 1940-м году). Смерть родителей не приостановила пьянку. Она только усиливалась. Летом 1988-го года скончался муж старшей дочери Лидии,с которым она жила на крайнем Севере. В апреле 1989-го года в семье Вельможко произошла страшная трагедия – наложила на себя руки якобы из-за несчастной любви младшая дочь, ученица десятого класса Валентина Вельможко. Саша почувствовала себя придавленной страшным, невыносимым горем. Василий же к этому времени окончательно скатился на путь стопроцентного алкоголика и больного человека. Куда деваться от горя? Как куда? В чарку, в стакан, в бутылку! Но и это ещё не всё! Летом 1994-го года скоропостижно умирает от инсульта их живший с семьёй возле родителей сын Виталий. Молодая вдова покойного Вельможко-младшего вскоре вышла замуж, забрав с собой маленького сына, и Вася с Сашей остались одни. С тех пор пьянка в их доме практически не прекращалась. Первый акт развязки наступил в июле 1997-го года, когда в страшных мучениях скончался Василий Вельможко. Саша очутилась в огромнейшем дворе одна-одинёшенька. Наступила жуткая тишина. Исчезла большая семья, точно как в романе Томаса Манна «Будденброки». Саша продолжала жить в каком-то полусонном, полупьяном трансе. В последний раз я видел её в январе 1998-го года, когда приезжал в срочном порядке в Цветное из-за болезни или вернее сказать из-за старости матери. При встрече я поздоровался с Сашей, она мне ответила и тут же отвернулась, пряча свое раздутое, опухшее, не красивое лицо. Ровно через год после смерти мужа Саша, находясь в одиночстве в своей хате, напилась до такой степени, что скончалась от сильной алкогольной интоксикации. Софию Максимовну похоронили на сельском кладбище, а когда-то шумный от множества голосов двор совсем опустел и затих. Летом 1999-го года дочь Лидия продала как единственная наследница хату а сама уехала навсегда снова к себе на Север. Теперь там живут совершенно для меня чужие молодые люди. Друзья мои! Я так подробно остановился на судьбе Софии Максимовны, во-первых, потому что она была моей ближайшей соседкой и, во-вторых, уж очень необычная по своему трагизму, уникальная судьба.

…А наш 5-й «а» класс готовится к сдаче весенних переводных экзаменов. На последнем уроке перед экзаменами, на пресловутом классном часе Варвары Александровны мы распрощались с ещё одной нашей соученицей – Машей Таргун. Подводя итоги учебного года, Варвара сообщила нам, что все мы допущены к экзаменам за исключением Таргун Марии. Маша такого поворота событий, по всей вероятности, не ожидала. Но держалась мужественно. Помнится, она спросила у Варвары:

- *То мені що, можна йти додому?*

На что Варвара спокойно ответила:

- *Так, Машо, ти можеш взяти свої зошити та підручники і йти додому.Осінню знову прийдеш в 5-й класс.*

Никогда не забуду, как Маша медленно собрала свои пожитки, вышла из-за парты, как-то неестественно улыбнулась и покинула помещение, тихо прикрыв за собою дверь. Осенью в 5-м классе Маша не появилась. Как и многие до неё она уехала, добыв себе каким-то образом необходимые документы, на поиски работы и счастья в Донбасс.Больше я Марию Ивановну никогда не видел. Рассказывали, что замужество её оказалось счастливым, - муж работящий, ласковый, добрый, у них родились дети, семья построила свой дом. Как живет сейчас Мария Ивановна … (Таргун) и жива ли она вообще – не ведаю.

…Экзамены за 5-й класс практически ничем не отличались от прошлогодних экзаменов за 4-й класс. Те же экзаменаторы и их ассистенты, те же покрытые белой скатертью «праздничные» столы с живыми цветами, заботливо принесёнными нашими девочками. Вообще наши девочки подросли, похорошели, некоторым из них исполнилось уже по 15 лет. И хотя в то время они, естественно, не могли похвастаться красивыми нарядами, как это делают в школах нынешние девченки, всё же вы, дорогие мои одноклассницы, были очень молодыми и очень красивыми вашей природной красотой. В

пятом классе мне нравилась девочка из параллельного 5-го «б» класса Галя Коцур, - круглолицая, стройная, задиристая егоза с красивыми серыми глазами. Гораздо позже выяснилось, что Галочка нравилась не только мне одному. По ней вздыхали многие ребята, в том числе и из нашего класса. Увы! Никому из нас она, как говорится, не досталась. После окончания десятилетки (Галя также училась в Выше-Верещацкой средней школе) ей тоже пришлось искать свой жизненный путь в шахтёрских краях Донбасса. Она устроилась на работу в шахтную лабораторию, вышла замуж, там живет и по сей день. С Галиной Ивановной я встретился в марте 2000-го года, когда навсегда забирал с собой из Цветного мою престарелую, никчемную, почти что 90-летнюю мать. Как и все мы Галя подошла к серьёзному возрасту, но осталась всё такой же приветливой и доброй, какой мы её помним в далёком детстве. А в Цветное Галина Ивановна приехала по случаю продажи оставшейся ей с сестрой в наследство хаты после смерти матери в январе 2000-го года. Отец Галины Ивановны умер уже давно.

…Но давайте снова возвращаться назад, к весне 1950-го года. На экзаменах не произошло ничего неожиданного, все, кто был допущен, благополучно их миновали и перешли в 6-й класс. После экзаменов снова уехал с родителями на Урал наш Отрищенко-Елисей. Я хорошо помню его маму, тощую и длинную как и все сёстры Самборские женщину а также отца, который вечно ходил в кепке кавказского образца, в галифе, но в ботинках. Истинный представитель Кавказа! Именно на Северном Кавказе мужчины щеголяют в галифе и в тапочках на босую ногу. Я помню, что работал отец Гриши на самых разных работах, какие только могли быть мыслимыми в тогдашних условиях. Но главным занятием Отрищенко-старшего считалось садоводство. И здесь дело за нашими односельчанами не заржавело! Его все знали в селе под кличкой, которой он мог законно гордиться – «Мичурин»!

Вот и прекратились ставшие для нас привычными перебранки между «Ослом» и «Елисеем», поскольку виновники их возникновения навсегда распрощались и с нами, и со стенами школы.

…Летом 1959-го года я увидел в центре села пару незнакомых мне молодых людей – парня и девушку. Они стояли возле магазина, - он молодой, красивый, по-спортивному подтянутый, и рядом с ним симпатичная, чуть ниже его ростом молодая женщина. Проходя мимо, я без задних мыслей поздоровался с молодыми людьми (в селе все со всеми здороваются). В ответ вижу на лице у парня широкую улыбку. Мне стало мерещиться что-то очень знакомое. Тут мой визави уж совсем не выдержал и сказал мне:

- *Да, да, тёзка! Перед тобой Королевич Елисей! А это моя жена.*

Он назвал её имя, которое я сейчас уже забыл. Мы крепко обнялись. И ему, и мне шёл тогда 23-й год, мы успели кое-что повидать. В коротком разговоре (мы оба спешили) вспомнили наш класс, ребят и девченок, учителей. Гриша жил и работал тогда, по-моему, в Челябинске.Недавно женился. С тех пор мы никогда и нигде больше не встречались.

…А в период описываемых мной событий наступило лето 1950-го года.

* *
*

20-го июня 1950-го года мне стукнуло 13 лет, а 25-го июня того же года Сталин и Трумэн развязали страшную войну за сферы влияния в Корее, которая продлится три года и закончится 27-го июля 1953-го года уже без Сталина и Трумэна (нет, Трумэн не умер, просто его сменил в 1952-м году Эйзенхауэр) подписанием мирного договора в Паньмыньчжоне. Ко времени окончания корейской войны мы закончим семилетку и разбредёмся в разные стороны. А начавшийся в обычные сентябрьские сроки учебный год будет отныне проходить под знаком этой кровопролитной бойни. В школе, вернее на школьном дворе появится газетный стенд, где будут регулярно вывешиваться номера выписываемой школой «Пионерской правды», которая неизменно публиковала, как и все остальные газеты, военные сводки с корейского фронта под рубрикой «События в Корее». Помните, дорогие друзья, сначала мощное наступление войск США и Ли Сын Мана, затем

войск Северной Кореи и так называемых китайских добровольцев? Газета помещала страстные репортажи об издевательствах американцев над военно-пленными в концлагерях на островах Кочжэдо и Понган. Сталинский ж…..з «Хамелеон Халтурин», он же Сергей Михалков разразился несколькими политическими баснями на тему корейской войны. Но мы-то с вами вспоминаем не историю войны и мира, а наш теперь уже 6-й «а» класс. Мать купила мне к 1-му сентября что-то наподобие то ли школьного ранца, то ли недоделанного портфеля. Это впервые после матерчатых сумок через плечо. В общем сам «корпус» моего ранца-портфеля состоял из недоброкачественного, плохо покрашенного или дерматина, или «кирзы», а боковины, очевидно, для придания этому монстру жёсткости были сделаны из двух неотёсанных, но окрашенных в чёрный цвет деревянных планок, отпиленных полуровным срезом у основания и закруглённых по радиусу сверху. Закрывался этот с позволения сказать саквояж обыкновенной пряжкой с ремешком, приляпанным к дерматину суровыми нитками. Где мать откопала такой уникальный экземпляр – не знаю. Но как я был рад и горд, что впервые показался в школе не с замызганной, заляпанной чернилами сумкой, а с чуть ли не министерским портфелем! Просуществовал он у меня недолго. Я как-то провинился перед Галиной Никитичной на уроке географии (нарушил тишину и покой урока!), и она наказала меня стоянием за партой. Лучше бы выставила к чёртовой матери за дверь! Стоять за партой трудно и неудобно, и я для облегчения своей участи незаметно вытащил из-под парты этот сундучек, подвёл его под то место, где спина теряет своё благородное название, и хотел на него присесть, создавая при этом видимость, что продолжаю стоять. Какая наивность! Кого задумал обмануть?! Я придавил ранец задницей посильнее и … провалился на мягком материале, оторвав его от деревянных боковин. Дело закончилось громким смехом всего класса, а Галина Никитична ввиду разразившейся катастрофы объявила мне «амнистию», и я удручённый сел на место.

Хотя 5-й «а» класс и покинула большая группа «перезревших» учеников, всё же к нам пришло и пополнение. Во-первых, был расформирован так называемый ружичанский класс, который занимался в прошлом году в «просяниківській хаті». Его учеников распределили по другим классам, и в наш класс попали 3 ружичанина, три Василия – Василий Бондарец и два Василия Скрипники. Последних пришлось различать по-отчеству – Скрипник Василий Никитич и Скрипник Василий Гордеевич. Появились в 6-м «а» ещё два ученика, которые или не сдали экзаменов в прошлом году, или даже не были к ним допущены и поэтому их оставили на второй год. Это Павел Просяник и Анатолий Березовский. Почему они отстали от своих классов, - это теперь для меня остаётся загадкой. Ведь они в дальнейшем учились гораздо сильнее, скажем, наших Зины Шмыголь, Оли Бутримовой или Вани Коржа. Скорее всего их задержка еще на один год явилась следствием не слабого умственного потенциала, а самой обыкновенной лени или, может быть, болезни. Пашу Просяника я до этого знал мало, - он постарше меня и держался всегда как-то в тени. Ну а Толю Березовского я знал отлично, да и не только я. Его знала, пожалуй, вся школа – весёлый, очень компанейский парень, запевала, гитарист, прекрасно умел танцевать! Анатолий как-то очень быстро и непринуждённо влился в коллектив нашего класса. У меня было такое ощущение, что он занимался вместе с нами с самого первого класса. Наше с ним первое знакомство до его пришествия под крыло Варвары Александровны стоит того, чтобы на нём остановиться особо. Я уже упоминал о том, что в школе каждый день назначались дежурные для поддержания порядка. Дежурные следили, в частности, и за тем, чтобы ученики переступали порог школы в чистой обуви и не заносили в вестибюль и классы грязь. В один из ужасных осенних дней, когда на улицах села люди буквально плавали в лужах, одним из таких дежурных оказался ученик 6-го класса (а мы учились в 5-м) Толя Березовский. Ну кого-кого а Толи Березовского я не боялся и сунулся было в грязных сапожищах на порог школы. Путь мне преградил Анатолий. Я хотел прошмыгнуть, даже не глядя на Толю, но он решительно остановил меня буквально грудь в грудь. Его действия были, конечно же, вполне естественными и справедливыми:

- *Ей ти, а ну біжи почисть чоботи!*
- *Що? Та пішов ти знаєш куди!*

И я пытаюсь всё-таки прорваться в коридор. Но у меня ничего из этого не вышло! Толя возвысил голос до такой степени, что его мог услышать чего доброго сам «Голуб» в кабинете:

- *Я тобі сказав біжи почисть чоботи! В грязних чоботях не впущу нізащо!*

Пришлось подчиниться настойчивому требованию, я как мог почистил проклятые сапоги и лишь после этого попал в свой класс. Странное дело, но этот инцидент на пороге школы как-то сблизил нас, ближе познакомил. В дальнейшей жизни мы, к сожалению, не очень часто встречались, но при каждой встрече неизменно вспоминали этот давний диалог. И я уверен, если бы случилось чудо, и мы с Анатолием сегодня где-нибудь встретились, то Анатолий Несторович наверняка первым делом предложил бы мне:

- *А ну біжи почисть чоботи!*

Вася Бондарец не мог похвастаться способностями сильного ученика – так себе середнячек с минусом. Примерно на его уровне находился и Вася Скрипник (Гордеевич). А вот второй Вася Скрипник (Никитич) оказался посильнее их обоих и в учёбе, и физически, - эдакий плечистый, устойчивый, ядрёный атлет. К тому же Василий Никитич и по возрасту был старше своих попутчиков в наш класс – он родился в 1935-м году и мог в любое время очутиться среди кандидатов на вылет из школы. Вот такое мы получили пополнение. Теперь уже до самого окончания школы пополнений в нашем классе больше не будет, будут только после 6-го класса потери. О них речь впереди. Мы теперь, наконец, «поселились» в упомянутом мной вначале воспоминаний классе на северо-западной стороне школьного здания, в который мы будем проходить после «шлюзования» в классе-предбаннике, где, кстати, последние два года параллельно с нами будут заниматься ученики 6-го а зетем 7-го «б» класса. Среди них будет учиться мой дорогой друг Василий Ткач. 1-го сентября 1950-го года в нашем классном журнале можно было прочесть следующие фамилии:

1. Березовский Анатолий
2. Близна Юрий
3. Бойко Александр
4. Бондарец Василий
5. Борко Ульяна
6. Бутримова Ольга
7. Вильковский Валентин
8. Гончаренко Владимир
9. Гончаренко Николай
10. Гончаренко Пётр
11. Гречка Леонид
12. Евсеенко Раиса
13. Козыренко Владимир
14. Койда Алексей
15. Комар Прасковья
16. Корж Иван
17. Коцур Мария
18. Лихненко Оксана
19. Носенко Виталий
20. Павловская Мария
21. Пасечник Мария
22. Просяник Павел
23. Скрипник Василий Гордеевич
24. Скрипник Василий Никитич
25. Соколовский Григорий
26. Сухая Лидия
27. Хлевицкая Мария

28. Хмара Юрий
29. Цышевский Владимир
30. Шмыголь Зинаида

Я по-прежнему сижу рядом со старательным, усидчивым, добрым, но туповатым Лёней Гречкой. Мы занимаем четвёртую парту у окна в левом от учителя ряду. Он сидит у самого окна, а я на краю парты у прохода, и когда ему надо идти отвечать урок к доске, я встаю и освобождаю ему путь «на голгофу». Мы всё ещё дети, но теперь уже и не дети. Понимаем, что через два года придётся навсегда расставаться со школой и друг с другом. С одной стороны это очень грустно, но с другой и школа изрядно надоела. Скажите, дорогие друзья, мне на милость, кому из вас не надоедала школа? Всем нам хотелось побыстрее стать взрослыми, самостоятельными. Мы вступили в такой период физического развития, когда легко обижаемся на мелочи, горячимся, не слушаемся ни учителей, ни родителей (матерей), вредничаем, идём всему и вся наперекор. Варваре Александровне становится всё труднее и труднее с нами справляться. В классном журнале стали появляться четвёрки по поведению, в том числе и у меня. А четвёрка по поведению означала в то время страшное ЧП. Можно было по окончании 7-го класса чего доброго и не получить свидетельство, а получить только справку, которая называлась в соответствии с духом времени «волчьим билетом». Меня раздраженная Варвара уже несколько раз недвусмысленно предупреждала:

- *Мені твоя, Соколовський, поведінка не подобається вкрай!*

Куда там! Я ещё крепче «закусил удила». В конце концов схлопотал себе отвратительную, но вполне справедливую характеристику и четвёрку по поведению во второй раз. Это произойдёт чуть позже, в четвертой четверти.

Что касается нас, ребят, то мы вели себя по-глупому и часто не могли понять, почему это наши девочки смотрят не на нас, а на тех ребят, что постарше. Поэтому, может быть, и были иногда несправедливыми по отношению к ним, обижали их. Простите нас, дорогие наши девочки! А уж я-то, «герой» называется, - Лидочка Сухая, такая симпатичная девочка, смотрит мне прямо в глаза и просит меня:

- *Гриша, ну дай списать задачку по алгебрі!*

А Гриша как «дундук» ей отвечает:

- *Не дам! Сама рішай, ледацюго!*

Стыд, позор. Даже сейчас стыдно.

А теперь давайте посмотрим, какие у нас будут в 6-ом классе предметы. Украинский язык и литературу продолжит «читаць» Варвара Александровна. Она же остаётся и нашим классным руководителем. По языку мы вплотную займёмся синтаксисом, а по литературе начнем более глубокое изучение произведений классиков украинской литературы: Тараса Шевченко, Леси Украинки (Лариса Петровна Косач-Квитка), Ивана Франко, Марко Вовчок (Мария Александровна Вилинская-Маркович), Михаила Коцюбинского.

В отношении же русского языка и литературы у нас произошла «смена караула». Уж не помню, куда девалась наша молодая и симпатичная Елена Ивановна, а вместо неё к нам пришла примерно 35-летняя Вера Макаровна Замкова (Березовская). Вера Макаровна настоящая россиянка, строгая, сдержанная, самостоятельная и в общем-то симпатичная женщина, знающая свой предмет и себе цену. Но вот дураку досталась! На свою беду она где-то пересеклась на жизненном пути с цветнянским бродягой, пьяницей, дебоширом и тунеядцем Василием Березовским (уличное прозвище Канаровский) и вышла за него замуж. Василий перетащил её каким-то образом в Цветное, Вера Макаровна устроилась в нашу школу учительницей, а он нигде не работал, пьянствовал, устраивал семейные драки, и бедная учительница не раз появлялась на уроках в школе в синяках. Такая уважаемая учительница и высваталась же за этого идиота! В который раз уж забегая вперёд, скажу, что после 1952-го года Вера Макаровна его бросила, взяла с собой ребёнка и куда-то уехала. Ну а Василию сначала где-то в пьяной драке выбили один глаз, а потом

уже в другой драке убили и самого «Канаровского». Это событие хорошо уже тем, что его не надо каким-то образом комментировать.

Ой,горе, горе! Немецкий язык достался на нашу беду не кому-нибудь, а Якову Тимофеевичу Чупринюку. С Ольгой Павловной Мостовой было «весело», а теперь уж и лад пропал. Ну что мог дать нам от немецкого языка несчастный Яков Тимофеевич, который и по-украински-то говорил для нас непонятно. Но что-то он всё-таки нам дал. Другое дело, что его ровным счётом никто не слушал.

Географию захватила в свои «немощные» руки Галина Никитична. Теперь мы будем более подробно изучать зарубежные страны, в первую очередь социалистические: Албанию, Болгарию, Венгрию, Вьетнам, ГДР, Китай, КНДР (там идёт война), Монголию, Польшу, Румынию, Чехословакию. Югославия из этого списка исключалась. Наши великие вожди поскандалили, и правительство Югославии везде величалось не иначе как преступная клика Тито – Ранковича.

Галина Никитична поведала нам следующее:

- *Візьміть, діти, по окремому аркушу паперу, а ще краще, щоб ви завели окремі зошити для географії і запишіть прізвища вождів, які керують країнами соціалістичного табору. Я вам зараз продиктую.*

Я не брал ни отдельный лист бумаги, ни тетради не заводил, а прямо на страницах учебника записал фамилии этих вождей под заголовками статей об отдельных соцстранах. Вот они, эти страны и их тогдашние вожди:

Албания - Энвер Ходжа
Болгария - Вилко Червенков
Венгрия - Матиас Ракоши
Вьетнам - Хо Ши Мин
ГДР - Вильгельм Пик
Китай - Мао Цзэдун
КНДР - Ким Ир Сен
Монголия - Чойбалсан (вскоре, в январе 1952-го года уйдёт в небытие)
Польша - Болеслав Берут
Румыния - Петру Гроза
Чехословакия - Клемент Готвальд.

Вторую часть истории древнего мира продолжит преподавать директор Коваленко-«Серко». Во втором полугодии мы начнём изучать историю средневековья, и тогда на наши головы будет «брошен» Яков Тимофеевич Чупринюк.

Есть и новые предметы, например, зоология. Этого предмета хватит на весь шестой класс и ещё на одно полугодие в 7-ом классе. Вы, дорогие друзья, конечно, тут же вспомнили, что зоологию вела у нас не увядаемая и невозмутимая, добрейшая старушка Мария Филипповна Юрченко. Нельзя сказать, что зоология пользовалась у нас большой популярностью, - нет, нам просто некуда было деваться. А поскольку карта выпала на Марию Филипповну, то мы, почувствовав слабинку, превратили уроки зоологии в некие часы весёлого досуга, в своего рода передышку после предыдущих и перед предстоящими более серьёзными, как нам казалось, предметами. Уже на перемене перед уроком Марии Филипповны в классе возникал невообразимый шум, возня, беготня, - пыль столбом и «дым коромыслом». Многие из нас даже иногда не замечали появление учительницы на пороге класса. Вот Мария Филипповна протискивается бочком в дверь, никто не обращает на неё внимания, безобразие в классе продолжается, - Ваня Корж стоит возле своей парты на голове, Толя Березовский распевает какую-то песенку, Юра Близна и Вася Скрипник (Никитич) пробуют свои силы в вольной борьбе, девочки весело хохочут и т. д. Слышу, как Мария Филипповна, медленно пробивая себе путь к столу, разговаривает сама с собой:

- *Ой-ой-ой-ой! Сюди страшно й заходить! Тут діється щось, їй-богу, неймовірне. Кричать , ричать усі як дикі звірюки. А ну добрий день!* – чуть повысила голос учительница. Кое-кто, заметив её появление, ответил на приветствие, остальные – ноль

внимания. Наконец-то все угомонились, пыль начала оседать вниз. Придя окончательно в себя, Мария Филипповна говорит:

- *Сьогоднішній урок про капустяного білана буде нам відповідать Борко Оляна.*

Уля Борко неохотно, медленно поднимается с места, громко откашливается, бросает сердитый взгляд на Марию Филипповну и низким голосом, почти что баритоном честно заявляет:

- *Я не вчила!*

На лице Марии Филипповны не дрогнул ни один мускул. С полным спокойствием, практически безразлично она подводит итог:

- *Маладца, дочечка. Сядь! Одиничка!*

Инцидент с незнанием урока Улей Борко исчерпан. Но на вопрос о проклятом капустном белане должен быть получен ответ.

- *А ну Паша Комар. Розкажи нам про білана.*

Умница Паша Комар встает из-за парты, выходит к доске и очень подробно, грамотно отвечает урок. Мария Филипповна очень довольна и хвалит Пашу - не нахвалится:

- *Маладца! (*теперь уже без иронии). *Ось так треба відповідати урок. Яка хороша дівчинка! А ну беріть з неї приклад, безсьовісні, не витримані, ледарі!*

А Пашенька, действительно, была очень хорошей девочкой, - умной, красивой, сдержанной, с тонким чувством юмора. Вот только жаль, что на её долю выпало стать круглой сиротой, жила Паша возле мачехи, и ей пришлось многое испытать.

…Ну и,наконец, три главных предмета нашего дорогого Василия Васильевича Лобача - алгебра, геометрия и физика. Вначале я очень боялся алгебры – как же это так, вместо цифр какие-то буквы, разве можно с буквами решать задачи и примеры? Но Василий Васильевич нашёл такие способы и такую методику преподавания этого сложного раздела математики, что мы и поняли, и полюбили алгебру. Точно также произошло с геометрией и физикой. Обо всём не напишешь, всего не вспомнишь. Но самые яркие, самые запоминающиеся эпизоды я не могу не вспомнить. Например, если Василий Васильевич чувствовал, что основное время урока придётся посвятить объяснению нового материала, то вначале урока он устраивал «блицкриг» или, как он любил выражаться «масове опитування». Войдя в класс, учитель громко с нами здоровался, не подходя к столу, бросал на него как ненужную вещь классный журнал, приглаживал рукой свой чубчик и объявлял:

- *Сьогодні буде масове опитування!*

И пошла-поехала кругом карусель, доверху заваленная сокращенными формулами:

- *Квадрат суми двох чисел! Соколовський!*

Я подхватываюсь, как ужаленный в одно место, и твёрдо чеканю (до сих пор помню!):

- *Квадрат суми двох чисел дорівнює квадрату першого числа плюс подвоєнний добуток з першого числа на друге плюс квадрат другого числа.*

- *Садись!*

Удивительно, но как кстати сочеталась у Лобача украинская речь с некоторыми русскими, эдакими хлёсткими командными выражениями! Например, он никогда не говорил «*сідай, до дошки, поділений»,* а *«садись, к доске, поделенный»* и т. д. С другой стороны он знал такие чисто украинские, нашенские местные словечки, что они всегда оказывались к месту и от них нельзя было никуда деться:

- *Ах ти, йолоп! Тиква ти не випалена полуднівська!*

Здесь необходимо пояснить, - тыква это сосуд, гончарное изделие, выражение употребляется для характеристики не далёких, туповатых, забитых людей. Я еще, помню, мысленно удивлялся, почему это Василий Васильевич называет тыкву полуднивской (название села, где делают эти тыквы) – её вполне можно было бы назвать и цветнянской, у нас тоже местные гончары делали неплохие тыквы. Ревность по отношению к чужим тыквам.

Лобач мог обозвать и обзывал кого-нибудь из нас также болваном. Но вот что характерно, - эти, казалось бы, очень обидные прозвища должны были вызывать страшную обиду, но мы не обижались. Всё было к месту, всё, как говорится, путём. И

ещё. Василий Васильевич как истинный рыцарь никогда не позволял себе обзывать подобными эпитетами девочек. Такое обстоятельство не могло оставаться не замеченным. Любил он также цитировать литературных классиков, главным образом из произведений русской литературы. Если кто-то из нас чего-то не понимал, он отпускал в таких случаях следующий комментарий:

- *Стоит и смотрит как в афишу коза, не понимая ни аза!*

Это Маяковский. А при анализе контрольных работ бывало развернёт работу, состроит с помощью глаз только одному ему присущую гримасу и скажет:

- *И рад бежать, да некуда! Ужасно!*

Теперь уже Лермонтов. Такая оценка означала верхний предел учительского негодования. Всё ясно! Говорить не нужно! Сказать нечего! Всё! Крышка! Единица!

Для оперативного решения примеров Василий Васильевич требовал от нас знать наизусть возведённые в квадрат числа от 2 до 20. Мы должны были их знать наравне с таблицей умножения. В этом заключался своеобразный ритуал, молитва, если выражаться спортивным языком – ежедневная разминка. Переступив порог класса, поприветствов нас и шлёпнув журнал на стол, Лобач задавал первый вопрос, не теряя ни одной минуты времени:

- *Тринадцать во квадрате* (опять же выражается по-русски)*, Близна!*

- *169!,* - твёрдо отвечает Юрий.

- *Садись! Четырнадцать во квадрате, Шмыголь!*

Перепуганная насмерть Зиночка силится что-то вспомнить, но сбивается и замолкает.

- *Садись! Козыренко!*

Володя не из пугливых и спокойно даёт ответ:

- *196!*

- *Семнадцать во квадрате, Носенко!*

- *289!* – надувая щёки, бубнит упрямый как слон Виталий Носенко.

Задает Василий Васильевич и другие вопросы. Спросив человек десять, он садится, наконец, за стол, едва-едва из-за него выглядывая, открывает журнал и спокойно спрашивает:

- *Хто сьогодні черговий?*

Дежурный встаёт.

- *Хто сьогодні відсутній?*

Дежурный называет отсутствующих.

- *А тепер встаньте, кого я сьогодні питав,* - добавляет Василий Васильевич. Все десять учеников встают и ждут объявление «приговора».

- *Так, Близна* (именно Близна – по-русски) *чотири, Шмиголь, одиниця! Козиренко, чотири, Носенко, тобі додаткове питання, як помножити дробь на дробь?*

Виталий с трудом, но всё-таки отвечает правильно.

- *Садись, три!*

И так всем опрошенным по их заслугам. Выставив в журнале отметки, Василий Васильевич резко его захлопывает и, глядя прямо на нас, говорит тоном непререкаемого авторитета:

- *Можете возражать!*

Или наоборот:

- *Не возражать!*

Или же из классики советского кинематографа, из кинофильма «Мы из Кронштадта»:

- *Ну, кому ещё нужен Петроград?*

Задачи и примеры для решения в качестве домашнего задания он задавал нам, как говорится, «под завязку». Стоило только кому-нибудь из нас возразить, что, дескать, много, как наш математик тут же добавлял пару примеров для пущей важности. Так что лучше было молчать. Или когда изучаемый теоретический материал оказывался очень объёмным, и опять кто-то вякал:

- *Оце так багато вчить?*- он непременно повторял:

- *Можете не вчить, аби знали!*

На уроки геометрии Василий Васильевич всегда приносил в класс деревянный циркуль внушительных размеров, с помощью которого можно было выписывать на доске круги полукружья и прочие геометрические фигуры. Он также требовал, чтобы у каждого из нас были в полном порядке маленькие железные циркули, линейки, транспортиры. С каким неподдельным интересом я слушал и наблюдал за тем, как учитель объяснял нам доказательства теорем. Выражался Василий Васильевич чётко, ясно, образным языком. Не понять было невозможно. Он часто любил перед нами повторять:

- *Не умеешь - научим, не хочешь - заставим!*

Лозунг пахнет, конечно, сталинским духом, но Лобач ведь тоже человек того времени, нет ничего удивительного. Все были такими.

Мне очень нравились также его уроки физики. Здесь открывались широкие просторы для методики преподавания и образных выражений Василия Васильевича. С какой любовью он рассказывал нам об открытиях великих физиков мира Ньютона, Паскаля, Джоуля, Ленца, Бойля, Мариотта, Гей-Люссака. Это из области механики. Об электричестве пойдёт особая речь в седьмом классе. А закон Архимеда, например, я также помню на украинском языке до сих пор. Вот он: «На занурене в рідину тіло діє виштовхувальна сила, яка дорівнює вазі витисненої цим тілом рідини». Это не моя заслуга, что я, мол, такой умный и даже сейчас помню. Это заслуга нашего учителя физики Василия Васильевича Лобача. Яркие, захватывающие уроки физики по сообщающимся сосудам, направлениям распространения давления жидкостей и газов (закон Паскаля), закону сохранения энергии! Помните, дорогие друзья, как он вызвал к доске отвечать урок по сообщающимся сосудам (водомерное стекло) всё ту же Зиночку Шмыголь? У Василия Васильевича была ещё манера с целью проверки понимания учеником темы урока запутывать его неправильными наводящими вопросами. Вот он и говорит Зине:

- *Розкажи нам, що таке водомірне скло, як ти його собі уявляєш. В моєму уявленні це таке величезне колесо, яке крутиться з шаленою швидкістю.*

Здесь Василий Васильевич перегнул палку, не совсем точно рассчитал. Такая нелепость очевидна даже для Зины Шмыголь, и она с радостью уличает и поправляет учителя:

- *Ні, це не колесо. Це така діжка, в якій вирізане віконце з скляною шибкою* (имелся в виду котёл с водомерным стеклом для определения уровня воды в котле)…

Мы все хохочем, смеется вместе с нами и Василий Васильевич и затем спрашивает Зину:

- *А двері в тій діжці теж є, чи ще ніхто не вирізав? Добре, сідай, вивчиш на слідуючий урок.*

Доверчивая Зиночка в общем-то не поняла сути водомерного стекла. Приведу ещё один забавный эпизод, который произошёл на уроке физики. Это случилось уже где-то под новый 1951-й год. Василий Васильевич задал уже не помню какой вопрос и вызвал отвечать Валентина Вильковского. Валя, видать, был абсолютно не готов к уроку и, пустившись во все тяжкие, решил схитрить, уйти от наметившейся двойки. Но кого он хотел обмануть? Лучшего педагога школы? Валя об этом не подумал и промямлил:

- *Я хворий, погано себе почуваю, у мене болить голова.*

- *Ми зараз зміряємо тобі, Вільковський, температуру,* - не моргнув глазом, заявил Василий Васильевич, -*Бойко, а ну збігай в лабораторію, принеси нам термометр, ми зміряємо Валентину температуру.*

Бойко молча отправился в лабораторию (в то помещение, где когда-то Иван Петрович Гречка читал нам отрывки из произведений и библиографические нотации, помните?), а Валя побледнел, пожелтел, посинел, почернел и позеленел от страха, что не пройдёт и пяти минут, как он будет с позором разоблачён. Алик Бойко не появлялся в классе минут 15. Вдруг он заходит в класс с огромным лабораторным термометром в руках. Молодец Алик! Другой выход в данной ситуации для спасения репутации одноклассника вряд ли бы можно было придумать. Василий Васильевич по достоинству оценил оригинальный поступок Бойко, рассмеялся, взял в руки гигантский термометр,

взвесил его в руках, как будто собираясь им кого-то отлупить, и простил Валентина. Да, наш физик обладал истинным чувством юмора. Вот так.

...А школьная жизнь протекала теперь как-то поспокойней, чем, скажем, в достопамятном 1949-м году. Продолжались и зарядка, и пение Гимна УССР, и выход на крыльцо «Голуба» с Андроном Марковичем, но всё это постепенно становилось привычным, рутинным и уже не оказывало на нас такого воздействия, как это было раньше. Да и политические события в стране переместились с внутренних проблем на международные - продолжалась корейская война. Уволилась с работы старшая пионервожатая Галина Ананиевна, кажется, она вышла замуж и куда-то уехала с мужем. Я просто забыл. Вместо неё появился наш односельчанин только что вернувшийся со службы в Советской армии Николай Григорьевич Коцур (сколько же у нас в селе Коцуров!) – придирчивый, нудный, не интересный молодой человек с донельзя поджатыми губами. Он то и дело появлялся то в одном классе, то в другом, придумывал какие-то поручения, одно нелепее другого, проявлял бурную активность, создавая видимость своей плодотворной работы. Настиг он и меня. Давай, мол, ты как способный ученик организуй шефство над слабыми учениками класса, помогай им стать отличниками а заодно и пиши заметки в районную газету «Сталінський глях» о проблемах работы пионерской организации школы и пр. Николай Григорьевич опротивел мне до такой степени, что я уже не мог спокойно смотреть на его вечно хранившее следы попоек лицо с поджатыми губами. Правда, особого страха перед ним никто, в том числе и я, не испытывал. Приходилось действовать по принципу «было бы сказано - а забыть можно».

В нашем классе появились первые комсомольцы. Устав ВЛКСМ предусматривал возраст вступления в комсомол от 14 до 26 лет. Ну и, естественно, принимать следовало тех ребят и девочек, кто хорошо учится, подаёт во всём пример младшим ученикам, не нарушает дисциплину, помогает старшим, не курит, не сквернословит (как «Серко» и Койда во время стрельбы) и т. д. и т. п. Первыми в рядах ВЛКСМ оказались из нашего класса Лёня Гречка, Коля Гончаренко, Володя Гончаренко, Маша Коцур, Алик Койда. Ваня Корж хотя и родился в 1936-м году и ему тоже недавно стукнуло 14 лет, по всем вышеупомянутым категориям поведения ну никак не натягивал, чтобы стать в строй членов ВЛКСМ. Мне кажется, что он по этому поводу и не очень-то расстраивался, - не тот характер.Скорее всего, что в дальнейшем Ваня вообще обошёлся без комсомола, и ничего - живёт себе, дай Бог ему здоровья. Лёня Гречка не только стал комсомольцем, ему ещё выпала честь и возглавить комсомольскую организацию школы в качестве избранного секретаря, это произойдёт чуть позже. Но Лёня так яростно «рыл копытами землю», что через некоторое время бразды правления у него отобрали и передали их другому нашему комсомольцу - Коле Гончаренко, при секретарстве которого примут в комсомол и вашего покорного слугу. Но это уже события 7-го класса.

…Идёт урок истории. «Серко» рассказывает нам что-то из времен древнего Рима, всё время подчёркивая карандашем тезисы в своём талмуде и не забывая бросать на нас свои строгие взгляды. Вдруг сильный выстрел в классе, все вздрогнули и почуяли запах пороха. Финальная сцена из бессмертного творения Н. В. Гоголя длится несколько секунд, прежде чем директор приходит в себя. Что же случилось? А вот что. У нас, мальчишек того времени, было любимое занятие, заключавшееся в стрельбе из так называемой импровизированной «стрелюки». Это небольшой кусочек деревяшки, в верхнюю часть которой загоняется пуля от винтовочного патрона с выплавленным свинцом (винтовочных патронов ещё оставалось по полям и лесам очень много,хотя после окончания войны прошло почти шесть лет), в нижней же части к небольшому гвоздику крепится резинка а верхняя часть этого резинового кольца одевается на изогнутый под углом примерно 120 градусов большой гвоздь, упирающийся острым концом в пулю. Лёгким нажатием большого пальца на середину резинки гвоздь ударяется остриём о дно пули, где предварительно закладывается или порох от патрона или сера от спичек. Детонация,

конечно же, ничтожная, но получается много шума из ничего. Так вот у Алика Койды произошло непроизвольное срабатывание поставленного на боевой взвод гвоздя. Он приготовил «стрелюку» для перемены, а она его подвела в самый неподходящий момент.

- *Хто це зробив?* – металлическим голосом спросил «Джаш».

- *Я,* - признаётся насмерть перепуганный Койда.

- *А ну йди сюди і неси свій пістолет!* – командует далее директор. Койда как всегда шумно выходит из-за парты, направляется к столу и протягивает ему доморощенный пистолет. Все ждут развязки.

- *Я тебе стрельну, я тебе, голубе, так стрельну, що ти у мене зі школи вистрелиш! Ясно?*

- *Ясно,* - потупив взор, отвечает Алик.

- *Гаразд,* - еле сдерживая себя, подытоживает директор, и Алик садится на место.

От серьёзных последствий Алика скорее всего спасло то обстоятельство, что он всё-таки племянник Андрона Марковича.

…Варвара Александровна проводила свои уроки украинского языка и литературы без особых потрясений. Она умело лавировала между излишней суетой по поводу слабой дисциплины на уроках, как это делали Галина Никитична и особенно Яков Тимофеевич, и твердостью характера при решении множества проблем, возникающих у любого классного руководителя. Но и Варвара иногда срывалась от наших выходок. Допекал ей много раз и я своим несдержанным, крайне раздражённым, нервным поведением. Попил кровушки я у Варвары, о чём искренне сожалею до сих пор.

Однажды на её уроке чем-то увлечённо баловался Ваня Корж, При этом на передней парте, перед самым её носом.

- *Корж, дай сюди те, що в тебе в руках, швидко!*

- *Не дам,* - упрямится Корж.

Нервы у Варвары не выдерживают, она заходит к нему с тыла, развернувшись спиной к классу, и пытается вырвать у Ивана из рук игрушку. Тот не отдаёт и силится спрятать предмет под парту. Варвара злится пуще прежнего, нагибается над Коржом ещё ниже, так что всему классу открывается во всей красоте нижняя часть её, так сказать, dessous. Предмет из рук Коржа Варвара всё же выхватила, а её позу на следующий день тонкая юмористка Паша Комар прокомментировала следующим образом:

- *Якби не Корж, то так би ніхто і не побачив нових рейтузів у Варвари.*

В следующий раз под самый конец урока Корж вдруг как заорёт радостным голосом:

- *Ой, а що я знайшов на 203-й сторінці!*

Все мы тут же стали лихорадочно перелистывать сборник упражнений по украинскому языку. Упражнения состояли, как правило, из отдельных предложений, взятых из произведений украинских классиков а также современных писателей и поэтов. Так вот на 203-й странице одно из предложений, демонстрировавших употребление в украинской речи междометий, гласило:

- О! Моя Варвара золота жінка!

А нам не подай! Сейчас не помню, как был наказан за эту выходку Корж, но конец урока поднял нам настроение и испортил его у Варвары Александровны. Запомнились мне до сих пор её некоторые примеры из поэтических произведений, которые она нам приводила, поясняя тот или иной материал:

Скресне крига на Дніпрі,
Стихне громовиця.
Блисне променем зорі
У степу криниця.

Или такой пример:

Благословен же той,
Хто від грози не никне,
І пісня, що летить
До радісних небес.

Сидящий впереди меня Вася Бондарец вдруг заинтересовался этим примером и тянет вверх руку.

- *Що таке, Бондарець?*

- *Варваро Олександрівно, а хто це такий Жетой, хто від грози не никне?*

Варвара улыбается и терпеливо объясняет:

- *Такого героя як Жетой насправді немає. Ти, Бондарець, перепутав власне ім'я з часткою «же» та займенником «той».*

А в нашем классном лексиконе появился мифический герой Жетой, хорошо хоть Васю Бондарца так не прозвали.

Корж перед самым новым годом «отличился» и на уроке русского языка у Веры Макаровны. Он устроил у себя на парте что-то вроде миниатюрной новогодней ёлочки. А вместо игрушек навешал на неё множество мелких кусочков из промокашки. Не обращая внимания на учительницу, Ваня возится и возится с этой ёлкой, отвлекаясь от урока сам и отвлекая других учеников. Вера Макаровна долго терпела такое нахальство прямо на передней парте у её стола, думала, что Ваня опомнится сам. А потом с присущей ей строгостью и выдержкой внушительно сказала Коржу:

- *Спрячь сейчас же игрушку, не то я её вышвырну вон из класса вместе с тобой! Ты понял?*

- *Понял,* - угрюмо протянул Корж и тут же убрал своё творение под парту. Шуток Вера Макаровна с собой не допускала, это не Мария Филипповна или Яков Тимофеевич и даже не Варвара Александровна. Она никогда зря не суетилась. Изучали мы в 6-ом классе повесть А. С. Пушкина «Дубровский». Вера Макаровна читала нам на уроках вслух главы из повести сама и нас заставляла читать. А читала она великолепно! Перед нашим взором вставала зелёная дубрава, а в ней разбойники, предводимые молодым Дубровским, которого так обидел Троекуров, а он, дурак, взял да и влюбился в его дочь. Вера Макаровна читает нам то место из повести, где описывается роскошный обед у Троекурова, на котором обсуждается вопрос поимки разбойника Дубровского. Там у Пушкина есть один пассаж, где какой-то помещик пьёт вино и затем закусывает жирным куском кулебяки. Учительница прерывает чтение и задает нам вопрос:

- *Дети, а кто из вас знает, что такое кулебяка?*

Все молчат. Никто эту кулебяку не то что не ел, а даже в глаза не видел. Тем более в такие тяжёлые послевоенные годы. Вопрос повис в воздухе. И тогда Вера Макаровна говорит классу:

- *Ну хорошо, если вы не знаете, то я вам и говорить не стану, что это такое, а то вы все тут же захотите кушать кулебяку и не будете думать об уроке.*

Вот так она пощадила наше голодное воображение, и мы каждый на свой лад представляли себе, что же всё-таки это за загадочное блюдо кулебяка.

…А тем временем приблизился новый 1951-й год. Наступала вторая половина двадцатого столетия. Первая половина оказалась такой страшной для нашего народа, - революции, войны, голод, холод, нищета. Какой же будет вторая половина? Все ждали и надеялись, что она окажется намного лучше первой половины. Под новый год к нам в класс зашёл на перемене Никита Петрович Носенко. В 6-ом классе у нас он ничего не преподавал, но и он, и Домаха Павловна часто к нам заходили по понятным причинам – здесь учился их единственный сын Виталий. Никита Петрович поздравил нас с наступающим новым годом и добавил:

- *Діти, не забудьте, що ви вступаєте в другу половину 20-го століття. Хай щастить вам. Я бажаю вам, щоб ви всі дожили до 21-го століття. Надіюсь, що ви станете гідними людьми нашого суспільства і будете жити при комунізмі, який побудуєте власними руками.*

Бедный Никита Петрович! Он не мог, конечно же, знать, что коммунизм построен не будет, что жить мы будем так же плохо, как и тогда, что до начала 21-го века доживёт и он сам, а вот его сын Виталий, увы, не доживёт.

…Ну вот теперь в самый раз вспомнить наше прославление Иисуса Христа с Вифлеемской звездой, о котором я чуть было на написал относительно 1950-го года. Нет, это событие относится к Рождеству 7-го января 1951-го года. Мы, жившие по соседству, собрались вчетвером - Ваня Стеценко, Митя Босненко, Коля Шерстюк и я. С древних времён парни ходили со звездой по селу и славили в хатах крестьян рождение Иисуса Христа. В годы советской власти эта старая православная традиция находилась под строжайшим запретом. Давно уже никто не ходил по хатам со звездой и божественным песнопением во славу только что родившегося спасителя мира. Правда, так называемые колядки сохранились, и мы и раньше ходили по ближайшим соседям колядовать, но такие хождения носили скорее всего светский, но отнюдь не религиозный характер. Об этом знали и директор школы, и учителя, и другое сельское начальство. Поскольку наступили трудные годы, а колядки приносили нам хоть кое-какой «доход», главным образом в виде чего-нибудь съестного, то школа смотрела на такие нарушения атеизма сквозь пальцы. Но наши родители подсказали нам идею возобновления славословия Христу со звездой, и мы отчаянно согласились. Затея по тем временам насколько дерзкая, настолько и опасная. За такие вещи в 1951-м году могли поплатиться не только мы, но и наши родители. Но ведь и «доход» обещал быть посолиднее орешков, самодельного печенья (коржиков), окрашенных красными полосками самодельных же конфет и пр. Люди, безусловно, будут открывать двери своих жилищ для Рождественской звезды. Все ещё верили тайком в Бога, не всё ещё было вытравлено из людских душ. Мы начали интенсивно репетировать подсказанные нам родителями три основные рождественские песни. Одну из них я помню до сих пор:

Рождество твоё Христе Боже наш
Воссияв миру и свет разума.
Небо со звездою свтящейся
Звездою у чаши вся.
Тебе склоняйтеся солнцу правды
И тебе ведити с высоты Востока
Господи, слава тебе!
Господи, слава тебе!

Во второй песне темп такой же замедленный, благопристойный, торжественный, а в третьей радость уже льётся через край, темп убыстряется, после чего следует мажорный финал.

Отец Мити Босненко Михаил Самсонович (брат портного Василия Босненко, клиентом которого числился наш учитель Порфирий Игнатьевич) как мог смастерил звезду из подручного материала и обоев, купленных на базаре в Высших Верещаках. В центре звезды на её лицевой стороне, как и полагается, иконка с изображением святого лика пресвятой богородицы Девы Марии с младенцем на руках. Естественно, все приготовления проводились без лишней огласки, а то чего доброго мероприятие могло бы быть сорвано, даже не начавшись. И вот наступил день Святого Рождества. Мы берём звезду и отправляемся в путь, - что уж Бог даст. Первые «сеансы» прославления Христа апробируем по очереди в собственных хатах (генеральная репетиция в костюмах!). Родители осуществляют последние корректировки. Дальше всё пошло хорошо. Нас пускали в дом даже те хозяева, которые вечно отвечали отказом на просьбу о благословении колядовать. Бывало подойдешь к окну и громко, так чтобы было слышно в хате через двойные стёкла, крикнешь:

- *Благословіть колядувать!*

В ответ:

Нема вам чого давать!

Или:

- *У нас уже колядували!*

А тут ведь своеобразная форма просьбы:

- *Благословіть Христа славить!* - и тычем звезду прямо в окно. Открывают!

В наших карманах зашуршали рубли, трояки, даже пятёрки! О последствиях не думали. А ведь завтра об этом будет знать всё село, вся школа! С подачи учителей все будут над нами смеяться, нас будут прорабатывать на собраниях и т. д. Мы «обработали» кусок нашей Дидызны до поворота возле усадьбы Жовнировича-Сируна (прости Господи!) Кстати, Сирун был заядлым колхозным активистом, хотя в партии не состоял, так как находился некоторое время в плену и чудом спасся от советского концлагеря, теперь же компенсировал свою преданность советскому строю бурной, активной деятельностью. Но тем не менее он широко открыл нам двери своего дома и щедро одарил нас подарками и деньгами. Жил Сирун в то время неплохо. Затем мы «триумфально» прошли по всей Хмаривке, и, замкнув круг, уже когда стемнело, довольные возвращались к дому Мити, чтобы там отдохнуть и поделить вырученный «доход». И здесь у самого его дома, в темноте встретили…кого бы вы думали? Галину Никитичну Синченко! Больную, живущую почти что без сердца, бедную и несчастную учительницу, которую такие как Корж и ему подобные просто загоняют в гроб. Ну ладно бы встретился Коваленко или Койда, ну ещё там куда бы ни шло Алексей Трофимович Павловский или на худой конец Николай Григорьевич Коцур, им бы и карты в руки. Пусть уж ругают, как хотят. А Галине Никитичне пройти бы рядом в темноте, вроде бы ничего и не заметить. Куда там! Послышался требовательный приказ:

- *А ну, хлопці, підождіть. Це що таке? Як вам не соромно? Бач, чим ви займаєтесь! Ну стривайте ж! Так, це, значить, хто тут у нас? Ага! Босненко, Шерстюк, Стеценко.*

А потом стала пристально-пристально всматриваться в темноте в мое лицо, которое я наивно пытался спрятать за святым ликом Девы Марии с Иисусом Христом на руках.

- *Ясно! І Соколовський. Ну від тебе, Гриша, я ніяк цього не чекала. Який сором! Який сором! Ну що ж, готуйтесь до зустрічі з Григорієм Михайловичем, як прийдете в школу.*

Вряд ли стоит говорить о том, что вечер святого Рождества был для нас полностью испорчен. Мы вмиг опомнились и поняли, что натворили.

Когда 11-го января я пришёл в школу, там уже все обо всём знали. Здесь, в общем-то, винить Галину Никитичну и не стоит. Шило в мешке не утаишь. Но странное дело. Меня немного пожурила на классном часе Варвара Александровна, отпустил пару шуток далёкий от идеологии Василий Васильевич, опять вернулась к этой теме на уроке географии Галина Никитична, а вот «Голуб» и Андрон Маркович «на ковёр» не вызывали. Не тронули они и остальных моих напарников (все они учились в 5-ом классе). Наверно, руки не дошли. Инцидент заглох по мере отдаления Рождества в прошлое сам по себе. Не исключаю и такого поворота событий, что о наших похождениях со звездой узнала среди прочих людей и набожная Лукия Андреевна Койда, которая недвусмысленно предупредила Андрона Марковича, чтобы он нас лучше не трогал, а то будет тебе, Андрон, очень худо. Всё могло быть.

…Итак, мы закончили изучать историю древнего мира и на некоторое время избавились от «Голуба». Теперь он появится у нас 1-го сентября 1951-го года, чтобы вести в 7-ом классе уроки Конституции СССР и УССР. А сейчас мы переходим к изучению истории средневековья, и эту нелёгкую задачу взвалил на себя Яков Тимофеевич Чупринюк. Ну что делать, - не наградила природа Чупринюка даром педагога. Чтобы он ни предпринимал, какую бы методику ни использовал – ничего путного у него не получалось. Вид у него всегда был растерянный, он сильно нервничал, пытался удержать дисциплину на уроках любой ценой, но это ему не удавалось. И чем сильнее Яков Тимофеевич на нас кричал и «прижимал нас к ногтю», тем разболтанней становились мы на его уроках немецкого языка и теперь вот истории. Особенно переживал Чупринюк, если кто-то во время ответа с места пытался каким-то образом открыть учебник и заглянуть в него. Ещё хуже он себя чувствовал из-за подсказок отвечающему у доски ученику с места. Его взгляд метался по классу, затем Яков Тимофеевич срывался с места и прямо-таки бежал поближе к подсказывающему, чтобы

поймать его по грячим следам, с поличным. В это время в передней части класса вслед ему ученики корчили рожи. А сидевший на первой парте Ваня Корж вставал во весь рост и наклонялся над лежащим на столе классным журналом, высматривая в нем оценки. Потом поворачивался лицом к классу и сообщал нам результаты добытых им «разведданных»:

- *Євсеєнко! Двойка!*
- *Козиренко! Три!*
- *Петя! У тебе тоже двойка!*

Тогда Чупринюк оставлял прежнюю жертву в покое и набрасывался на Коржа:

- *Корж! Вийди с класу! Вийди з класу!*

Корж:

- *Пробачте, Яків Тимофійович, я більше не буду!*

Чупринюк:

- *Не пробачаю! Вийди з класу! Іди до Григорія Директорови…, пробачте, до Григорія Михайловича, нехай він дасть тобі дозвіл бути присутнім на уроці.*

Корж упирается, не хочет уходить из класса. В классе становится шумно, страсти накаляются. Управление занятиями потеряно. К тому же Яков Тимофеевич в крайней степени волнения полностью переходит на западно-украинский диалект:

- *Куди мав сі дивиш? Куди дивиш?*

Темы уроков излагал скучно, сбивчиво, не интересно, сухим языком. Мы слушали его невнимательно, учитель психовал, отсюда и результат - такой интересный предмет как историю средневековья мы знали плохо и, откровенно говоря, не любили её из-за Чупринюка.

Ещё одна беда свалилась на несчастную голову Якова Тимофеевича. Мы обнаружили на находящемся за нашими спинами большом окне класса, что пружинящий стержень на раме, служащий в качестве элемента жёсткости, внизу не закреплён. Если его оттянуть вперёд на себя, затем дёрнуть чуточку вниз с таким расчётом, чтобы он зафиксировался своим нижним концом на верхней части подоконника, то стержень, стремясь снова занять своё первоначальное положение (отпружинивание!), будет постепенно освобождаться от фиксации, прокладывая себе обратный путь по поверхности подоконника и выедая при этом на ней уродливую бороздку. Как только стержень вырывался на свободу, он начинал неистово вибрировать. Создавалось впечатление, что за окном вдруг застрочил крупнокалиберный пулемёт. Вы, друзья мои, должны хорошо помнить эту зловещую шутку с «пулемётом». Стреляли мы этим стержнем в основном на переменах, но потом «военный совет» класса решил устроить «перестрелку» на уроке Чупринюка. Ближе к появлению учителя в классе стержень был аккуратно «перезаряжен» в боевое положение. Рядышком с ним сидел за задней партой Вася Скрипник (Никитич) и наблюдал за медленным сползанием стержня по поверхности подоконника к критической точке. В случае заклинивания Вася должен был принять соответствующие меры для его ликвидации. Все остальные с напряжением ждали «начала военных действий». Выстрел прогремел примерно в первые десять минут урока. Яков Тимофеевич испытал шоковое состояние. Во-первых, он, ничего не подозревая, очень испугался, а во-вторых, и конкретного виновника-то нет. Окно вроде бы само «выстрелило». Кошмар для учителя и садистское наслаждение для нас. В дальнейшем «стрелять» больше не пришлось, - Яков Тимофеевич забил тревогу да и стержень выел на подоконнике такую глубокую борозду, что его нельзя было уже зафиксировать для очередного «залпа». Стержень оставили в покое, и лишь страшная «калёвка» на подоконнике осталась как напоминание о нашем неистощимом желании посильнее насолить Якову Тимофеевичу.

Или вот такой эпизод: на уроке истории, - у доски отвечает Володя Козыренко. Отвечает неплохо. Вдруг Яков Тимофеевич резко его обрывает, поднимается со стула и устремляет свой тревожный взгляд на Юру Хмару:

- *Досить, Козиренко! Хмара! Продовжуй, Хмара! Тихо! Куди дивиш? Продовжуй, Хмара!*

А Юрий набил как раз полон рот хлебом и никак его не проглотит, чтобы можно было говорить.

- *Км-хм-у-у,* - мычит Юрий, давясь и от хлеба, и от смеха. Мы тоже все смеёмся. А Чупринюку не до смеха:

- *Вийди! Хмара, вийди з класу! Козиренко, продовжуй, а ти, Хмара, вийди з класу! Не пробачаю, вийди!*

Проглотив, наконец, хлеб, Юрий медленно, неохотно покидает класс. Но всё нарушено - Козыренко забыл, о чём он говорил, мы шумим, Чупринюк забегал по классу, Корж полез в журнал и показывает нам на пальцах отметки. С большим трудом Чупринюку удаётся снова восстановить порядок на уроке:

- *Прамо, немає у вас совісті. Сидіть тихо! Ми марно потратили багато часу. Тихо!*

…В середине 3-й четверти моё отвратительное поведение на уроках достигло крайнего предела. Являлось ли это результатом разгильдяйства или, может быть, пубертатного психоза, - я не знаю, но мне всё надоело, опротивело, я невзлюбил не только Варвару, Чупринюка, Коваленко, Галину Никитичну, Алексея Трофимовича и особенно старшего пионервожатого Николая Григорьевича, но и самого себя. Всех и вся к чёрту! Не буду учиться! Бросаю школу! Если зимой 1947-го года пришлось бросать школу из-за невыносимых мучений от голода, то теперь, хотя тоже всё ещё жилось не сладко, школу оставлять я вознамерился по дурости. Всё! Решено! В школу не хожу, катаюсь на лыжах, грубо разговариваю с матерью, мать плачет, но ничего не может со мной поделать. Тем временем, недели две спустя, мать , естественно, вызывают в школу. Почему ваш сын не посещает занятий? В чём дело? Матери нечего ответить и ей стыдно за мои поступки. Физрук Алексей Трофимович, натерпевшись от моих выходок на уроках физкультуры, высказал матери всё, что у него накопилось в душе. «Серко» же пригрозил, что если я не приду в школу, то меня приведут туда силой (пугал), а мать арестуют. Здесь он лукавил. Если бы я не стал посещать школу, директор теперь бы уже ничего со мной не сделал. Хотя семилетнее образование и считалось обязательным, мой возраст приближался к тому пределу, за которым «Голуб» позвал бы меня к себе в кабинет не по вопросу дальнейшей учёбы, а по вопросу её быстрейшего прекращения. То, что директор всё-таки не мытьём так катаньем заставил меня, наконец, вернуться в школу, - я объясняю лишь только тем обстоятельством, что я неплохо учился. Иначе бы он со мной столько не возился. Ничего другого не могу здесь высказать «Голубу» кроме огромной благодарности. Ну что ждало бы меня в жизни, если бы я остался на уровне 5-го класса? Даже страшно подумать. Но это сейчас, а то было тогда. Все мы сильны задним умом. В первой половине 3-й четверти я как побитый пёс снова появился в своём родном 6-м «а» классе. Зла мне никто не поминал.

Примерно в это же самое время в нашем классе не всерьёз, а в шутку появилась сатирическая стенгазета «Колючка». Вспомнили, мои дорогие друзья? Это помимо основной официальной стенгазеты, которая регулярно и не очень регулярно вывешивалась в классе на видном месте. Я сейчас не могу сказать, кто входил в состав редколлегии, избираемой по рекомендации Варвары, но то, что в этом составе постоянно находился Коля Гончаренко - вне сомнений, потому что он очень хорошо рисовал. Как-то стихийно, от нечего делать и был написан и разрисован этот, с позволения сказать, «боевой листок», - не легитимная «Колючка». Какой в ней помещался материал, теперь нельзя уже вспомнить, но точно знаю, что под рубрикой «Загадки» создатели газеты втиснули загадку-шутку оскорбительного характера в отношении Маши Коцур. Загадка составлялась таким образом, что если читать сверху вниз первые буквы каждой строчки, то получалось слово «Пацюк». А это ведь обидная кличка Маши. Мы все как дурачки хохочем, а Маше впору плакать. За этим занятием и застала нас на перемене Варвара. Маша в слезах пытается ей объяснить, что её в газете горько обидели, а Варвара никак не возьмёт в толк, в чём же именно заключается обида:

- Яка ж тут може бути обіда? Адже пацюк це цікавий представник тваринного світу. Що правда це гризун, шкідник, але ж тварина в загадці – це чудово придумано!

Понятное дело, - Варвара не могла знать этого прозвища и поэтому с таким убеждением защищала крысу в присутствии плачущей Маши Коцур. С другой же стороны Варвара быстро смекнула, в чём тут дело, и решила превратить нашу затею в полезную инициативу учеников вверенного ей класса:

- А чому б нам насправді не випускаць гумористично-сатиричну стінгазету «Колючка», так би мовити, офіційно, для всієї школи?

Идея была подхвачена, и до конца учёбы в 6-м «а», а затем и вначале занятий в 7-м «а» классах выпускалась, правда, не так часто, наша «Колючка». Она вывешивалась или в вестибюле, или по теплу на располагавшемся во дворе школы газетном стенде, чтобы её могла читать вся школа. Там Коля помещал свои карикатуры на лодырей, нарушителей дисциплины, курильщиков, сквернословов и прочих нерадивых учеников не только нашего класса, но других классов. Если бы «Колючка» появилась чуть раньше, то в ней, наверняка, была бы помещена карикатура, в которой без особого труда можно было бы узнать ученика Гришу Соколовского с Вифлеемской звездой в руках. Но, как говорится, закон не имеет обратной силы.

…Вначале 4-ой четверти в классе произошло событие, в результате которого ученице Оксане Лихненко пришлось навсегда оставить школу. Оксана считалась посредственной ученицей, - училась не очень хорошо, но не так уж и плохо. Мне Оксана запомнилась физически крепкой, выносливой, гордой и независимой девочкой. Она мало кого боялась и не давала себя в обиду никому. На одной из перемен кто-то из ребят, никак не могу вспомнить, кто это был, вступил с Оксаной в перебранку. Затем словесная дуэль перешла в кулачную потасовку. Нам мальчишкам-дуракам следовало бы защитить девченку, как-нибудь развести драчунов или на худой конец не вмешиваться. Вместо этого человек 6, в том числе и я, стали не то чтобы колотить Оксану, но во всяком случае грубо отталкивать. Кое-кому досталось и от неё, но сбросить в кучу шестерых буйволов, какой бы сильной она ни была, невозможно. К тому же кто-то из нас (клянусь, не я) нахально полез руками туда, куда не надо. Оксана взвизгнула. Легко себе представить, какой оборот могло приобрести это дело. Только плач Оксаны нас отрезвил и, слава Богу, вовремя остановил. Прибежала кем-то извещённая бледная как мел Варвара, она с трудом успокоила Оксану, затем удалила всех из класса и долго с ней говорила. Содержание той беседы мне неизвестно. Оксана ушла домой и больше в школе её никто не видел. Ещё раз слава Богу, что это был только какой-то глупый порыв, а не насилие в чистом виде. Оказалась Оксюта во всё том же Донбассе. Там она вышла замуж за шахтёра (как похожи друг на друга судьбы многих наших соучениц!). Иногда я видел Оксану с мужем, когда они приезжали на побывку к её родителям. Я здоровался с Оксаной, но подробных бесед между нами никогда не было. После выхода Оксаны и Василия на пенсию ими была куплена в Цветном на Гуливке хата, в которой они живут и по сей день, оставив жильё в Донбассе, по всей видимости, детям и внукам. Оксана и сейчас ещё крепкая, моложавая женщина с гордо поднятой головой. Летом 1999-го года мне часто доводилось их видеть в Цветном.

…А что же наш уважаемый физрук Алексей Трофимович Павловский? Ведь после того как уволился его коллега Виктор Григорьевич, он остался один на всю школу. Но одиночество Алексея Трофимовича продолжалось недолго. Вскоре ему на помощь пришёл трудиться по совместительству работавший в детдоме физруком Григорий Исаакович Деревянко, - очень энергичный и ловкий малый, как и все физруки в ту пору участник войны. Именно благодаря Григорию Исааковичу в школе приобрела широкую популярность игра в волейбол. Правда, её пытался организовать и Алексей Трофимович. Но что мог предложить физрук, сам не умевший играть в эту игру? Это равносильно тому, если бы живущий в тёплых краях и бегающий босиком человек задумал организовать сапожное производство. Я видел, как Павловский играл в волейбол. Он неуклюже

поворачивался за мячом, как медведь за воробьями, топтался вокруг самого себя, смешно подставляя руки ладонями вверх с растопыренными пальцами навстречу летящему мячу. Естественно, такая игра не могла воодушевлять учеников и звать их на волейбольную площадку. Другое дело Григорий Исаакович. Первым делом он подобрал ребят, которые мало-мальски умели обращаться с мячом, и начал их потихоньку тренировать. К весне 1951-го года в нашей школе были сформированы по крайней мере две неплохие волейбольные команды. Они состояли главным образом из учеников 6-х и 7-х классов. Девочки в волейбол, к сожалению, не играли. Если вы помните, дорогие друзья, в командах играли Миша Филоненко, Андрей Кучеренко, Володя Храпачёв, Володя Восвилов (с хутора Гненный), Жора Сиденко, из 6-х классов наши Володя Гончаренко и Паша Просяник, Вася Жижкун, Ваня Островерхий, Володя Суржко, Гриша Вернигора. Я не играл, потому что меня не допускали. А если бы и допустили, то у меня получалось бы ещё хуже чем у Алексея Трофимовича. Но я любил наблюдать за игрой других. В одной из команд часто играл и сам Григорий Исаакович. Он же являлся и судьёй а также тренером в одном лице. Когда он судил матч, то на весь школьный двор были слышны его судейские решения. Во рту у судьи мне запомнился свисток золотистого цвета, в который он свистел и выкрикивал:

- *Вжить! Мяч направо!*
- *Вжить! Мяч налево!*
- *Вжить! Очко!*
- *Вжить! Потеря подачи!*
- *Вжить! Не стрелять! Играем на три паса!*

Под «стрельбой» подразумевался один удар через сетку на сторону противника без розыгрыша на подготовку атаки. Или бывало Григорий Исаакович командовал:

- *Рассчитывайте на силу природы!*

При этом он имел в виду направление ветра. Но, как мне помнится, команды играли почему-то без перехода после выигрыша подачи. Я не думаю, что Деревянко не знал правил игры. Это исключалось. Может быть, он этим самым просто нивелировал различные уровни подготовки игроков, чтобы игра шла без «стрельбы», тогда она намного интересней. Поэтому в одной из команд под сеткой постоянно находился тщедушный Володя Храпачёв, который или выводил на решающий удар игравшего в центре Григория Исааковича, или же, стоя спиной к сетке, перебрасывал через себя мяч на сторону противника. Иногда я видел в игре и Василия Васильевича Лобача! Да-да! Неважно, что мал ростом, что горбатый, но, находясь на центральной позиции или на задней линии, он умело приседал и выдавал такие «свечи» на приёме мяча, что залюбуешься. Вот каким был наш Василий Васильевич! Играя, он ещё и шутил, подбадривал партнёров по команде и подразнивал соперников. Я всё это видел собственными глазами и слышал собственными ушами. Григорий Исаакович проводил уроки физкультуры и в нашем классе вместо иногда отсутствовавшего Алексея Трофимовича. Гонял он нас в хвост и в гриву, при этом и сам нёс максимальную нагрузку. После собственной команды «Бегом марш!» устемлялся впереди нас, построенных в колонну по два. Затем Григорий Исаакович быстро взбегал на бум, останавливался на нём, разворачивался к нам лицом и подавал команду:

- *Правая колонна по эту сторону бума* (показывает рукой, по какую сторону), *-а левая по эту сторону по одному бегом марш!*

Мы пробегаем цепочкой под его взором по обе стороны бума, а он стоит наверху, указывая нам рукой, куда бежать, как изваяние, как зовущий на подвиги вождь. Тогда многие старались копировать вождя. Очень энергичный был физрук! Алексей Трофимович казался нам по сравнению с ним прямо-таки «генералом Топтыгиным». Уважаемый Григорий Исаакович Деревянко живет в Цветном и поныне. Прыть, правда, уже не та, что была тогда, но ещё очень крепкий старикан, дай Бог ему здоровья!

…Пришла предпоследняя весна нашего беззаботного пребывания в стенах родной школы, - весна 1951-го года. Начались работы на школьном опытном огородно-полевом

участке. Участок площадью около одного гектара был поделен на несколько грядок, примерно половина участка отводилась под огород директорской семьи. На этом огороде я часто видел копавшуюся в земле Ольгу Мусиевну а также школьных уборщиц. Грядки распределялись между старшими классами, и наша задача заключалась в их обработке, - вскопать, посадить те или иные культуры, полоть, поливать и пр. Всеми работами на грядках управляла Галина Никитична Синченко (ведь она преподавала ботанику!). Во время описываемых здесь событий всю страну охватила нешуточная кампания-лихорадка по выращиванию загадочного растения кок-сагыз, якобы служившего по утверждению одного из идиотов-академиков основным сырьём для получения каучука. Помните, в школе висел пропагандистский плакат, в верхней части которого были изображены чахлые зелёные всходы доселе невиданных в Цветном растений, а в нижней части плаката вместо корней в землю мощно врастали автомобильные шины, мячи, подошвы для обуви, ремни и т. д. А надпись гласила:

- *Хочеш знати, що дає країні кок-сагиз, - дивись у корінь!*

И мы смотрели, и мы сажали этот непонятный нашим людям кок-сагыз. Он с трудом пробивался кверху, рос тоненьким стебельком, боялся малейших колебаний температуры, его надо было часто поливать, холить, лелеять. Я глядел на этого доходягу и с трудом верил, что он поможет нам по крайней мере во что-нибудь обуться. Этой же весной школа где-то раздобыла ещё и саженцы елей, их решили посадить вокруг опытного участка, чтобы они там разрастались и стояли на страже директорского огорода как часовые. Но в Цветном ели вообще не приживаются, вернее сказать, растут с большим трудом, и их очень мало. Но тем не менее елочки высадили , а через несколько дней их кто-то вырвал с корнями, чтобы посадить у себя дома. Вначале этих воспоминаний я коснулся этого события, когда ученик 6-го «в» класса Петя Пичкур оставил на участке неопровержимую улику в виде утерянного куска сала для школьного завтрака, завёрнутого в обложку от тетради, на которой красовалась надпись: «зошит для… учня 6-го «в» классу Пічкура Петра». Последовало построение всей школы, вызвали родителей Пети, Петя клялся и божился, что такое впредь не повторится, и умолял дирекцию школы простить его и не выгонять из школы. Простили. Петя остался в школе, правда, не перешёл в 7-ой класс.

…Василий Васильевич пулей влетел в класс, поправил свой чубчик и, не откладывая дела в долгий ящик, приступил к «блицкригу»:

- *Квадрат суми двох чисел? Вільковський!*

Валя Вильковский вообще очень боялся Василия Васильевича. А тут атака с ходу! Внезапный артобстрел! И бедный Валя растерялся:

- *Квадрат, нє-є/ куб, нє-є…квадрат суми, куб суми, квадрат суми двох чисел… Куб! Квадрат! Ку… Ква… Ква.. Ку…*

- *Досить! Досить квакать, Вільковський! Садись! Единица!*

Ошарашенный и удручённый Валентин садится на место. Да к этому времени и так уже было ясно, что вряд ли ему придётся сдавать экзамены за 6-ой и готовиться к учебе в 7-ом классе. Примерно такая же картина как по алгебре вырисовывалась у него и с другими предметами. И действительно, Валентина не допустили к экзаменам, а вместе с ним в компании ещё и Улю Борко, Олю Бутримову а также обоих Василиев Скрипников - Гордеевича и Никитича. Я недоумевал. Ну ладно, Бутримова, - она вообще «не тянула воз», ну Борко, Вильковский и Василий Гордеевич, - с ними тоже всё понятно, как говорится, «ни в жилу». Но почему не допустили Василия Никитича, - не понимаю до сих пор. Он учился гораздо более успешно, чем, скажем, их односельчанин Вася Бондарец или Ваня Корж, Рая Евсеенко. Тем не менее этих допустили к экзаменам. Может быть, потому что Никитич родился в 1935-ом году, так ведь и Петя Гончаренко, который никогда не мог похвастаться хорошей успеваемостью, был его ровесником. Не знаю. А может быть, Вася сам бросил учёбу в школе перед экзаменами? Не помню. Лучше всего было бы сейчас заглянуть в классный журнал 6-го «а» класса за 1951-й год! Как бы там ни было, а мы лишились шестерых наших товарищей (включая и Оксану Лихненко), и осталось нас

ровно 24 человека. Вот в этом составе мы и завершим учёбу в Цветнянской семилетней школе.

…Валентин Вильковский оставил школу навсегда. В 1955-м году он будет призван на службу в армию и прослужит положенный срок в Военно-морском флоте на Балтике.Я с ним встречусь в Цветном осенью 1959-го года как раз после его увольнения в запас (в морфлоте тогда служили 4 года!) и увижу бравого моряка Балтийского флота, - сильного, крепкого, красивого парня. Вскоре к нам в село приедет к кому-то погостить симпатичная девушка из степной части Крыма. Валя влюбится в неё по уши, она в него тоже. Они тут же поженятся и уедут на её родину где-то в районе Джанкоя. Потом я узнаю, что семья Вильковских дружно себе поживает, у них растут дети, Валентин работает в совхозе механизатором. Дай же Бог, чтобы они и сейчас были живы-здоровы и радовались своим детям и внукам.

Ульяна Борко тоже после не законченного 6-го класса в школе не появлялась. Несколько сезонов она проработала, кажется, в каком-то совхозе. На зиму возвращалась в родительский дом над Громадским прудом. Последний раз я видел Улю ранней осенью 1959-го года. Я проходил мимо её двора и случайно увидел бывшую одноклассницу. Мы проговорили не более 15 минут. Следующей весной Ульяна снова подалася в совхоз, там вышла замуж за военнослужащего срочной службы, который после увольнения в запас увёз жену к себе на родину. Следы Ульяны Борко затерялись. Шли годы, десятилетия… В конце августа 1994-го года во время очередного пребывания в Цветном я навещал свою дальнюю родственницу, жившую на улице Кроликовка. Во дворе родственницы я застал женщину лет 70 от роду. Из разговора родственницы и этой женщины я понял, что она является старшей родной сестрой Ульяны. Естественно, я спросил у неё о судьбе её младшей сестры. И она мне охотно поведала о том, что муж увёз, как она выразилась, Олянку на Дальний Восток, в Приморский край. Там Ульяна всю жизнь проработала на кирпичном заводе. Я вот только забыл название города, в котором она живёт и поныне. Мне что-то мерещится, что город называется Артём.

О судьбе Оли Бутримовой, Василия Гордеевича и Василия Никитича ничего не знаю. Ольга, очевидно, направилась в Донбасс, а где в конце концов оказались два Василия, - не могу сказать. Ведь они жили в Ружичеве, а оттуда труднее получить ту или иную справку, чем в Цветном. Надеюсь, что они живы и здоровы.

…Перед самыми экзаменами Варвара Александровна зачитывала перед нами на уроке классного руководителя составленные ею наши характерстики. Кому и зачем они потребовались, ума не приложу. Может быть, Варвара готовила нас к выпуску или они понадобились райОНО, - не ведаю. Факт тот, что мы услышали о себе многое такое, чего никак не ожидали. Но было и такое, что весьма точно отражало черты наших характеров. Варвара оглашает:

- *А ось характеристика на Гришу Соколовського. Вчиться добре, розвинутість вище середньої, швидко реагує на оточуючі його події, упретий, наполегливий. Водночас він буває дуже схвильованим, не слухає вчителів, поведінка заслуговує догани. Взагалі Григорій не стриманий, грубий, нервовий.*

Вот так характеризовала меня классный руководитель в конце учебного года в 6-ом классе. Надо заметить, что характеристику она составила справедливую, заслуженную. Именно таким отвратительным учеником я и являлся, и с такой характеристикой можно было разве что только «выйти за угол». А ребятам не подай. Ведь каждый из нас запомнил негативные пассажи из характеристик своих товарищей. И не только запомнил, но ещё и рассаказал о них своим друзьям из других классов. Вот и пошла обо мне по школе «слава», - дескать, вон «нєрвиний» пошёл. Особенно надоедал и не давал мне проходу Толя Кролик из 6-го «б» класса. Я пришёл к выводу, что необходимо серьёзно брать себя в руки, тем более что на носу учёба в 7-ом классе, не за горами выпуск, а такая характеристика может стать прямой дорогой к четвёрке по поведению и, следовательно, к

«волчьему билету» вместо долгожданного свидетельства. Четвёрку по поведению мне Варвара за четвёртую четверть всё-таки «врезала», и правильно сделала.

Сколько же характеристик ожидало нас всех на нашем жизненном пути! Например, когда я готовился (или вернее сказать меня готовили) к зарубежным командировкам в качестве переводчика, то каждый раз от меня требовалась характеристика. Хоть состоится командировка, хоть не сосотоится - давай характеристику! Этими характеристиками можно было оклеить все туалеты в соответствующем управлении КГБ. Они составлялись в мой адрес такими, что мне можно было смело прикреплять ангельские крылья, - ну прямо святой. Характеристики писали мои друзья из отдела международных связей научно-исследовательского института химического машиностроения каждый раз под копирку от прошлой характеристики. За 23 года моей работы в институте в характеристике не было изменено ни одно слово! Свидетельство того, что система проверок в КГБ оставалась на протяжении длительного времени не только въедливой и пронырливой, но и крайне прямолинейной, тупой и ленивой. Мне самому было противно и тошнотворно читать свои характеристики. Кстати, Советский Союз являлся единственной страной в мире, из которой люди выезжали за рубеж по характеристикам. Да что характеристики! А идиотские собеседования перед каждой поездкой в навеки Богом проклятом режимном отделе с беспринципным чиновником-чекистом с квадратным лбом и проконьяченным затылком! Однажды я имел такую «беседу» с уполномоченным КГБ капитаном Рахмановым (благо, что не Рахманинов). Просвещать меня начал Рахманов с международного положения. А оно на тот период складывалось по его словам о-о-очень напряжённым. Проклятые капиталисты так и норовят, где бы устроить нам провокации, так и шныряют вокруг наших граждан и вынюхивают секреты. Житья от них нигде нет! А я соображаю, куда же это он метит? Ага! Вот он постепенно спускается на землю и переходит к нашей конкретной поездке в ФРГ. А сопровождать я должен был кандидата технических наук, известного в своих кругах специалиста по промышленным центрифугам, моего земляка Дмитрия Евсеевича Шкоропада.

- *Вы знаете, за товарищем Шкоропадом уже давно охотятся агенты иностранных разведок* (разработки Шкоропада никак не были связаны с обороной страны). *Мы должны его оберегать, охранять, поэтому нам всегда необходимо иметь о Дмитрии Евсеевиче информацию.*

Ну вот! А я уже и так догадался, что из меня пытаются сделать стукача. Но как можно «стучать» на человека, которого ты очень уважаешь, с которым постоянно здороваешься за руку при встрече, который честно работает на благо своей страны? Я покрылся холодным потом, а Рахманов продолжает «напевать». Наконец, он ставит вопрос ребром:

- *Так вы согласны оказывать нам помощь в деле информации по Шкоропаду? Заметьте, это же в его интересах, ему на пользу!*

Я промямлил, что подумаю.

- *Подумайте,* - согласился «кум», - *время до поездки ещё есть.*

Я наивно полагал, что обо мне забудут. Сейчас! Через две недели звоночек, зайдите, мол, в «хитрую комнату».

- *Ну как? Вы решили для себя вопрос быть нашим помощником-информатором?*

Я нашёл в себе силы сказать, что не смогу. Поверьте, друзья мои, как тяжело в таких случаях сказать «нет»!

- *Ну хорошо, можете идти,* - вдруг легко согласился Рахманов. И я ушел. После этого я не выезжал за границу около 5 лет. Шла середина 70-х годов. Зато сейчас в глубоко спрятанных архивах КГБ нет моей подписи на специальном бланке, что я являлся тайным осведомителем организации, которую можно смело назвать исчадием ада. Впрочем, мою подпись «исчадие ада» могло без особых усилий и подделать. Просто не было надобности. Бог им судья.

Но я опять-таки отвлёкся. Мы сдаём экзамены за 6-ой класс. На экзаменах, как правило, никто не проваливался, все слабые ученики просто к ним не допускались. На экзаменах по математике за нас очень переживал Василий Васильевич, чтобы его адский

труд не оказался напрасным из-за экзаменационной «лотереи». Он не только переживал, но и всячески помогал нам, понимая, что все его педагогические старания может перечеркнуть какой-нибудь нелепый случай. Поэтому Лобач вытягивал из нас жилы в процессе учёбы и был очень снисходительным на экзаменах, - действовал по суворовскому принципу «тяжело в ученье - легко в бою». Перед тем как войти в класс с экзаменационной работой в конверте, распечатать его и записать условия задач на доске в двух вариантах, он подходит ко мне и тихонько говорит:

- *Зараз я з асистентом зайду в пустий клас і запишу на дошці умови задач та прикладів. Писати буду чіткими великими буквами. А ви не зівайте, ідіть за школу і через заднє вікно вирішайте обидва варіанти задач та прикладів. Ти сам знаєш, хто повинен це робити з тобою. І щоб усі уже знали рішення перед тм, як зайти в клас.*

Затем он лукаво прищурил один и широко открыл другой глаз, шлёпнул меня по-дружески по плечу и весело добавил:

- *Я відчуваю, яку там у конверті нісенітницю зморозили розумці з райВНО. Їм навіть не снилося, які ми тут з вами «бомбили» задачі. А тепер давай, збирай хлопців та дівчат, котрі посильніше, і біжіть за школу. Та нікому ні слова! Чув?*

Василий Васильевич нам доверял! Мы так и сделали. Учитель не успел ещё закончить запись условий задач на доске, а мы их уже решили. Помните, в центре внимания разместился на траве Коля Гончаренко с тетрадкой на коленях и записывал в неё решения. Ему ассистировали Алик Бойко, Паша Комар, Володя Цышевский, Маша Коцур, Володя Гончаренко, ваш покорный слуга - элита класса! Зайдя в класс, все имели при себе решения обоих вариантов. Так мог поступать только Василий Васильевич Лобач, знавший наши возможности и веривший в нас. И мы его не подводили. Другие учителя на такое вряд ли бы отважились. Ещё мне запомнился экзамен за 6-й класс по дорогой моему сердцу географии, в данном случае по зарубежным странам - социалистическим и капиталистическим. Экзамен принимала Галина Никитична, а ассистентом у неё был Никита Петрович. Я взял билет, - в нем географическое положение стран Латинской Америки, их климат, животный и растительный мир, столицы государств. Ну что же, Григорий, вперед! Это твой любимый предмет! Начинаю с самых крупных стран Южной Америки: Бразилия, чуть южнее, в зоне более умеренного климата Аргентина, между ними спрятался в джунглях Парагвай. А вот и крошечный Уругвай в устье многоводной Ла-Платы. А это что за тонкая, длинная полоска через весь континент между Тихим океаном и Кордильерами? Да это же Чили! Теперь назовём и покажем на карте столицы этих государств: Рио-де-Жанейро (это тогда, сейчас же столицей Бразилии является недавно построенный город Бразилиа), Буэнос-Айрес, Асунсьон, Монтевидео, Сантьяго-де-Чиле… Эквадор, Боливия, Венесуэла… Промышленные центры Сан-Паулу, Белу-Оризонти в Бразилии, Винья-дель-Мар, Кордова, Мендоса в Аргентине, Консепсьон, Ранкагуа, Вальпараисо в Чили… Хватит! Галина Никитична в один голос с Никитой Петровичем с трудом останавливают вошедшего в раж и оседлавшего своего любимого конька ученика:

- *Досить, Гриша! Відмінно!*

Вот примерно так сдавали тогда в школе экзамены практически все ученики нашего класса, ну не все - процентов 70.

Все, кто был допущен, успешно сдали экзамены, были переведены в 7-ой класс и томимые радостными и тревожными ожиданиями ушли на последние для нас в этой школе летние каникулы. Наступало лето 1951-го года, до смерти Сталина оставалось менее двух лет, но об этом, естественно, никто не мог знать.

* *
*

Во время последних летних каникул некоторые из нас попробовали самостоятельно поработать в колхозе. Пару недель отработал на уборке урожая и я, как тогда говорили «за матір». То есть, я работал, а бригадир начислял трудодни (по выражению А. Т.

Твардовского «пустопорожние») моей матери, которая в это время убирала рожь на своем огороде. 31-го августа на посвящённый началу учебного года утренник мы явились загорелыми почти что совершеннолетними подростками. Теперь уже никто из нас не бегает, сломя голову, вокруг школы, не лазит по деревьям, как это бывало в младших классах. В построенных Алексеем Трофимовичем и Григорием Исааковичем шеренгах 7-й «а» класс расположился на самом краю правого фланга, дальше нас нет никого, мы самые старшие, и Андрон Маркович в своей традиционной пламенной речи подчеркивает этот факт, указывая рукой на наш класс. На знаменитом крыльце возле «Голуба» и Андрона Марковича а также чуть ниже у крыльца расположились наши дорогие и не очень дорогие учителя. Василий Васильевич Лобач стоит внизу, рядом с «Голубом» он без особой на то надобности никогда не становился. Там же в новом костюме застыл Яков Тимофеевич Чупринюк вместе с принявшей стойку «смирно» Таисией Фёдоровной. Никита Петрович Носенко, Галина Никитична Синченко и Алексей Трофимович Павловский находились, кажется, сверху, оказывая честь директору, Григорий Исаакович как командующий «парадом» должен был находиться, естественно, возле шеренг.Точно помню, что Варвара Александровна Шевченко предпочла остаться со своим классом, она перешёптывалась о чем-то с нашими повзрослевшими и похорошевшими девочками. В 7-м «в» классе новый классный руководитель - Мария Марковна Павловская, наша цветнянская учительница, закончившая Кировоградский пединститут и успевшая отработать по направлению два года в селе Глодосы Ново-Украинского района нашей области. Она же будет преподавать в 7-м «в» русский язык и литературу. А у нас продолжит вести эти предметы Вера Макаровна Замкова, тоже стоящая в группе учителей пока что без синяков от «Канаровского». Митинг закончен, мы знакомимся с расписанием на 1-е сентября, затем Варвара приглашает нас в класс, в ту же классную комнату (тогда не существовал термин «школьный кабинет») за «предбанником», в котором как и в прошлом учебном году будет заниматься наш сосед 7-й «б» класс. Я снова сижу рядом с Лёней Гречкой на той же четвёртой парте у окна. Варвара ещё раз напутствует нас от своего имени. А мы давайте посмотрим, кто где разместился за партами, нарушив при этом традицию переклички по журналу согласно алфавиту. Итак, нас теперь ровно 24 человека. В классе два ряда парт. В правом от учителя ряду, что примыкает к печке, 6 двойных парт, в левом же, что напротив стола учителя, 4 двойные и 2 тройные парты (современные ученики, пожалуй, и не знают, что такое тройная парта). А расселись мы, если мне память хоть на этот раз не изменяет, следующим образом:

Правый от учителя ряд, слева направо:

1-я парта

Володя Гончаренко - Павел Просяник

Володя - скромный, сдержанный, даже немного замкнутый ученик. Любил заниматься спортом, учился неплохо, правда, не отличник, но и не середнячек, очень старательный. На парте, за которой он сидел с Павлом, между досками зияла большая щель. Володя её часто использовал для подсказки тем ученикам, которые «плавали» во время ответов у доски. То есть, он записывал на листке бумаги формулы, правила, стихотворения - целый набор шпаргалок, затем подводил этот лист руками под партой в вертикальном положении под щель, просовывал его в неё верхним концом и потихоньку выдвигал из щели вверх перед носом отвечающего у доски ученика, предварительно закрыв учителю обзор стопкой учебников и тетрадей на краю парты. При этом его лицо принимало настолько невинное, даже скучное выражение, что никогда нельзя было подумать что-нибудь плохое о поведении Володи. При первом же признаке опасности лист мгновенно снова опускался под парту. По-моему, этот приём так никогда и не был разоблачён кем-нибудь из учителей.

Паша Просяник хоть и отличался высоким ростом, крепким телосложением, все же сидел за первой партой по той простой причине, что был близоруким. Очков, как когда-то и Лидочка Полишкевич, Паша не носил - не было их ни у кого из близоруких, разве что

только Мария Филипповна сверкала толстыми линзами в замызганной роговой оправе. Паша учился так себе, - в основном удовлетворительно, был общительным, не задиристым, но вот ни с кем, как мне теперь кажется, особенно не дружил. Да и то правда, он постарше нас и попал в наш класс не так уж давно. Одним словом, Паша Просяник являл собой самого обыкновенного простого ученика.

2-я парта

Коля Гончаренко - Алик Бойко

Коля очень хорошо учился по всем предметам. Мне он видится и сейчас щупленьким, ловким, юрким пацаном. Чёрненький как цыганёнок. Помните, дорогие друзья, Коля ходил в настоящей серой шинельке, сшитой по его росту? Когда он выходил отвечать к доске, то делал это по всем правилам воинского устава, чётко поворачивался как по команде «кругом!», щёлкал каблуками сапог (ну как же, под шинель должны быть обуты сапоги!) и начинал отвечать. В «цирковых номерах» подсказывания своего соседа и однофамильца Коля вряд ли нуждался. Мысленно я называл Колю «Солдатом». Он ещё неплохо рисовал, играл на гармони, занимался фотографией, активно участвовал в работе комсомольской организации школы. В школе Колю Гончаренко знали многие ученики. С нами вел себя нормально. Мы часто над ним подтрунивали. Уже под конец учёбы в 7-м классе Коля удостоился прозвища «Курдупель», так у нас в селе называют людей миниатюрного телосложения. Грешен я, - наш соученик получил кличку с моей «лёгкой» руки.

Алика Бойко можно было по праву считать лучшим учеником нашего класса, да, пожалуй, и всей школы. С Аликом я сдружился очень близко, старался во всём ему подражать, особенно его сильному аналитическому уму. Но ведь ум нельзя ни перенять, ни взять взаймы, ни купить. Ум, выдержку, честность и доброту Алик получил от природы, или как мы говорим, от Бога. Семья Бойко жила в ту пору в относительном достатке. Естественно, Алик меньше других нуждался в куске хлеба, в одежде и пр. Но я не помню с его стороны ни одного случая чванства, чувства превосходства над другими, насмешек (помните Сашу Сиденко, царство ему небесное?). Играл с нами во все игры, участвовал во всех затеях и злокознях, которые мы затевали, очень любил (надеюсь, что и сейчас любит) книги, много их перечитал, хорошо играл (наверно, и сейчас ещё не забыл) на гитаре. Короче говоря, все мы очень уважали этого умного, доброго и порядочного парня. Я лично горжусь тем, что у меня был и есть такой друг.

3-я парта

Юра Хмара - Алик Койда

Юра учился весьма посредственно, но по своей природе был (и остаётся) очень трудолюбивым, целеустремлённым человеком. Тоже хорошо рисовал, особенно лошадей. Вообще у Юры руки выросли в правильном, нужном месте. На уроках бывало ехидничал, тонко подмечая те или иные промашки, недостатки, недочёты учителей. Ведь это никто иной как Юра первым расшифровал когда-то не совсем внятное бормотание Ангелуцы, за которым скрывалась площадная брань. Особенно доставалось от Хмары на уроках немецкого языка и истории Якову Тимофеевичу. Чем только Юрий не занимался вместо того, чтобы слушать и запоминать. То он рисует, то оттачивает карандаш. Кстати, на мой взгляд лучше Юры отточить карандаш у нас не мог никто. Попутно с каким-нибудь занятием он ещё и комментировал вполголоса высказывания Чупринюка. Ну, конечно, и Чупринюк не оставался в долгу и не раз удалял Юрия из класса. А как заразительно Юра смеялся, по-настоящему, от души. С одноклассниками отношения у Юрия были тоже нормальными. Лично мне он всегда симпатизировал, я платил ему той же монетой. У нас были неплохие отношения.

Благодаря своему дяде Андрону Марковичу, Алик Койда пользовался кое-какими привилегиями. Открыто это он не демонстрировал, но об этом свидетельствовали некоторые фрагменты его поведения и поведения учителей. Иногда он позволял себе

нагло игнорировать то или иное распоряжение Варвары, мог не явиться без уважительной причины на урок и пр. Многое сходило ему с рук. По своему характеру Алик являлся таким же упрямцем как и автор этих строк, с той лишь разницей, что у последнего не маячил за спиной могущественный дядя-завуч и не было в отличие от Алика отца. Учился Койда, я бы сказал, неплохо, но и лодырничал прилично. Вел же себя с нами всеми по-дружески.

4-я парта

Маша Пасечник - Паша Комар

Здесь сидели две хорошенькие девочки - отличницы в учёбе и поведении. Скромные, умные, симпатичные, - они не вызывали у нас антипатий, как это часто бывает с отличниками и отличницами, потому что и Маша, и Паша отличались к тому же добротой и порядочностью. В силу своего характера Маша вела себя посерьёзней, а вот Паша была озорной девочкой с тонким чувством юмора. С Пашей мы были близкими соседями - жили на одной улице, летом вместе выгоняли на пастбище наших коровушек. К Паше я не испытывал любовных чувств, хотя она подрастала стройной, длинноногой девченкой с черными как смола волосами и карими весёлыми глазами. Машу и Пашу учителя и особенно Мария Филипповна всегда ставили нам всем в пример. И это справедливо.

5-я парта

Петя Гончаренко - Юра Близна

Петя носил куртку - не куртку, пальто - не пальто босненкивского покроя из такого же румынского шинельного сукна как и сталинский «картуз» Порфирия Игнатьевича. Шагал Петя отвечать к доске, не спеша, вперевалочку, у стола учителя медленно разворачивался, откашливался, облизывался и лишь после этого начинал отвечать урок. Ответы лепил «от фонаря», мямлил, но никогда не признавался, как, например, в свое время Уля Борко, что не выучил урок, и тем более никогда не сдавался на милость учителя. Врал же Петуня, отвечая у доски, как «сивый мерин», сочинял на ходу. С Петей я особенно не дружил, но отношения наши были вполне цивилизованными.

Юра Близна прямая противоположность Петра. Быстрый, суетливый, вечно куда-то спешащий. Недаром же однажды Алексей Трофимович спросил в сердцах Юру на уроке физкультуры:

- *Ти что, понимаешь, з лісу прибіг?*

С той поры Юра получил прозвище «Лісовик». Близна много читал, быстро не только бегал, но и соображал, в общем учился нормально, но часто не мог как следует собраться, сосредоточить своё внимание. Я был с ним в хороших дружеских отношениях. Ещё Юрий писал красивым, прямо-таки калиграфическисм почерком. По-моему, он входил в состав редколлегии классной стенгазеты.

6-я парта

Володя Козыренко в одиночестве

Володя неплохой парень. Вот только у него проскакивало, по-моему, гипертрофированное чувство собственного достоинства. Во всём он усматривал подвох, насмешку, оскорбление. И тут же начинал грубо защищаться, отгораживаться, уединяться. Прочные дружеские связи с кем-нибудь Володю, кажется, не одолевали. Он всегда соблюдал некую дистанцию. Это подтвердится и позже, в 1954-м году, когда судьба снова сведёт меня с ним вместе в школе ФЗО № 7 в городе Днепродзержинске. Учился Козыренко на «хорошо» и «удовлетворительно», особых хлопот учителям не доставлял. Мне вообще-то нравилась его выдержка, которой я, увы, похвастаться не мог. Жили мы тоже, можно сказать, по соседству, и это нас всё же как-то сближало.

Левый от учителя ряд, слева направо:

1-я парта

Ваня Корж в одиночестве

Я уже много раз вспоминал и добрым и не совсем добрым словом Ваню Коржа, так что вряд ли можно ещё что-либо добавить. Мне кажется, что Корж плохо учился не из-за слабых умственных способностей. Способностей у него хоть отбавляй. Просто человеку не хватало усидчивости, старания, прилежания, может быть, даже силы воли, чтобы учиться поприличней. В то же время Ваня обладал такой прытью, ловкостью, изворотливостью, находчивостью и смелостью, что этого всего хватило бы с лихвой на всех учеников класса, а досталось одному Коржу. Он ухитрялся не только посмотреть в присутствии учителя отметки в журнале, чтобы потом сообщить их дальше по дистанции, но и поставить себе не заработанные отметки. Ставил он себе обычно тройки. Более высокие оценки могли бы его скомпрометировать. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь в нашей школе после Коржа сумел повторить этот «успех». Скорее всего рекорд остаётся не побитым. Одним словом, Ваня Корж мог бы смело называться нашим классным Василием Тёркиным. Поскольку он сидел за партой один, то при решении контрольных работ, состоявших из двух вариантов, мог выбирать тот вариант, который по его мнению был полегче или который можно было с учётом его прыткости списать у сидевших позади него Толи Березовского или Виталия Носенко. Ещё один момент вспомнился мне, который связан с одиночеством Коржа за партой. Василий Васильевич Лобач редко садился за стол из-за невыгодной, так сказать, не эстетической позы, поэтому он ловко подскакивал и садился спиной к своему столу прямо на верхнюю часть коржевской парты. А рядом, только уже на нижней её части располагался Ваня, который на уроках Лобача вёл себя на удивление тихо и покорно.

2-я парта

Толя Березовский - Виталий Носенко

Дорогие друзья! Вы могли забыть кого угодно, в том числе, разумеется, и меня, но Толю Березовского, уверен, никто из вас никогда не забудет. Как можно! Толя любил литературу, историю, географию, украинский и русский языки, умел танцевать (искусство для почти что всех нас в ту пору недостижимое), петь, играть на балалайке, гитаре и т. д. Забегая вперед, как я обычно это делаю, скажу, что Анатолий получил диплом учителя русского языка и литературы а также истории. Но это впереди. Толя был в классе общительным, любопытным, дружил практически со всеми. Его часто можно было видеть в обществе девочек, которые Толю любили и обожали, окружая танцора и певца целыми стайками. Помните, ребята, как мы, очевидно, завидуя Толе, даже сложили такое доморощенное двустишие:

Толя між дівчатами
Як півень між курчатами!

Прости, Анатолий! Я тоже часто повторял этот стишок и завидовал тебе. Учился же Березовский весьма неплохо. Да и особых хлопот для учителей не создавал.

А вот Виталий упрямился, где только мог. Ведь знает же урок, а отвечать просто не хочет! Не буду, и всё тут! Сколько нервов потратили на него учителя, и в первую очередь отец и мать, - Никита Петрович и Домаха Павловна. Уж мы с Койдой упрямцы были, но Виталию в подмётки не годились. Вообще-то он был неплохим парнем, только вот характер дурацкий, - как что-нибудь не по его нраву, надувает «баллонетты», и хоть ты его на раскалённую сковородку ставь - ничего не скажет. У меня с ним сложились нормальные, скорее даже дружеские отношения, и мои просьбы или поручения Виталий выполнял без слов.

3-я парта

Володя Цышевский - Вася Бондарец

По моим оценкам Володя был наиболее аккуратным, дисциплинированным, я бы даже сказал, интеллигентным учеником. Учился очень хорошо практически по всем предметам - отличник. Отношение ко всем нам было ровным, спокойным, добродушным. Володя часто улыбался, его сияющая улыбка сейчас перед моими глазами. Он тоже много читал, хорошо разбирался в математике, быстро считал (будущий экономист!). И поведение Володи можно было смело называть безупречным. Один только раз, кажется, ещё в 6-м классе, когда мы на колхозном поле в очередной раз собирали каких-то вредителей-гусениц, он неожиданно даже для него самого сбежал вдруг с группой ребят с поля за арбузами на бахчу (баштан). Оно бы и ничего, да побег совершался как на грех на глазах у самого «Серко». Конечно, Варваре не оставалось ничего другого как «срезать» Цышевскому отметку по поведению за четверть. В последствии эта четвёрка не имела никакого значения. Ну с кем не бывает!

Бравый чубастый ружичанин Вася Бондарец не блистал ни учёбой, ни поведением. Удивительно, но на троечки его всё-таки до 7-го класса дотянули. Позиция Васи за партой располагалась архивыгодно. На контрольных работах он то перегибался над партой, чтобы списать у впереди сидящего Виталия, то поворачивался чуть ли не всем туловищем назад, чтобы заглянуть в мою работу. Василий Васильевич при анализе контрольных работ всегда в таких случаях говорил:

- *Бондарець списав по дистанції. Единица! А Соколовському (*или Носенко) *теж единица, щоб не давав списувать! Можете возражать!*

Со стороны учителя это был правильный методический приём. Работать надо!
Вася был, выражаясь современным засорённым языком, коммуникабельным учеником. На переменах он часто делился со мной куском хлеба (не думаю, что в этом заключалась некая компенсация за списывание заданий). Просто у Васи добрая душа. А хлеб у него, помнится, был белым-белым! Отец Васи работал в колхозе трактористом.

4-я парта

Лёня Гречка - Гриша Соколовский

За Лёней я наблюдал чаще и больше чем за всеми остальными. И знал я его лучше всех, потому что просидел с ним за одной партой не один год. По своей натуре Лёня был добрым, честным, старательным, усидчивым учеником. Поведение выше всяких похвал! Один из первых комсомольцев класса! Но он как-то напряженно думал, туго соображал, мучительно искал решения, сомневался в них. Буквально все предметы давались Лёне с большим трудом. И учился он сносно лишь благодаря его тяжкому труду, невероятному упорству, каменной усидчивости. Вот бы Лёне напор Коржа! Но что поделаешь? Каждому своё! К тому же робость и застенчивость так мешали Лёне в его продвижении на более высокие ступени. Поэтому его кипучая деятельность на посту школьного комсомольского вожака являлась по всей видимости одним из способов самовыражения. Не дай Бог давать власть людям с таким характером! Отец Лёни Устин Савич работал одно время в школе не то завхозом, не то плотником, и Коваленко обращался иногда к Лёне на уроке шутки ради по имени-отчеству:

- *Адже ж так, Левко Вустимович?*

Лёня очень смущался и не знал куда спрятаться от стыда. Точно так же «Серко» заигрывал и с Машей Коцур:

- *Так же, Маріє Прокопівно?*

Впрочем, о Маше Коцур речь чуть-чуть впереди.

О себе писать ничего не буду, как-то неприлично. Может быть, вместо меня этим займётся кто-нибудь из вас, дорогие друзья? Был бы очень рад! Пожалуй, я лучше подробно остановлюсь на моей дальнейшей судьбе в послесловии.

5-я парта

Лида Сухая - Зина Шмыголь - Маша Коцур

Лидочка Сухая вполне оправдывала свою фамилию. Худенькая, стройная, сухощавая, но очень симпатичная девочка. Не глупая, с хорошим чувством юмора, добрая, отзывчивая, но слабенькая и физически, и в учёбе. Лида часто болела, пропускала уроки, предметы ей давались с большим трудом. Она нервничала, переживала, ей хотелось учиться получше, но не получалось. Я хоть и не давал ей списывать из своей тетради, всё же у нас с Лидой установились неплохие, дружеские отношения. Особенно мы с Лидой любили потихоньку передразнивать Марию Филипповну. Нам это доставляло огромное удовольствие. Если бы Мария Филипповна могла слышать наши насмешки, она непременно сказала бы:

- *А ну досить насміхатися! Безсьовісні!*

Зиночка Шмыголь - миниатюрная, низенького роста девочка, всё же обладала крепким физическим здоровьем. В отличие от тихой и ласковой Лидочки Сухой Зина отличалась задиристым, можно даже сказать, сварливым характером. Переспорить её было практически невозможно. Училась довольно слабо, но не сдавалась, упорно добивалась более высоких показателей в учёбе за счёт зубрёжки, списывания, чего угодно. Старалась, - в этом ей было трудно отказать. Часто жаловалась учителям, Варваре в особенности, что её несчастную обижают, не дают прохода. Короче говоря, Зиночка Шмыголь была себе на уме, в то же время нередко попадала в различные трагикомичные ситуации.

Маша Коцур постарше Лиды и Зины, училась очень хорошо, как и Толя Березовский любила петь, танцевать, рано начала увлекаться старшими по возрасту чем она ребятами. Маленького роста, пухленькая, с миловидным личиком Маша привлекала к себе внимание многих кавалеров. Никогда не забуду у Маши вставленного золотого зуба (или коронки), который вечно поблескивал у неё во рту и почему-то вызывал у многих ребят из нашего класса раздражение. Если к этому ещё добавить, что она была общительной, разговорчивой, веселой, то сразу станет ясно, почему любовным делам Маши Коцур сопутствовал определённый успех. Не оставил без внимания нашу Марию и старый «Дон Жуан» директор Коваленко. Тогда мы ещё слабо понимали, почему это он на уроке так часто обращается с репликами и шуточками именно к ней. Казалось бы, в прошлый раз вызывал Машу к доске, она вроде бы хорошо отвечала, а сегодня снова нет-нет да бросит свой серый взгляд в её сторону вместо того, чтобы сверлить им школьные стены в поисках нарушения дисциплины на уроках. А Маша в отличие от нас, глупых и доверчивых, быстренько сообразила, в чём тут дело, и в ответ начала в меру своих способностей кокетничать с директором школы. Бывало, после объяснения новой темы урока «Голуб» спросит:

- *Запитання є?*

Все помалкивают, только Маша Коцур мило улыбается и говорит:

- *У мене є запитання.*

- *Запитуйте, Маріє Прокопівно,* - витийствует «Голуб».

- *А що це значить, що Нерон покінчив життя самогубством, що це таке?*

- *Іди сюди, Маріє Прокопівно, я тобі одній тихенько на вушко скажу.*

Маша продолжает улыбаться и, предвкушая радостный миг, приближается к директору, нетерпеливо подставляет ему под рот своё раскрасневшееся ухо. Но радость Маши оказалась преждевременной, - «Голуб» громко на весь класс почти что кричит ей в ухо:

- *Він взяв вірьовку та повісився. Ясно?*

Маша крайне разочарована, чуть не плачет от незаслуженной обиды, но всё же находит в себе силы ответить:

- *Ясно.*

- *Гаразд, сідай на місце.*

«Голуб» был явно не в духе, то ли дома поскандалил с Ольгой Мусиевной, то ли не успел опохмелиться. Это эпизод из жизни 6-го класса, но неважно. Сцены любовного заигрывания продолжатся и в 7-ом классе, но обо всем не напишешь.

6-я парта

Маша Павловская - Рая Евсеенко - Маша Хлевицкая

Маша Павловская училась тоже очень прилично, урок всегда отвечала громко, ясно, отчётливо. Особенно Маша любила декламировать стихотворения. Но в отличие, например, от той же Маши Коцур эта Маша иногда вела себя просто по-детски, наивно. Она даже в 7-ом классе свято верила в абсолютную безгрешность всех без исключения учителей, готова была беспрекословно выполнять любые, даже абсурдные поручения охваченного зудом активной пионерской и комсомольской деятельности старшего пионервожатого Николая Григорьевича Коцура. В то же время Маша вела себя в кругу одноклассников по-дружески, мало с кем ссорилась, мне запомнилось её пение на переменах в дуэте с незабвенным Толей Березовским. У них неплохо получалось. Иногда к ним присоединялась Маша Коцур, и тогда из открытых окон класса доносилось:

Друзья, люблю я Ленинские горы!
Там хорошо рассвет встречать вдвоём…

Сидевшую в середине между двумя отличницами Раю Евсеенко природа не наградила ни хорошей учёбой, ни кокетством, ни красотой, да в общем-то ничем кроме порядочности и добротного человеческого достоинства (я не хочу сказать, что это отсутствовало у других. Боже упаси!) Кроткая, тихая, покорная, Рая стеснялась своей слабости в учёбе, во время ответов у доски всегда краснела, нервничала. Знания ей давались с таким трудом, что я до сих пор не понимаю, как ей удалось дойти до 7-го класса, ведь отсеялись по дороге куда более сильные ученики.Наверно потому, что Рая отличалась всё же трудолюбием, исполнительностью и старанием. Многие учителя просто жалели Раю. Я вот никак не вспомню, дружила ли Рая с кем-нибудь из класса, в основном она была сама по себе, скорее всего в близких отношениях со своей двоюродной сестрой Валей Цеюковой из 7-го «в» класса.

И наконец, ещё одна отличница и ещё одна Маша, - Хлевицкая. Мы не забыли, что Маша попала в наш 3-й «а» класс в 1948-м году благодаря акции директора школы по возвращению в школу бросивших её учеников. Она пришла к нам вместе с Пашей Комар. Училась Маша легко и радостно, особенно себя не напрягая. Я не припомню такого случая, чтобы у неё когда-либо возникали проблемы с домашними заданиями, контрольными работами и пр. Это свидельствует ещё и о хорошей дисциплине Маши Хлевицкой. Высокая ростом, с гордо поднятой головой, Маша вызывала у всех нас чувство уважения к ней. Характер сдержанный, серьёзный, не склонный к юмору. Но с нами вела себя Маша приветливо, доброжелательно, списывать не отказывала никому. Варвара постоянно ставила нам Машу Хлевицкую в пример.

…Ну вот мы и расселись по своим местам и начали заниматься в седьмом, завершающем классе. Пошли, так сказать, на последний круг. По украинской литературе будем заниматься углублённым изучением украинских советских писателей и поэтов, - всё те же Тычина и Соссюра, прощённый и «покаявшийся» Рыльский, Бажан, к ним прибавились А. Е. Корнейчук («Гибель эскадры») и Олесь Гончар («Знаменосцы»). Начинали, конечно же, со стихотворения, даже не стихотворения а величальной оды Миколы Бажана, которая называлась простенько и со вкусом, - «Сталіну»:

Людина стоїть в зореноснім Кремлі,
Людина у сірій військовій шинелі.
Ця постать знайома у кожній оселі
І в кожній хатині на нашій землі.

Такое восхваление нельзя было учить не наизусть. И мы учили. А вообще-то и Варвара Александровна, и Вера Макаровна, и Василий Васильевич, и другие учителя с самого начала учебного года «натаскивали» нас на сдачу выпускных экзаменов за семь классов. Основой для такого «натаскивания» служили прошлогодние экзаменационные билеты, содержание которых повторялось из года в год с незначительными изменениями. Помните, ребята, как мы переписывали вопросы из билетов в свои тетради? Сначала кто-

нибудь переписывал из оригинала и затем уже списывали друг у друга. А Варвара помогала нам «лепить» образы Гайдая, Стрижня, Оксаны, боцмана Кобзы из «Гибели эскадры» А. Корнейчука, лейтенантов Брянского и Черныша, медсестры Шуры Ясногорской, солдата Фомы Хаецкого из «Знаменосцев» А. Гончара. Вся эта когорта действующих лиц могла встретиться нам в билетах на экзаменах. По языку часто писали изложения (сочинения начнутся в 8-м классе средней школы, но хрен редьки не слаще), повторяли пройденный и основательно нами забытый материал за 6-ой класс, зубрили правила по синтаксису. То же самое происходило и на уроках русского языка и литературы. Мы снова вернулись к роману Дм. Фурманова «Чапаев», только не так как когда-то в 4-ом классе Фрося Стрижак рассказывала Прохвирію о сломихинском бое, а более расширенно, с характеристиками главных героев романа - командира знаменитой 25-ой дивизии Василия Ивановича Чапаева и комиссара, - автора «исторического эпоса». Учили наизусть «Песню о Буревестнике» М. Горького. Помните?:

Над седой равниной моря
Ветер тучи собирает.
Буревестник гордо реет
Чёрной молнии подобный!

Вера Макаровна часто приносила с собой к нам на уроки жестокие побои с синяками от изувера-мужа. Но для меня не это было важным. Как мне нравилось, когда она читала нам вслух произведения из школьной программы! Я наслаждался истинной русской речью, правильным произношением и правильно расставленными ударениями. В школьную программу входило также изучение отрывков из тогда ещё не переработанной автором «Молодой гвардии» А. Фадеева. Кажется, даже пришлось учить наизусть отрывочек «…и вспомнилась Олегу мама и её руки…». Отрывки из поэмы А. Твардовского «Страна Муравия», из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и другие произведения русских советских писателей и поэтов.

В седьмом классе все мы очень охотно читали произведения художественной литературы. Несмотря на то, что Шурко Хмара превратил не очень образцовую библиотеку в образцовую псарню, всё-таки мы доставали у него кое-какие книги и читали их запоем. Существовал список рекомендуемой литературы для чтения в седьмом классе. Не знаю, кем он составлялся, но преподнесла его нам Варвара. В этот список, в частности, вошли такие книги как

«Молодая гвардия» А. Фадеева (следовало прочитать в полном объёме)
«Счастье» П. Павленко
«Непокорённые» Б. Горбатова
«Шахтарчук» Н. Гонимова
«Переяславская рада» Н. Рыбака (приближалось 300-летие воссоединения Украины с Россией)
«Чистая Криница» Е. Поповкина
«Белая берёза» М. Бубённова
«Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского
«Тайна Соколиного бора» Ю. Збанацкого
«Далеко от Москвы» А. Ажаева
«Честь смолоду» А. Первенцева

Я, например, с огромным удовольствием «проглотил» «Тайну Соколиного бора». Её прочитали практически все ребята нашего класса и параллельных классов и влюбились в её главных героев - Василька, Мишку и Тимку. Под впечатлением описанных в книге событий мои друзья Женя Березовский, Вася Ткач и Володя Гончаренко решили даже построить «втихаря» в лесу землянку как настоящие партизаны. Вот только против кого замышляли воевать мои друзья, было неясно. Яму в лесу они всё же вырыли. Затем энтузиазм спал, во весь рост встали непростые проблемы этой мальчишеской затеи. В конце концов строительство «стратегического объекта» перешло в разряд не завершенного, а незадачливые строители, став взрослыми и наведываясь временами в

Цветное, ходили на экскурсию в лес к своей не достроенной землянке и вспоминали своё золотое детство.

Варвара же пошла дальше списка рекомендуемой литературы. Не мудрствуя лукаво, она придумала завести особую тетрадь для записи впечатлений от прочитанных нами книг. Для каждого из нас отводилась в этой толстой тетради отдельная страница. Сверху страницы Варвара проставила фамилию и инициалы того или иного ученика, а дальше вниз мы должны были записывать, какие книги и каких авторов мы соизволили прочитать и вкратце о наших впечатлениях. Поскольку нам рекомендовали читать положительную, идейно выдержанную литературу, то и впечатления предполагались быть исключительно положительными. Так оно вначале и было.

«Я прочитала книгу А. Гайдара «Чук и Гек». Дуже цікава книга. У мене від неї радісні враження. Пропоную прочитати цю книгу також іншим учням нашого класу».

Павловська Марія.

Так или приблизительно так звучали наши впечатления на первых порах. В конце недели Варвара регулярно проверяла наши впечатления и оставалась первое время весьма довольной. Тетрадь вызвала у нас неподдельный интерес и вскоре начала засаливаться, теряя свой привлекательный внешний вид. Ну что же, - это хорошо, ученики проявляют повышенный спрос на хорошие книги. Но вдруг… Я беру в руки тетрадь, чтобы записать свои впечатления от только что прочитанной брошюрки «Болгарські казки», листаю её, как водится, чтобы ознакомиться с тем, кто что читает и какие у кого вкусы, и вижу на странице под фамилией А. Бойко такую запись:

«Нещодавно я прочитав книгу Е. Вільде… (название я забыл, но книга очень толстая, и её осилить могли только Алик да ещё Толя Березовский). Взагалі книга цікава, але коли я її читав, то мені було дуже нудно і хотілося спать»

Вот те на! А чем же я хуже Бойко? Тем более, что болгарские сказки мне совсем не понравились, да , честно говоря, я их и не до конца прочитал. Ага! Делаю и я отрицательный отзыв. Это уже смахивает на «бунт на корабле». Злополучная тетрадь просуществовала после этого с неделю. Что только там наша братва не писала! Что было и чего не было! Кто-то ввернул фантазию о якобы прочитанной книге «Тайная печь», которая выпекала буквально из ничего (!) вкусные оладьи. Бедный вечный двигатель! Куда ему до наших выдумок на голодный желудок! Во время очередной инспекции Варвара, конфисковав тетрадь со всеми нашими перлами, решительно подавила «бунт». Как же мне хочется прямо сейчас заглянуть хотя бы одним глазом в этот теперь уже наверняка не существующий документ из нашего далёкого школьного детства. Вряд ли Варвара решилась бы сохранять крамольную тетрадь с отрицательными отзывами, что по тем временам считалось недопустимым. Зачем Варваре, не глупой женщине, было рисковать своей работой, репутацией, именем, а может быть, и головой? На календаре ведь значился всё ещё очень суровый 1951-й год! Лучше всего, конечно, втихомолку уничтожить без следов свидетельство нашего в общем-то не осознанного вольномыслия.

Мне запомнился в этой связи Толя Березовский. Анатолий! Ты помнишь, как ты в то время читал действительно серьёзные, толстые книги, например, ту же «Переяславскую раду» Натана Рыбака или толстенную книгу в зелёном переплёте какого-то польского писателя, которая называлась, кажется, «Крестьяне»? А я прочитал-таки «Шахтарчука» Н. Гонимова. Книга посвящалась борьбе дореволюционных донецких шахтёров за свои политические и ещё какие-то там права. Мои впечаталения об этой книге тоже было впору записывать в «Тетрадь впечатлений» со знаком минус, но вот на что я обратил тогда внимание. В романе очень часто встречались стихотворные включения. Знаете, друзья, когда читаешь тошнотворное произведение, то, перелистывая очередную страницу, невольно ищешь прямую речь, узкие полоски стихотворений и песен, иллюстрации и пр. В «Шахтарчуке» такие пассажи встречались часто. То на одной из демонстраций батюшка сначала затягивает церковные псалмы:

Христос воскресе из мёртвых…

То вдруг в рядах звучит шевченковско-народное:

Реве та стогне Дніпр широкий!

А потом из рядов демонстрантов мощно вырывается:

Вставай, проклятьем заклеймённый!

Это, наверно, и послужило мне поводом для создания на этой основе нечто вроде «Гимна 7-го «а» класса». Посоветовавшись с некоторыми из вас, дорогие друзья, я начал сочинять откровенный плагиат, навеянный «Шахтарчуком». Первые отрывки я взял прямо из романа. Ну а далее как Бог на душу положит. Вот что у меня получилось, - страшнее не придумаешь и в сумашедшем доме. Но что поделать, - так мы тогда дурачились.

Медленно и торжественно:

Христос воскресе из мертвых.

Небольшая пауза:

Вставай проклятьем заклеймённый!

С лирическим оттенком:

Реве та стогне Дніпр широкий.

Резкий переход на неудержимый мажор:

Ой полола дівчина буряки.

Лис Микита в сірій свиті!

И тревожно-торжественная концовка:

Сердитий вітер завива!

Чёрти что! Что же касается лиса Никиты в серой свите (свита - один из видов украинской крестьянской верхней одежды из грубого сукна), то здесь я, очевидно соединил строки Т. Шевченко «Горить Микита в сірій свиті» со сказкой под названием «Лис Микита». До начала уроков и на переменах мы распевали во всё горло этот с позволения сказать гимн. Толя Березовский дирижировал руками. Но были и откровенные противники этой «торжественной» песни, состоящей из совершенно разных отрывков произведений. Среди них наиболее яростно возражал против гимна Алик Койда. Между прочим, нам не нравилось как Алик Койда здоровался с рукопожатием. Мы возмущались тем, что протягивая вяло обвисшую ладонь, он оскорблял наше школьное братство. Мы тогда были, действительно, очень дружны и, если помните, часто повторяли, примеряя на себя пушкинские строки:

Друзья, прекрасен наш союз…

…В сентябре 1951-го года я вступил в комсомол. До вступления во мне долго боролись два противоречивых чувства. С одной стороны мне очень хотелось стать членом ВЛКСМ (а кому из нас не хотелось?), как никак я неплохо учился, правда, в поведении всё ещё преобладало упрямство, несдержанность, непослушание, но я всё туже и туже подтягивал сам себе узду, старался не перечить учителям, слушаться их, даже ненавистного мне Николая Григорьевича, который почему-то настойчивее всех агитировал меня вступать в комсомол. Разгадка такого неудержимого напора наступила вскоре после моего вступления - старшему пионервожатому позарез требовались кадры из комсомольского состава для назначения их на нагрузочные поручения вожатых в младших классах. Сия чаша не миновала и меня. Но об этом чуть ниже. Тогдашний же комсомол считался при всей нашей убогости, бедности, затюканности вершиной романтического самосознания. Ведь нас изо дня в день воспитывали на подвигах комсомольцев в Великой Отечественной войне, нас манили к себе величественные стройки коммунизма. Вспомните, дорогие друзья мои, строительство Волго-Донского судоходного канала, каскада гидроэлектростанций на Волге и Днепре, например, Каховской и Сталинградской ГЭС, Великого Туркменского канала, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов. Кругом одни каналы! Откуда же нам сирым и доверчивым было знать, что строили эти гиганты сталинских пятилеток отнюдь не жёлторотые комсомолята, а миллионы, десятки миллионов заключенных своим непосильным рабским трудом. Короче говоря, меня потянуло в комсомол. И я был не одинок.

С другой же стороны моя мать, которая видела жизнь куда более шире чем я, постоянно предостерегала меня без лишней огласки от вступления в комсомол, мотивируя

своё нежелание видеть меня и мою сестру Анну в комсомоле соображениями богоотступничества. Ещё упрямее чем я рвалась в комсомол Анна. Я пробирался к заветной цели тихой сапой, намереваясь в один прекрасный день поставить мать перед свершившимся фактом. Анна же часто вступала в споры с матерью, - нашла коса на камень. Мать смотрит на небо, на котором собираются тучки, и говорит:

- *Може піде дощик. Хмарки вроді невеликі, але у Бога завжди все наготові.*

- *У природи теж,* - ехидно тявкает Анна и тут же получает от матери по губам.

- *А ну покайся перед Богом, дурнівна безсовісна!*

- *Мені немає в чому каятись!*

Мать устремляется за убегающей прочь Анной, но разве она её, длинноногую козу догонит? Но потом мать, будучи рассудительной женщиной, как-то сникла, замолчала, и это молчаливое поведение матери означало согласие на богоотступничество. Вступать в комсомол агитировали меня и Варвара Александровна, и возглавлявший в то время школьную комсомольскую организацию Коля Гончаренко, и, как я уже говорил, Николай Григорьевич. Коля вручил мне Устав ВЛКСМ, чтобы я его как следует проштудировал, потому что и на комсомольском собрании школы, и на бюро райкома ВЛКСМ по нему будут задавать вопросы. Я со всей силой налёг на Устав:

- Что составляет основу комсомола?

- Комсомольская организация.

- В каком возрасте можно вступать в комсомол?

- От 14 до 26 лет.

- Для чего комсомольцы платят членские взносы?

- Для выявления дисциплины комсомольцев и для пополнения комсомольской казны.

- Какими орденами награждён комсомол?

- 4 орденами (тогда только четырьмя): Красного Знамени, Трудового Красного Знамени и двумя орденами Ленина.

Фу ты! Меня можно даже сейчас принимать в комсомол! Список вопросов и ответов можно было бы продолжить. Требовалось ещё заполучить три рекомендации от комсомольцев или членов ВКП(б). К сожалению не помню уж, кто дал мне две рекомендации от комсомольцев, скорее всего без Коли Гончаренко не обошлось. Вторую рекомендацию мог дать Лёня Гречка. А за третьей рекомендацией я обратился не к кому-нибудь, а к нашему уважаемому физруку, члену ВКП(б) Алексею Трофимовичу Павловскому, которого я на уроках физкультуры часто доводил чуть ли не до тихого, а то и буйного бешенства. Но Алексей Трофимович добрая душа, - он прищурил один глаз, как-то по-доброму улыбнулся и сказал:

- *Та мені, понимаешь, не важко дать тобі рекомендацію, тільки ж ти, якщо вже станеш комсомольцем, то веди себе на уроках, понимаешь, по-дорослому.*

И Павловский поставил свою подпись в моей анкете. Настал день приёма. В комсомол принимали целую группу ребят и девченок из 7-х, 6-х и даже, кажется, 5-х классов. Надо сказать, что тогда почему-то мало практиковались массовые, плановые, разнарядочные приёмы в партию и комсомол. Принимали именно передовых, идейных (хотя и обманутых), хорошо учившихся и работавших юношей и девушек. Приём в комсомол приобретёт массовый характер чуть позже, при Хрущёве, когда станет меньше ответственности и страха.

Да, на таких собраниях практически всегда присутствовал наш дорогой и любимый директор школы Григорий Михайлович Коваленко - «Голуб», «Серко», «Джаш». Он садился за заднюю парту, углублялся в свои талмуды, временами давая о себе знать приглушенным подшмыгиванием, но одним ухом чутко следил за ходом приёма и нередко задавал вопросы, естественно, не из Устава ВЛКСМ. Его вопросы касались учёбы, поведения, при этом на первом месте стояло курение, за ним шла ругань и прочие пороки. Задавал директор вопросы вступающим в комсомол ученикам также из области политики, как в общем плане так и по вычитанным в сегодняшних газетах проблемам на злобу дня. Ясное дело, что все присутствовавшие на собрании адекватно реагировали на вопросы

«Серко» и на тон, которым они задавались. Коля Гончаренко перед резолютивным голосованием бросал тревожный взгляд на заднюю парту, не последует ли ещё какой-нибудь вопрос или соответствующее замечание. Вместе со мной из нашего класса поступали в тот день в комсомол человека четыре, но в моей памяти сохранился только один Юра Близна, из 7-го «б» запомнились Саша Сыч и Галя Коцур, а из 7-го «в» моя сестрица Анна. Всего же притащились на приём человек 10. Косясь на «Голуба», Коля зачитывает мою анкету, а я, дрожа как осиновый лист, стою перед собранием и жду вопросов (тоже ведь читал, как принимали в комсомол Радика Юркина по «Молодой гвардии»). Вопросов от комсомольцев было немного, в основном по Уставу.

- *Є ще запитання?* – осведомляется Коля Гончаренко, и все как по команде оглядываются назад. Именно оттуда должен последовать, так сказать, итоговый вопрос от директора, после ответа на который можно уже голосовать. И вопрос последовал:

- *А скажи нам, Соколовський, яка подія відбувається зараз у столиці НДР Берліні?* – стреляет в меня Коваленко явно газетным вопросом и победно смотрит на меня и на всех остальных. Но он рано радуется. Я случайно знал ответ на этот убийственный по мнению «Голуба» вопрос и тут же парировал:

- *В Берліні зараз проходить 3-й Всесвітній фестиваль молоді та студентів. Він присвячений боротьбі за мир, демократію та соціалізм!.*

«Голуб» немного поморщился, что я тоже знаю эту новость, но ответом остался доволен. Меня единогласно приняли в комсомол, как, впрочем, и всех остальных. Это собрание проходило в будничный день, а в воскресенье (да, да, в воскресенье!) всем принятым нужно было ехать (или идти пешком!) в Елизаветградку для утверждения на бюро райкома ВЛКСМ и получения комсомольских билетов.

Стоял очень тёплый, ласковый, солнечный день сентябрьского воскресенья, когда мы отправились на заседание бюро райкома комсомола в Елизаветградку.Для такого дела колхозы имени Сталина и имени Дзержинского выделили нам по одной подводе. Во-первых, надо же было как-то благодарить нас за наш труд на полях, а, во-вторых, приём в комсомол - это ведь акция политического значения, и с такими вещами шутки плохи. Для пополнения рядов комсомола требовался транспорт, и в данном случае неважно, что он обеспечивался тяговой силой лошадей. В январе 1956-го года оба колхоза сольются в один большой колхоз, который вначале будет носить имя Н. А. Булганина, а после того как Хрущёв его скомпрометирует, колхоз снова вернёт себе имя Дзержинского и будет носить его до сегодняшнего дня, правда, от колхоза осталась разве что только его слабая тень.

Я ехал в райцентр на «сталинской» подводе. Вместе со мной примостились моя сестра, Юра Близна, ещё кто-то, но главное, я сидел рядом с Галей Коцур и чувствовал себя на седьмом небе. Галочка весело щебетала, а я не сводил с неё глаз. Кони дружно бежали по наезженной грунтовой дороге, подгоняемые ездовым Данилой Хмарой, нам было весело, и мы запели очень тогда популярную песню:

Від села до села та про Хобти діла
По Вкраїні сонячній слава йде.
Над широким Дніпром, над лужком-бережком
Світить, світить сонечко золоте!
Це ж до неї Хрущов в хату в гості зайшов.
Він до нових подвигів нас веде.
Над широким Дніпром, над лужком-бережком
Світить, світить сонечко золоте!

Райкомы комсомола и партии находились в старинном двухэтажном особняке в центре Елизаветградки. Районный комсомольский «штаб» ютился в небольшой комнате на первом этаже с отдельным входом. Представлявший на бюро райкома наши дела Коля Гончаренко взял в руки папку с анкетами и скрылся за обитой дерматином дверью. Мы остались в узеньком коридорчике ждать вызовов. Цветнянские ребята и девченки оказались в Елизаветградке отнюдь не одинокими. Кроме нас сюда прибыли на утверждение также новоиспечённые комсомольцы из других сёл нашего района. Знаю

точно, что в райком комсомола пожаловали ребята и девочки из Красносельской средней школы. Вышел красносельский секретарь и громко позвал:

- *Бевз Валентина!*

Из толпы юркнула в дверь маленькая, худенькая девочка. Дверь закрылась. Через некоторое время она снова отворилась, и из неё также быстро выпорхнула радостно сияющая Бевз, а за ней и Коля Гончаренко, который в свою очередь объявил:

- *Мережаний Іван!*

Нет! Конечно же, не д'Арлан. Тот уже давно учился где-то в Знаменке на кочегара, а на приём прибыл другой Мережаный - Иван Михайлович из 6-го класса, который жил на моей улице Дидызне.

Так и чередовались секретари двух соседних школ, вызывая своих подопечных. Комсомольский конвеєр работал без сбоев. Сначала в комнате за дерматиновой дверью побывала моя сестра, а потом подошла и моя очередь. В торце не очень длинного стола сидел, как и положено, второй или третий секретарь райкома ВЛКСМ товарищ Босый (типичная елизаветградковская фамилия). На нем гимнастёрка с орденом Красной Звезды и ещё какими-то медалями. Мне он чем-то напоминал лихо распевавшего с детдомовцами «Тачанку» Андрея Демидовича Лихненко. Рядом с Босым примостился райкомовский номенклатурщик в должности инструктора товарищ Клюенко. Этот был одет в цивильный костюм и что-то писал, пожалуй, вел протокол заседания. По обе стороны от Босого и Клюенко за столом расположились два или три члена бюро райкома скорее всего просто так, для кворума. А по краям стола ближе к тому стулу, на который я должен был садиться, уселись с одной стороны Коля Гончаренко, а с другой красносельский секретарь. Ну Коля и не садился, а с ходу принялся зачитывать мои анкетные данные, время от времени поглядывая на секретаря райкома. Встретил меня высокий ареопаг приветливо, долго не мучили (комсомольский конвеєр не должен простаивать), Босый задал пару пустячных вопросов и поставил мою кандидатуру на голосование. Все члены бюро райкома единогласно утвердили мой приём в комсомол. Босый с определённой долей торжественности поздравил меня с этим событием, и я обрадованный вылетел словно на крыльях из кабинета, а за мной, соблюдая очерёдность, поспешил выйти и красносельский секретарь. Потом мы все оптом были приглашены в кабинет, и Босый вручал нам комсомольские билеты, не забывая при этом ещё раз нас поздравить. После церемонии вручения билетов мы высыпали дружной гурьбой на улицу и принялись рассматривать новенькие комсомольские билеты. Коля предупредил нас ещё в школе, что комсомольский билет следует непременно всегда носить при себе (интересно, а как же ходить, например, в баню?), ни в коем случае никому не показывать (советская секретомания! Почему-то особенно строго засекречивалось состояние здоровья вождей, скажем, насморк у Сталина, Хрущёва, Брежнева, Андропова являлся предметом особой государственной тайны, которая охранялась похлеще ядерных объектов). Еще требовалось помнить наизусть номер своего комсомольского билета. Зачем это было нужно, - не могу понять до сих пор. Какая глупость! Корочки билета были серого цвета, на внутренней левой стороне обложки красовались четыре ордена и значились записи на русском языке. На титульном листе справа те же записи на украинском языке, только уже без орденов. Номер я, конечно, тут же запомнил и, не дай Бог, никому не показывл этот казавшийся нам тогда священным документ. Ещё помню, после приёма мы немного погуляли в центре Елизаветградки. Развешанные афиши призывали посмотреть новый художественный фильм «Странный брак». Вечером уставшие, но довольные возвратились домой. На следующий же день вездесущий Николай Григорьевич, не дав мне опомниться, назначил меня пионервожатым в один из 4-х классов. Теперь и отказываться уже нельзя - комсомольское поручение! И он не «слез» с меня до тех пор, пока я всё-таки один раз не заглянул в этот злополучный 4-й класс. Ну о чём я там мог рассказывать ученикам? К чему их призывать? Классным руководителем была у них тогда жена нашего музыканта Налия Степановича, - стройная, красивая женщина. Она посмотрела на присланного к ней жалкого «воспитателя» и сказала без обиняков:

- *Ти йди додому, а я скажу Миколі Григоровичу, що робота з класом була проведена на певному рівні.*

Я густо покраснел, ушёл прочь и больше там не появлялся, избегая встреч с Николаем Григорьевичем и женой Налия Степановича. Зато я теперь стал полноправным комсомольцем, и на собраниях, когда в комсомол принимали других ребят и девчёнок, активно задавал им вопросы. Мы с вами, дорогие друзья, ещё вспомним одно из таких собраний.

После некоторого перерыва к нам снова пожаловал с преподавательской миссией «Голуб», он будет вести у нас Конституцию СССР и УССР. Этот предмет являлся в то время наиболее политизированным и идеологически важным инструментом. Он стал прообразом появившегося значительно позже, в 60-е годы, обществоведения. Вот где открывались просторы для Григория Михайловича! При желании в Конституции СССР и УССР можно было найти и всенародную любовь к великому вождю человечества, и восхваление сталинских законов, и оправдание жестоких форм произвола в советской стране, и проклятие религии под маркой свободы совести, и многое другое. «Серко» чувствовал себя в рамках законов сталинской Конституции как рыба в воде. Собственно говоря, к урокам Конституции не нужно было уж так сильно и готовиться, стоило только регулярно просматривать какую-нибудь одну газету (все газеты писали об одном и том же). Публиковавшиеся в газетах материалы тоже основывались на сталинских законах, которые писались, как выразился поэт В. Лебедев-Кумач «золотыми буквами». Уроки Конституции как и уроки немецкого языка проводились в 7-х классах два раза в неделю. Выносился этот важный предмет и на выпускные экзамены. Гонял нас «Голуб» беспощадно. Как и по истории древнего мира у него имелись несколько любимых вопросов, и он постоянно их нам задавал. Ответы на них должны были следовать чётко и незамедлительно. Практически всем директор задавал такой вопрос:

- *Що таке морально-політична єдність радянського народу і коли вона найяскравіше виявляється?*

Ответ:

- *Морально-політична єдність це єдність навкруги нашої рідної комуністичної партії більшовиків та великого вождя товариша Сталіна.*

- *А коли вона найяскравіше виявляється?* – тут же вдогонку настигал кого-нибудь из нас «Джаш».

- *Вона найяскравіше виявляється в дні всенародних свят а також під час виборів в Верховну Раду СРСР та УРСР.*

- *Гаразд,* - соглашался довольный директор.

А вот ещё один вопрос, который так любил непримиримый враг религии Коваленко:

- *Що таке свобода совісті в радянській країні? Шмиголь!*

Мы помним, как Зиночка боялась директора и своими ответами кстати и не кстати пыталась ему угодить:

- *Свобода совісті - це коли старенькі бабки ідуть до церкви…* - уверенно начала Зина, но «Серко» наморщил шмыгающий нос, перебил её под сдержанный смех класса и поправил:

- *Свобода совісті - це свобода віросповідання. Кожний громадянин Радянського Союзу має право сповідати будь-яку релігію або ж не сповідати ніякої, бути атеїстом. Ми з вами, діти, атеїсти,* - подчёркивал Коваленко.

Требовалось твёрдо знать все статьи Конституции СССР (Конституция УССР их дублировала), все должности и титулы Сталина и его верных приспешников. Я их, проклятых, запомнил на всю жизнь: Маленков, Молотов, Берия, Ворошилов, Каганович, Хрущёв, Косыгин, Шверник (председатель Президиума Верховного Совета СССР, а секретарём подвизался А. Горкин), Андреев, Суслов, Микоян. Микоян и Суслов стояли тогда на иерархической лестнице в соответствии со своим статусом на одну ступеньку ниже чем остальные члены, так сказать, на подхвате, но их тоже следовало знать.

«Голуба» особо беспокоил вопрос правительственных наград Советского Союза. С этим вопросом связан ещё один эпизод на уроке Конституции, и опять же не без участия Зины Шмыголь. Ну как бы хорошо ответить этому придирчивому директору и получить хорошую отметку? А вопрос о наградах «Джаш» действительно адресовал Зине:

- *Які ти, Шмиголь, знаєш урядові нагороди?*

Зиночка знает ответ на этот в общем-то лёгкий вопрос, тем более, что об этих набивших оскомину наградах директор долдонит на каждом уроке. Она прямо-таки вскакивает с места и, естественно, начинает перечисление с наиболее важных орденов:

- *Орден Леніна, орден Сталіна…*

Григорий Михайлович, протестуя, поднимает руку, но перечить Зине не смеет. Пикантная ситуация! Шмыголь остановилась в нерешительности. Что? Разве нет ордена Сталина? Да в том-то и дело, что ордена Сталина как и денежных купюр с портретом вождя, увы, не было. Почему-то не успели или не удосужились учредить. А может быть, и сам вождь запретил, он ведь иногда любил поиграть в скромность и демократию.

- *На жаль, на превеликий жаль ордена Сталіна поки що немає. Але я вірю, всі ми віримо, що незабаром такий орден буде затверджено, і він стане найвищою урядовою нагородою в нашій країні. Ти сідай, Шмиголь.*

Отметки он ей не поставил. Поставишь плохую отметку, - так ведь связанные с именем товарища Сталина плохие отметки вообще исключаются. Хорошая же отметка явилась бы издевательством, - орден Сталина и вправду не существовал. Лучше уж спустить такой ответ ученицы как-нибудь на тормозах. Вообще уроки Конституции «Серко» умело превращал в уроки агитации и пропаганды, не забывая при этом и заигрывать с Машей Коцур. Уж очень она ему, старому ухажеру, нравилась. Нет, нет, да и поглянет на Машу, а то и спросит как бы невзначай:

- *Так же, Маріє Прокопівно?*

Машенька густо покраснеет и улыбается. Такое заигрывание явно пришлось ей по душе. Однажды он ни с того, ни с сего вдруг вспомнил о своей прифронтовой «деятельности»:

- *Це трапилось в селі Підлісному. Ми там вішали поліцая Баклажана. Баклажан - це така фамилія. Ясно?*

- *Ясно,* - хором отвечаем директору.

- *Ми підвезли Баклажана під шибеницю на «газику». «Газик» - це така машина. Ясно?*

- *Ясно!* – дружный ответ класса.

- *Ми наділи на шию Баклажана петлю, «газик» від'їхав, а Баклажан загойдався в петлі. Ясно?*

- *Ясно,* - ответили мы с некоторой опаской.

Почему он вспомнил этот страшный эпизод на уроке Конституции в присутствии более 20 учеников? Может быть, потому, что казнил со своими архаровцами ни в чём не повинного человека, и теперь его грызла совесть, которую он ежедневно топил в мутном самогоне.

…Почти что весь учебный год мы изучали с нашим Василием Васильевичем на уроках физики электричество. Я сейчас вспоминаю эти уроки и склоняюсь к мысли, что из всех своих предметов Лобач больше всего любил, наверно, именно физику. Уроки физики Василий Васильевич проводил легко и непринуждённо, даже с каким-то мальчишеским озорством. Конечно же, за этой кажущейся лёгкостью скрывались огромнейший объём работы, невероятный запас энергии, тщательнейшая подготовка, точно рассчитанные методические приёмы, большое уважение к нам, ученикам. На каждый урок Василий Васильевич обязательно приносил для наглядности какой-нибудь прибор или на худой конец модель прибора, лампочки, электромагниты, электроскопы, маленькие трансформаторы, электромоторчики и многое другое. С большой любовью и гордостью за науку произносил, а мы жадно запоминали имена великих учёных в области электротехники: Ампер, Вольта, Ом, Герц, Фарадей, Кулон, Яблочков, Лодыгин, Петров (дуга Петрова, помните?), Эдисон и другие. Чётко и последовательно излагал нам

основные законы и формулы из области электротехники, - закон Ома, закон Вольта, правило буравчика, правила правой и левой руки. С правилом левой руки связан весёлый эпизод, произошедший с Аликом Койдой во время его ответа у доски. Это правило требовалось не только рассказать, но и наглядно продемонстрировать с помощью левой руки и нарисованных в условном виде на доске магнита и его силовых линий. Правило, кажется, звучит так: если установить левую руку таким образом, чтобы магнитные силовые линии были направлены в ладонь, то направление четырёх пальцев укажет на направление движения проводника, а направление большого пальца будет направлением движения тока. Ох и стыдно же будет автору воспоминаний, если он всё перепутал! А вот Алик тогда, помнится, знал это правило хорошо, но для того, чтобы продемонстрировать его таким образом, дабы все ученики увидели и не развернуться к учителю спиной (некрасиво ведь, правда?), Алик начал выкручивать левую руку ладонью вверх невообразимым манером. Получался скорее всего цирковой номер, а не демонстрация правила. Василий Васильевич смотрел-смотрел на адские муки Койды, а потом нарочито спокойно, очень серьёзно произнёс:

- *Досить, Койда, а то ти скоро скрутиш мені дулю.*

Все дружно рассмеялись, а смущённый Алик не знал, куда себя деть. Поясняя принцип действия гальванических элементов, Лобач назвал нам некоторые из них, - элемент Вольта, элемент Гальвани, элемент Ле Кланшэ, элемент Гринэ. Вот с этого элемента Гринэ и началась наша с Коржом история поддразниваний друг друга. Поскольку моё имя Григорий, то многие в классе звали меня просто Гриней. Ну Корж и вцепился в меня по аналогии Гриня – Гринэ. Как только меня увидит, так и пошло, - элемент Гринэ, вон идёт элемент Гринэ или просто Гринэ. Что я только ни делал, что только ни придумывал в поисках контраргументов против Коржа, чтобы он отстал от меня с этим проклятым элементом Гринэ. Сначала я применил его же метод, - ну а ты, мол, элемент Коржэ.

- *Нет! Не то, не звучит,* -спокойно отвечал мне Ваня. Да, действительно, не убедительно. По этому же принципу я перебрал всех его дружков, живших на одной с ним улице, наивно полагая, что Иван за них оскорбится и отстанет от меня: элемент Суржкэ (Иван Суржко), элемент Шерстюкэ (Василий Шерстюк), элемент Атамасэ (почти что нами забытый одноклассник Виктор Атамас), элемент Койдэ (Валентин Койда - сын Андрона Марковича), элемент Крипакэ (Владимир Крипак). Ничего не помогало! Ну не пристаёт всё это к настырному Коржу! Сам того не ведая, выручил меня всё тот же Василий Васильевич. После одной из многочисленных контрольных работ, кажется, по алгебре, во время её анализа Лобач остановился на работе Коржа. Работа была выполнена отвратительно (наверно, Ваня поленился списать, возможности для списывания он мог бы найти без особого труда). Василий Васильевич тяжело вздохнул и смеха ради назвал абсурдные решения в работе Ивана «теорией Коржа». Ага! Вот оно что! Сколько бы я ни придумывал прозвищ, всёравно они к Коржу не приставали. Другое дело Василий Васильевич - непререкаемый авторитет! После этого только Корж откроет рот, чтобы произнести «элемент Гринэ», как я ему тут же посылаю из противоположного окопа крупнокалиберный снаряд - «теория Коржа». Аргументы уравновесились, и взаимные приставания вскоре прекратились. Как мы увидим дальше, в этом отношении моё рыльце тоже окажется в пушку. Этот инцидент будет связан с Чупринюком, Зиной Шмыголь, «Голубом» и мной. Об этом чуть позже.

На одном из уроков физики Лобач объяснял нам закон электромагнитной индукции и, естественно, вспомнил имя её открывателя - Майкла Фарадея. Василий Васильевич увлёкся, достал из глубины своей бездонной памяти не входившую в программу обучения так называемую «клетку Фарадея», сущность которой заключается в том, что при воздействии на металлическую сетку, клетку или оболочку электрического разряда в образуемом этими объектами внутреннем пространстве отсутствует электрическое поле. Поэтому молния никогда не может поразить человека, находящегося в металлической кабине автомобиля, металлическом гараже, просто под каким-нибудь перевёрнутым чаном. Но как только спрятавшийся субъект выскочит во время грозы из металлического укрытия, его тут же может достать электрический разряд! Василий Васильевич резкими

движениями руки рисует мелом на доске смешного человечка, покидающего убежище, и крупный жирный символ молнии, ударившей несчастного в голову с такой силой, что кусочки мела разлетелись в разные стороны. Разве можно забыть такие уроки? Я их запомнил навсегда.

…Урок алгебры. Василий Васильевич стремительно появляется в классе, проделывает знакомую нам процедуру с классным журналом, здоровается, берёт в руку мел и заявляет:

- *Контрольна робота з алгебри, учня (учениці) 7-го «а» класу Цвітнянської семирічної школи такого-то (такої-то).*

Учитель резко выбрасывает вперёд держащую мел правую руку (как Ленин) и, указывая ею на правую сторону сидящих за партами учеников в первом и втором ряду, определяет:

- *Перший варіант!*

Затем проделывает такую же процедуру с левым рядом:

- *Другий варіант! Там, де сидять по троє,* - *крайні пишуть перший варіант, середні - другий варіант. Де сидять по одному* (Корж и Козыренко), - *пишуть один з варіантів на вибір.*

Лобач записывает на доске условия задач и примеры в двух абсолютно аналогичных вариантах, садится за стол, еле-еле из-за него выглядывая, и занимается своими делами. А мы пишем работу. Ёрзает на первой парте перед учителем Корж, поворачивается ко мне на 180 градусов Вася Бондарец, пыхтит и высовывает язык справа от меня Лёня Гречка, громко кашляет от напряжения Петуня Гончаренко.

- *Цінуйте час!* – напоминает нам Василий Васильевич, - *його не так багато залишилось!*

Написали. Завтра весь урок алгебры будет посвящён анализу сегодняшней контрольной работы. Анализ - это особое мероприятие Василия Васильевича. На этот урок не намечались ни массовый опрос, ни объяснение нового материала, ни повторение пройденного - всё подчинялось разбору устроенной накануне контрольной работы. Лобач делал это мастерски, со знанием дела, с юмором, порой горьким, но больше с весёлым. Каждому из нас доставалось по заслугам. Без комментариев учителя не оставалась ни одна ошибка, ни одна описка. Всех нас он знал прекрасно, знал также, кто какие может сделать ошибки. Временами урок смахивал больше на спектакль одного актёра, нежели на анализ серьёзной работы. Но уж если ты попался ему с какой-нибудь ошибкой, то после такого анализа не повторишь её никогда. Запомнишь на веки веков. Особо отмечу такой факт, что Василий Васильевич, как правило, не снижал отметок за допущенные грамматические ошибки. Но он их обязательно упоминал как будто нехотя, мимоходом. Такие уроки с контрольными работами и их анализами ярко запечатлелись в моей памяти и живут в ней вот уже полвека. Не менее интересными запомнились также уроки и контрольные работы по геометрии. Однажды Лобач явился к нам в класс на урок геометрии, забыв прихватить с собой знаменитый деревянный циркуль. Спохватившись, он попросил Володю Гончаренко (очевидно, готовившего под щель очередную шпаргалку) сбегать в учительскую и принести этот так необходимый для проведения урока предмет в класс. Вернувшись через несколько минут, Володя смущённо доложил, что циркуля нет, там в учительской сидел Андрон Маркович, который сказал Володе:

- *Циркуля немає, його миші з'їли.*

Нам после такого доклада Володи стало смешно, но лицо Василия Васильевича побагровело, щёки задёргались, глаза гневно заблестели. Не говоря ни единого слова, он тут же сорвался с места и мигом удалился из класса. Через некоторое время Василий Васильевич вернулся, держа в руках злополучный циркуль. Бросив его в сердцах на стол, он жёстко произнёс:

- *Я вам покажу «миші з'їли»!*

Под словом «вам» подразумевался Андрон Маркович и маячивший за ним «Голуб». Этот эпизод свидетельствует о том, как его не любили в «канцелярии». Много лет спустя я

спросил Василия Васильевича, что же там произошло за дверью учительской, когда он ворвался туда за циркулем. Лобач только махнул рукой, горько улыбнулся и промолвил:

- *Хіба тільки циркуль? Там було багато такого, про що я не хотів би згадувати.*

Да, талантливым людям всегда и везде достаётся от завистливых посредственностей.

Чуть было не забыл, дорогие друзья, что в 7-ом классе изучался ещё и такой предмет как химия. Я даже вспомнил учебник по химии для 7-го класса, тоненький-тоненький как блокнотик. Предполагалось ознакомить выпускников семилетки только с основными положениями этой сложной науки. Преподавал же нам химию Никита Петрович Носенко. Уроки химии проводились тоже два раза в неделю, и ни о каком глубоком изучении данного предмета не могло быть и речи. Дай-то Бог, чтобы мы хоть с горем пополам научились понимать валентность и основные формулы реакций. Никита Петрович явно попал не в свою тарелку, он ведь прирождённый географ, а химию ему, по всей видимости, навязали не от хорошей жизни, поэтому его уроки не оставили в моей памяти ярких, неповторимых эпизодов. Помнится только, один раз Никита Петрович демонстрировал перед нами какой-то опыт с кислотой и по неосторожности выплеснул её из пробирки прямо себе на пиджак (возможно, увы, единственный в его гардеробе). Но пиджак, слава Богу, уцелел, - то ли был таким добротным, то ли кислота имела слабенькую концентрацию. Честно признаюсь, что химию я не любил и не люблю, хотя 23 года проработал переводчиком в области химического машиностроения. Но машиностроение - это инженерная отрасль. Подшипники и гайки везде остаются таковыми, - что в области химии, что, скажем, в кондитерской промышленности. Мы же в 7-ом классе знакомились с эдаким прелюдием к химии. Основное изучение предмета начиналось с 8-го класса, и учебник по химии там уже напоминал, прости Господи, по «толщине» заложенных в нём знаний настоящую Библию.

«Скрипела» потихоньку на уроках немецкого языка и «телега» Ольги Павловны Мостовой, снова сменившей после 6-го класса Якова Тимофеевича Чупринюка. К сожалению, отбывали номер и Ольга Павловна и мы вместе с ней. Хоть убей, даже на самой низкой глубине моей памяти никак не наскребу сколь-нибудь достопамятных случаев, связанных с уроками немецкого языка. Как я только умудрился его полюбить и впоследствии сделать источником куска хлеба - ума не приложу! Привить любовь при таком подходе к его изучению было негде, некогда, нечем и некому. Слабо-слабо помню только какой-то текст из учебника, где речь шла о маленьком мальчике, который напялил себе на голову непомерно большую шапку, и голова ушла в неё вместе с ушами. Не видя ничего вокруг, мальчик шагает в этой шапке по улице, а навстречу ему попадается немецкий бюргер, который и спросил малыша-шапку:

- *Muetze, Muetze, wohin gehst du allein?(Шапка, шапка, куда же ты идешь одна?* (в смысле сама).

Не лучше обстояли дела и у невозмутимой старушки Марии Филипповны. На уроках зоологии мы были сами, а она сама по себе, спокойно сидела, не вставая, за столом и бубнила себе под нос:

- *А чайки летіли все звідти, від берегів Японії. Вони несли на своїх крильцях зяразливі хворьоби, Соколовський!*

Я смущённый затихаю, а Мария Филипповна, моргнув как-то по-особому обоими глазами за давно не протираемыми стёклами допотопных очков, продолжает:

- *А потім чайки сідали на відпочинок в тайзі, шукаючи собі поживу і росповсюджували ці хворьоби…*

Ну никак не могу вспомнить, то ли мы на протяжении всего учебного года занимались зоологией, то ли покончили с ней в первом полугодии. Вот какой мох растёт на этом участке моей многострадальной памяти!

Трудилась из последних сил, печально склонив набок голову и свято сохраняя тишину на уроках, Галина Никитична Синченко. Она часто хваталась за пузырёк с валидолом, просила пожалеть её в тяжелейшем больном состоянии, не губить понапрасну ещё не старую женщину. Мы как могли учитывали её просьбы, на уроках географии старались не шуметь, в тетрадях без надобности ничего не писать, сидеть прямо, по сторонам не глядеть, внимательно слушать, глазами не моргать и ушами не хлопать. Не скрою, что, несмотря на то, что география продолжала оставаться одним из наиболее любимых мной предметов, на уроках Галины Никитичны я уставал больше чем на уроках Конституции у Коваленко. Уставал от напряженного внимания.

…Между тем ушёл навсегда и стал частью истории 1951-й год. Мы привыкли к войне в Корее. Господи! Люди привыкают даже к войнам. Есть такое понятие как «забытые войны», и за примером не надо далеко ходить - взять хотя бы к примеру нынешнюю войну России в Чечне. Чем не забытая война? Иногда «Серко» напоминал нам о героизме северо-корейских солдат и офицеров. Естественно, тогда никто даже подумать не посмел бы, что, например, в корейском небе воевали и гибли советские лётчики, а на земле чуть ли не за каждой ротой корейских солдат стоял наш советник-офицер.

Теперь никто из нас уже не посещал новогодние праздники у школьной ёлки, поэтому ничего не могу сказать о встрече нового1952-го года. Комсомольцев должны были отныне занимать другие вопросы и помыслы. Перед нами открывалась финишная прямая, и до ленточки на финише оставалось рукой подать.

Сразу после каникул я попал в очень некрасивую историю, которую сам же себе и создал. А дело заключалось вот в чем, - Яков Тимофеевич Чупринюк помимо того, что нервничал на уроках, говорил на западно-украинском диалекте, коверкал ещё и фамилии учеников. Однажды он в смятении чувств назвал Володю Козыренко Владимиром Козоризенко. Такие вещи делать учителям не рекомендуется, так как с их лёгкой руки появляется повод для присвоения кличек. Их и без того в школах хватает, - и среди учителей, и среди учеников. Мы было вначале подхватили этого Козоризенко, но Володя с его легко задеваемой обидчивостью решительно пресек попытки дразнить его этим обидным прозвищем. Физически крепкий Козыренко мог «навешать» любому из нас. Но беда одна не приходит, и вскоре чупринюковская гроза разразилась над ни в чем не повинной головкой Зины Шмыголь.

- *А зараз нам розкаже про французького короля Філіпа Валуа Шишлюк Зіна… Ой, пробачте, Шмиголь Зіна. Ну ви бачите? Це колись у мене в класі в Західній Україні був такий учень по прізвищу Шишлюк? Ну як це я тільки міг так помилитись? Пробачте!*

Но слово не воробей. Оно вылетело, и попробуй его поймать! Зиночка сама себя защитить не сможет, да и кто её будет защищать? Больше всех с этой кличкой приставал к Зине автор настоящих воспоминаний. Помнишь, Зинаида Ефимовна? Прости, пожалуйста! Я в буквальном смысле слова не давал Зине прохода. Вот же подлец! Не было ни одного дня, чтобы я не допекал Зине этим проклятым Шишлюком. Она плакала, просила меня прекратить, грозилась пожаловаться Варваре Александровне. Но доведённая до отчаяния Шмыголь пожаловалась не Варваре, а самому «Голубу». И произошло это для меня совсем неожиданно. Директор закончил урок Конституции, шмыгнул в последний раз, собрал свои талмуды, спрятал в карман засаленный пальцами карандаш и скорее по привычке нежели по необходимости спросил:

- *Запитання є?*

Какие там вопросы! Сейчас он выйдет, и мы тут же поднимем в классе такой шум! Но что это?

- *У мене є запитання,* - еле слышно прошептала Зина. Я даже ничего плохого не подумал в свой адрес, до того обнаглел и просто не допускал мыслей о том, что Зиночка будет жаловаться, да не кому-нибудь, а именно директору школы.

- *Давай, Шмиголь, твоє запитання, тільки швидше, а то я спішу.*

Заикаясь и глотая слёзы, Шмыголь высказала «Голубу» всю свою накопившуюся в душе боль:

- *А…а… Яків Тимофійович якось тут на уроці назвав мене помилково Шишлюк, а… а… Соколовський дражне мене, проходу не дає, він мене вже замучив.*

Последние слова Зина еле-еле выговорила из-за душивших её слёз. А у меня пошёл мороз по коже, кровь хлынула в голову, и я чуть было не сделал в классе то, что принято делать в менее благопристойных чем класс местах. Ах ты, стервочка! Пожаловалась! Вот не думал. Что же теперь со мной будет? «Джаш» посмотрел на меня серыми глазами так, как будто облил меня серной кислотой и сказал:

- *Ти, Шмиголь, не плач, заспокойся, він більше уже ніколи не буде тебе так обзивать, не плач. А ти, Соколовський, не на цій, а на тій перерві зайдеш туди до мене, не сюди - в учительську, а туди, до мене, в кабінет, я там з тобою розберусь. Не плач, Шмиголь!*

И он быстро ушёл, по всему видимому, действительно куда-то спешил. Боже мой! Что же мне делать? Куда бежать? Никуда не деться! Ах ты, проклятая! Ведь и мать узнает! А стыд-то какой! И где вы взялись на мою голову и Чупринюк, и Шишлюк? Чтоб вы подохли! Может быть не ходить к директору в кабинет? Нет, нужно идти! Да хотя бы сейчас, а то на следующей перемене, целый урок страдать в ожидании неизбежного!

Как сейчас помню, за этим несчастным для меня уроком следовал урок русского языка Веры Макаровны. Она раза два делала мне замечания, что я не внимательно слушаю. Учительница даже не подозревала, что меня ожидает. Притихла как-то и Зина, возможно, уже не рада, что пожаловалась.

Наступила вторая, кажется, большая перемена. На не гнущихся ногах плетусь в тот корпус, где помимо квартиры директора, физкабинета и канцелярии (настоящей) располагался ещё и его крошечный кабинет. Вот я уже стою перед дверью и никак не могу решиться в неё постучать. В голове проплывают связанные с этим кабинетом жуткие картины, о которых мне рассказывали побывавшие там ребята из других классов. По их рассаказам «Серко» там и бил их, и за волосы таскал, и заставлял есть майских жуков. Ужас! Но деваться некуда, - стучусь легонько в дверь. Никаких откликов, может быть, не слышит, надо стучать сильнее. Набравшись духу, стучусь сильнее. Тишина. Сам себе не верю, ведь он же ясно сказал, чтобы я явился к нему именно на этой перемене. А может быть это спасение? Чудо? Да, но ведь он мог всё-таки и не услышать. Для пущей важности следовало бы попробовать дёрнуть за ручку двери. Немного осмелев, я сначала очень осторожно, а потом сильнее дернул дверь. С трудом верилось, но дверь оказалась закрытой. Директор в кабинете отсутствовал. Я радостно развернулся и как заяц от бубена побежал прочь от этой ненавистной двери. Но вскоре моя радость уступила место тревоге. Ведь разговор с директором не отменён, он только получил отсрочку. Рано или поздно «Серко» всёравно меня сцапает, никуда я не скроюсь. Ну ладно, следующий урок Конституции через два дня, и пока что я могу об этом не беспокоиться, а там будет видно. На сегодня я спасен. Проходит один день, два дня, тревога во мне опять усиливается. Зину не только что не трогаю, даже не смотрю в её сторону и стараюсь о ней не думать. Приближается директорский урок, и я снова сам не свой. Сейчас он зайдёт в класс и, конечно же, первым делом поинтересуется, почему это я к нему не явился, как было велено. Но у меня есть контраргумент, - дескать, я приходил, а вас не было в кабинете, а потом я не знал, когда ещё можно к вам явиться. И вот «Голуб» сидит уже за столом, листает журнал… сейчас, сейчас он направит свой обжигающий душу взгляд в мою сторону и вернётся к вопросу о Зинаиде Шишлюк. Но проходит время, директор задает, как всегда, с полдюжины вопросов, выстраивает вряд у доски отвечающих урок.

- *Хто готовий відповідать?*

- *Я,* - скажет кто-нибудь

- *Хто це я? Прізвище!*

Ну что же, кажется, пронесло. И слава Богу! Зиночку же я больше никогда не обижал. Ранней осенью 1960-го года я встретился с Зинаидой в цветнянском сельском клубе на киносеансе. Она только что приехала навестить родителей из Западной Украины, где она в

то время работала помощником бухгалтера в одном из колхозов. А задолго до этого сразу же после окончания семилетки Зина поступила учиться в Чигиринский бухгалтерский техникум. И ведь поступила же! И закончила его! Молодец! Мы тепло поприветствовали друг друга. К тому времени Зинаида Ефимовна стала уже замужней женщиной, подросла, похорошела, приехала неплохо одетой. Мне было очень приятно с ней побеседовать. Вспомнили и весело посмеялись над Шишлюком. Простите, я снова впрягаю телегу впереди лошадей. У меня ведь запланировано послесловие о судьбах всех моих 24 друзей-выпускников 1952-го года.

…Ещё в прошлом 1951-ом году колхоз имени Дзержинского начал электрификацию своей территории (мы ведь помним, что тогда в селе существовали два колхоза). Правление колхоза раздобыло где-то изрядно изношенный, но ещё создающий давление пара локомотивчик и небольшой генератор. Всё это хозяйство смонтировали во вновь отстроенном помещении колхозной электростанции невдалеке от конторы колхоза. Помните, друзья, как на подходе к селу можно было видеть чёрную металлическую трубу, уходящую ввысь для лучшей тяги в топке локомотива? Всё лето и всю осень продолжался монтаж первой цветнянской линии электропередач на деревянных опорах. Сами опоры изготовлялись из сосновых стволов, а «пасынки» для закапывания в землю из дуба. Кроме электрификации колхозного тока для молотьбы зерновых культур, животноводческих ферм, конторы и пр. определённая доля электроэнергии предназначалась также для освещения, так сказать, социально-общественных организаций села. Сюда входили сельская больница, магазины, сельсовет. Протянули линию и к нашим двум школам - Церковной и Земской. Мы с нетерпением ждали появление света от лампочек «Ильича», как было принято их называть. Пуск сельской электростанции оживлённо дискутировался, в частности, на уроках физики Василия Васильевича Лобача. Он ведь напичкал наше сознание такими понятиями как генератор, аккумулятор, электродвигатель, трансформатор, сила тока, напряжение, электромагнитная индукция. Мы изгалялись друг перед другом в «глубоком» знании области электричества. А колхоз продолжал потихоньку налаживать электросеть и готовился к пуску электростанции. Рядом с машинным залом расположились мельница и маслобойка. Заведовал мельницей и маслобойкой ходивший на костылях инвалид Василий Черноморец (да нет же, это не прозвище, а настоящая его фамилия) - маленький, хитрый, въедливый человек. Позже, когда мне довелось почти что на протяжении двух месяцев каждый вечер посещать мельницу, чтобы перемолоть на муку несчастный, килограммов на 35 мешок пшеницы, я часто слышал при закрытии мельницы писклявый голос Черноморца, когда народ не хотел уходить домой, всё ещё надеясь именно сегодня смолоть свою пшеницу:

- *А ну ослобоняй млин, мать-перемать, а то запру в млині на замок!*

Поддерживать температуру в топке было нечем, - жгли в основном солому да ещё отходы от семечек подсолнуха. Клапаны не держали давления пара, мощности для работы всего хозяйства не хватало, и электростанцию приходилось часто отключать, чтобы поднять давление пара и снова давать энергию. Обо всём этом я узнаю потом.

А в конце февраля впервые зажглись электрические лампочки в нашей школе. Случилось это чудо днём, на уроке Варвары Александровны. Электрик уже давно ввинтил лампочки в патроны, выключатель у двери, похоже, тоже кто-то включил с самого начала, но на него раньше никто не обращал внимания, - напряжения-то нет. И вдруг обе лампочки в нашем «зашлюзовом» классе загорелись ярким весёлым светом. Скорее всего это было пробное включение, потому что потом рабочее напряжение подавалось на линию только с 18.00 до 22.00. От радости мы дико взвизгнули. И эта радость не могла быть поддельной. Весело заулыбалась и Варвара, но потом взяла и выключила свет - урок есть урок. Но Корж вихрем сорвался со своей первой парты, ловко обошёл оказавшуюся на его пути Варвару и снова включил свет. В другой обстановке Варвара, конечно же, наказала бы Коржа за такое самоуправство, но в атмосфере общего ликования она только махнула рукой. Лампочки вскоре погасли, пробное напряжение сняли. Теперь свет мог появиться только вечером, но нас-то в школе уже не будет, нам придётся по-

прежнему делать домашние задания при тусклом мерцании керосиновой лампы, впрочем, и с керосином ощущалась постоянная «напряжёнка». Но вскоре нам пришлось побывать в школе и вечером, при электрическом освещении. Предстояло комсомольское собрание, и роптавшие раньше комсомольцы, что, мол, и так нет времени на подготовку к экзаменам, а тут ещё после уроков собрание, все вдруг в один голос заявили, что неплохо было бы провести собрание вечером при электрическом свете. Сейчас такая страсть к вечерним собраниям покажется нелепой, а тогда очень хотелось находиться в освещённом электрическими лампочками помещении. Все дружно согласились явиться на комсомольское собрание после 6 часов вечера!

- *Прекрасно! Придём из дома! Все придём!*

Идею поддержали секретарь комсомольской организации школы Коля Гончаренко, старший пионервожатый и мой мучитель Николай Григорьевич и даже Сам. Сам будет также и присутствовать на собрании, тем более, что одним из пунктов повестки дня значился приём в комсомол. И вот я вспоминаю это оживлённое, весёлое собрание. Среди прочих учеников принимали в комсомол и щупленького, невзрачного на вид паренька из 6-го класса Колю Дробота. По своим кондициям Коля вроде бы и не годился для передового авангарда советской молодёжи, - учился так себе, ни шатко, ни валко, сквернословил, покуривал. Но, наверно, на тот момент всё же существовал некий план пополнения комсомольских рядов и райком ВЛКСМ требовал от Коли Гончаренко, Николая Григорьевича и директора определённые цифры. И вот Коля Дробот, нервно похихикивая, стоит перед собранием и посматривает на заднюю парту, - мы знаем почему. Да, действительно, там сидит «Голуб» и сверлит Колю своими знаменитыми глазами насквозь. С задней парты следует вопрос:

- *Скажи нам, Дробіт, хто тепер у нас міністр закордонних справ?* –и торжествующий взгляд директора скользит уже по потолку. Дробот что-то такое слышал, - не то Вышинский, не то Дзержинский. Он замешкался. Кто-то ему подсказывает, что, оказывается, всё-таки Вышинский. Но Коле не даёт покоя и Дзержинский, - такой деятель тоже глубоко засел в его памяти. И он решается на ответ:

- *Дижинский!*

Так с лёгкой руки Дробота возник некий суррогат. Бедный Коля с перепугу перепутал «железного Феликса» с иезуитом Андреем Януарьевичем. Но на этом мучения Коли не прекратились. Самый главный вопрос с «Камчатки» ещё не задан. И вот он, пожалуйста:

- *Дробіт, ти куриш?*

Коля колеблется отвечать, глазки его блестят. Не признаться, соврать, - так ведь это же не что-нибудь, а приём в комсомол, признаться тоже никак нельзя, - тогда прощай комсомол. Необходимо выиграть время:

- *Шьо? Ги-ги!*

- *Ти куриш?* – громче переспрашивает, начиная терять терпение, Григорий Михайлович.

- *Га-а? Хи-хи!* – продолжает валять дурака Дробот, будто он всё ещё не расслышал вопрос.

- *Ти куриш?* – почти что кричит на весь класс «Голуб», добиваясь чёткого ответа.

- *Нє-е-е… Хе-хе!* –спохватывается, наконец, кандидат в передовой авангард советской молодёжи, решив, таким образом, ни за что не признаваться, и облегчённо вздохнул. А по лицу ведь видно, что курит, паршивец. Но в комсомол Дробота всё же приняли. Простили ему явно лживый ответ и секретарь комсомольской организации, и старший пионервожатый, и даже Сам. Такой приятный вечер, у всех радостное настроение, горит долгожданный электрический свет… Ну зачем портить такой момент?

На одном из очередных классных часов Варвары на меня снова нашла блажь. Перед этим мне попался на глаза листок из отрывного календаря, на котором была напечатана заметка о зодиакальных созвездиях, с которыми связаны орбиты вращения планет солнечной системы. Не дожидаясь вступительной речи Варвары, я возьми и тявкни:

- *Варваро Олександрівно! А я прочитав у календарі, що на небі є такі сузір'я як Близнюки та Козерог.*

Явный намёк на Юру Близна и Володю Козыренко. Надо же, я опять лезу на рожон в отношении Козыренко, зная его реакцию на подобные вещи. Но меня просто несёт, подмывает на такие гадости. Ответ Козыренко последовал, опережая реакцию Варвары:

- *А ти, а ти, мамула, мамула, я тобі морду наб'ю!*

Не успел я огрызнуться, как послышался со второй парты голос Алика Бойко:

- *А які там Близнюки, чи не Юрко та Сашко?*

У Юрия Близна, действительно, был брат Саша. Так что мою реплику Алик подхватил, что называется, не в бровь, а в глаз. Но Юра так не горячился как Володя, по достоинству оценив наше с Аликом, как нам казалось, бесспорное остроумие.Что он тогда ответил, я сейчас вряд ли вспомню, но вы, мои дорогие друзья, расшумелись как потревоженный пчелиный улей. Классный час Варвары оказался на грани срыва, и она приняла экстренные меры по его недопущению. Мне Варвара тут же прозрачно намекнула, что за такие вещи мне по поведению, наверняка, будет снижена отметка, и я вместо свидетельства получу по окончании семилетки ставший уже притчей во языцех «волчий билет». Тишина в классе была тотчас же восстановлена, и Варвара продолжила свой классный час.

…Наступила последняя четвёртая четверть. Пришла весна 1952-го года. Мы готовились по билетам к нашим последним в этой школе экзаменам. Всех нас охватило радостное, и в то же время грустное, тревожное настроение. Что нас ждёт впереди? Какими путями пойдёт каждый из нас? Скоро нам распахнёт двери новая, неизвестная жизнь, полная надежд и тревог. В школьном вестибюле появилось традиционное объявление, таившее в себе для нас особый смысл. Помните это объявление, друзья мои? Напомню: «*До іспитів та екзаменів залишилося…. днів»* Ну вот теперь и вы вспомнили. Оно располагалось на специальной сделанной руками Устина Саввича Гречки деревянной доске, стоявшей у противоположной от входа стены под величавым портретом вождя всего человечества. Вокруг этого портрета, помнится, висели всяческие схемы, атрибуты школьной пионерской организации и их символика, - плод ума и сердца Николая Григорьевича Коцура. Каждое утро кто-то менял в окошечке напоминавшего об экзаменах плаката цифру, приближавшую нас к заветному порогу. Вот осталось 40 дней, 38, 35… Вместо того, чтобы готовиться к экзаменам, повторять изрядно подзабытый материал, я вдруг ни с того, ни с сего стал заниматься… даже сейчас страшно об этом подумать… сочинением стихотворений. Нашёлся же стихоплёт в 7-м «а» классе Цветнянской семилетней школы! Почему это сочиняют стихи какие-то там П. Тычина, В. Сосюра, М. Рыльский (хотя и с покаяниями), М. Бажан, а я не сочиняю? Не давали мне покоя лавры этих широко тогда известных украинских поэтов. А ну дай-ка я попробую. Ведь должно же получиться! Чем же я хуже них? Доморощенному несовершеннолетнему поэту-дураку было, конечно, невдомёк, что для поэзии одной рифмы (буримэ) недостаточно. Рифмы могут лязгать как гусеничный трактор, но это не будет поэзией! Я сижу над чистым листом бумаги и высиживаю что-то наподобие стишка о зверях. Вот что у меня получилось в невероятных муках «творчества». Полюбуйтесь:

Вірш про лисицю

Повернулась з полювання,
Лисят напувала.
І півника, і курочку
У людей украла.

Пойти дальше этого «шедевра» у меня не хватило ни таланта, ни опыта, ни терпения, ни времени. Так и остался этот нелепый, бездарный куплет только в моей памяти. Всё же у

меня хватило ума никому его не показывать. Но я на этом не успокоился. Не получилось с животным миром, - должно получиться на советскую патриотическую тему! Вот придёт лето, созреют хлеба, начнётся жатва, молотьба, а я тут как тут с только что написанным стихотворением о битве за урожай, о славном труде колхозного крестьянства, да что там говорить - о долге перед Родиной. Ну и снова накропал:

Жнива почалися в колгоспі,
Колгоспники косять жит**а.**
Здати хліба побільше державі -
Це їх благородна мета.

Тьфу! Стыдно об этом вспоминать. Никогда не наедающийся досыта хлеба совсем ещё юный человек пытается воспеть в «стихах» колхозную хлебосдачу государству до последнего зерна. Это напоминает вола, который после тяжкого рабочего дня никак не желает вынимать шею из проклятого ярма, - привык! Вот что значит советско-сталинское воспитание!

Но дело вот в чём. Прошли многие-многие годы. Мы выросли, повзрослели, состарились. Больше я никогда в жизни не возвращался к стихосложению, - таланта-то нет! Занимался доступными мне и более полезными для меня и других делами. И вот однажды в 1998-м году мне ночью приснился сон, повторивший точь в точь, до мельчайших подробностей реальную ситуацию душной июльской ночи 1955-го года. Тогда я направлялся в двенадцатом часу ночи с улицы Хмаривка по мостику (сейчас его нет) под гору, на «террасах» которой лепились скромные жилища Макара Стрижака («Рака»), Алхутки, чуть выше, ближе к магазинам хата Василия Трофимовича Лагно. Это центр нашего села. Днём стояла невыносимая жара, ночь тоже дышала жаром, и по мере того, как я поднимался от пруда вверх, меня всё сильнее и сильнее охватывал со всех сторон нагретый за день воздух, мне казалось, что я залезаю в гигантскую печь. На небе светила полная луна, оно было абсолютно чистым, но с востока примерно на половину неба вспыхивали разряды молнии - без грома, без туч, в абсолютной тишине. Зрелище невероятное и какое-то тревожное! Такие ночные беззвучные разряды молнии называются, кажется, зарницами, а у нас говорят, что молния сверкает «на жару». Поднявшись на гору, я увидел на скамейке у ворот усадьбы Василия Трофимовича влюблённую парочку. Молодые люди, как и полагается, сидели, тесно прижавшись друг к другу. В девушке я узнал старшую дочь учителя Нину (ныне тоже покойную) с каким-то парнем. Я поздоровался. Было душно, но на душе как-то светло и радостно. Мы были очень молодыми и, значит, счастливыми. С первого хутора, откуда-то из-за школы доносилась распеваемая девчатами песня. От сельсовета слышался говор и сдержанный смех парней и девушек. Всё это мне снова приснилось 43 года спустя! Под впечатлением этого уникального сна я тут же поутру записал вот эти строки, которые посвятил моему другу Евгению Березовскому и послал их ему в письме:

Тропинка крутая,
Скамья у ворот.
Луна золотая
По небу плывёт.
Ночные зарницы
Как отблеск костра.
Любимые лица
И смех до утра.
Негромкие речи,
Родные огни.
Забытые встречи,
Ушедшие дни.
Далёкие годы
Никак не вернуть.
Болезни, невзгоды
Уснуть не дают.

Конечно же, и этот стишок так же далёк от поэзии, как небо от земли, но он по крайней мере отразил моё ностальгическое настроение.

Ну что же, это было, пожалуй, последнее отступление в моих письмах-воспоминаниях. Пора, пора заканчивать и семилетку, и воспоминания. Осталось только сходить с Василием Васильевичем под видом учебной экскурсии на электростанцию колхоза им. Дзержинского, чтобы в натуре увидеть электротехнические агрегаты, аппараты и приборы, да съездить на машине в Гутницкий лесопитомник, где поможем выкапывать саженцы молоденьких дубочков.

Экскурсия на колхозную электростанцию состоялась вместо урока физики. В радостно-приподнятом настроении мы отправились во главе с Лобачем мимо Волостного пруда прямо в машинный зал. Естественно, экскурсии предшествовала договоренность с правлением колхоза и начальником электростанции. Перед экскурсией Василий Васильевич напутствовал нас:

- *Щоб під час екскурсії ви поводились тихо, поважливо, це не прогулянка, а повноцінний урок. І щоб я не чув: «Дядьку! Або ж «Ей, ви!» Якщо вам доведеться звертатись до електромеханіка з запитаннями, то його ім'я та по-батькові Павло Іванович. Не підводьте ж мене!*

Почему-то мне запомнилось, что возле пруда нам встретился отец Володи Храпачёва Михаил Яковлевич, работавший на какой-то незначительной должности в детском доме. Сверкнув золотыми зубами, Храпачёв-старший спросил у Лобача:

- *Что это за поход вы совершаете?*

- *Та ми йдемо знайомитись з роботою електростанції,* - ответил ему Василий Васильевич, и мы пошли дальше. Электромеханик Павел Иванович показал нам локомотив, генератор, распределительный щит, коммутационные приборы, предохранители, контакторы и пр. Всё это мы увидели в натуральном виде впервые в жизни. Затем нам показали мельницу и маслобойный цех. После этого прошли на животноводческую ферму, где были установлены несколько электродвигателей. Все остались очень довольными и, надеюсь, запомнили эту экскурсию на всю жизнь. Правда, всё электрооборудование и локомотив мы осматривали тогда в статическом состоянии. Локомотив запускался вечером, да во время работы агрегатов нас туда и не пустили бы. Разве что удалось бы посмотреть их работу только издали, через окно.

В Гутницкий лесопитомник мы ездили в конце апреля. Собственно, эту нашу поездку можно считать, пожалуй, последним «воскресником», на котором мы трудились на благо общества (понятие «воскресник» превалировало тогда над понятием «субботник», потому что суббота считалась обычным рабочим днём, первый приплюсованный к воскресенью субботний выходной появился в Советском Союзе в июле 1967-го года). Отправились в Гутницу мы, помню, после дождя, по дороге машина, в кузове которой мы ехали, кое-где буксовала. Нас сопровождала Варвара Александровна, - ведь мы же ехали на работу в её родное село! Каждый из нас прихватил с собой из домашнего хозяйства лопату или лопатку. Выкапываемые в питомнике на опушке леса молоденькие дубочки требовалось высаживать на ранее вырубленных делянках. Сейчас они вымахали, наверно, на половину своего столетнего роста. Ехали и работали мы весело, с песнями, быстро управились с заданием и в ожидании машины, чтобы возвращаться на ней домой, разбрелись гулять по лесу, который у нас называется Чута. Здесь и произошло чрезвычайное происшествие. Хотя мы и заканчивали семилетку, всё же ещё по большому счёту оставались детьми. Кое-кто из нас полез на деревья. Взобрался на кривую сосну и Толя Березовский. Да не удержался, бедняга, на дереве и рухнул примерно с 3-4 –х метровой высоты на землю. Самого падения я не видел. Подбежал к сосне в то время, когда Толя сидел уже внизу. Пребывая в состоянии шока, он боли сначала не ощутил, потихоньку поднялся с земли, дошёл до машины и поехал с нами домой. Варвара очень переживала. Ещё бы! Сначала вроде бы не ощущались никакие последствия. Но потом, спустя годы, Анатолий Несторович не раз жаловался, в том числе и в адресованных мне письмах, на отзвуки того злосчастного падения. Как ты себя чувствуешь, дорогой Толя, в настоящее время?

…После майских праздников, вернее, праздника, так как День Победы до 1965-го года тоже входил в разряд рабочих дней, было организовано коллективное фотографирование выпускников седьмых классов. Не ищите в своих архивах, дорогие друзья, фотографию нашего класса и никого о ней не спрашивайте. Точно знаю, что такой фотографии ни у кого нет. Сфотографироваться мы не удосужились или нам что-то помешало, - то ли после уроков разбежались по домам, то ли фотограф не явился, то ли Варвара не успела или не захотела нас организовать, то ли ещё что-нибудь, но фотографии нет. Очень жаль. А вот, например, 7-й «в» класс запечатлел себя на память почти что в полном составе. Я даже помню как они фотографировались на перемене. В этот раз в отличие от 1949-го года почему-то в вестибюле, на фоне портрета Сталина и окружающих его плакатов. Из учителей на этой фотографии можно увидеть (такая фотография имеется у Анны, она увезла её с собой в Болгарию) давно сбросившего с себя гимнастёрку и одевшего приличный цивильный костюм директора школы Коваленко, расположившегося по давней традиции рядом с «Голубом» завуча Андрона Марковича Койду, классного руководителя 7-го «в» Марию Марковну Павловскую, классного руководителя 7-го «б» Якова Тимофеевича Чупринюка, склонившего набок голову и улыбающегося физрука Алексея Трофимовича Павловского, зажавшего рот так, что и губ не видно, старшего пионервожатого Николая Григорьевича Коцура. С абсолютной уверенностью утверждаю, что Варвары Александровны Шевченко на этой фотографии нет. Скорее всего она в это время отсутствовала, может быть, по этой причине и не смог сфотографироваться наш класс. Сейчас не могу вспомнить, существует ли подобная фотография 7-го «б» класса. Должна вроде бы быть, надо спросить у моего друга Василия Евтихиевича Ткача.

…Белым инеем пышного цветения покрылись сады нашего села, запахла сирень. Вечерами жужжат и мелькают в диком, хаотичном движении майские жуки, предвестники конца учебного года и нашего расставания и со школой, и друг с другом. Многие из нас (ребят) в последний раз наголо постригли свои пока ещё как следует не существовавшие и поэтому никем не оценённые шевелюры. Учителя стали относиться к нам как-то добрее, внимательнее. Так относятся близкие к отъезжающему в далёкие края члену семьи. От учителей идут напутствия на предстоящие экзамены, но не слышно уже нетерпеливых окриков, нет двоек и единиц, потому что и мы чувствуем близкое прощание и стараемся не огорчать наших учителей. Что бы мы без них делали? Кем бы мы стали? На одном из уроков в классе вдруг появилась преподавательница из Шамовского мелиоративного техникума и стала нас убеждать поступать в этот техникум на учёбу. Даже «Джаш» больше к нам не придирается и не иронизирует по поводу слабого знания урока, он как-то притих и стал немноголовнее. Все будут допущены к экзаменам, вряд ли уже имелся смысл оставлять кого-нибудь и без того перезревших учеников на второй год. Зачем? Пусть птенцы улетают из гнезда! Мы же делились между собой планами на будущее. Подсознательно понимали, что вырваться из «не паспортизированного» села будет очень трудно, но верили в справедливость советской власти, в комсомол, в товарища Сталина.

Собственно говоря, здесь я подошёл к тому, с чего начинал эти записки, - к последнему уроку классного руководителя Варвары Александровны. Но всё ищу по закоулкам памяти, не упустил ли что-нибудь очень важное. Увы! Ничего не нахожу, за что можно было бы уцепиться и продолжить воспоминания из далёкого школьного детства. Давайте, наверно, снова вернёмся к моему вступлению и ещё раз зайдём в светлый, просторный класс, через окна которого виден школьный сад в обрамлении дорогих моему сердцу белых берёз. Ну что? Вернулись, вспомнили? А теперь давайте готовиться к выпускным экзаменам.

Нам предстояло сдать десять экзаменов. Сейчас, наверно, даже в десятом классе столько не сдают. Боюсь ошибиться, но, по-моему, следовало сдавать следующие предметы:

1. Русский язык и литература (письменное изложение)
2. Русский язык и литература (устно)
3. Украинский язык и литература (письменное изложение)
4. Украинский язык и литература (устно)
5. Алгебра (письменно)
6. Геметрия (устно)
7. Физика (устно)
8. География (устно)
9. История (устно)
10. Конституция СССР и УССР (устно)

Слава Богу, не предусматривались экзамены по зоологии, химии и моему любимому немецкому языку. Язык мы всёравно не знали. Особые случаи происходят на экзаменах редко, поэтому из экзаменационных событий мне запомнились лишь отдельные штрихи. На экзаменах нет уже той неповторимой атмосферы, которая присуща только урокам. Сдал экзамен и можешь уходить прочь, не мешай другим. Вторую половину экзаменов седьмые классы сдавали, когда остальные ученики уже закончили учёбу и ушли на каникулы. Мы приходили на очередной экзамен практически в пустую школу. Для проведения экзамена можно было занимать любое помещение. Неожиданно для самого себя изложение по украинскому языку и литературе я написал на тройку и очень по этому поводу переживал. К тому же масла в огонь подлила и Варвара, заметив:

- *Я, Гриша, такої слабої екзаменаційної роботи від тебе не чекала. Дуже ретельно готуйся до усного екзамену. Мені не хотілося б, щоб у тебе у свідоцтві по українській мові стояла загальна оцінка «три».*

Устный экзамен я сдал на «5», и у меня общая оценка в свидетельстве «4». Запомнился экзамен по геометрии, где я очень громко и назойливо подсказывал кому-то из экзаменуемых у доски, и меня в конце концов Василий Васильевич и его ассистент Никита Петрович выгнали с экзамена как нашкодившего мальчишку за дверь. Естественно, сдавал я потом экзамен в последнюю очередь. До этого я сидел в соседней классной комнате и чуть не плакал от позора, - как же, выгнали с экзамена. Ко мне подошёл Василий Васильевич и сказал:

- *А ну не рюмсяй, а йди та здавай екзамен!*

И он подтолкнул меня слегка в плечо. Как сейчас стоит перед глазами экзамен по Конституции. Мне достался очень лёгкий билет, и я, хоть и побаивался «Голуба», но всё же ответил на «5». Он даже меня похвалил.

Последний экзамен не помню уж по какому предмету, кажется по истории, мы сдали 16-го июня 1952-го года. Эту дату я и считаю последним днём учёбы в нашей Цветнянской семилетней школе. Вскоре после последнего экзамена нам были вручены долгожданные свидетельства. Не было ни сбора всех выпускников, ни торжественно-плаксивых речей, ни искреннего прощания со школой и учителями на выпускном вечере, как это бывает после окончания средней школы. Очень жаль, но всё произошло очень буднично, прозаично, совсем незаметно. Своё свидетельство я получил вместе с тремя другими одноклассниками, с кем-то из вас, дорогие друзья, но сейчас хоть плачь не могу вспомнить, кто получал вместе со мной свидетельства. Стоял жаркий летний день в двадцатых числах июня. Школьный делопроизводитель Галина Саввична Гнида, где-то мной уже упоминавшаяся в этих письмах, вынесла нам из канцелярии на школьный двор свидетельства и ведомость, сверила в них правильность записей на украинском и русском языках, мы расписались в ведомости, взяли из рук Галины Саввичны документы (да, теперь это наши главные документы, паспортов ведь в селе не выдают) и молча разбрелись по домам. Немного грустный финал. Даже не присутствовал никто из учителей. Всё было сказано заранее, главным образом в напутственной речи Варвары Александровны на последнем уроке. Сейчас же был исполнен только официальный акт. Ну что же, для семилеток и не предусматривались никакие выпускные вечера, цветы, подарки и прочее. Для некоторых из нас эти атрибуты впереди, - после окончания средних

школ. А о нашем расставании с Цветнянской семилетней школой, о проведённом вместе времени у нас, дорогие мои друзья, остались только тёплые воспоминания, большая благодарность всем без исключения учителям, смешанная с грустью память о трудном, но таком дорогом для нас, навсегда уходящем детстве.

У меня сохранилось свидетельство об окончании полного курса обучения в семилетней школе. Пожелтевший от времени лист бумаги размером примерно в две страницы из школьной тетради с художественным обрамлением по краям. В самом верху красуется Государственный герб УССР. Ниже привожу полностью содержание записей в свидетельстве. Прошу прощения, что отметки мне придётся приводить свои собственные, - других нет. Не примите это за нескромность, - но тройки в моем свидетельстве не значатся. Итак, под гербом надпись:

УССР
Министерство просвещения

С В И Д Е Т Е Л Ь С Т В О
Выдано настоящее свидетельство Соколовскому Григорию Федосеевичу, родившемуся в 1937 году, в том, что он обучался в Цветнянской семилетней школе села Цветной Елизаветградковского района Кировоградской области. Окончил полный курс семилетней школы в тысяча девятьсот пятьдесят втором году и обнаружил при отличном поведении следующие знания:

По украинскому языку и литературному чтению	- четыре
По русскому языку и литературному чтению	- четыре
По арифметике	- четыре
По алгебре	- пять
По геометрии	- пять
По естествознанию	- четыре
По истории	- пять
По Конституции СССР и УССР	- пять
По географии	- пять
По физике	- пять
По химии	- четыре
По иностранному языку (немецкому)	- четыре
По физической подготовке	- четыре

№ 18
20 июня 1952 г.

Директор школы: Коваленко
Заведующий учебной частью школы: Койда
Учителя школы: Чупринюк
Лобач
Павловская

Круглая печать

Удивляет тот факт, что в свидетельстве отсутствует подпись нашего бессменного классного руководителя с 1949-го года Варвары Александровны Шевченко. В чём здесь дело? Помните, - наш класс остался без фотографии на память о седьмом классе? Не запечатлён образ Варвары Александровны и на фотографии 7-го «в» класса. И вот вместо

неё в свидетельстве расписался Василий Васильевич Лобач. Конечно, я горжусь этой подписью самого видного учителя нашей школы. Но в то же время возникает вопрос, - что же с Варварой? То ли она в то время болела, что представляется маловероятным, потому что насколько я помню, она никогда в отличие от Галины Никитичны не жаловалась на своё здоровье, да и её отсутствие когда-либо из-за болезни тоже не припоминается. Скорее всего у Варвары к тому времени назревал серьёзный конфликт с «Голубом», - в следующем учебном году её в Цветнянской пока что ещё семилетней школе уже не будет. Если это так, то мне очень жаль, что с ней так поступили, в нашей же памяти она остаётся знающей, грамотной, заботливой, добропорядочной учительницей и классным руководителем. Конечно, ни один учитель никогда не был для всех хорошим. Но оглядываясь с жизненной вершины по прошествию многих лет назад, я могу нашим дорогим учителям тихо сказать только несколько слов:

С П А С И Б О В А М З А В С Ё И П Р О С Т И Т Е Н А С!!!

P. S.

Прошло пятьдесят лет. Позади осталась целая половина столетия. Мы давным-давно выросли и успели состариться. Наши дети пребывают в настоящее время в том возрасте, который принято называть средним. А внуки, у кого они имеются, вот-вот закончат среднюю школу. Судьба разбросала нас по самым разным уголкам тогдашней огромной страны, которую теперь можно найти разве что только на старых географических картах. Не существует больше СССР (кто бы мог подумать!), вместо Гимнов СССР и УССР придуманы и утверждены другие гимны. Сейчас никто гимны на школьном плацу не поёт, как это делали мы под бдительным руководством Андрона Марковича Койды. Нам могут не поверить, что мы занимались этим делом со всей серьёзностью. Нашему поколению пришлось пережить великие политические потрясения: смерть Сталина в 1953-м году, хрущёвскую «оттепель» с её невероятными чудачествами, закончившуюся в октябре 1964-го года трагикомичным изгнанием Хрущёва из рая под названием Политбюро ЦК КПСС, длившееся 18 лет брежневское безвременье и затем ещё три года агонии, перестройку Горбачёва, путч ГКЧП в августе 1991-го и, наконец, полный развал СССР в декабре того же года. Не слишком ли много на долю одного поколения? Не забудем же, что ко всему прочему мы ещё и дети войны. Одни переживания! Наше здоровье сильно пошаливает, а некоторых из нас нет уже и в живых. Несмотря ни на что, каждый из нас честно и терпеливо прошёл назначенный судьбой путь. Все мы, друзья мои, из как я называю его элитного 7-го «а» класса нашли себе дело по душе, ни один из нас не стал тунеядцем, пройдохой, вором, грабителем. Боже упаси! Никто не сидел в тюрьме, не попрошайничал, не был никем проклят. Разве что только с некоторыми из нас уж сильно близко познакомился «зеленый змий». Я горжусь вами, дорогие друзья!

…О судьбе Церковной школы мы знаем. Земская же стоит по-прежнему на своём месте. К счастью, никому пока ещё не пришла в голову дурацкая мысль снести её. Школьный плац, где Ангелуца и «Серко» следили за нами, чтобы кто-нибудь лишний раз не топнул ногой по команде «стой», теперь заасфальтирован, асфальт уложен и на той тропинке, которая ведёт наискосок мимо бывшей когда-то библиотеки к школьной калитке. Не найдёте вы даже пней от пирамидальных тополей, возле которых мы фотографировались в мае 1949-го года. Были недавно спилены росшие перед школой и отбрасывавшие на неё солидную тень берёзы. Вместо них посадили другие молодые деревья, но это уже не берёзы. Остались пока ещё три огромные липы и под ними скамейка (конечно, другая). Она мне памятна тем, что на неё «Серко» поднимал для всеобщего обозрения провинившихся учеников, - курильщиков, посещавших церковь, сбежавших с работы на колхозном поле. За липами, в треугольнике между двумя зданиями вырыт колодец с очень приятной, вкусной водой. Бывая в отпуске, я старался

каждый раз непременно посетить школьный двор, пил воду из этого колодца и смею утверждать, что вода в нём отличная. В семидесятые годы главное школьное здание обложили по периметру кирпичем красноватого цвета. Это удобно, во-первых, в классах стало зимой теплее, а, во-вторых, отпала необходимость в очень трудоёмкой побелке наружных стен. Теперь вид у школы стал каким-то серым и угрюмым. С восточной стороны к старому главному зданию было пристроено новое примерно таких же размеров, т. е. школа увеличилась вдвое. В новом здании я не был ни разу. Перед самыми окнами с южной стороны в шестидесятые годы посадили ели, которые выросли до уровня дымоходных труб на крыше (школа до сих пор отапливается печками-грубами!). Там, где в наше время школьников приютила «просяниківська хата», растёт трава с бурьяном вперемешку, - хату снесли. Невдалеке от этого места, у забора с акациями построен учебно-производственный класс, который так и стоит сейчас скорее всего без дела. Кстати, акации у забора ещё те, давние, они очень толстые и очень старые, дорогие немые свидетели нашего послевоенного детства. Вскоре их ждёт, по-видимому, судьба берёз. На стене главного здания, в промежутке между двумя окнами учительской (она и сейчас там находится) установлена мемориальная доска с именем погибшего в Афганистане воина-интернационалиста Юрия Владимировича Заволоки, сына нашей Маши Хлевицкой. Вот такая печальная связь поколений. Юра учился в той же школе, где когда-то вместе со мной училась и его мама, а потом стал жертвой никому не нужной преступной войны в горах далекой чужой страны. Похоронен Юрий на нашем сельском кладбище.

После нашего ухода до весны 1953-го года школой ещё руководил Коваленко. С приобретением статуса средней школы её директором был назначен Иван Леонтьевич Юрченко, - широколицый мужчина среднего роста с интеллигентными манерами. Отныне директорами в Цветном будут назначаться только люди с высшим образованием. После Юрченко на этой должности побывал некто Савченко из Высших Верещак, затем бразды правления школой надолго перешли в руки родившихся и выросших в нашем селе директоров, - сначала Ивана Куприяновича Саенко (он оставался на этом посту лет 20, и его, по всему видимому, пришлось вырывать с корнем не иначе как автокраном) и затем Виктора Филипповича Лихненко, который работает директором школы и по сей день.

Мне как-то долгое время не удавалось побывать внутри школы, пройти через «шлюз» в наш класс, постоять там в раздумьи у четвертой парты в левом ряду. Такая возможность появилась у меня лишь 1-го сентября 1998-го года. В это время я гостил у матери, и моя двоюродная сестра Полина Алексеевна Загнибеда пригласила меня сопровождать вместе с ней в школу трёх её внуков. Я с удовольствием принял такое приглашение и, взяв за руку 7-летнюю Танечку, пришел в школу как всамделишний дед с внучкой. Как же не похож первый школьный день в нынешней школе на те наши первые дни, когда в эту же школу, в это же время (правда, не 1-го сентября, а 31-го августа) приходили школьники нашего, дорогие друзья, поколения! Ни один ученик не приходит теперь в первый день без сопровождающих. Их приводит один, а то и несколько взрослых, - отцы, матери, дедушки, бабушки, старшие братья и сёстры. А нас, как известно, не приводил никто. Мне показалось, что взрослых собралось на школьном дворе больше чем детей. Да, учеников набралось очень-очень мало. Один первый (не совсем полный) класс, один второй, один третий и так до десятого класса, который насчитывал человек 15 от силы. Видавший виды магнитофон воспроизводит звукозаписи известных школьных мелодий (а нам играли Налий Степанович на баяне да детдомовский духовой оркестр!), беззаботно бегают вокруг школы, как и мы когда-то, дети, взрослые расположились отдельными кучками и ведут свои никогда не прекращающиеся сельские разговоры. Снуют сюда-туда незнакомые мне учителя, собирая вокруг себя в отдельные группки учеников вверенных им классов. Но вот музыка стихла, появился директор школы Лихненко, он не взбирается, как это делал «Голуб», на теперь уже для меня историческое крыльцо, никто не строит детей в шеренги, просто все обступают директора плотным кольцом, - и дети, и взрослые. Как же всё-таки мало детей! Просто не верится. Наши

шеренги растягивались по всему плацу, а здесь собрался небольшой островок напротив дверей и всё! Лихненко зачитывает по бумажке незатейливую речь, которую практически никто не слушает, объявляется перерыв, после которого все разойдутся по своим классам. Естественно, я как совершенно новый человек среди постоянной публики не остался незамеченным со стороны директора школы. Он подошел ко мне, сказал, что знает меня, знает и то, что я когда-то давно учился в этой школе, затем осведомился, не желаю ли я зайти в школу, заглянуть в тот класс, где проходили мои школьные дни и годы, ознакомиться с нынешней обстановкой школы. Ещё бы! Конечно же желаю! Просто-таки горю желанием почти что через пятьдесят лет снова пройтись по родной школе и вспомнить, что здесь происходило. С огромным волнением переступаю порог небольшого «предбанника», налево дверь учительской, а я вхожу в правую дверь и оказываюсь в до боли в сердце знакомом квадратном вестибюле. Там, где при нас висел огромный портрет «родного отца» и прочие картинки, теперь мне открылась совершенно голая стена, а на той стене, что слева от входа, где большие часы отсчитывали нашу школьную эпоху и красовалась репродукция с картины В. Герасимова «Ленин на трибуне», я увидел два или три эстампа с мотивами украинской народной вышивки. Вестибюль показался мне очень маленьким и тесным, с низким потолком, может быть, потому, что я давно здесь не был, постарел и утратил чувство масштабности. Прямым ходом сворачиваю влево, открываю дверь «шлюзовой камеры» и, почти не задерживаясь в тоже «родном» классном помещении, с еле сдерживаемым волнением вхожу в свой 7-ой «а» класс, куда я не заглядывал с 1952-го года! Сердце в груди колотится с такой силой, что, кажется, вот-вот вырвется наружу. Всё здесь и так, как было, и не так! Первым делом мне бросилась в глаза классная доска. Она совсем не похожа на ту доску, возле которой когда-то Алик Койда чуть было не свернул левую руку в фигу для Василия Васильевича. К стене приколочена какая-то маленькая рыженькая дощечка, а наша доска была массивной, черного цвета, стояла на двух прочных опорах. А парты! Что это за парты? Какие-то столики со строго горизонтальными поверхностями, под столиками нет никаких полочек. Куда же дети кладут свои учебники, тетрадки, да и школьные завтраки? Для каждого ученика предусмотрен отдельный стульчик со спинкой, а на наших партах было сплошное общее сиденье (лавочка), накрепко соединенное с собственно партой. Но печка! Печка (груба) прежняя! Даже дверца топки у грубы всё та же, дореволюционная, отлитая из чугуна! Здесь ничего не изменилось! Подхожу к четвертой парте, то бишь, к четвертому столику в левом от стола учителя ряду, где я сидел вместе с Леней Гречкой. Перед моими глазами мгновенно возникают картинки из далекого прошлого, они как-будто выплывают из тумана, из небытия, - так давно они были явными. Вокруг меня бегают ребята и девочки, иногда искоса поглядывая в мою сторону. Меня охватывает какое-то необъяснимое чувство, даже не чувство, а состояние. В этот момент я увидел вас, мои дорогие друзья, вместо бесившихся в классе ребятишек. Умом понимаю, что это другая эпоха, что прошла почти что уже вся жизнь, но прошлое так схватило меня за душу, что вырваться оказалось очень трудно. Мне нечем дышать, я задыхаюсь, мое волнение доходит до крайней точки, боюсь, что не сдержу слёз и быстренько выхожу из класса в вестибюль и затем на улицу. Благодарю директора школы за его любезность и вместе с двоюродной сестрой покидаю школьный двор. Экскурсия в прошлое закончена.

А как же сложились дальнейшие судьбы наших учителей и наши с вами судьбы? Давайте по силе имеющейся у меня возможности и не очень-то обширной информации попытаемся все-таки проследить дальнейший путь наших учителей и 24 выпускников 7-го «а» класса Цветнянской семилетней школы после лета 1952-го года. Итак, поехали!

Анна Ивановна Новошицкая и Мария Ивановна Домнич

Эти две сестры, - наши первые учительницы проработали в школе в начальных классах примерно до 1954-го года. В то время они уже достигли такого возраста, когда можно со спокойной душой уходить, как говорится, на заслуженный отдых, что они обе и сделали. До ухода на пенсию Анна Ивановна и Мария Ивановна снимали для жилья помещения у людей, ютились по чужим углам, а после завершения своей учительской карьеры купили себе в начале первого хутора, по ходу улицы слева, впереди хаты Володи Храпачева очень приличный дом с хорошим садом. Занимались работой в саду и на огороде. Я частенько видел их обеих на нашем сельском базаре, где они продавали дары своего сада и плоды труда на огороде. На базар выходила в основном Анна Ивановна, - она помоложе и поздоровее. Когда обе сильно состарились, дом был продан, а Анну Ивановну и Марию Ивановну взяли к себе их дети. Детей Анны Ивановны я не знаю и не видел, а вот сына Марии Ивановны я запомнил. Это был очень импозантный мужчина средних лет, чем-то похожий на тогдашнего директора Ленинградского Эрмитажа академика Иосифа Абгаровича Орбели, с такой же окладистой бородой и широким лбом (Орбели я видел, ясное дело, на снимке). На этом следы наших первых и поэтому, пожалуй, самых дорогих учительниц теряются. Конечно же, их давно нет в живых, но мы их будем помнить до нашего смертного часа. Низкий поклон вашей памяти, дорогие Анна Ивановна и Мария Ивановна!

Дмитрий Пантелеевич и Ольга Павловна Мостовые

Ольга Павловна проработала в школе до середины 60-х годов. Что она преподавала, я, собственно говоря, не знаю, потому что, начиная с 1953-го года, т. е. когда школа стала средней, немецкий язык был заменен на английский, и Ольга Павловна осталась не у дел. Возможно, она снова вернулась в начальные классы, сейчас уже это трудно установить. Занималась домашним хозяйством, воспитывала сына Сергея Мостового. Дмитрий Пантелеевич продолжал работать учителем начальных классов. У четы Мостовых был красивый, добротный, уютный дом, который они построили собственными руками. Чуть позже Ольги Павловны ушел на пенсию и Дмитрий Пантелеевич. Приезжая в село, я часто встречался с ними, они ведь тоже жили на нашей улице. Один раз после окончания института иностранных языков я попытался поговорить с Ольгой Павловной на немецком языке, помня её уроки немецкого в нашем классе, чем допустил по отношению к ней дикую бестактность со своей стороны. Она смутилась и ответила мне на украинском языке коротко и ясно:

- *Гриша, пробач мені, я й тоді майже не знала німецької мови, а зараз навіть те, що знала, забула.*

Мне стало стыдно, я извинился и больше никогда не делал этого при встрече с Ольгой Павловной.

Первым скончался во второй половине 70-х годов Дмитрий Пантелеевич, - сказались и война, и адский труд учителя, и строительство дома. Не надолго пережила мужа и Ольга Павловна. Оба они скончались, не дожив и до 60-летнего возраста. Вскоре Сергей Дмитриевич Мостовой продал дом а сам обосновался в Знаменке, где работает машинистом электровоза.

Вера Тимофеевна….

Вера Тимофеевна промелькнула перед моим взором как яркий метеорит и быстро скрылась за горизонтом. Ничего не знаю о её дальнейшей судьбе. Моя память сохранила только некоторые куплеты из тех песен, которые она так азартно с нами распевала. Каких-

либо других следов не осталось. Я вот думаю, все ли вы, дорогие друзья, помните эту учительницу?

Мария Прокоповна Зосименко

После 1949-го года Мария Прокоповна возвратилась в свое родное село Красноселье и там проработала учительницей до пенсионного возраста. Я даже сейчас не могу вот вспомнить, видел ли я её после этого или нет. Кажется, нет. Несколько раз видел её мужа и спрашивал о ней. На рубеже семидесятых и восьмидесятых годов узнал, что Мария Прокоповна долго болела, потом скончалась и ее похоронили в Красноселье.

Никита Петрович и Домаха Павловна Носенко

Никита Петрович и Домаха Павловна Носенко ещё долго работали учителями в Цветнянской средней школе. По-моему, Никита Петрович даже был одно время завучем школы, кажется, после Андрона Марковича. Я частенько видел их, беседовал с ними, расспрашивал о Виталии. После того как они оба ушли на пенсию, дом в Цветном был ими оставлен (дом не являлся их собственностью, он принадлежал школе). Супруги Носенко переехали в Киев, где в то время жил и работал Виталий Никитич. Там они купили домик и вероятнее всего скрылись бы из моего поля зрения навсегда, если бы в Киеве не оказался мой друг Александр Поликарпович Бойко. Поскольку и Саша, и Виталий работали в одной отрасли, то они имели сведения друг о друге и, кажется, иногда встречались. Поэтому я и узнал от Саши, что чета Носенко пока ещё живы. В конце 90-х годов я вдруг от Саши узна**ю** о страшной трагедии этой семьи. Оказывается, Домаха Павловна уже многие годы лежит прикованная к постели после сильного инсульта. Ухаживает за ней бедный Никита Петрович. Виталий запил, оставил семью, здоровье его сильно подорвано, и как мне потом сообщил Саша, он скончался летом 1998-го года в возрасте 60 лет. А Никита Петрович и Домаха Павловна остались мучиться на этом несправедливом белом свете. Сейчас и не знаю, продолжает ли лежать неподвижно Домаха Павловна или Бог все-таки её принял к себе. Все тот же Саша информирует меня, что по крайней мере Никита Петрович ещё жив. Это сведения на конец 2000-го года. Вот такая грустная картина в отношении этих двух очень нами уважаемых, толковых и справедливых педагогов.

Порфирий Игнатьевич Хлевицкий

После того как Порфирий Игнатьевич благополучно перевёл нас в пятый класс, мы его частенько видели в школе, - он продолжал преподавать в младших классах и мелькал перед нашими глазами чуть ли не каждый день. Иногда с ним случались всякие курьёзы, о которых мгновенно узнавала не только вся школа, но практически и всё село, но все к этому привыкли и старались ничего не замечать. Он стал часто болеть, осунулся, ещё сильнее согнулся и стал ещё больше походить на вопросительный знак, уже не так быстро ходил, ещё сильнее раздражался, если что-то было не так как он хотел. Его никто не трогал во избежание неизменных скандалов. После нашего ухода из школы летом 1952-го года он проработал в ней всего один год. Помню, перед уборкой урожая в 1953-м году (как раз в дни разоблачения Берия) Порфирий Игнатьевич в очередной раз серьёзно заболел и был помещён для лечения как участник Великой Отечественной войны в Кировоградский областной военный госпиталь. Оттуда он уже больше не вышел, Порфирий Игнатьевич Хлевицкий умер от болезней и старых ран в июле 1953-го года. Причиной смерти оказались, естественно, не только болезни и старые раны, но и то, что он все свои силы без остатка отдавал нам. Такой человек, прав он был или не прав, не мог работать вполсилы, уж если работать, то в полную силу. Похоронили нашего Прохвирія на Цветнянском сельском кладбище. Я несколько раз в прошлом бывал возле его могилы,

но сейчас вряд ли бы её нашёл. Прошло много времени, появилось большое количество новых могил, выросли и сплелись ветвями деревья. Если туда часто не ходишь, - то сориентироваться очень трудно. Но мы с вами, дорогие друзья, конечно же, помним Порфирия Игнатьевича, - человека со сложным, противоречивым характером. Его можно было любить, не любить, ругать, смеяться над ним, но забыть такого учителя трудно, практически невозможно. В селе не осталось никого из его близких, умерли жена и старшая дочь Тина, во многом схожая со своим отцом. Уехали и где-то поселились две остальные дочери, - Лидия и Галина. А в нашей памяти живет образ Порфирия Игнатьевича Хлевицкого, и эта память угаснет только с нашей смертью.

Михаил Ильич Ангелуца

Этот «великий инквизитор» после ухода из Цветнянской семилетней школы во всё том же 1949-м году больше в нашем селе не появлялся. Никто его больше здесь не видел. Говорили, что Ангелуца пристроился на какую-то работу в одном из сёл нашего Елизаветградковского района. В каком селе, - сейчас уже трудно восстановить. В середине 50-х годов по селу прошёл слух, что Михаил Ильич скончался от скоротечной чахотки. Всё может быть. Ведь те, кто охранял советские концлагеря в не столь отдалённых местах, болели и умирали от тех же болезней, что и узники этих лагерей. Никаких добрых дел Ангелуца в нашем селе после себя не оставил. Остались только не забытыми его старания как можно больше угодить директору школы Коваленко и даже переплюнуть его. Издавна известно, что не так страшны начальники, как их помощники. Определённую долю его действий можно, конечно, списать на тогдашнее время, но остальное осталось всё же на его совести, в том числе и «знаменитые кресты» на наших буйных головах.

Галина Ананиевна… (старшая пионервожатая)

Галина Ананиевна оставила нашу школу тихо и незаметно, так же как и появилась. Возможно, она встретила свою судьбу и поспешила ухватиться за её гриву, чтобы уже никогда не выпускать из своих рук. Дай же Бог, чтобы так и было! Галина Ананиевна запомнилась мне молодой, симпатичной, доброй по характеру девушкой. Такие обычно долго в девках не засиживаются. Никто из нас её больше не видел и ничего о ней не знаем. Хочется надеяться и верить, что её судьба оказалась во всех отношениях справедливой. Я по крайней мере очень в это верю.

Варвара Александровна Шевченко

Проработав в Цветнянской семилетней школе всего лишь три года, Варвара Александровна оставила её вслед за нами. Наш класс стал единственным, где она занималась с нами как классный руководитель. На протяжении трёх лет Варвара делила с нами и радости, и невзгоды, вела нас как могла к заветной цели. Я никакими фактами не располагаю, поэтому могу только догадываться, но ушла Варвара Александровна из школы скорее всего не по своей воле, а по воле «Серко». Чем-то она ему не угодила,и нависший над ней меч опустился на её голову в период нашего прощания со школой. Не зря же нет её подписи в наших свидетельствах, этого не должно было быть.

Я встречался с Варварой Александровной после окончания школы всего лишь один раз. Это произошло осенью 1958-го года на станции Цыбулево. Я тогда работал разнорабочим в колхозе им. Дзержинского (уже объединенном), и бригадир послал меня на станцию грузить на машину какие-то мешки не то с отрубями, не то с третьесортным зерном. Весь в пыли, в отрубях, я, идя к своей машине, вдруг заметил стоявший возле здания вокзала грузовичек-газик, в кузове которого сидели на скамейке несколько человек, и среди них наша бывшая классная руководительница Варвара Александровна

Шевченко. Мне бы в моем далеко не парадном одеянии пройти не замеченным мимо, но я этого не сделал, а подошел к грузовичку и громко сказал:

- *Здравствуйте, Варваро Олександрівно!*

Она меня сразу узнала и ответила:

- *Здравствуй, Гриша!*

Вид у меня был жалкий, не респектабельный. Не в такой обстановке следовало бы встречаться со своими бывшими учителями, но ничего не поделаешь. Завязался разговор. Варвара начала расспрашивать об остальных ребятах и девченках. Я, что знал, рассказал ей. Помнится, она спросила, женился ли кто-нибудь или вышел замуж. Я ответил, что кое-кто к тому времени уже и женился, и кое-кто из девочек вышел замуж, - время не стоит на месте. Чувствовалось, что Варвара хочет ещё о чем-то спросить, но не решается. Потом все-таки спросила, хотя было и так видно, чем я занимаюсь:

- *Де ж ти, Гриша, працюєш?*

- *А де ж! Ви ж бачите, що в колгоспі, другої роботи у мене немає!*

- *А ти не пробував десь продовжити свою освіту?*

- *Та пробував, але в мене не вийшло,* - я имел в виду попытки учиться в 8-м классе Выше-Верещацкой а затем и Цветнянской средних школ.

- *Жаль! Саме тебе, Гриша, я уявляла собі людиною з принаймні середньою а то й з вищою освітою.*

Думаю, что слова Варвары звучали искренне. Дальнейший разговор не клеился. Мне стало очень тоскливо, даже самому себя жаль, я уж был не рад, что подошел к Варваре. Надо было как-то достойно закончить диалог и уходить прочь. Я сказал:

- *Ще не все втрачено, я ще попробую вчитись!*

- *Хай тобі щастить, Гриша, головне, щоб ти зберіг своє здоров'я!*

Я поспешил к своей нагруженной отрубями (будь они не ладны!) машине и никогда больше не видел Варвару Александровну. Шли годы. На всем их протяжении я не забывал нашего классного руководителя, и вот уже недавно, в августе или в начале сентября 1994-го года мой друг Женя Березовский, который сейчас живет в Кировограде, провожая меня в Москву на перроне в Знаменке, вдруг спросил:

- *А ты знаешь, где сейчас живет Варвара Александровна?*

- *Где же?* – мне было очень интересно узнать.

- *Да-да, она жива-здорова, естественно, теперь на пенсии, проживает в селе Веселый Кут Знаменского района, где она проработала в школе почти что всю жизнь. Ты знаешь что, - напиши ей письмо.*

Я согласился с таким предложением, да вот теперь и не знаю, жива ли ещё она. Сразу как-то не написал, а сейчас боюсь попасть впросак. По возрасту Варвара может ещё быть живой. Вполне. Если это так, то ей где-то под восемьдесят. Дай же Бог, чтобы жила ещё, жила долго наша незабвенная Варвара Александровна. Я всегда Вас буду помнить, дорогая Вы наша учительница и воспитательница. Может быть, именно после той памятной встречи на станции Цыбулево во мне созрело окончательное решение во что бы то ни стало продолжить учебу. Спасибо Вам, спасибо за всё!

Полина Тихоновна Нечуйко

После того как зимой 1950-го года мать Полины Тихоновны получила за самогоноварение приличный тюремный срок и её увезли по этапу в один из концлагерей, сама учительница немедленно покинула село и уехала в неизвестном для меня направлении. Мать вскоре после смерти Сталина была амнистирована и, как я уже отмечал, вернулась в родное село, где и прожила до самой смерти. А вот Полину Тихоновну в селе практически никто не видел. То ли она вообще не приезжала, то ли приезжала каким-то нелегальным путем, - мне трудно судить. Постепенно о ней забыли, в настоящее время в Цветном если и остались люди, которые помнят Полину Тихоновну, то их единицы. Увы! Не такие люди и то забываются! Может, её тоже уже нет в живых. А может жива ещё. Могло быть по-всякому. Одним словом, о Полине Тихоновне минимум

сведений. Но мы-то, друзья мои, должны помнить о ней и благодарить её за нелегкий учительский труд, за хорошее знание математики, за все доброе.

Иван Петрович Гречка

Библиотечная карьера Ивана Петровича закончилась тихо и незаметно, - был библиотекарь, и нет его. В школе он после ухода практически никогда не появлялся, но по селу он, помнится, часто мотался сюда-туда на обветшалом, почерневшем от времени велосипеде. Едет на велосипеде простой сельский мужик, ну никак не похож даже на библиотекаря. Со временем мы перестали обращать на него внимание, как будто он и не сидел в тесном помещеньице школьной библиотеки и не бубнил себе под нос, читая вслух какое-нибудь произведение неизвестного второразрядного автора. Где он потом работал, - вряд ли кто-нибудь теперь вспомнит. Скорее всего пристроился наш Иван Петрович каким-нибудь весовщиком или учетчиком в колхозе. Скончался Иван Петрович в середине шестидесятых годов. Нужно ещё отметить, что он тоже защищал нашу Родину, всю войну провел на фронте, хочется верить, что не в полковой библиотеке. Как бы там ни было, большое спасибо и тебе, Иван Петрович!

Елена Ивановна…

Очень мало проработала в нашей школе славная, молодая учительница русского языка и литературы Елена Ивановна, с лёгкой руки которой Гриша Отрищенко получил такое колоритное прозвище «Корлевич Елисей». Уехала она куда-то весной 1950-го года и тоже больше в Цветном не появлялась. Наверно, судьба забросила Елену Ивановну куда-то далеко, потому что муж её, как говорили в селе, был военнослужащим, и не исключена возможность, что молодая пара отправилась на родину супруга. Дай Бог, чтобы они прожили счастливую жизнь. Ваши заботы и тревоги о наших знаниях нами не забываются, дорогая Елена Ивановна.

Мария Филипповна Юрченко

Во время окончания нами Цветнянской семилетки добрая, терпеливая, смешная старушка Мария Филипповна, можно сказать, уже не работала в школе, а дорабатывала. За спиной Марии Филипповны очень тяжелая судьба. Мало кто знал, например, о том, что она потеряла на фронте мужа и сына, оставшись вдвоём с дочерью-инвалидом Галиной Юрченко. Старая учительница терпеливо несла свой нелегкий крест и не любила рассказывать о своём горе, понимая, что таких как она в нашей стране миллионы. Как мне потом рассказывали и Василий Васильевич Лобач, и Василий Трофимович Лагно, Мария Филипповна мужественно и молчаливо сносила всяческие придирки и насмешки директора школы Коваленко. Некому было её и защитить. А невозмутимая учительница никогда не переносила свои страдания и оскорбления на нас, - учеников. Самым страшным ругательством у Марии Филипповны были слова: «Ах ви безсьовісні!» В 1956-ом году преподавательница всех мыслимых и не мыслимых предметов оставила, наконец, школу и отправилась на пенсию. В конце пятидесятых Марии Филипповны не стало. Её похоронили на цветнянском сельском кладбище, а дочь Галину пришлось позже устраивать в инвалидный дом. Несколько раз я кланялся могиле Марии Филипповны, хотел это сделать и летом 1999-го года, но сколько ни старался, не смог её найти, а показать тоже было некому. Но образ этой простой, безотказной труженицы я буду помнить до последних моих дней.

Галина Никитична Синченко

Несмотря на плач и стоны, жалобы на больное сердце и плохие почки, Галина Никитична ещё долгое время преподавала географию и астрономию в Цветнянской средней школе. Уж поистине скрипучее дерево долго живет. Во время моих наездов в село на побывку я с ней периодически встречался. По моему твердому убеждению внешний вид Галины Никитичны не менялся по меньшей мере в течение 20 – 25 лет. И всё одно и то же: «Я хвора людина, я ледве-ледве ходжу». Помню, в мой первый приезд из Москвы она при встрече спросила:

- *Це ж, Гриша, у тебе є і яка-небудь освіта?*

Я тогда учился на втором курсе института иностранных языков и мне было чем перед нею похвастать, не то, что при встрече с Варварой Александровной в 1958-м году. В 1973-м году Галине Никитичне пришлось пережить страшную трагедию, - в городе Днепропетровске был убит при загадочных обстоятельствах её сын Владимир Нешкреба, аспирант одного из вузов. Я слышал такую версию, что его якобы убили у подъезда дома, в котором он жил, в отместку за какие-то научные разработки. Потом прошёл слух, что это было самоубийство. Не буду ничего утверждать, потому что не знаю обстоятельств гибели Володи. Вскоре я увидел Галину Никитичну. Ясно, что никаких разговоров я с ней не вел, - не ровен час. Я только, понурив голову, тихонько поздоровался. Она мне ответила едва заметным кивком головы. Вид у Галины Никитичны был страдальческий. Оно и понятно. Но удивительно! Наша учительница географии выдержала и этот страшный удар. Откуда же брались силы при таком никудышнем здоровье? Постепенно горе немного утихло, мне ещё не раз после этого приходилось видеться с Галиной Никитичной. В конце 80-х годов после смерти мужа она переехала на местожительство к дочери Вере в село Любомирка нашего теперь Александровского района.. Это в 12 километрах от Цветного. После её переезда мы уже больше не встречались, но моя мать несколько раз видела Галину Никитичну и говорила мне, что, мол, она внешне не меняется. Трудно поверить. Сейчас вот и не знаю, жива ли ещё одна из наиболее известных в селе учителей или нет. Надеюсь, что да. Если это так, то дай ей Бог здоровья на долгие годы, а если Бог принял, то вечная Вам память, дорогая Галина Никитична! Как бы там ни было, а Ваши добрые дела остаются с нами.

Вера Макаровна Замкова

Не надолго после нас оставалась в школе и наша учительница русского языка и литературы Вера Макаровна. Будучи женщиной по характеру сильной и решительной, она вовремя решила разойтись со своим мужем-алкоголиком и тунеядцем Василием «Канаровским», взяла с собой ребёнка и была таковой. В Цветное никогда не приезжала. Василий через несколько лет был убит в пьяной драке, а Вера Макаровна, хочется верить, ещё сумела найти своё счастье. Кроме того, что она отличалась силой духа и решительностью характера, обаяния и симпатии ей тоже было не занимать. Да и годы её не позволяли долгое время находиться в одиночестве. В нашей же памяти Вера Макаровна осталась как знающая, строгая, но справедливая учительница без каких-либо комплексов. Мы не забыли Вас, Вера Макаровна!

Яков Тимофеевич Чупринюк

Яков Тимофеевич остался работать в Цветнянской средней школе. Он оказался одним из немногих учителей, кто пересидел «Серко». Чупринюк был человеком в общем-то безобидным, бесконфликтным, только занудным. По любому вопросу школьной жизни вряд ли он смог бы стать достойным оппонентом директору. Мне кажется, что ему не хватало, к сожалению, ни педагогического мастерства (скажем, у того же скандального Порфирия Игнатьевича его было намного больше), ни смекалки, ни выдержки. Хотя сам по себе Яков Тимофеевич был как человек, безусловно, честным, порядочным, преданным

своему делу. Но что поделаешь,если Бог не дал ему ни маленькой доли той искорки, которая так необходима любому учителю. Действовал учитель истории, как ему казалось, по всем правилам преподавательской методики, старался изо всех сил, но выстрелы получались холостыми. Дети его не понимали и не любили, - чего там греха таить. Очень жаль. Но Чупринюк продолжал выполнять свои учительские обязанности как мог. Я часто его видел, здоровался, он мне приветливо отвечал, но у нас с ним никогда не клеился разговор, как это происходило при встречах с другими нашими бывшими учителями. Ничего не выходило! Не о чём было говорить! Весной 1958-го года Яков Тимофеевич серьёзно заболел. Работа с детьми, отдача всех сил (большей частью впустую) подорвали его здоровье. Летом того же года он умер. Не знаю даже, где он похоронен, - то ли на нашем кладбище, то ли на его родине в Западной Украине, то ли в Киеве (там жила его дочь). Несмотря ни на что, мы помним Якова Тимофеевича и благодарим за его труд. Таисия Федоровна после смерти мужа оставила работу в школе, жила в последнее время не то у дочери, не то у сына Виктора Яковлевича. Там она, наверно, и скончалась, там же её и похоронили. Виктор Чупринюк закончил в свое время Московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева и сейчас работает где-то в Черкасской области в Украине.

Алексей Трофимович Павловский

Алексей Трофимович принадлежал к той категории людей, которые всегда и всюду приноравливаются к любым условиям, к любой работе, большей частью под названием «не бей лежащего», к любому начальству. У него не было практически никакого образования, не говоря уже о педагогическом, и в 1953-м году Павловский оставил свое физкультурное поприще в Цветнянской школе. Собственно говоря, образование для должности физрука тогда и не требовалось, мы это помним ещё по Ангелуце. Однако Алексей Трофимович обладал одним очень серьёзным преимуществом перед другими, - он был членом ВКП(б) а затем КПСС. Из Павловского получился неплохой номенклатурный работник местного пошиба. Благо характер его и поведение способствовали продвижению по всевозможным сельским должностям. По натуре своей Алеша Павловский, как его многие звали в селе, считался абсолютно бесконфликтным человеком. Вот его и избрали в 1953-м году председателем сельского совета, где он проработал целых пять лет до 1957-го года, после чего был назначен председателем правления промышленной артели им. Ленина (производство гончарной посуды, к которому Павловский не имел никакого отношения). В 1964-м году Алексея Трофимовича избирают председателем Цветнянского потребительского кооператива (сельпо). Ещё одна «ледача посада». После того как он сельпо успешно развалил, его, наконец, «бросили» с явным понижением в колхоз им. Дзержинского на должность учётчика полевой бригады, при этом в деле учета Алеша не смыслил ни шиша. Вначале 70-х годов колхоз им. Дзержинского был присоединен к соседнему красносельскому колхозу «Россия» и таким образом прекратил, правда, на некоторое время своё существование. Алексей Трофимович остался вообще без «портфеля». Ему пришлось срочно устраиваться страховым агентом в Александровском отделении Госстраха. Эта работа оказалась для Алеши хлопотной, - надо было ездить по селам, заключая страховые договора, скитаться вдали от дома. Не долго думая, он уволился , впервые оказавшись не то что без должности, но и без работы. Все эти годы я , приезжая в село, регулярно виделся с Алексеем Трофимовичем, и мы подолгу беседовали на самые различные темы, иногда даже за рюмкой водки. Ещё когда он работал председателем сельпо, я его однажды спросил:

- *Ну как там Вам работается, Алексей Трофимович?*

Павловский хитро прищурил один глаз и ответил:

- *Все було б добре, та люди, понімаешь, не чесні.*

Я всё понял. А в 1979-м году после его ухода из Госстраха уже я хитро спросил Павловского:

- *Де ж Ви, Олексій Трохимович, зараз працюєте?*

На что Алексей честно и откровенно признался:

- *Та я, понімаешь, робив би уже й на конях в колгоспі, то й коней уже ж немає.*

И мы оба рассмеялись. Но фортуна, не раз улыбаясь Павловскому в прошлом, улыбнулась и на этот раз. Колхоз им. Дзержинского вернул себе со скандалом статус независимости, и Алексею Трофимовичу предложили место заведующего колхозным складом горюче-смазочных материалов – ГСМ. Золотое дно! На этой «хлебной» должности и завершилась трудовая карьера Алексея Трофимовича Павловского. Дожив до солидного возраста и чувствуя себя не совсем здоровым, он ушел на пенсию. Во время нашей очередной встречи Павловский прокомментировал мне свое решение уйти на покой следующим образом:

- *Хватить, понімаешь, нехай ще другі попрацюють!*

Так и жил спокойно Алексей Трофимович до зимы 1994-го года. В ту зиму он сильно простудился, серьёзно заболел и весной того же года скончался в возрасте 73 лет. Похоронен Алеша на сельском кладбище рядом с могилой своего отца. Вскоре умерла и его жена Тина, а затем трагически погиб в Кривом Роге сын Леонид. Дочь живет где-то в других местах. Построенный Алесеем дом некоторое время пустовал. Страшно было смотреть на дико заросший бурьяном двор. Да, всё проходит! Сейчас в этом доме живет одна из племянниц Тины Павловской.

Григорий Исаакович Деревянко

Ещё до нашего окончания школы Григорий Исаакович уволился как из детдома, так и из школы и куда-то исчез. Долго о нем я ничего не слышал. И вот в семидесятые годы (а может быть, и раньше) он вдруг снова появился в Цветном. На сей раз пенсионер Деревянко обосновался в селе капитально, построил хороший дом, наладил хозяйство, Если бы мне не сказали, когда я его после такого длительного перерыва увидел, что это именно он, сам бы я Григория Исааковича не узнал. Ветеран войны, естественно, постарел, даже вроде бы стал ниже ростом, но несмотря на то, что ему уже немало лет, выглядит великолепно. Дай же Бог ему доброго здоровья!

Мария Марковна Павловская (Коцур)

Мария Марковна не провела в нашем классе ни одного урока, но поскольку она являлась классным руководителем 7-го «в» класса, то несколько строчек придется посвятить и ей. Начиная с 1951-го года и до самой пенсии, Мария Марковна проработала учительницей русского языка и литературы в Цветнянской средней школе. Здесь же она проживает с мужем и по сегодняшний день. Недавно ей исполнилось 72 года, и в этой седой, сгорбленной старушке сейчас трудно узнать молодую, стройную, симпатичную учительницу, которую мы помним по 1952-у году. В настоящее время Мария Марковна занимается с мужем в основном возделыванием овощей и фруктов в собственном огороде и саду. Сельский труд нелегкий, и жилистые, почерневшие от земли руки Марии Марковны никак не назовешь руками, которые привыкли только к карандашу. Но такими руками старая учительница может только гордиться, что дано не каждому учителю. Пожелаем же Марии Марковне доброго здоровья, хороших урожаев, благополучия, спокойствия и душевного тепла.

Василий Трофимович Лагно

Вот уж кто воплотил в себе образ сельского учителя, - так это Василий Трофимович. И вид его напоминает крепкого, мудрого, немного хитроватого, спокойного и рассудительного крестьянина с признаками особой сельской интеллигентности. Он никогда не стремился как-то выделиться среди других учителей, скажем, стать завучем а то и директором. Нет! Это не в его стиле. Он предпочитал возиться с детьми начальных классов, учил их уму-разуму, прививал любовь к сельскому труду, которого сам никогда

не боялся и мог делать в селе всё, что только там требуется делать. Он любил детей, не жалел для их обучения и воспитания ни сил, ни здоровья, ни времени. Ещё раз скажу о том, с каким энтузиазмом Василий Трофимович постоянно, сколько я помню, исполнял роль новогоднего Деда Мороза. Короче говоря, трудно себе представить нашу сельскую школу без такого опытного, надёжного учителя начальных классов. Лагно прожил большую, сложную жизнь. Судьба-злодейка навязала ему вечную боль. У него было 3 детей. Старшая дочь Нина росла слабой, болезненной девочкой. Выросла, вышла замуж, но вскоре умерла. Сын Григорий родился абсолютно лишенным ума мальчиком. Григорий ещё жив, ему исполнилось 65 лет, живет с родителями и поныне. Первая жена Василия Трофимовича, мать Григория умерла, он женился второй раз, самому ему где-то за 90. Очень старый, слабый, больной человек. Я видел его в марте 2000-го года, разговаривал с ним. Сейчас и не знаю, - жив ли ещё старый учитель. Младшая дочь Любовь учительствует где-то в Долинском районе Кировоградской области.

Николай Григорьевич Коцур

Старшего пионервожатого Николая Григорьевича Коцура я ненавидел всеми фибрами души. Ну не сошлись мы с ним ни по каким параметрам отношений! Как он ко мне только ни подъезжал, чтобы привлечь меня к общественной работе в школе, - я всегда отбрыкивался, как мог. Так ничего у нас и не получилось. Мы только невзлюбили друг друга, если не сказать больше. Могу ещё от себя добавить, что особым педагогическим талантом от Николая Григорьевича даже не пахло. Да он, пожалуй, и не стремился стать учителем, просто так кантовался в школе вожатым, чтобы особо себя не перегружать. После нашего ухода он ещё проработал там год или два, затем надолго куда-то уехал, И я почти что забыл о его существовании. И лишь ранней осенью 1994-го года, когда я ехал в местном автобусе в райцентр Александровку, узнал во впереди меня сидящем пассажире, - старом, болезненном человеке Николая Григорьевича Коцура. Он сильно изменился, похоже, что пил горькую, не щадя сил. В первый момент у меня возникло желание поговорить с ним, но потом я передумал. О чём говорить? Что вспоминать? Прошло так много времени, да и отношения наши нельзя было назвать безоблачными. А ещё через три года я узнал, что Николай Григорьевич скончался, царство ему небесное. Так я и не знаю, где он находился и что он делал. Кто-то мне говорил, что он часто менял жён, мытарился по белу свету и нигде не оставил что-нибудь такое, о чем можно было бы вспомнить.

Александр Никитич Хмара

После доведения школьной библиотеки «до ручки» «Шурко» вдруг загорелся желанием стать в ряды нашей славно-бесславной милиции, благо там всегда есть свободные места. Взяв на поводок свою знаменитую овчарку, «Шурко» отправился служить участковым милиционером в Александровское районное управление внутренних дел УССР. Как уж он там исполнял свои обязанности, - у меня смутные представления, но думаю, что, дежуря по ночам в отделении, обобрал не одного слегка подвыпившего и поэтому зазевавшегося прохожего. Эта работа ему явно нравилась, да и общение с собаками в милиции поощрялось и поощряется. Несколько раз я видел его появление в Цветном, милицейскую форму «Шурко» не снимал даже дома, - то ли она ему так нравилась, то ли не было ничего другого одеть. После того, как «Шурко» из милиции за какую-то провинность с треском вышвырнули, другой легавой работы он так больше и не нашел. Жил в Цветном, постоянно пьянствовал, разошелся с женой, которая вскоре умерла. Бродяжничество продолжалось, уже без собаки. Наконец, лет шесть тому назад «Шурко» исчез. Исчез в полном смысле этого слова. Его не нашли ни живым, ни мёртвым. Не найден он и до сих пор. Согласно закону Александр Никитич Хмара числится без вести пропавшим. Он не может быть признан мертвым, потому что не было найдено его тело. Среди живых его тоже никто не видел. Вот такая страшная судьба у нашего незадачливого библиотекаря.

Василий Васильевич Лобач

К весне памятного для нас 1952-го года над нашим дорогим учителем математики и физики повис меч. Только его занес не пресловутый Дамокл, а вполне реальный директор Цветнянской семилетней школы Коваленко. В то время, когда мы получали свидетельства об окончании школы, дни пребывания Лобача в школе были уже сочтены. Не мог «Голуб» простить талантливому учителю его обширные знания, педагогический дар, независимые суждения. И под осень того же года Василию Васильевичу пришлось на время уйти из школы. Уйти, чтобы потом снова надолго вернуться. Лобач устроился воспитателем в детдоме. Должность явно ниже его педагогических возможностей. Но слава Богу его скитания продолжались недолго, всего один год. В сентябре 1953-го года, когда среднюю школу возглавил Иван Леонтьевич Юрченко, Василий Васильевич занял подобающее его знаниям место ведущего математика и физика в старших классах. Проработал он в этом статусе до лета 1981-го года, до дня своей смерти. Получается 28 лет. Практически каждое лето я встречался с Василием Васильевичем, когда гостил у матери. Мы подолгу с ним беседовали. Именно от него я узнал многие моменты из биографии Григория Михайловича Коваленко, интересные факты из жизни учителей нашей школы того периода. Бывало, иду мимо его двора, что в нескольких десятках метров от дома моей матери, а он стоит у ворот и загадочно улыбается. После взаимных приветствий Василий Васильевич прищуривает один и широко открывает другой глаз (до боли знакомая ужимка!), затем как заговорщик тихо предлагает:

- *Зайди, сусід, потолкуємо. Марія Михайлівна якраз наварила сьогодні доброго борщу, а у мене десь завалялась пляшка крепкого самогону. Ми її зараз реалізуємо!*

Да, дорогие друзья, - Василий Васильевич, нечего греха таить, любил опрокинуть в тесном кругу друзей и знакомых стопочку-другую. Никто его за это не осуждает. Мария Михайловна подает на стол закуску, среди которой выделяется вкусными запахами наваристый борщ. К нам присоединяется их сын Вячеслав, - добрый, приятный малый, учитель музыки и пения а также преподаватель в младших классах. Когда Слава немного «переберет», Василий Васильевич полушутя-полусерьёзно говорит ему:

- *А ну йди вже звідси, п'яна пика!*

Слава, смеясь, уходит, а мы ещё долго продолжаем разговор. Какие же это были задушевные беседы! Я их не забуду до последнего моего часа! Он часто жаловался на тогдашнее отношение к учёбе, - и со стороны учеников, и со стороны учителей. Лобач так работать не мог, совесть не позволяла. Давно уже не молодой учитель по-прежнему отдавал учебному процессу все свои силы, всю свою неуёмную энергию. А и без того слабенькое здоровье медленно таяло. К концу 70-х годов Василий Васильевич серьезно жаловался на здоровье, весь издерганный, усталый. В июле 1979-го года я с моим другом, врачем Евгением Сергеевичем Березовским шел по улице в Цветном, и нам случайно повстречался наш любимый математик. Лобач озабоченно попросил Евгения Сергеевича:

- *Женя, прийди, будь ласка, до мене, послухай мене як слід. Чи ще довго цьому дідові коптить білий світ? Щось я дуже погано себе почуваю.*

Конечно же, Женя посетил Василия Васильевича, осмотрел его, послушал, измерил кровяное давление и пр. Пациента он заверил, что всё у него в порядке, просто надо себя поберечь, поменьше нервничать, уменьшить нагрузки. Мне же Женя под строгим секретом сказал, что сердце у Василия Васильевича очень слабое и вообще он долго не протянет. Помнится, после осмотра мы были приглашены за стол (я сопровождал Женю и пока он освидетельствовал учителя, я мило беседовал с Марией Михайловной и Вячеславом на скамейке под деревьями). Выпили, как полагается, на столе мне запомнился свежий мед и оладьи к нему. Протянул же Василий Васильевич после этого осмотра только два года. Последний раз я его видел в июне 1981-го года, когда он, закончив трудный для него учебный год, собрался уходить на пенсию. Мы с ним побеседовали, как это часто бывало, сидя на скамейке. Ничего подозрительного тогда в его настроении и поведении я не заметил. Но показался мне Василий Васильевич каким-то

уж очень грустным, слишком сдержанным, не похожим на самого себя. Мог ли я тогда подумать, что вижу своего учителя в последний раз! Ровно через месяц Василия Васильевича не стало. Он скончался в июле 1981-го года, прожив на свете ровно 60 лет. К моменту его кончины я уже возвратился в Москву и, к сожалению, не смог проводить дорогого мне человека в последний путь, Мать говорила мне, что его провожало к месту вечного пребывания практически всё население Цветного. Могила Лобача находится на сельском кладбище невдалеке от дороги, к ней часто приходят люди, отдавая дань памяти этого незаурядного человека нашего села. С фотографии смотрит знакомое лицо, которое вот-вот скажет:

- *Садись! Единица! Можете возражать!*

Мне грустно, когда я смотрю на это лицо, и передо мной неизменно встает живой Василий Васильевич. Он жив в нашей памяти. Встречаясь с Вячеславом Лобачем, мы непременно вспоминаем добрым словом его отца, - этого не простого, загадочного, щедрого душой, трудолюбивого и честного человека. Вечная тебе память, дорогой Всилий Васильевич!

Андрон Маркович Койда

Карьера Андрона Марковича пошла после нашего окончания школы на убыль. И вообще он в последнее время как-то притих, стал менее заметным и, как мне теперь известно, всё чаще и чаще припадал к стакану, - начал потихоньку пить. К тому же, подрывая позиции Андрона Марковича изнутри, усилила свой невероятный натиск и Лукия Андреевна. Завучем он проработал до осени 1953-го года. При директоре Юрченко Койда числился уже скромным рядовым учителем украинского языка и литературы. Прекратились его пламенные выступления и грозные окрики на детей, после смерти Сталина не нужно уже было делать сильный упор на идеологию. Начиналась хрущёвская «оттепель» и требовались другие ориентиры. Мне часто доводилось видеть Андрона Марковича, но в то время мы с ним ещё никаких бесед не вели. Пока что по инерции соблюдалась определённая дистанция, - он завуч, а я простой ученик. Пролетали как птицы десятилетия. Я уехал из села и появлялся там лишь один раз в год во время отпуска, да и то не ежегодно. Случилось так, что после длительного перерыва встретился я с Андроном Марковичем только летом 1976-го года. От прежнего грозного Андрона не осталось и следа. К тому времени он ушел на пенсию и в основном пас по заданию Лукии Андреевны корову. Стал не совсем опрятным, в не свежей рубашке, превратился в сельского старичка со следами выпивки на морщинистом лице. Повстречал я его на опушке леса возле бывшего детдома, от которого кроме воспоминаний ничего не сохранилось, - постройки пришли в негодность, потом их разобрали сельские жители на дрова. Сироты выросли и разъехались, остававшихся детей-сирот при живых родителях куда-то перевели. Цветнянский детский дом как таковой прекратил своё существование. Но вернемся к Андрону Марковичу. В руках у Андрона длинный веревочный повод, на котором привязана очень красивая молодая кормилица семьи - рыжая корова. Из засаленного наружного кармана видавшего виды пиджачка выглядывает кусок черного хлеба, края которого ощипаны рукой пастуха. Видать, Андрон тяпнул втихаря стаканчик самогона, чтобы не дай Бог Лукия Андреевна не увидела, и потом потихоньку закусывал на ходу хлебными корками. Я поздоровался с ним. Похоже, Койда не сразу меня узнал (кстати, он тоже был близорук). Лишь через некоторое время он сказал мне, что узнал меня по голосу. Господи! Как же время может изменить человека! Завязалась беседа. Естественно, мы вернулись на четверть века назад, вспомнили родную школу, учителей и, конечно же, «Серко». Кое-что о директоре я узнал тогда и со слов Андрона Марковича. Дело прошлое, и бывший завуч охотно делился со мной воспоминаниями и его тогдашними наблюдениями. Я спросил о сыне Валентине и дочерях Елене и Зое. Все разъехались, Зоя, например, работала тогда (и сейчас работает) врачем в Кировограде. Затем мы встретились в июле 1979-го года, когда я спросил Андрона о тех злополучных, не существовавших, якобы провокационных письмах от 1949-го года, когда вся школа

была поставлена с ног на голову в поисках политического криминала. Андрон Маркович ещё сильнее постарел, чувствовал себя неважно. Часто болела теперь и неугомонная христианка Лукия Андреевна Койда. Она, кажется, первой и скончалась у Зои Андроновны в середине восьмидесятых годов. А потом тихо и незаметно ушел в мир иной и Андрон Маркович Койда. Это случилось также у дочери в Кировограде. Родителей Зоя Андроновна похоронила на Цветнянском кладбище, ей же досталось в наследство и всё хозяйство, - построенный отцом и матерью добротный дом, сад с огородом и прочее. Так закончился жизненный путь нашего завуча, друга и соратника «Голуба». Мы помним Вас, Андрон Маркович!

Григорий Михайлович Коваленко

Директор Цветнянской семилетней школы Григорий Михайлович Коваленко, который как никто другой имел аж три прозвища, проработал после нас тоже всего один год. Когда наша школа получила статус средней школы, и её возглавил другой директор, «Джаша» перевели на работу директором такой же семилетней школы в село Подлесное все того же Елизаветградковского района. Следы его не затерялись. Нет-нет, да кто-нибудь и увидит «Голуба» то в Елизаветградке, то ещё где-нибудь. Мир тесен! Лично мне довелось видеть нашего бывшего директора два раза. Первый раз это случилось в сентябре 1956-го года на районной сельскохозяйственной выставке в Елизаветградке. Помню, мы приехали в райцентр на колхозном грузовике, чтобы побродить по выставке, ознакомиться с её экспонатами. Тогда было модно устраивать подобные выставки на разных уровнях, - всесоюзные, республиканские областные, районные и чуть ли не сельские выставки. Это уже летела послесталинская, хрущёвская пыль в глаза. И вот иду я по территории выставки, вдруг вижу - стоит как столб наш «Голуб», немного постаревший, лицо под стать глазам тоже серое, пепельного цвета. Так же смотрит вдаль, так же слегка подшмыгивает носом, обнажая некоторую часть верхних зубов. До чего же знакомый образ! А рядом с ним пристроился мужчина примерно такого же роста и возраста как и «Голуб» и ещё несколько человек, скорее всего педагогический коллектив Подлеснянской семилетней школы. Когда я поравнялся с ними, то отчетливо услышал из уст Григория Михайловича:

- *Адже ж так, Іван Павлович?*

Ну думаю, сейчас Иван Павлович отчебучит в стиле Андрона Марковича:

- *А вже ж, а вже ж…*

Но Иван Павлович только кивнул утвердительно головой. Традиция продолжалась… Я пошел дальше. А летом 1959-го года я навещал кого-то в Елизаветградковской районной больнице (хоть убей, не могу вспомнить, кого именно). На скамейке под деревьями на больничном дворе одиноко сидел Коваленко в больничной одежде, понурый, невеселый, с опущенной головой. Да, вид у нашего бывшего директора школы был совершенно не геройский. Вначале я хотел было подойти к нему, поздороваться и спросить о самочувствии. Но потом какая-то сила отвела меня от той скамьи, на которой он сидел, и я, сменив маршрут, прошагал в стороне от «Серко»… Сейчас я об этом сожалею, потому что не имел морального права проходить мимо. Ведь каким бы он ни был, всё же у него были перед нами и немалые заслуги. Не хочу на сей раз повторяться, вы, дорогие друзья, и сами знаете, что я имею в виду. А тогда я почему-то испугался, что не найду общей темы для разговора. В этот день я видел Григория Михайловича Коваленко в последний раз. Вскоре я узнал, что совсем больной директор школы оставил работу и поселился в Елизаветградке. Умер Григорий Михайлович в начале 60-х годов и там же и похоронен на елизаветградковском кладбище. Не знаю, жива ли ещё Ольга Мусиевна, она моложе «Голуба» лет на 10. Где-то живут и работают его дочери Светлана Григорьевна, которую я видел в середине 60-х годов, и Галина Григорьевна. Хочется верить, что они живы-здоровы и счастливы.

* * *

А я на этом заканчиваю портретную галерею наших учителей и приступаю к последнему аккорду моих затянувшихся писем-воспоминаний. Осталось лишь проследить, насколько мне это удастся, пути-дороги 24 выпускников 7-го «а» класса Цветнянской семилетней школы 1952-го года. Вот они, - наши такие простые и в то же время очень не простые судьбы!

Анатолий Несторович Березовский
(Род. в 1937 г.)

Не мудрствуя лукаво, Анатолий сразу же после получения свидетельства подал документы в Выше-Верещацкую среднюю школу. К знаниям Толя шагал прямой дорогой, не то что, например, я. Вновь опережая события, отмечу, что я тоже целую четверть проучился в Выше-Верещацкой школе и сидел за одной партой с Толей Березовским (Толя! Ты помнишь? Подтверди!), но это так, к слову. Десятый класс Анатолий закончил летом 1955-го года. Высокий, красивый парень, хорошо поёт, танцует, играет на гитаре. Честно говоря, я ему завидовал. Но куда податься? Попробовать поступить в институт, - вряд ли у матери хватит сил и средств учить сына (отец Анатолия находился к тому времени в одном из сталинских концлагерей, скорее всего без особой на то вины). И Толя решает уехать в Донбасс и устроиться там на работу в одной из шахт, зарабатывая себе на кусок хлеба и на учёбу, возможно, на вечернем или заочном факультете. Ровно через один год Анатолия призвали на действительную службу в Советскую Армию. Да не прямо в воинскую часть, а сначала на целину, убирать невиданной щедрости урожай 1956-го года. Помните, дорогие друзья, целинную эпопею? То-то же! После целины Анатолий оказался на службе в Западной Группе войск в Польше. Прослужив положенные тогда три года, был уволен в запас и приехал домой, в родное Цветное. Во время его службы мы обменивались письмами, а увиделись в декабре 1959-го года. Вскоре Анатолий Несторович устроился на работу воспитателем в Цветнянском детском доме, а потом поступил на учебу на заочном факультете Черкасского Педагогического института им. 300-летия воссоединения Украины с Россией (вот какие имена носили тогда вузы, теперь такие названия не могут присниться даже в кошмарном сне). После того как я уехал из села, мы уже редко встречались. Анатолий Несторович закончил институт и получил диплом преподавателя русского языка и литературы в средних школах. Кажется, в 1967-м году женился на Татьяне Марковне Гавриловой, - симпатичной, умной девушке с доброжелательным характером. Тогда же Анатолий и Татьяна приезжали на экскурсию в Москву и посетили меня и мою семью в московской коммунальной квартире. К началу 70-х годов Анатолий Несторович работал уже директором восьмилетней школы в селе Разумеевка Александровского района. Именно там я гостил у Анатолия и Татьяны в сентябре 1971-го года. Встреча была радостной и богатой на выпивку. Анатолий Несторович показал мне вверенную ему школу, музей нашего великого земляка, героя Отечественной войны 1812-го года генерала Николая Николаевича Раевского. Музей создавался благодаря немалым усилиям именно Анатолия Несторовича Березовского. После Разумеевки Анатолий и Татьяна работали некоторое время в школе села Стецовка Чигиринского района Черкасской области. Это недалеко от нашего села, как мы говорили «за лесом». По-моему, после Стецовки Березовские купили в Чигирине дом и там тоже работали в одной из средних школ. В это время и сосотоялась наша последняя (надеюсь, на сегодня) встреча, когда и он, и я гостили в Цветном. Это произошло в конце июля 1979-го года, почти 22 года тому назад. Мы провели с Анатолием два прекрасных вечера (он гостил у матери без Тани), - один у него и один у меня. Помнится, его мать угощала нас очень вкусно приготовленной молодой картошкой. Мы многое обсудили и вспомнили, сходили даже на прогулку в наш лес. К тому времени Анатолий Несторович закончил курсы по организации туристических походов и поездок и с увлечением рассказывал мне об уже совершенных под его началом экскурсиях по родному краю. С тех пор мы не виделись. Анатолий с Татьяной обосновались затем в городе Золотоноша Черкасской области, где проживают в своем доме и по сей день. Обо всем этом я имею информацию

от проживающего в Киеве Саши Бойко, - он иногда встречается с Анатолием. Сейчас Анатолий Несторович на пенсии, но он, слава Богу ещё полон сил и энергии, продолжает работать, поет в церковном хоре и путешествует. Детей у Анатолия Несторовича нет, но есть дочь и внуки Татьяны Марковны, которые, я уверен, доставляют радость и бабушке, и дедушке. Дай Бог, чтобы они жили долго-долго, были здоровыми и бодрыми. Я всё же надеюсь, что когда-нибудь ещё успею ступить на порог их дома, и Анатолий Несторович нахмурит в шутку брови и сердито мне прикажет:

- *А ну біжи почисть чоботи, а потім уже прошу в хату!*

И мы крепко обнимемся.

Юрий Павлович Близна
(Род. в 1937 г.)

Юрий в том же 1952-м году, 15 лет отроду уехал на далекий Север, в Мурманск. Там жил и работал его родной дядя, который и устроил Юрия в какое-то морское училище или скорее всего на краткосрочные курсы рыбацкого флота. Позже Юрий оказался на одном из рыболовецких траулеров в должности матроса. Таким образом, Юрий Павлович стал моряком дальнего плавания. На берегу он не бывал и по шесть, и по восемь месяцев, а то и по целому году. Настоящий моряк. Плавал Юрий Павлович долго (вернее сказать, ходил походами), - больше двадцати лет. Точно знаю, что был один раз женат. Но что значит быть женой моряка дальнего плавания? Нужно обладать нечеловеческим чувством любви к уходящему почти что на год в море мужу-моряку. Не все жены моряков готовы к таким испытаниям. Юрий Павлович развелся с женой, а вот женился ли он ещё после этого, - не знаю, а спрашивать неудобно. Раза два мы с ним в Цветном случайно встречались. Как-то так получалось, что поговорить как следует не успевали. Побеседовать по-настоящему удалось лишь летом 1976-го года. Как истинный моряк Юрий Павлович не умел проходить мимо наполненной водкой рюмки. Но пить умел и разум, как говорится, не пропивал. Спустя некоторое время, я узнал, что Юрий Павлович списан на берег, переехал в Цветное и работает в колхозе им. Дзержинского. Ну что же, морская пенсия заработана, а доработать до пенсионного возраста можно и в колхозе. Прошло немало лет, мы не встречались, и лишь в 1999-м году нам удалось за кружкой пива поговорить по душам. А случилось когда-то с Юрием Павловичем Близна вот что. Их траулер зашел в один из канадских портов, не то в Сент-Джонс, не то в Галифакс. В иностранных портах моряки, как правило, отправляются в увольнение на берег. А власть-то была ещё советская! И она предписывала отправляться на берег только группами не менее 10 человек в каждой, и чтобы на каждую группу обязательно назначался старший (существовало даже такое идиотское понятие как групповод, правда, оно было больше применимо к демонстрациям на праздники). Старший должен был нести ответственность за поведение каждого моряка. Тупость и глупость! Типичный советский подход к обезличиванию людей, «бригадный» принцип, подробно описанный, правда, в значительно более ужасных условиях А. И. Солженицыным в его бессмертном «Архипелаге ГУЛАГ». Старшим же в группе моряков на канадском берегу оказался Юрий Павлович Близна, который, конечно же, не мог подозревать, что один из моряков сойдет на берег, а на корабль не вернётся. Вот и поперли нашего Юрия Павловича ни за что, ни про что с флота, и оказался он в Цветном. Пенсию он все-таки получает по нелегкой морской норме за свой каторжный рыбацкий труд, живет один, без семьи, возле пожилой, но ещё крепкой матушки. Сам все делает по хозяйству, очень много читает, хорошо разбирается в любых вопросах непростой нынешней жизни. Выглядит по нашим годам неплохо. Помнит наши школьные дни, охотно поддерживает беседы о прошлом, интересуется по силе возможности нашими судьбами. Мне было очень приятно вести разговор с Юрием Павловичем Близна, нашим другом школьного детства. Крепкого тебе здоровья и долгих лет жизни, Юрий Павлович!

Александр Поликарпович Бойко
(Род. в 1938 г.)

Мой близкий школьный друг Алик (Саша, Александр) Бойко, недолго думая, твердо решил продолжить учебу и отнес документы в Высшие Верещаки с целью поступления в среднюю школу. Так получилось, что документы мы подавали с Александром вместе, в один день, хотя затем и не пришлось больше учиться в одном классе ни одного дня. Ты помнишь, Саша, была среда, в Высших Верещаках это базарный день. Дело было после небольшого дождя, стояла приятная прохладная погода. Мы пришли в Выше-Верещацкую школу, а нам сказали, что документы должен смотреть сам директор школы Алексей Никитич Смалыус и он сейчас находится скорее всего на базаре. Мы с тобой перешли дорогу и оказались в гуще базарной публики. К директору нас подвела уже учившаяся в этой школе наша землячка Галина Выдыш, которая привела с документами свою младшую сестру Раису. Помнишь? Директор оказался не в одиночестве, а на пару с учителем математики Афанасием Зосимовичем Хименко. Смалыус попросил нас тут же, прямо на базаре показать ему наши свидетельства, мол, стоит ли вообще о чем-то говорить с этими босяками (а я, кажется, действительно приплелся поступать в школу по грязи босиком, - не помню). И вот Алексей Никитич молча рассматривает наши свидетельства, а Хименко, заглядывая в них из-за спины директора, чуть ли не на весь базар комментирует:

- *Молодці, хлопці, молодці! Навіть не сумнівайтесь, вас обов'язково приймуть в нашу школу*.

Было приятно, черт возьми, слышать такую оценку и в свой адрес и в адрес нашей школы. Правда, Саша?

Александр успешно закончил десять классов в 1955-м году. Более чем успешно, - он закончил среднюю школу с серебряной медалью, которую я с полным основанием назвал бы золотой. Просто в том году золотыми медалями не разбрасывались налево и направо, и кому-то пришла в голову идея, чтобы, *тасать,* не переборщить и угодить райОНО, давайте всучим этому Бойко одну четверку. Ну и всучили. Эта серебряная медаль оказалась, по-моему, единственной на всю школу. И её получил наш цветнянский парень, мой друг Саша Бойко. Знай наших!

Александр Поликарпович поступил учиться в Днепропетровский медицинский институт на фармацевтический факультет (а может быть, институт назывался как-то по-другому, - Саша меня поправит). Химия была любимым предметом Александра Поликарповича. Когда он бывал на каникулах, а я в то время всё ещё «ошивался» вокруг да около нашего села Цветное, мы регулярно встречались, хотя времени для углублённых бесед, как правило, не хватало. Особенно мне запомнилась встреча зимой 1960-го года, когда Саша - знаток и любитель пиротехники запускал с нами для феєрверка ракеты собственной конструкции. Помню, я пришел с Володей Цышевским к нему вечером, чтобы быть свидетелями ночного «салюта». Разумеется, сначала мы за накрытым столом поужинали, тяпнув «для храбрости» по стопке-другой, а потом Саша повел нас в запорошенный снегом сад, где мы увидели «ракетно-пусковой комплекс», состоявший из двух деревянных стоек, вернее, из двух воткнутых в снег палок и перекладинки. Саша устанавливает в «боевое положение» штук 5 ракет, закуривает и тут же поджигает их заряды спичкой. Ракеты друг за другом взмывают в ночное небо, а мы любуемся этим зрелищем. Правда, потом по селу поползли слухи, что из усадьбы Поликарпа Бойко по ночам вылетает «перелесник». А в другой раз мы запустили такую же ракету летом, помнишь, Саша, у братской могилы павших воинов? Хорошо, что ракета сгорела без остатков в воздухе, а то вдруг бы упала на одну из крыш находившихся вблизи хат. А крыши в то время были в основном соломенными!

В 1961-м году Александр Поликарпович закончил институт и уехал по направлению работать в Донбасс, в район молодогвардейской столицы Краснодона. То ли в 1961-м, то ли в 1962-м году он там женился на Валентине Дмитриевне, - учительнице украинского языка и литературы, прекрасной души человеке. Вскоре после женитьбы

Саша и Валя побывали в Цветном. В доме Сашиных родителей сосотоялся званый ужин, на который среди прочих гостей был приглашен и автор настоящих воспоминаний. После этого судьба назначила нам следующую встречу лишь на июль 1970-го года. Она состоялась опять-таки в Цветном, в родительском доме Саши, куда мы, узнав о пребывании четы Бойко в селе, забрели вечерком с Женей Березовским. За это время у Саши и Вали родились два сына, -Андрей и Сергей. Александр Поликарпович закончил ещё один институт, кажется, заочное отделение Луганского (Ворошиловградского) педагогического института и работал учителем вместе с женой. К тому времени они приняли решение переселиться в Киев, поближе к малой родине Валентины Дмитриевны. Как решили, - так и сделали. В Киеве поступили на работу, купили в районе железнодорожной станции Дарница дом, приложили немало усилий для его перестройки, обустроили усадьбу. Наша же следующая после 1970-го года встреча сосотоялась через 20 лет осенью 1990-го года. Она произошла также в Цветном, на этот раз Саша нашел меня в доме моей матушки, где, кстати, в тот момент находился и мой дорогой друг Евгений Сергеевич Березовский. Мы очень приятно провели вечер. Александр Поликарпович работал тогда (и сейчас работает) в системе Академии Наук Украины. Это место работы и должность я упоминал вначале настоящих записок и не хочу повторяться. Скажу только ещё раз, что Саша успешно защитил диссертацию и ему была присвоена ученая степень кандидата химических наук. С тех пор мы поддерживаем друг с другом регулярную связь и не раз встречались. По крайней мере 1 раз в месяц обмениваемся телефонными звонками. Приятно. Сейчас Александр Поликарпович и Валентина Дмитриевна, естественно, пенсионеры, живут в своем доме на окраине Киева вместе с семьёй старшего сына. А вообще-то у них растут 5 внуков. К сожалению, и Саша, и Валя часто болеют, иногда оказываются на больничных койках. Увы! Жизнь не балует никого из нас. Ну а мне остаётся только пожелать им быть бодрыми и жизнерадостными, поменьше болеть, не забывать нашу дружбу. Я горжусь тобой, Александр Поликарпович!

Василий Семенович Бондарец
(Род. в 1937 г.)

О Василии Семеновиче Бондарце у меня очень мало сведений. Всё-таки он жил в Ружичево, а это хоть и один и тот же сельсовет, но места жительства разные. Поэтому, приезжая в отпуск, я вряд ли когда-нибудь смог бы выкроить время на поиски Василия в Ружичево. Но вот что мне доподлинно известно, - закончив 7 классов, Вася поступил через некоторое время на курсы шоферов и закончил их до призыва в Советскую Армию. Не удивительно, - и его отец, и старший брат Петр работали механизаторами. На эту же стезю ступил и наш Василий. До 1956-го года я несколько раз с ним встречался. Кроме того мы с ним вместе призывались на военную службу, и наши пути иногда пересекались В Елизаветградковском райвоенкомате. Раза два видел также Василия, мчавшегося по селу на старом, дымящем и пыхтящем мотоцикле марки «Цундап». В действующей армии мне служить не довелось, и об этом речь впереди, а Вася ушел на службу, и наши дороги по жизни разошлись ещё дальше. Один только раз произошла абсолютно случайная, совершенно неожиданная встреча на станции Цыбулево. Шел 1962-й год. Я тогда работал в качестве военнорабочего (это вместо службы) на погрузочно-разгрузочных работах в воинской части, которая занималась грандиозным строительством военного объекта в Беляевском лесу. В настоящее время об этом можно уже говорить открыто, потому что и военный объект и его заказчик Советский Союз больше не существуют. Так вот в обеденный перерыв я направлялся куда-то по той улице, что ведет в Елизаветградку. Вдруг я услышал пронзительный сигнал, исходивший от припаркованного на обочине дороги грузовика. Потом водитель машины окликнул меня по имени. Я оглянулся. Батюшки! Из кабины выскакивает Вася Бондарец. Мы крепко обнялись. Сумбурные приветствия, расспросы. Из разговора я понял, что Василий работает шофером на грузовике в одном из колхозов и сейчас направляется в Кировоград за каким-то грузом. А вот где находился тот колхоз, то ли в Кировоградской, то ли в Черкасской области, - ей-

богу, я забыл основательно. Надо было бы хоть записать. Мы оба спешили. Фыркнул мотор, Вася включил передачу, еще раз на прощанье посигналил, машина тронулась с места и скрылась за поворотом. Вот и всё. Больше Василия Семеновича Бондарца я никогда не видел и ничего о нем не слышал, не знаю даже, жив ли он. Хочется надеяться, что да. Желаю тебе, дорогой Василий Семенович, всего наилучшего. Помню о тебе всегда.

Владимир Васильевич Гончаренко
(Род. в 1936 г.)

Владимир упорно, целеустремленно шел к намеченной цели, - стать военным. Он тренировался в беге, прыжках в длину и высоту, играл в волейбол, занимался на спортивных снарядах. Володя оказался среди тех наших бывших одноклассников, кто потом учился в Выше-Верещацкой средней школе. Сразу же после её окончания он поступил в Казанское военно-авиационное училище, которое готовило специалистов-авиаторов для аэродромного обслуживания боевых самолетов. Через три года училище было успешно закончено, а Владимир Васильевич Гончаренко произведен в лейтенанты. Помню, как мы встретились осенью 1958-го года в нашем селе. Молодой, красивый, по-военному подтянутый лейтенант в ладно сидящей на нем униформе офицера ВВС. Признаюсь, я очень ему завидовал. Вскоре Владимир женился на симпатичной девушке Люде. Я был удостоен чести гулять на их свадьбе, пил, плясал, веселился вместе с другими гостями. Затем Володя и Люда отправились к месту службы молодого лейтенанта. Весной 1961-го года они приезжали в Цветное в отпуск с только что родившимся сыном, которого назвали в честь Гагарина Юрием. Вспоминаю, как мы сидели в хате его тещи на 2-ом хуторе, пили водку, вспоминали прошлое и говорили о будущем. Володе тогда исполнилось 25, а мне 24 года. В 1962-м году я уехал из Цветного, и мы не встречались до 1971-го года. Встреча в 1971-м была случайной, скоротечной, я в тот день уезжал в Москву, а он только приехал на побывку. Поговорить как следует не успели. Служил же Владимир Васильевич все время, по-моему, в Белоруссии. В семье Гончаренко родились ещё сын и дочь. В следующий раз наши пути сошлись летом 1977-го года в Цветном. Владимир носил уже погоны капитана, а я работал переводчиком немецкого языка в НИИ. Перед Владимиром замаячило на горизонте увольнение в запас, и теперь в отличие от 1962-го года никто из нас радужных перспектив строить не отваживался. Жизнь кое-чему научила. Мы расстались, чтобы ещё раз увидеться в июле 1979-го года. Эта встреча оказалась (пока) последней. После этой встречи мы даже обменялись парой писем, но потом переписка, как это часто бывет, заглохла. Позже я узнал, что Владимир Васильевич уволился в запас в звании капитана (роста не было из-за отсутствия высшего военного образования) и поселился с семьёй в городе Белая Церковь Киевской области. Примерно в это же время у них произошла страшная семейная трагедия, - трагически погиб в результате несчастного случая на производстве старший сын Юрий Гончаренко. Горе невыносимое. Но надо жить. В мае 1990-го года в Высших Верещакх состоялся вечер встречи выпускников десятых классов 1955-го года, - через 35 лет. Там присутствовали и Женя Березовский, и Саша Бойко, и Вася Ткач, и Толя Березовский, и Володя Гончаренко - все мои друзья. А мы с Владимиром Васильевичем не виделись вот уже 22 года, но ничего, я надеюсь и верю, что такая встреча у нас ещё впереди. Дал бы только Бог ему, его семье, мне и моей семье доброго здоровья. Уверен, что Владимир меня помнит и тоже хотел бы встретиться.

Николай Потапович Гончаренко
(1936 - 1973)

Николай тоже учился в Выше-Верещацкой средней школе и закончил её вместе с другими моими друзьями летом 1955-о года. Ему на момент сдачи выпускных экзаменов исполнилось 19 лет, и он после получения аттестата зрелости прямиком отправился в военкомат для получения повестки на прохождение службы в одной из воинских частей.

Так что до службы в армии он не успел никуда поступить на учёбу. Лишь уволившись в запас в 1958-м году, Николай Потапович поступил в школу лесного хозяйства в поселке Водяная возле Знаменки, которая готовила различных специалистов для этой очень важной отрасли. Школа была успешно закончена, и Николай поступил на работу в Янычанское лесничество, которое направило его на должность лесника на прилегающий к нашему селу участок леса. Здесь следует вспомнить, что село Цветное является пограничным пунктом по отношению к Черкасской области. Окаймляющий село полукругом лес принадлежит таким образом совершенно другому ведомству, а именно Янычанскому лесничеству Чигиринского района на Черкащине. Так что Николай Потапович поначалу жил в одной области, а работал в другой. Но вскоре он женился на родной сестре нашего Ивана Коржа Екатерине и переселился в домик на лесном кордоне, который хоть и находился по ту сторону отделяющего лес от села рва, считался как бы составной частью села Цветное, по крайней мере местная власть в лице сельсовета могла протягивать туда как руку помощи, так и щупальца контролирующей структуры. По прошествию некоторого времени у Коли и Кати родились двое детей, сын и дочь. Несколько раз я с Николаем виделся, но опять же проклятая спешка не давала нам возможности поговорить. Последняя встреча относится к осени 1970-го года. Я возвращался из отпуска в Москву, а Николай Потапович приезжал по каким-то делам в Александровку, где на автобусной станции мы случайно и встретились. Времени для беседы не оставалось никакого. Радостно поприветствовав друг друга, мы тут же и расстались. А весной 1973-го года Николая Потаповича Гончаренко не стало. Произошло трагическое событие, - неожиданная гибель лесника. Слухи ходили разные. Наиболее вероятная версия гибели Николая такова, - вроде бы напившийся до потери сознания Николай ехал на подводе один по лесу, свалилося с подводы в лужу (а лужи в лесу после дождей практически не высыхают никогда) и захлебнулся в вонючей жиже. Помочь было некому, а сам он находился в таком пьяном угаре, что выбраться из лужи без посторонней помощи не мог. Мне что-то не верится. Зная характер нашего Коли, - спокойного, уравновешенного, не очень-то много пьющего человека, вряд ли можно подумать, что с ним вдруг произошло такое нелепое приключение как безумная пьянка. Однако правда и то, что Николай не отличался богатырским здоровьем, то, может быть, ему слишком много пить и не требовалось, чтобы не помнить себя. Трудно судить, тем более сейчас, почти 30 лет спустя после этой загадочной смерти. Кое-кто утверждал, что Николаю Потаповичу «помог» отправиться в мир иной тогдашний претендент на место лесника, ныне тоже уже покойный Степан Дядюра, ехавший или шедший следом за подводой Николая. Но это досужие разговоры, которым я мало когда верю. В общем, и так не верится, и эдак не стыкуется. Похоронили Колю на нашем кладбище, несколько раз побывал у его могилы и я, боюсь, что теперь её найти было бы очень трудно, по крайней мере без проводников. Екатерина Лаврентьевна, оставшись вдовой, сама вырастила детей и одна ведет домашнее хозяйство. В середине 90-х годов ей пришлось пережить ещё одно страшное горе, - погиб от удара электротока сын Анатолий Гончаренко. Несчастье произошло дома в результате неосторожного обращения с оголёнными проводами. Вот такие несчастья свалились на одну семью. Так что давно уже нет с нами нашего гармониста, художника, фотографа, милого «Курдупеля» Николая Потаповича Гончаренко. Но мы, конечно же, бережно храним светлую память о нашем школьном товарище.

Пётр Маркович Гончаренко
(1935 - 1997)

Петр Маркович Гончаренко никогда никуда из села не уезжал. Всю свою жизнь он прожил и проработал в родном Цветном. Некоторое время после окончания семилетки Петя работал на самых различных должностях на положении простого клерка. То он что-то делал в конторе промартели им. Ленина (Петр, кстати, там рядом жил), затем работал делопроизводителем в сельсовете, то подвизался на какую-то должность в сельпо. Петр

Маркович страдал некоторыми физическими недостатками, связанными со строением грудной клетки, поэтому вопрос о прохождении воинской службы не возникал вообще. В военкомате ему вручили,как у нас говорят, «белый билет». Как я понимаю, наш Петуня по этому поводу не очень-то и огорчался. Он закончил где-то бухгалтерские курсы и после этого до конца своих дней проработал кассиром в колхозной бухгалтерии. Мало-помалу Петр Маркович пристрастился к вину и водке. По селу о нем ходили самые разные слухи, связанные с его выпивками. Кто-то утверждал, что он уснул в пьяном виде, закрывшись в кассе, ещё кто-то видел Петра на заднем сиденьи мчавшегося с невероятной скоростью мотоцикла, и голову Петя склонил чуть ли не до самой земли. А были упреки и похлеще. Якобы колхозный кассир наловчился извлекать из денежных пачек в банковской упаковке отдельные купюры, пуская их затем на пропой. Ясное дело, что в таком случае получавший зарплату колхозник, скажем, в сумме трех сот рублей одной пачкой не досчитывался определенной суммы от своих кровных прибылей. Честно говоря, я в это не верю. Такие трюки разоблачаются, как правило, очень быстро, и Петру Марковичу не пришлось бы так долго восседать в кресле «денежного бога», а он просидел в нем всю жизнь. Петра я видел часто, - практически в каждый мой приезд, но примечательно то, что я ни разу не встречал его пьяным. Наши беседы были приятными и иногда продолжительными, никаких намеков на совместную с ним выпивку я не слышал. Женился Петя рано, взяв себе в жены нашу сельскую девушку по имени Антонина Парамоновна. Она чуть постарше Петра. У них родились двое детей, - как и у Николая Гончаренко дочь и сын. Здесь я хочу подчеркнуть некий злой рок, который преследовал всех наших троих Гончаренко. Это случилось в начале 90-х годов. Вполне взрослый мужчина Николай Петрович Гончаренко, работавший пожарным в Киевской области (не в Чернобыле), пропал без вести. Уехал с места работы на побывку к родителям и туда не доехал, а назад не возвратился. Были организованы поиски, публикации в газетах, объявления по радио и телевидению - безрезультатно. Нет сына Петра и Антонины ни среди живых, ни среди мертвых. Вот такие ужасные дела у однофамильцев, - каждый из них потерял сына. Петр Маркович запил ещё сильнее. Перед его взором замелькали «весёлые картинки» из фондов белой горячки. Он сильно изменился, постарел, постоянно находился чуть ли не в состоянии прострации, но пока ещё работал. В конце августа 1994-го года мне довелось получать в колхозе для матери причитавшуюся ей как пенсионерке натуроплату в виде пшеничного зерна, за которое полагалось заплатить в колхозную кассу определенную сумму выкупа, получив взамен ордер на получение пшеницы. Деньги принимал мрачный, надутый и ни на кого не реагировавший Петр Маркович. Когда подошла моя очередь, Петя обернулся ко мне и спросил:

- *А ви в якій справі?*

Я, не веря своим ушам, ответил:

- *Петро, та невже ти мене не впізнав? Ми ж з тобою сиділи за однією партою!*

- *Хіба всіх запам'ятаєш?* – равнодушно ответил Петр и отвернулся. Я молча уплатил положенную сумму в купонах и тихо удалился. На Петра обижаться не стал. Помноженное на алкоголь большое горе сделало своё дело. Больше мы не виделись. Петр Маркович Гончаренко скончался осенью 1997-го года в возрасте 62 лет от болезней. Похоронен на цветнянском сельском кладбище. Могилу его я, к сожалению, не видел, но низко склоняю голову перед его памятью.

Леонид Устинович Гречка
(1936 - 1969)

Моему соседу по парте судьба отмерила самую короткую жизнь из нас всех. Леонид очень старался быть по учёбе наравне с лучшими учениками, но ничего не получалось, - не давались ему знания легко и непринуждённо как многим из нас. Ему требовались огромные усилия, много времени, чтобы осмыслить и выполнить то или иное задание. Осенью 1952-го года Леня закончил месячные курсы трактористов при Цыбулевской МТС и немного поработал в колхозе им. Сталина на колесном ХТЗ (помните начало трудового пути Вити Атамаса?). Летом 1953-го года он предпринял со

мной неудавшуюся попытку поступления на учебу в Знаменское ЖУ. Я уже писал о том, как директор училища устроил нам «мандатную комиссию», после которой мы никогда больше не испытывали свою судьбу на стальных магистралях, - отбил директор охоту. Осенью того же года Леонид подал документы в Цветнянскую среднюю школу и был принят в 8-й класс. К этому времени ему исполнилось 17 лет, возраст более чем предельный для ученика восьмого класса. Но тем не менее Леонид Устинович закончил 10 классов в 1956-м году и получил аттестат зрелости. Тянулся к нему парень что называется обеими руками. Повестка явиться на призывный пункт Елизаветградковского райвоенкомата не заставила себя ждать, и Леня спокойно, как он всегда и во всем поступал, отправился на службу в Советскую Армию. Помню его проводы, меня он тоже приглашал, но мне что-то помешало прийти. Служить Леониду Устиновичу довелось на одном из аэродромов ВВС в подмосковном городе Электросталь. Во время службы он даром времени не терял и познакомился там с девушкой, на которой женился сразу же после увольнения в запас. Жить остался у жены в Электростали, устроился на каком-то заводе, кажется, слесарем. Таким образом Леонид Устинович пополнил ряды нашего славного «гегемона» - рабочего класса. У них родились то ли два сына, то ли сын и дочь. Все складывалось вроде бы как нельзя лучше. Леню и его симпатичную молодую жену я видел летом 1959-го года, когда они сразу после женитьбы гостили у Лениных родителей на Бабенкивке. Больше мы не встречались. Иногда я спрашивал о Лене у его родной сестры Евгении Устиновны. Ничто не предвещало беды. А зимой 1970-го года моя мать сообщила мне в письме очень печальную весть, - в 1969-м году на 34-м году жизни скончался от сердечного приступа Леонид Устинович Гречка. Похоронили Леонида на кладбище в Электростали. Надо бы съездить на его могилу, здесь недалеко, но вряд ли я её найду. Не найду также и вдову или кого-нибудь из детей, - у меня нет адреса, а взять в Цветном у сестры я в свое время не удосужился. Вот так внезапно оборвалась жизнь нашего Лени Гречки, честного, доброго, трудолюбивого парня. Все мы тебя вспоминаем с теплотой в душе.

Раиса Фёдоровна Евсеенко
(Род. в 1936 г.)

Рая Евсеенко особых надежд на дальнейшую учебу не возлагала. Она не глупая девченка и понимала, что ей с её успехами ничего не светит. Поэтому Раиса действовала, трезво оценив свои возможности. По примеру многих ребят и девчат, она уехала, каким-то образом получив паспорт, в Донбасс и поступила там на работу. В дальнейшем её судьба оказалась типичной для большинства наших выпускниц. Работала, встретила хорошего парня, они полюбили друг друга и вскоре поженились. У них рордился сын Юрий. Виделся я с Раисой Фёдоровной всего лишь один раз. Это произошло в августе 1967-го года, когда мы оба гостили у своих матерей (отец Раи как и мой отец погиб на фронте). Встретились мы случайно на улице, узнали друг друга без каких-либо трудностей. Тогда мы ещё не успели состариться. Рая стала стройной, хорошо одетой женщиной, правда, нельзя сказать, чтобы красивой, но вполне симпатичной. Беседовали мы примерно на протяжении одного часа, рассказали друг другу о своем житье-бытье, вспомнили других наших одноклассников. Проживала Раиса в то время в Горловке, в собственном доме, не работала, - вела домашнее хозяйство, а её муж трудился в шахте. Одним словом, обычная шахтёрская семья, каких в Донбассе сотни тысяч. Пожелав на прощанье друг другу успехов, мы расстались. Прошло немало времени. Летом 1995-го года я спросил о Раисе Федоровне у её двоюродной сестры Валентины Ивановны Чернобай (Цеюковой), и Валя мне поведала, что все у её сестры нормально. Муж вышел на пенсию, сын женился, есть внуки. Что ещё нужно? Дай Бог, чтобы у тебя так все и сохранялось, как есть, дорогая Раиса Фёдоровна!

Владимир Сергеевич Козыренко
(Род. в 1937 г.)

Чем занимался всё лето 1952-го года Владимир, я теперь уже сказать не могу, но весной 1953-го года он уехал на сезонные работы в совхоз «Долинский». Сезонных работников принимали там на работу без паспортов. Осенью я снова увидел Владимира в Цветном. До самой весны он находился в родительском доме. В середине марта 1954-го года в Цветное поступила так называемая разнарядка из райцентра на отправку в школу ФЗО (фабрично-заводское обучение) города Днепродзержинска и в ГПШ (горно-промышленная школа) города Кривого Рога 20 юношей. В эту группу зачислили полудобровольно-полунасильственно и Владимира Сергеевича и автора данных записок. Иначе ни ему, ни мне вырваться из «не паспортизированного села» не удалось бы. Действовали по инерции пока что сталинские законы и нормы. И вот мы с Володей в 17-й группе школы ФЗО № 7 в Днепродзержинске. Ну что можно сказать о том нашем совместном пребывании в школе ФЗО? Сладким оно не было. А нам не исполнилось ещё и по 17 лет. Дружили ли мы во время учёбы? Трудно сказать. Близкими друзьями мы с Володей не были никогда. Просто земляки. Просто бывшие одноклассники. Просто в одной группе. Просто коллеги. Просто Козыренко. После окончания 6-месячного курса обучения, получив специальность слесаря-сантехника, Владимир был направлен на работу в город Молотовск (сейчас Северодвинск) Архангельской области (я тоже попал в Архангельскую область, но обо мне речь пойдет чуть ниже). Не зря же наш мастер группы Алексей Матвеевич Дорда говаривал, когда мы его допекали своим поведением:

- *Вы у меня чистые как золото высшей пробы, но я вас, подлецов отправлю всё-таки на Север!*

Пребывание на Севере длилось недолго. К весне 1955-го года Север не досчитался ни Козыренко, ни меня. А вот где работал Владимир Сергеевич после Молотовска и до призыва на воинскую службу, - не могу вспомнить. Служил он в морской авиации на одном из прибрежных аэродромов. Помню, как он после увольнения в запас приехал к матери и недели две щеголял в военно-морской униформе (морские авиаторы носили форму военных моряков). Потом Владимир работал в разных местах. Женился на цветнянской девушке по имени Нина. В начале 60-х годов ему предложили пойти на сверхсрочную военную службу , он согласился и отправился с семьёй к месту службы в вертолетный полк , который дислоцировался в городе Александрия Кировоградской области. Там он и прослужил до самой пенсии. В семье Козыренко родились две дочери, Владимир и Нина построили дом, в котором живут и по сей день. Военные рано уходят на пенсию. Владимир Сергеевич тоже уволился в запас полон сил и энергии, где-то там же на аэродроме и работает, так сказать, в гражданском платье. Порой мы встречались. Он часто наведывался на своей машине в Цветное, где проживала его недавно скончавшаяся мать. Особых объятий между нами не было.

- *Здорово! Как живешь?*
- *Да так себе, потихоньку.*
-*Как семья? Работа?*
- *По-старому*...и т. д.

Последний раз мы виделись в июле 1999-го года. Я шел по дороге, как вдруг возле меня остановился автомобиль марки «Москвич». Из неё вышел, чтобы поздороваться со мной Владимир Сергеевич Козыренко с уже морщинистым лицом, но ещё с пышной, хотя и совсем седой шевелюрой на голове. Традиционный обмен стандартными фразами, и машина скрылась из виду…

Алексей Агеевич Койда
(Род. в 1937 г.)

В Высших Верещаках Алексей проучился не очень долго, закончил только восьмой класс. В девятый класс ходить не захотел и попросился (то бишь подал документы) во

вновь открывшуюся Цветнянскую среднюю школу, разумеется, снова в восьмой класс. Таким образом потеря темпа составила у Алексея Агеевича один год. Но ничего. Койда успешно закончил среднюю школу и поступил в Полтавский строительный институт. Там же чуть раньше учился и его двоюродный брат Валентин Койда. Хочу отметить, что братья были очень дружны, не то что, как мы помним, Атамас и Отрищенко.
Получив после окончания института в 1961-м году диплом инженера, Алексей Агеевич то ли был призван, то ли ушел добровольно служить в Советскую Армию в звании лейтенанта. Алексей оказался единственным дипломированным инженером, вышедшим из нашего 7-го «а» класса. Кроме него никто больше не стал заниматься инженерным делом, тем более строительным. Я с ним встретился ранней осенью 1961 –го года, когда Алексей, одетый в новенькую форму с погонами лейтенанта, отправлялся к месту службы. Случилось так, что мы после этого не виделись вот уже 40 лет. Служил Алексей Агеевич в инженерно-строительных войсках (на то и диплом инженера в кармане). Прослужил долго. Ребята, кто с ним встречался, рассказывали мне о нем. Длительный период времени Койда находился на службе в Монголии, там ведь тоже дислоцировались наши войска. Наконец, в середине 80-х годов Алексей Агеевич уволился в запас и поселился в Украине, в городе Черкассы. Дослужился наш Алик до звания полковника, с тем и отправился на покой. В Цветном у него теперь никого нет. Его родители умерли, а хату он продал. Знаю, что у него два сына, жена, кажется, учительница. Мне очень хотелось бы повидаться с Алексеем Агеевичем, но не знаю, удастся ли в оставшейся жизни. Время ведь сейчас очень трудное.

Прасковья Саввична Комар
(Род. в 1935 г.)

Дорогая, милая Пашенька! О тебе я вспоминаю и пишу эти строки с особой любовью! Эта моя любовь не затрагивает глубоких чувств, возникающих между мужчиной и женщиной. Здесь речь идет о братской любви и уважении к умному, доброму, порядочному человеку. Судьба не баловала Пашу Комар. Когда она закончила 7 классов, ей уже исполнилось 17 лет. Мачеху не очень-то беспокоила судьба падчерицы, но она все-таки как-то сумела отправить её к дальним родственникам в Крым (и в этом случае нужно было добывать паспорт). Ранним холодным октябрьским утром 1952-го года Прасковья Саввична уехала из дома и оказалась на станции Семь Колодезей (сейчас станция переименована), что находится в нескольких десятках километров южнее Азовского моря. Там Прасковья поступила на работу в рыбоконсервном заводе. Я получил от Пашеньки несколько полных оптимизма и юмора писем, на которые охотно ответил. Жаль, что я их не сохранил. Работала Паша хорошо, её быстро оценили и полюбили в цехе. От родственников она перебралась в общежитие, чтобы быть независимой. Виделись мы всего лишь один раз летом 1959-го года, когда она гостила у мачехи. Это уже была не та Паша с косичками, которую мы привыкли видеть в классе. Передо мною стояла, улыбаясь, стройная, симпатичная, хорошо по тем временам одетая девушка с красивой прической. Мы очень долго говорили. Паше шел 23-й год и она собиралась выходить замуж, благо от женихов не было отбоя. Такие невесты долго в девках не засиживаются. Юмор не покидал Прасковью Саввичну никогда. Помню, она,сделав серьёзное лицо, вдруг предложила мне:

- *Гриша, давай я привезу или вышлю тебе морскую фуражку с крабом, она очень подойдет к твоей физиономии.*

Я ответил:

- *В таком случае привези сюда в корыте и кусок моря, иначе где же мне носить такую красивую фуражку?*

Мы долго смеялись. Вскоре Паша уехала и вышла замуж за отличного парня, работавшего шофером. Они жили, как говорила мне её мачеха, очень дружно и счастливо. Бог подарил им сына и дочку. Они построили свой дом. Прасковья Саввична уже не работала и вела домашнее хозяйство, заботясь о родном очаге. В данный момент я о

Прасковье Саввичне ничего не знаю. Но хочется верить, что она и её семья живы-здоровы. Шлю Пашеньке свой пламенный привет от всей души!

Иван Лаврентьевич Корж
(Род.в 1936 г.)

Иван не был бы самим собой, если бы пустил свою судьбу не самотек. Нет, не такой у Ивана Лаврентьевича характер. Он прекрасно понимал, что учиться ему дальше не нужно - не потянет, и Ваня решил добывать себе надежный кусок хлеба с помощью приобретения специальности. Разумное решение! Для этой цели Иван уехал осенью 1952-го года в Николаев устраиваться в одно из ремесленных училищ, связанное с морским делом. В РУ наш Ваня, по всей видимости, не поступил, но каким-то образом оказался на курсах электросварщиков при судостроительном заводе. Он закончил эти курсы и был принят на работу сварщиком в одном из заводских цехов. Вы, дорогие друзья, надеюсь, представляете себе, что значит работать сварщиком на сборке судов. Сварные швы на судах испытываются самым строгим образом, и квалификационная комиссия предъявляет к сварщикам очень высокие требования. Нагрузки на корабли в морской пучине, будь то надводные суда или подводные лодки, невероятные. Ответственность сварщиков опирается не только на знания и умения, но и прежде всего на собственную совесть. Иван Лаврентьевич эти испытания выдержал. С тех пор и началась трудовая деятельность нашего непоседы Коржа в городе на берегу Черного моря. Парень он от природы смекалистый, расторопный, ловкий и неуловимый, - профессию свою полюбил и освоил её как первоклассный специалист. Уже к началу 60-х годов Иван стал аттестованным сварщиком и ему доверяли самые сложные и ответственные работы. Виделся я с Иваном Лаврентьевичем всего два раза, когда он заглядывал в село погостить, а я тогда ещё жил в Цветном. Иван превратился в стройного, со вкусом одетого юношу с городскими манерами, охотно рассказывал мне истории из его работы и быта в Николаеве. Помню, от него я впервые услышал стихотворный анекдот, который затем можно было встретить в любой точке Советского Союза. В этом анекдоте заколючался ответ на извечный вопрос, - кому на Руси жить хорошо:

Хитрому татарину,
Юрию Гагарину,
Герману Титову,
Никите Хрущеву,
Леониду Брежневу
Остальным по-прежнему!

Стало быть, эта встреча происходила как минимум после августа 1961-го года (полет Титова). Брежнев же тогда подвизался в первый раз Председателем Президиума Верховного Совета СССР, во второй раз он осчастливил нас этой должностью в июне 1977-го года. Но речь не о нем, будь он не ладный, а о нашем друге Иване Корже. Второй же раз мы встретились на автобусной остановке в селе Красноселье в начале сентября 1963-го года. Я только что женился и мы с Людой уезжали из Цветного в Москву. А Ваня ожидал попутный транспорт на Цветное, он только что вышел из Знаменского автобуса. Встреча длилась не более пяти минут. Поговорить не успели, только поздоровались и, обнявшись, попрощались. Подошел наш автобус. С тех пор прошло много лет. Я периодически справлялся об Иване Лаврентьевиче у его сестры Кати Гончаренко. Иван женился, получил квартиру, всем своим существом прирос к заводу. У него трое детей, всё нормально. И вот летом 1999-го года я встретил в Цветном другую сестру Ивана Нину Лаврентьевну и спросил у неё о его делах. Нина сказала мне, что Иван на пенсии, но ещё работает мастером участка в сварочном цехе. Времена на заводе трудные, заказов мало, но Иван как-то держится, не унывает. Слава Богу, здоров. Дети взрослые, есть внуки. Я попросил сестру непременно передать Ивану Лаврнтьевичу мой дружеский привет и пожелать ему и его семье добра, всяческих благ, успехов и, конечно же, хорошего здоровья.

Мария Прокоповна Коцур
(Род. в 1935 г.)

Мария Прокоповна является единственной моей соученицей, о которой у меня нет практически никаких сведений и с которой я после окончания семилетки ни разу больше не встречался. Как только Маша закончила школу, вся семья Коцуров, - отец, мать, Маша и её брат Николай (маленький «Пацюк») навсегда покинули наше село и уехали искать лучшую жизнь на Кубань. Всё! С тех пор о Марии Прокоповне Коцур ни слуху, ни духу. Никто её не видел, вряд ли она писала кому-нибудь письма. По крайней мере я ничего такого не слышал. Один только раз, уж не помню, кажется, в 1958-м году моя мать слышала от кого-то через третьи-четвертые руки, что якобы Мария Прокоповна работала на Кубани в какой-то лаборатории и училась в вечернем техникуме. Однажды стоял сильный мороз с ветром (на Кубани? Впрочем, всё возможно), а Маша шла против ветра и обморозила себе лицо. Вот такая байка, в которую можно и верить, и не верить, но это единственная имеющаяся в загашнике моей памяти не проверенная и не подтвержденная весточка о Марии Прокоповне. Как сложилась её судьба, какая у неё семья, кем она работала, наконец, жива ли она в настоящее время, - ничего неизвестно. Но мы помним нашу Машу Коцур. *Адже ж так, Маріє Прокопівно?*

Виталий Никитич Носенко
(1938 – 1998)

Виталий тоже оказался среди тех, кто начинал обучение в Выше-Верещацкой средней школе. Но он как и Алексей Койда после окончания 8-го класса принялся повторять его курс в Цветнянской средней школе. Здесь я ещё раз убеждаюсь в том, что будь открыта средняя школа на один год раньше, наш класс стал бы ядром создававшегося 8-го класса. Не исключаю, что совет Алексею и Виталию повторить курс восьмого класса и закончить среднюю школу в Цветном давали Андрон Маркович и соответственно Никита Петрович с Домахой Павловной. Но 10-й класс Виталий закончил в 1956-м году в отличие от Койды… с золотой медалью. Всего лишь год назад лучший выпускник, пожалуй, района получил лишь серебряную медаль, а тут вдруг пошел золотой дождь, случился прямо-таки медальный прорыв из окружения. Среди выпускников Цветнянской средней школы оказалось ни много ни мало 8 медалистов! Пять золотых (Анатолий Москаленко, Николай Коваленко, Тамила Гончаренко, Владимир Гненный и, наконец, Виталий Никитич Носенко) и 3 серебряных (родной брат Николая Коваленко Михаил, Людмила Мазуренко а вот третьего серебряного медалиста не помню). Слов нет, я был искренне рад за Виталия, поздравлял, хвастался перед всеми, что мы учились в одном классе, но… Не нужно было проводить глубокий анализ, чтобы выявить, что из нашего, не боюсь этого слова, знаменитого 7-го «а» золото досталось, оказывается, лишь одному выпускнику - Виталию Носенко. Но победителей не судят. Тем более, что прошло уже 45 лет и, к сожалению, Виталия Никитича нет в живых.

Сделаю отступление. Мне вспоминается один случай, произошедший на заводе шлифовальных станков в Москве, где я работал в 60-е годы. Как-то к нам в заводской клуб нагрянул ныне здравствующий гроссмейстер Давид Бронштейн, чтобы дать сеанс одновременной игры на 25 досках. Помню, как достойные внимания гроссмейстера заводские шахматисты пришли утром на работу со своими шахматными досками, потому что на заводе держать такую уйму досок было бы просто нелепо. Я находился среди участников данного события, разумеется, в качестве зрителя-болельщика. Еле дождались конца рабочего дня и галопом помчались в клуб. За первую доску сел заместитель директора завода Гешкенбейн, которого, впрочем, среди сильных шахматистов завода никто никогда не обнаруживал. Бронштейн с блеском обыграл партнеров на 24 досках. Но в партии с Гешкенбейном вдруг я слышу:

- *А с вами я предлагаю ничью.*

Это Бронштейн Гешкенбейну! Мне стало стыдно за гроссмейстера, потому что даже я видел, как можно было выиграть у замдиректора. Гешкенбейн густо покраснел и еле слышно выдавил из себя:

- *Я согласен.*

Чёрт возьми! Бронштейн хотя бы додумался, чтобы Гешкенбейн проиграл ему как-то достойно, ну скажем, в цейтноте. Но проиграл бы! А то ничья! Но ларчик-то просто открывался! На завод гроссмейстера заманил именно Гешкенбейн. Он же договорился с гроссмейстером и о сумме гонорара, который последний получал в кассе в сопровождении замдиректора. Нельзя было обыгрывать работодателя?! Ну это так, - некая аналогия. В разных местах и в разное время Виталий Носенко и Гешкенбейн побывали в одинаковой, не законно содранной шкуре. Прости меня, Господи!

Виталий же поступил учиться в Одесский фармацевтический институт, который через некоторое время был переведен в Запорожье (или, может быть, наоборот?). Как бы там ни было, Виталий Никитич закончил институт и некоторое время работал по направлению в Донбассе. Летом 1962-го года я видел Виталия в Цветном. Он приехал тогда на побывку с молодой симпатичной девушкой. Нет, ещё не женой, женился он позже и оказался в Киеве. Мы больше не виделись. Но я частенько встречался в Цветном с Никитой Петровичем. Он информировл меня в определенной степени о делах Виталия. Жена родила ему двух дочерей, всё было бы хорошо, но Виталий по словам отца стал всё чаще и чаще приходить домой под хмельком. Ясно, что это не могло привести к добру. В конце 70-х годов Никита Петрович и Домаха Павловна оставили в Цветном принадлежавший школе дом и переехали на постоянное место жительства в Киев или под Киев, - поближе к сыну. В дальнейшем я на некоторое время потерял семью Носенко из виду, а в 90-е годы узнал от Саши Бойко, что он, оказывается, работал с Виталием Никитичем в одной системе и даже иногда с ним встречался. Короче говоря, Саша располагал некоторой информацией о Виталии. Эта информация становилась всё тревожней и тревожней. Виталий разошелся с женой, продолжал пить. Надолго слегла без движений разбитая параличем Домаха Павловна. Бедный Никита Петрович разрывался на части, пытаясь спасти Виталия и облегчить участь Домахи Павловны. Ему не удалось спасти сына от падения по наклонной плоскости. Да и что он мог сделать в отношении парализованной жены? В августе 1998-го года мне сообщил Саша, что Виталий Никитич Носенко скончался и похоронен на одном из киевских кладбищ. Вот так трагически завершилась судьба упрямого, настырного, но в то же время доброго, преданного дружбе, честного человека. А Никита Петрович и, повидимому, Домаха Павловна остались жить, вернее сказать, не жить, а мучиться на этом суровом и несправедливом белом свете. Сейчас даже о них ничего не знаю. Молю Бога, чтобы он принял их к себе в тишине и спокойствии.

Мария Марковна Павловская
(Род. в 1938 г.)

Мария Марковна Павловская, - полная тёзка и родная сестра учительницы русского языка и литературы (по отцу от второго брака, - Марко Павловский имел двух дочерей по имени Мария), единственная из девочек нашего класса, кто учился в Выше-Верещацкой школе. Всего из 7-го «а» класса учебу в 8-м классе в Высших Верещаках начинали 9 человек: Анатолий Березовский, Александр Бойко, Владимир Гончаренко, Николай Гончаренко, Алексей Койда, Виталий Носенко, Мария Павловская, Юрий Хмара и ваш покорный слуга. А закончили 10 классов именно в Высших Верещаках только 4 человека: А. Березовский, А. Бойко, В. Гончаренко и Н. Гончаренко. Маша Павловская закончила 8-й класс и поступила затем в Чигиринский бухгалтерский техникум. После его окончания работала где-то бухгалтером (где именно, - я не знаю). Знаю только, что позже Мария Марковна вышла замуж за жителя г. Кировограда. Жили они в своем доме, скорее всего этот дом принадлежал мужу Марии. Они часто бывали в Цветном. Мария Марковна познакомила меня со своим мужем. Его звали Николаем. Николай показался мне (да в

сущности он таким и был) красивым, приветливым и добродушным молодым человеком. Один раз они пригласили меня и ещё кого-то в дом Машиных родителей. Мы там хорошо погуляли, горланили на всю улицу песни. Мария любила петь, и голос у неё очень звонкий. До моих ушей даже сейчас доходит из далекого 1945-го года незабываемое декламирование Машей стихотворения о зверствах фашистов на нашей земле:

Ту калину - ніжний цвіт
Німці порубали…

Вскоре я уехал и больше Марию Марковну не видел и ничего о ней не знаю. Родители её умерли, братья и сестры разъехались кто куда. Из родных Маши Павловской в селе никого не осталось. Что с ней, где она сейчас, сохранилась ли её семья, есть ли дети, живы ли она и Николай? - всё покрыто мраком. Но верю в лучшее и желаю Марии Марковне всяческого благополучия.

Мария Трофимовна Пасечник
(Род.в 1937 г.)

Пожалуй, самая серьёзная, дисциплинированная и трудолюбивая Маша Пасечник могла бы, я думаю, поступить после десятилетки в любой институт. Но Мария Трофимовна решила иначе. Она как и Мария Марковна поступила в Чигиринский бухгалтерский техникум (только после 7 классов) и блестяще его закончила. С тех пор она с бухгалтерским учетом уже никогда не расставалась. Работу Маша получила, скорее всего по распределению, в должности помощника бухгалтера колхоза в селе Высокие Байраки, что находится в нескольких десятках километров от Кировограда. Там и прошла вся её жизнь. Вышла замуж, пошла на повышение в качестве заместителя главного бухгалтера, поступила на заочное отделение Харьковского финансово-экономического института (помните, там когда-то учился наш математик и физик Василий Васильевич Лобач?), успешно его закончила, и после того как главный бухгалтер ушел на пенсию, по праву заняла его место. Странное дело (вернее, ничего в этом странного и нет), но не могу вот вспомнить, когда я в последний раз виделся с Марией Трофимовной. По всей видимости очень давно, лет 40 – 45 тому назад.Но сведения о Маше поступали мне в каждый мой приезд от её родного брата Ивана Трофимовича, живущего также неподалеку от дома моей матери. Кроме Ивана и Марии в семье Пасечников были ещё две дочери - Галина и Александра, но именно у Марии Трофимовны долгое время находилась разбитая параличем мать. Это говорит о многом, что связано с добрым сердцем нашей одноклассницы. В настоящий момент матушки уже нет в живых, а Мария Трофимовна, дай Бог ей здоровья, продолжает, будучи пенсионеркой, работать главным бухгалтером крупного колхоза или как он там по-нынешнему назывется.

Павел Саввич Просяник
(Род. в 1935 г.)

После окончания школы Павла Саввича я как-то выпустил из виду. Близкими друзьями мы не были, жили в разных концах села, каждый из нас кинулся устраивать свои дела, и неудивительно, что исчезновение Павла из села осталось мной не замеченным. В армии он служить не мог, - у него очень плохое зрение (это сейчас призывают на службу и слепых, и кривых, и глухих, разве что только не слепо-глухо-немых). Но в Цветном Павел Саввич не находился - это уж точно, иначе бы мы когда-нибудь случайно встретились. Время пролетело как на крыльях. Мой друг Василий Ткач любит повторять, - время летит как мысль. Я часто вспоминал по очереди (и вспоминаю) своих друзей-одноклассников, и когда очередь доходила до Павла Просяника, ломал себе голову, - ну где он мог оказаться? И вот летом 1999-го года, беседуя с Юрием Близна в Цветном на сельском рынке-базаре я вдруг вспомнил и Павла Саввича. Юрий как теперь уже постоянный житель села и знающий других его обитателей спокойно мне ответил:

- *А ты спроси у его сестры Надежды. Вон она, кстати, идет.*

- Где? А ну пошли!

Юрий познакомил меня с Надеждой Саввичной, и я, представившись, немедленно спросил у неё о Павле. Сестра охотно мне ответила, что Павел Саввич Просяник жив-здоров, проживает в селе Ивановка Ново-Украинского района Кировоградской области, работает в местном колхозе главным механиком по сельхозтехнике, женат, имеет 3 взрослых детей, внуков, когда-то давно закончил Кировоградский техникум механизации сельского хозяйства. Ещё она добавила, что Павел Саввич, к сожалению, часто болеет и постоянно вспоминает своих друзей из седьмого «а» класса и спрашивает о них. Мы с Юрием попросили Надю передать Павлу Саввичу наш искренний привет и пожелание больше не болеть, быть бодрым и всегда помнить наш 7-й «а» класс.

Григорий Федосеевич Соколовский
(Род. в 1937 г.)

Ну, о самих себе мы, в том числе и я, знаем такое! И столько! Если бы я начал сейчас подробно описывать все свои похождения, весь жизненный путь, всю свою судьбу, то получилась бы отдельная книга воспоминаний, и здесь не хватило бы на это изложение ни места, ни времени, ни сил. Поэтому в отношении самого себя я ограничусь только хронологией без особых комментариев. Итак, в конце июня 1952-го года я вместе с Александром Бойко принес документы в Выше-Верещацкую среднюю школу. Как мы их сдавали на базаре Смалыусу и Хименко, вы уже знаете. Проучился я в 8-м классе (это был 8-й «б» класс) одну четверть и оставил школу. Всю зиму 1952-53 г.г.просидел дома на печке, которую мы с матерью (сестра Анна уехала в сентябре 1952-го года к тетке в Москву, и это отдельная история) топили приносимыми мной «на горбу» дровами из рощи (байрак). Летом я немного поработал в колхозе им. Сталина, как я уже писал, «за матір». Мать моя все-таки уговорила меня, чтобы я снова подался в 8-й класс в Цветном, и я сдался, согласился, хотя не был уверен, что я там долго продержусь. Ну не хотелось учиться, хоть убей! И действительно, ходил я в Цветнянскую среднюю школу две недели и опять заартачился, встал на дыбы, не пойду больше в школу и всё тут! Какой бес во мне орудовал, - не знаю. Учиться не буду, приобрету рабочую специальность и буду работать. Меня никак не покидала дурацкая романтика сталинских пятилеток. Я многому верил в советской пропаганде. «Жариный петух» клюнет меня в одно место чуть позже.А пока что я как и в прошлую зиму «кантовался» дома, не зная куда себя деть. В конце марта мне было предложено по известной разнарядке поступить в школу ФЗО в Днепродзержинске и учиться там на сантехника. Мне не оставалось ничего другого как воспользоваться этой возможностью и я, облегченно вздохнув, отправился туда вместе с Володей Козыренко. Школу ФЗО закончил в конце сентября 1954-го года (6-месячный курс обучения). На работу был направлен под Архангельск в рабочий поселок Ворошиловский (сейчас он называется, естественно, по-другому). Там строился огромный целлюлозно-бумажный комбинат. Его первая очередь к тому времени уже вступила в строй. Попробовав самостоятельно работать в условиях хотя и не крайнего, но все-таки Севера, я наконец-то расстался с романтикой. Продержался недолго. Удрал из Ворошиловского в марте 1955-го года и, озираясь по сторонам, вернулся в родное село, оставив под Архангельском кое-какие документы. Куда же теперь деваться? В колхоз! Вот так! Сначала прилагал максимум усилий, чтобы из колхоза вырваться, затем сам, добровольно в него возвратился. Круг замкнулся. Это «жареный петух» меня ещё не клевал, только примерился к одному месту. В колхоз меня, конечно же, приняли, туда всегда всех принимали. Сначала я поработал около двух месяцев в колхозной кузнице молотобойцем, затем пристроился прицепщиком на тракторе. Меня быстренько нашли те компетентные органы, которым это полагалось по долгу службы, и осудили за самовольный уход с работы к 6 месяцам принудительных работ по месту жительства с вычетом из зарплаты (из трудодней!) 25% в пользу государства. Да, да! Тогда ещё действовали сталинские законы (всё называлось сталинским, даже урожаи, если вы помните), и людей судили за

множество мелких проступков. Сегодня никто никого не судит за куда более серьёзные преступления. Вскоре после суда статья УК, по которой меня судили, была отменена Верховным Советом СССР, и моя судимость осталась без последствий, разве что только хранится на одной из полок моей памяти. Я решил доработать уж в колхозе до призыва на воинскую службу, которая припадала на осень 1956-го года. Так я и сделал. После тракторной бригады я попробовал свои силы на самых разных, в основном грязных и не благодарных работах. Повестка явиться на призывной пункт в Елизаветградку была выписана на 14-е октября 1956-го года. Меня провожали, как и положено в наших краях, с музыкой и песнями, но я опоздал, прибыл на призывной пункт где-то через один час после тог, как моя команда отправилась дальше в облвоенкомат. Мне пришлось обратно отправляться домой, благо заменить меня в то время кем-нибудь особого труда не составляло. Каждый призыв имел человек десять в запасе. До нового 1957-го года военкомат меня не трогал. Так что же, снова ждать осени и работать в колхозе? «В те времена далекие, теперь почти былинные» в армию призывали один раз в году, - осенью. Опять в колхоз не хотелось. В начале марта 1957-го года я снова отправился на поиски счастья, а лучше сказать на поиски приключений на свою ж… Мой путь пролег на освоение целинных и залежных земель в Кустанайскую область Казахстана. При этом я никак не прятался от призыва в армию. Армия тогда считалась у нас всех святым делом. Я, как и положено по закону, снялся с призывного учета и по прибытию в Казахстан встал на учет в Тарановском военкомате Кустанайской области. На целине я работал опять-таки прицепщиком на тракторе ДТ-54, а по сути дела трактористом. Людей не хватало. Ни хрена я там, извиняюсь, не заработал и осенью того же 1957-го года вернулся в родные края. В колхоз! Уж не зря моя мать как-тов сердцах изрекла:

- *Що ти крутишся, як те г…о в ополонці? Оце тобі з колгоспу та в колгосп!*

Направить меня в ту осень на службу в армию не успели ни в Казахстане, ни в Украине, хотя я снова снялся с учета там и встал на учет здесь. Умора! Вот биография, - залюбуешься! Сам создавал себе трудности и успешно их преодолевал. Всю зиму 1958-го года отдыхаю, а весной что же? Господи, в колхоз! Целое лето проработал на колхозном кирпичном заводе. Правда, завод - это громко сказано. Просто кустарное производство кирпича с помощью пары лошадей, ещё одной пары волов да наших рук. Осенью снова принесли повестку явиться на призывной пункт в райвоенкомат. Начальник четвертой части старший лейтенант Малахов долго оценивал этого ненормального призывника, сверстники которого уже готовились к увольнению в запас, затем, тяжело вздохнув, сказал мне:

- *Принеси фотокарточку и получай военный билет.*

Это означало, что я получаю отсрочку на неопределенное время, впредь до особого распоряжения. Он меня, кажется, просто пожалел. После этого я в колхозе уже больше никогда не работал. Именно в это время, когда моя трудовая деятельность колхозника заканчивалась, и произошла единственная встреча с Варварой Александровной Шевченко. Оставив жалкое кирпичное производство (сложенные из такого кирпича «сооружения» непременно после приличных дождей разваливались), я еще некоторое время работал в колхозной бригаде в полном смысле этого слова «куда пошлют». С декабря 1958-го года по июль 1959-го года мне пришлось временно потрудиться грузчиком на местных лесоразработках. Работать там было очень тяжело, а зарабатывал, как и везде, очень мало, - не квалифицированный труд. С июля 1959-го по август 1960-го года занесла меня нелегкая на разные работы в Цветнянскую промартель им. Ленина.

Летом 1960-го года развернулись большие строительные работы на военном объекте в Беляевском лесу, и я с большой группой односельчан был принят туда на работу опять-таки грузчиком. Проработал я там около двух лет. Работа адская, - приходилось выгружать из вагонов лес, доски, пропитанные креозотом шпалы и мачты ЛЭП, цемент, щебёнку, гравий, не гашенную известь. Особыми заработками тоже не могу похвастаться. Но здесь есть одно «но». Этот каторжный труд был зачтен мне как воинская служба, и меня после этой каторги не трогал впредь ни один военкомат. К концу срока работ на военстрое, как мы окрестили объект, я, угнетенный непосильным трудом и изрядно

«заклеванный жареным петухом», впервые задумался над тем, а что же будет дальше? Ведь у меня по сути дела нет никакой специальности, не считая сантехника, а проще говоря, ассенизатора-золотаря. На подобных военстрою работах я быстро согнусь, и кому я тогда буду нужен? Через 10 лет после окончания семилетки передо мной во весь рост встал вопрос дальнейшей учебы. Пока не поздно, следует всеми силами продолжить учебу и приобретать серьёзную специальность. Но где? Как? В селе это не осуществимо. И я решил уехать в какой-нибудь большой город, поступить там на работу и учиться на первый случай в вечерней школе. Да, вот что ещё, - во время заработанного на военстрое краткосрочного отпуска, который я проводил летом 1961-го года у тетушки в Москве, я познакомился со скромной, очень симпатичной девушкой Людой Голубковой. После моего отъезда из Москвы (а познакомились мы, собственно, в поезде) мы долго переписывались и убедились в том, что нравимся друг другу. Люда закончила Московский технологический институт пищевой прмышленности, защитила диплом инженера-механика и работала затем на этой должности в научно-исследовательском институте. А я в конце июля 1962-го года съездил в Знаменку и там в агенстве по организованному набору рабочей силы «завербовался» на работы в шахтостроительный трест «Донецкшахтостроймонтаж». Попал я в город Красноармейск Донецкой области и был зачислен слесарем-монтажником (ну какой из меня монтажник?!) в одну из бригад шахтостроя (на поверхностные работы, все-таки хватило ума). Главным оказалось то, что в Красноармейске работали несколько школ рабочей молодёжи, в одну из которых я и отнес документы. В конце августа 1962-го года меня пригласили в школу на собеседование. Помню, молодой завуч, пожалуй, мой ровесник, после нескольких заданных мне вопросов и полученных на них ответов сказал мне:

- *Вам не стоит терять один год, вы и так много потеряли (*он чуть было не сказал *растранжирили), идите в девятый класс, в восьмом вам делать нечего.*

Так я и сделал. Этот проведенный в Красноармейской школе рабочей молодежи год, когда я учился в 9-м «б» классе, мне запомнился как очень веселое, ничем не обремененное время учебы после 10-летнего перерыва. Предметы давались мне легко, никаких особых трудностей с освоением учебного материала я не испытывал, да и старался я изо всех сил, - соскучился по учебе! Запомнился математик Алексей Михайлович Первушин - очень подготовленный, эрудированный, острый на язык и не лишенный чувства юмора педагог. Может быть, все математики такие? Вспомним Василия Васильевича Лобача, да и Хименко из Высших Верещак слыл человеком далеко не ординарным. В середине урока Алексей Михайлович обязательно устраивал в классе 5-минутный перекур в полном смысле этого слова. Он открывал окно, закуривал сам и приглашал к окну ещё 2-3 курильщиков для компании, больше не разрешал, потому что дым из окна валил как из настоящей кузницы. Да, это была уже другая школа, отличавшаяся от нашей Цветнянской семилетки почти что по всем компонентам. Класс наш был очень дружным, - все молодые, здоровые, бодрые и веселые. О старости в то время ещё никто из нас не думал. Рядом со школой находился городской парк культуры и отдыха. Когда наступила весна 1963-го года, оттуда доносились громкие звуки музыки с танцплощадки. Молодая учительница истории Тамара Сергеевна не выдерживала таких мучений и частенько вместе с нами «срывала» урок, убегая на танцплощадку. Дирекция смотрела на такое безобразие сквозь пальцы. Но я и на этот раз отвлекся.

Закончился год моего «вербовочного соглашения», а я закончил девятый класс средней школы. Куда же теперь? Можно было, конечно, оставаться в Красноармейске и продолжать работать на шахтострое, никто не возражал, но проблему решила сама жизнь. Мы договорились с Людой обязательно встретиться и встретились в августе 1963-го года в Цветном у моей матери, решив навсегда связать наши судьбы воедино семейными узами. Мы поженились и уехали в Москву. Там я сначала работал грузчиком (не привыкать!) в тресте «Центродорстрой», год у меня снова пропал даром, - я не успел к 1-у сентября поступить в вечернюю школу, которая находилась буквально под самыми окнами дома, где мы с Людой жили. В феврале 1964-го года я поменял место работы, поступив слесарем-сборщиком на Московский завод шлифовальных станков, и осенью

того же года отправился в школу рабочей молодежи при нашем заводе (и завод, и школа находились практически во дворе нашего дома). Не буду больше останавливаться на том, как я учился в этой школе, скажу только, что весной 1965-го года я успешно закончил среднюю школу и получил аттестат зрелости. Между окончанием семилетки и десятилетки пролегла пропасть в 13 лет! Но я теперь уже не тот мальчишка, которого мог так злобно высмеять директор Знаменского ЖУ, я многое узнал и понял. Понял, что никто тебя не будет жалеть и никто о тебе не будет заботиться, - ни комсомол, ни партия, ни , даже боюсь этого слова, Родина. Всё надо решать самому. И я решил. «Не глядя себе под ноги», поступать в ни много, ни мало 1-й Московский Государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Авантюра! Я тогда даже не мог себе представить, что означает этот престижно-блатной вуз. Упомяну только в качестве примера, кто там в разное время учился: гроссмейстер, экс-чемпион мира по шахматам Василий Смыслов, дочь маршала Г. К. Жукова Элла Георгиевна, дочь В. М. Шукшина Мария, сын Андрей а потом и внук Антон Бориса Полевого (Андрей и Антон Камповы), дети дипломатов, деятелей культуры и искусства а также прочего бомонда. И я туда же! Да ещё после заводской вечерней школы! Если бы я осознавал тогда, куда я лезу, я бы скорее умер от страха, нежели готовился бы к вступительным экзаменам. Но я готовился и поступил, слава Богу, закончил этот не простой вуз (а есть ли простые вузы?), получил диплом преподавателя немецкого языка в средних и высших учебных заведениях. Учась на 5-ом курсе, оставил, наконец, работу на заводе, который, спасибо ему, всячески способствовал моей учёбе на вечернем факультете, и поступил на работу в должности переводчика научно-технической литературы в отдел информации научно-исследовательского института химического машиностроения. 3-го июля 1969-го года я впервые в моей жизни пришел на работу в костюме с галстуком. Вот бы видела Варвара Александровна! В НИИХИММАШ'е я проработал 23 года, стал квалифицированным переводчиком, встречался на переговорах с самыми различными немецкими гражданами, - и хорошими, и не очень хорошими, и откровенными фашистами (главным образом, как ни странно, из тогдашней ГДР). Всего не опишешь. За время работы в институте и после него побывал в Германии около 25 раз, а точнее 23 раза, причем в самых разных местах, - от Гамбурга до Мюнхена и от Берлина до Ахена. Это тоже особая тема воспоминаний. Ушел из НИИХИММАШ'а в 1992-м году после развала СССР и гибели практически всех научных центров Москвы. Говоря о гибели, я выражаюсь, естественно, образно. До выхода на пенсию работал ещё в двух скороспелых и поэтому быстро прекративших своё существование коммерческих структурах тоже в качестве переводчика. Но там я в общем-то числился, а занимался в основном частными переводами как специалист свободной професии. Пока здоровье позволяет, занимаюсь этим делом и сейчас, - прожить на пенсию пока что практически невозможно.С Людмилой Фёдоровной мы прожили вместе уже 38 лет, срок немалый, и в нашей семейной жизни бывало всякое. Но мы вырастили и воспитали сына Алексея Соколовского, которому сейчас 36 лет. Он также закончил институт иностранных языков, но учился на факультете английского языка. Работает переводчиком на одной из фирм. Здоровье наше с Людой, конечно, уже не то, что было когда-то. Но крепимся, держимся. Нам в настоящее время особенно трудно, потому что мы с Людой ухаживем ещё и за моей матерью.

Вот такая у меня судьба, такая биография. Пожалуй, ни у кого из нашего 7-го «а» класса не было такого сложного, запутанного, иногда правильного, а иногда совсем абсурдного жизненного пути. Я не виноват. Так получилось.

Лидия Степановна Сухая
(Род. в 1937 г.)

Тоненькая, худенькая, изящная Лидочка Сухая, кажется, и не пыталась продолжать учебу после окончания семилетки. Вот уж точно и не помню, но она вроде бы училась на курсах кройки и шитья в Чигирине. Во всяком случае Лидия Степановна начала свой трудовой путь. На мой взгляд (наверно, я ошибаюсь) ей пришлось туго, - но Лида, как это

часто бывает с физически не очень крепкими людьми, явно не пала духом и нашла своё место в жизни.Случилось так, что с её родными сестрами Раисой и Надеждой я встречался частенько, а вот с самой Лидией Степановной мне довелось увидеться лишь один-единственный раз, да и то при странных обстоятельствах. Летом 1960-го года, когда я работал в промартели им. Ленина, мне и ещё одному рабочему был выдан наряд погрузить в кузов грузовика закупленный в карьере камень. Это известный в наших краях каменный карьер, который находился, да, наверно, ещё и сейчас находится за лесом, возле хутора Гненный. Мы заканчивали погрузку, когда в карьер въехала какая-то машина, в кузове которой сидели несколько девушек. Среди них почему-то оказалась и Лида Сухая. Зачем они заехали в каменный карьер, откуда и куда они направлялись, - теперь я ума не приложу. Помню только, что к погрузке булыжников девушки не имели никакого отношения. Машина заехала туда по каким-то другим причинам. Тем не менее девушки спрыгнули с машины, и мы с Лидой, безусловно, мгновенно узнали друг друга. Прошло ведь не так много времени - всего лишь 8 лет после окончания школы. Ясно, что поговорить нам как следует не пришлось. Никто не предполагал задерживать машины из-за нашей неожиданной встречи.

- *А ты? А когда? А как?*

Вот и весь разговор. Сумбурные воспоминания. Я только очетливо запомнил смеющееся лицо Лидии Степановны и её запоздалый шутливый упрек в мой адрес:

- *Ты был противным, не давал мне списывать решения задач по алгебре из своей тетради.*

Да, действительно, противным я был и не давал списывать. Каюсь. Так это и было. Случайное рандеву в каменном карьере закончилось. Моя машина была уже нагружена, и шофёр поспешил нажать на стартер.И с тех пор мы больше не виделись. Безусловно, Раиса Степановна мне не раз говорила о том, где находится её сестра Лидия, я со своей стороны тоже спрашивал её о ней, но, честно говоря, я напрочь забыл. Точно помню только, что в конце пятидесятых годов Лидия Степановна оказалась в Кировограде, а вот чем она там занималась, где работала, вышла ли замуж, - сейчас не могу вспомнить. Шли годы, о Лидии Степановне я ничего не знал. Выехали из Цветного и Раиса, и Надежда. Их родители умерли. Но Лидочку я , конечно, помнил и помню, как и всех остальных вас, мои дорогие друзья! И вот буквально в прошлом 2000-м году я получаю письмо от Саши Бойко, в котором он пишет, что в очередной раз посетил могилы матери и отца на цветнянском кладбище. Происходило это посещение в начале мая. Среди прочих новостей Саша сообщил мне, что там же, на кладбище видел Раису Степановну и Лидию Степановну Сухих (возможно, они сейчас уже и не Сухие). Рая болеет, с трудом передвигается с помощью палок и костылей, но она женщина боевая, мужественная и как может борется с недугами. А Лидия Степановна по словам Саши такая же худенькая, сухонькая (оправдывает свою девичью фамилию), тоненькая, ясно, что уже далеко не девушка, даже не сорокалетняя женщина. Время идет! Я очень рад, что хоть Саша с ней встретился, значит, жива-здорова, и это самое главное. Я так понимаю, что она проживает где-то поблизости от Цветного, скорее всего в том же Кировограде (Раиса, например, живет в Высших Верещаках). При встрече с Сашей расспрошу его о Лидии Степановне поподробней. Был бы рад и сам её увидеть, но сейчас это трудно осуществить. Желаю Лидии Степановне успехов, всяческих благ и доброго здоровья!

Мария Ивановна Хлевицкая
(Род. в 1936 г.)

Несмотря на очень хорошую успеваемость в школе, Маше так и не пришлось продолжить учебу. Маша нигде не училась и не покидала родное село вплоть до весны 2000-го года. Причин тому несколько. Где-нибудь учиться Марии Ивановне было бы очень трудно с материальной стороны, - отец погиб на фронте, в семье подрастала ещё её младшая сестра Нина, мать не смогла бы обеспечить нормальную учебу двум дочерям. Маша пошла работать в «дорогой, родной и близкий» колхоз. Вскоре она вышла замуж.

Наверно, не вышла, а её выдали. В мужья ей достался наш односельчанин Григорий Матвеевич Кукса (полный тезка того Куксы, который выдал меня с потрохами в 1-м классе вместе «шедевром живописи»). Брак оказался не долгим и не прочным. Вскоре его пришлось расторгнуть, Маша ушла от мужа, взяв с собой маленькую дочь. Продолжала работать на колхозных полях. Некоторое время спустя, вышла замуж во второй раз. Её второй муж Владимир Остапович Заволока тоже работал в колхозе механизатором. У них родились два сына. Горе пришло в семью Марии Ивановны и Владимира Остаповича, когда их старший сын Юрий Заволока погиб в Афганистане (я уже об этой трагедии упоминал и не буду повторяться). Надо было жить дальше, надо было терпеть по поводу невосполнимой утраты. С Марией Ивановной я виделся практически в каждый мой приезд. Вспоминали наш класс, расспрашиали друг друга о работе, о семьях и пр. После гибели сына Мария Ивановна сильно изменилась, осунулась, постарела, сделалась более замкнутой. А осенью 1997-го года скоропостижно скончался и её муж Владимир Остапович. Дочь и младший сын живут с семьями и работают то ли в самом Херсоне, то ли под Херсоном (ну как тут не вспомнить бесстрашного матроса Железняка, который, несмотря на своё геройство и бесстрашие, все же плохо знал географию, - шел на Одессу, а вышел к Херсону, по крайней мере, так поётся в песне). Мария Ивановна продолжала жить в Цветном совершенно одна. Дети решили забрать мать поближе к себе, они уговорили её продать хату и переселиться в район Херсона. Там же живет, кстати, и сестра Марии Ивановны Нина. Весной 2000-го года Маша уехала к детям и внукам, предварительно отправив туда на грузовике часть своего домашнего имущества. Надо же было так случиться, что Мария Ивановна покидала родные края именно в тот день, когда я приобретал на станции Фундуклеевка (это собственно наш райцентр Александровка) железнодорожные билеты для себя и моей матери, чтобы тоже навсегда уехать из Цветного. И мы встретились в Александровке. Мария Ивановна должна была ещё заехать к своей родственнице и ждала её в отделении связи, куда я зашел, чтобы отправить в Москву телеграмму. Поговорили мы минут десять, не больше. Маша мне сказала:

- *Їду до дітей. Буду їм там хоч борщ варить, а то їм буде трудно сюди їздить, коли я стану немічною.*

Ой! Как ты права, Мария Ивановна! Я-то знаю! Пожелал я ей доброго пути, мы расцеловались, понимая, что вряд ли ещё когда-нибудь встретимся. На глазах у Маши выступили слезы. Подошла родственница, Мария Ивановна взяла в руки какую-то сумку, и они вышли из зала отделения связи. Уже на улице Маша оглянулась, я помахал ей через окно рукой…

Юрий Мефодьевич Хмара
(Род. в 1938 г.)

Юрий проучился в 8-м классе Выше-Верещацкой школы около двух недель, да и то являлся в школу не каждый день. Нет, не тянуло Юрия Мефодьевича к учёбе. Очевидно сама природа создала его для продуктивного физического труда. Более трудолюбивого человека среди моих одноклассников вряд ли могу назвать. После безуспешной пробы учиться в средней школе Юрий пошел работать в колхоз им. Сталина. Кем он только там ни работал! И рядовым колхозником, и кучером сначала на бригадирском а затем на председательском фаэтоне, и учетчиком полевой бригады, и ещё кем-то. Родное село Юрий Мефодьевич покидал на 3 года всего лишь один раз в жизни, когда был призван на воинскую службу защищать страну. После увольнения в запас он в течение двух лет трудился грузчиком на строительстве военного объекта в Беляевском лесу. Мы с Юрой работали в одной бригаде, состоявшей из 6 человек. Лично свидетельствую, что Юрий Мефодьевич работал честно, добросовестно, на самых трудных участках работы. Его не надо было понукать, подгонять. Создавалось впечатление, что тяжелейший труд, который выпал тогда на нашу долю, даже приносит ему удовольствие. Поняв, наконец, как и многие из нас, что эта каторга не принесет нам ничего хорошего кроме ухудшения здоровья, Юрий Мефодьевич уволился, возвратился в колхоз и поступил учиться на курсы

механизаторов. С тех пор и по нынешний день он трудится комбайнером на полях у нашего села. Он может работать на комбайнах или тракторах любой марки, любого назначения - хлебоуборочные, силосоуборочные, свеклоуборочные и другие машины, - все под силу опытному, знающему механизатору Юрию Мефодьевичу Хмаре. О его работе писалось в местных, областных и даже республиканских газетах, говорилось по радио, Юру награждали всевозможными премиями и подарками. Как ни странно, но во время моих приездов в село, а я всегда старался правдами и неправдами подогнать отпуск на июль или август месяц, мы практически не встречались. В эти месяцы Юрий очень редко бывал дома, днем и ночью не покидал свой комбайн, там дорог каждый час, каждая минута. Пишу об этом без ложного пафоса, это действительно так. Все же иногда мы виделись, радостно друг друга приветствовали, вспоминали школьных друзей, совместную работу на военстрое. В свое время Юрий Мефодьевич женился на девушке Татьяне, которая работала заведующей сельской библиотекой. Родом Таня из одного из сел нашего Александровского района. Построенный Юрием и Татьяной дом - полная чаша. Жалко только, что Бог не послал им детишек. После распада страны распался и без того не очень крепкий колхоз им. Дзержинского. Юрий Мефодьевич как мог боролся за сохранение тракторной бригады, но ничего из этого не вышло. Все-таки один в поле не воин. Юрий плюнул на всё, отремонтировал бесплатно списанный комбайн СК-4 и с его помощью обмолачивает хлеб на частных приусадебных участках односельчан, - в основном ячмень для корма домашних животных и птиц. Для людей добро, и ему заработок! В личном хозяйстве Юрия и Татьяны есть всё, - добротные постройки - дом, сарай, гараж, погреб и т. д. Кроме того Юрий содержит в своем хозяйстве красавца-коня, есть и телега. Конь ухожен, чист, сыт. Недаром же когда-то в школе Юра любил рисовать лошадей! В начале июля 1999-го года Юрий и Татьяна пригласили меня и гостившего тогда в Цветном нашего друга Василия Ткача к себе в гости. Настал тихий теплый вечер. Стол Таня накрыла в саду под яблоней. На столе стояло всё, что требуется для задушевной беседы, - не стану перечислять. Таня вскоре ушла отдыхать, а мы просидели чуть ли не до первых петухов. Пили, ели, вспоминали. Юрий Мефодьевич, естественно, пенсионер, как и все мы. Но этот человек будет трудиться до тех пор, пока не останется никаких сил. Дай же Бог ему и здоровья, и сил!

Владимир Григорьевич Цышевский
(Род. в 1937 г.)

Скромный, застенчивый, спокойный, я бы даже сказал осторожный и рассудительный Володя Цышевский поступил после семилетки в Чигиринский бухгалтерский техникум. Среди девочек из наших трех седьмых классов, поступивших на учебу туда же, он оказался, пожалуй, единственным представителем мужского пола. Путь в науку у Владимира Григорьевича был прямым и целенаправленным, не то что у некоторых других, например, у меня, да и то сказать, какое я имею отношение к науке? Техникум Володя закончил в 1956-м году с отличием, его направили на работу в должности бухгалтера в колхоз села Белозерье Смелянского района Черкасской области (Черкасская область была образована в 1954-м году). Но проработал там Владимир Григорьевич недолго. Осенью 1956-го года его призвали на службу в армию, служить довелось ему в далеком Сталинабаде (ныне Душанбе). Из армии он писал мне письма, я ему непременно на них отвечал. Письма с точки зрения грамматики отличались абсолютной грамотностью, ни единой ошибки! Прямо из армии, не дослужив несколько месяцев до окончания положенного срока, Владимир Григорьевич был отпущен для сдачи вступительных экзаменов в Киевский государственный финансово-экономический институт. Тогда такие методы поступления в вузы близких к увольнению в запас воинов практиковались часто. Всупительные экзамены Владимир сдал успешно и был зачислен студентом первого курса на дневном факультете данного института. Шел август 1959-го года. Далее последовали годы учебы в Киеве, - то ли 5, то ли 6 лет. Незадолго до окончания института Владимир женился на киевлянке. Жену зовут Раиса. У них родилась

дочь Лариса Цышевская. Получив диплом экономиста, Владимир Григорьевич работал в различных финансовых учреждениях Киева. Я их, конечно, не знаю и не буду гадать, как они назывались. Через некоторое время Цышевский в процессе работы защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата экономических наук. Мне в Москву Володя прислал авторский экземпляр реферата к защите диссертации с дарственной надписью. Я очень ценю этот подарок и бережно его храню. Пролетели годы, несколько раз мы встречались в Цветном, когда гостили у родителей. Последняя встреча состоялась в конце июля 1989-го года опять же в Цветном. Тогда Володя гостил вместе с Раей у матери (отец давно умер). После распада СССР мы почему-то даже до сих пор не обменялись письмами. Очевидно, в этом мы виноваты оба. Мы знаем точные адреса и телефоны друг друга, никаких взаимных претензий между нами не существует, но, наверно, нас попутала какая-то, может быть, старческая лень, - не пишем, не звоним, и всё тут! Хотя я, например, знаю, что в сентябре 1998-го года Владимир Григорьевич Цышевский и Василий Евтихиевич Ткач посетили Александра Поликарповича Бойко в день его шестидесятилетия. Это очень хорошо. Так что мне известно, что Володя Цышевский и его семья, слава Богу, живы-здоровы. Он сейчас с пенсионным удостоверением в кармане, наверно, ещё работает в каком-то финансовом институте по повышению квалификации экономистов в качестве преподавателя. А я буду всё-таки надеяться на нашу с ним встречу и желаю ему и его семье самых наилучших благ и доброго здоровья.

Зинаида Ефимовна Шмыголь
(Род. в 1938 г.)

Дорогая ты наша Зиночка! Последняя ты у нас по алфавиту, но я тебя не забыл, да и все мои письма-воспоминания частенько вертелись вокруг твоего имени, потому что именно с тобой связаны многие веселые, а иногда и грустные, но несомненно, добрые, человеческие эпизоды нашего школьного житья-бытья.
Неважно, что Зинаида Ефимовна училась в общем-то не очень успешно. Упорство, настырность, врожденная смекалка помогли ей, безусловно, поступить во все тот же облюбованный нашими выпускницами (и выпускником) бухгалтерский техникум в Чигирине. Зина закончила его и её направили на работу в один из колхозов в Западной Украине, кажется, в Тернопольской или, может быть, в Волынской области. Она мне и говорила, но я забыл. О своей работе и семье Зинаида поведала во время нашей с ней единственной встречи осенью 1960-го года. Я об этом уже писал в связи с историей под названием «Зина Шишлюк». В Западной Украине Зинаида Ефимовна, по всей видимости, времени даром не теряла и с присущим ей упорством искала себе жениха. И правильно делала! По её словам всё у неё прекрасно устроилось. Она вышла замуж, родила , кажется, дочку, работала себе потихоньку бухгалтером в колхозе. Что ещё надо? Я должен похвалить Зинаиду Ефимовну за её старания и целеустремленность. В настоящее время у меня о Зиночке нет, к сожалению, никаких сведений. Да и в Цветном в этом смысле не густо. Родители давно умерли, брат Дмитрий куда-то выехал, может быть, даже к сестре. Характерно и то, что их никто никогда не видел у могил родителей в поминальные дни. Кладбище сейчас является единственным местом в Цветном, где нет-нет да и увидишь кого-нибудь из старых школьных друзей. Но Зинаида Ефимовна не появлялась там, наверно, уже очень давно. Жива ли она? Всё может быть, мы не молоды. Но если жива, то мир её дому и долгих ей лет жизни.

Ну вот теперь, кажется все! Закончились и мои выстраданные письма, и постскриптум к ним. Почти что в течение целого года я вспоминал вас, дорогие друзья, снова пережил вместе с вами такие трудные и в то же время радостные и беззаботные школьные годы, часто видел вас во сне и разговаривал с вами, спорил, доказывал, соглашался, не соглашался. На старости лет вы стали для меня ещё ближе и роднее.

Настоящие записки ни в коей мере не претендуют на какой-нибудь литературный жанр. Это мои личные воспоминания в письмах к друзьям-одноклассникам. Как вспомнил, - так и записал. Они не могут быть нигде опубликованы, даже в стенной газете (если таковые ещё где-нибудь сохранились), потому что здесь буквально все фамилии,имена и отчества реальные, не вымышленные. Записки предназначены для нашего, так сказать (тасать) «служебного пользования». Их могут читать только бывшие ученики 7-го «а» класса Цветнянской семилетней школы, их друзья и близкие, мои друзья и знакомые. Если же кто-нибудь после моей смерти захочет все же их опубликовать, то нужно будет над этими письмами как следует поработать, тщательно отредактировать, поменять имена реально живших людей. Но это вряд ли произойдет. Я долго размышлял над тем, как мне назвать воспоминания, перебрал множество вариантов, наконец, остановился на весьма нейтральном и в то же время, как мне кажется, привлекающем внимание названии: «Вспомнить, пока не поздно!» Да, дорогие мои одноклассники, сейчас ещё не поздно. Если кто-нибудь из вас прочтет мои неотправленные к вам письма - просьба, не судите меня строго. Многое забылось, кое-что может показаться искаженным, ведь писал я исключительно по памяти. Мной были использованы только два подлинных документа той поры, - фотография 4-го «в» класса за 1949-й год да мое личное свидетельство об окончании 7-го класса. Я охотно и безропотно приму любые ваши замечания и любую критику в мой адрес. Тогда можно было бы внести и соответствующие поправки, дабы записки выглядели стройнее и правдивее, - моя память могла меня подвести. Надеюсь, очень надеюсь, что с некоторыми из вас я ещё обязательно встречусь. Надежда, как известно, умирает последней. А помнить вас всех я буду до той последней минуты, за которой уже ничего не нужно - ни надежд, ни воспоминаний.

Июль 2000 - июнь 2001 г.
Москва